Э. Г. ГАФФЕРБЕРГ

БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Э. Г. ГАФФЕРБЕРГ • БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н Н МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Э. Г ГАФФЕРБЕРГ

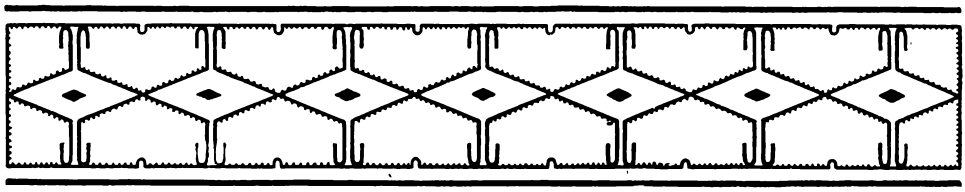
БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ОЧЕРКИ ХОЗЯЙСТВА, МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1969

Ответственный редактор
С. М. АБРАМЗОН

1—6—2
86—69 (I пол.)



ВВЕДЕНИЕ

В Советском Союзе в строительстве коммунизма участвуют многочисленные нации и народности, различающиеся как по своему историческому прошлому, так и по экономике, культуре и быту. Изучение многообразия различных путей и форм национального развития каждой этнической группы в общем процессе создания нового, коммунистического общества — одна из важных проблем советской этнографической науки.

С этой точки зрения представляет интерес проживающая в Туркмении национальная группа белуджей, являющаяся небольшой частью почти двухмиллионного белуджского народа, территория расселения которого, расположенная на юго-востоке Иранского нагорья, разделена государственными границами Пакистана, Ирана и Афганистана. В Туркменской ССР белуджи проживают в долине р. Мургаба, в Иолотанском, Туркмен-Калинском и Байрам-Алийском районах. Численность их в СССР по переписи населения 1959 г. — 7800 человек, из них в Туркменской ССР — 7626 человек [1] (остальные—в Таджикской и Казахской ССР). Учитывая ежегодный естественный прирост населения, можно считать, что сейчас белуджей в Туркмении намного больше.

Изучение развития хозяйства, материальной жизни и культуры белуджей Туркмении интересно еще и потому, что белуджи в прошлом были исконными кочевниками-скотоводами, еще сравнительно недавно легко переселявшимися на новые места. Опыт их перехода от полукочевого, а иногда и кочевого, к оседлому образу жизни в условиях наших среднеазиатских республик представляет интерес с точки зрения решения общих задач изживания кочевничества как такового.

Первые переселенцы-белуджи появляются в Туркестане, главным образом в южной его части, т. е. в нынешней Туркмении, в конце XIX—начале XX в. Статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. упоминает белуджское общество в Байрам-Алийском районе в составе 936 человек.

В одном из документов Центрального государственного архива Туркменской ССР (далее ЦГА ТуркмССР), а именно в протоколе заседания

---

[1] Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР. М., 1963, стр. 28, табл. 53. Сведения о численности белуджей за рубежом см.: том «Народы Южной Азии» серии «Народы мира» (М., 1963, стр. 754).

Явным недоразумением является опубликованная в работе М. Г. Пикулина цифра численности белуджей в СССР 40 тыс. (см.: М. Г. Пикулин. Белуджи. М., 1959, стр. 35).

Серахского районного революционного комитета от 1 VIII 1919 о наборе добровольцев в Красную Армию из коренного туркменского населения, пункт 3-й гласит: «Слушали телеграмму от Реввоенсовета о наборе добровольцев из туркмен и белуджей в ряды Красной Армии».[2] Следовательно, в 1919 г. уже было известно о проживании белуджей также и в Серахском районе. Причиной постоянных передвижений белуджей по обширным пространствам Ирана, Белуджистана, юго-западной и северо-западной частей Афганистана лишь в отдельные периоды их истории являлись вторжения чужеземных завоевателей (эфталитов, сельджуков, монгол и др.). Более постоянными факторами, толкавшими их к переселению, были недостаток пастбищных и орошаемых земель на занимаемых ими территориях и тяжелое положение широких масс земледельцев и рядовых скотоводов-общинников, находящихся в кабальной зависимости от крупных феодалов, сардаров и ханов, что связано с развитием феодальных отношений. По рассказам самих белуджей, в Афганистане к гнету феодальной эксплуатации присоединялись притеснения и произвол афганских чиновников. Насколько остро еще до недавнего времени стоял в Афганистане земельный вопрос, можно видеть из постановления специального совещания при СНК Туркменской ССР от 12 I 1929 по поводу землеустройства белуджей и других нацменьшинств Туркмении в районах Теджен, Серахс, Тахта-Базар, Иолотань, Мерв и Байрам-Али. В постановлении предлагается производить «учет хозяйств и поселение всех национальных меньшинств... независимо от наделения землей белуджей, имея в виду, что всякие слухи о землеустройстве нацмен вызывают приток новых безземельных из-за границы».[3]

Белуджи Туркменской ССР — выходцы преимущественно из Афганистана, большей частью из местности Чехансур[4] в Афганском Сейстане. Встречаются и выходцы из Иранского Сейстана. Белуджский язык — балучи — принадлежит к северо-западной группе иранских языков. По звуковому составу он близок к среднеперсидскому языку. Описанные до сих пор белуджские диалекты разделяются на две группы: восточные, или индо-афганские (у И. И. Зарубина — северная группа), содержащие много заимствований из синдхи, и западные (у И. И. Зарубина — южная группа),[5] включающие множество персидских и арабских слов. Имеются и фонетические различия между этими группами. Язык белуджей Туркменской ССР одинаков с языком белуджей Хорасана и представляет собой особый диалект западной группы.

Вместе с белуджами в Туркмению переселилось и некоторое число брагуи, дравидоязычной народности, живущей по соседству или вперемежку с белуджами на территории расселения последних в Пакистане, Иране и Афганистане и постепенно ими ассимилируемой. У белуджей Туркмении этот процесс почти закончен; брагуи Туркмении называют себя белуджами племени брагуи, хотя часть их, особенно старики, знают свой язык.[6]

Первым этнографом, посетившим переселившихся в Туркменскую ССР белуджей, был профессор И. И. Зарубин. В 1927 г. он совершил поездку

---

[2] ЦГА ТуркмССР (Ашхабад), ф. 128, оп. 1, д. 1, л. 1.

[3] Протокол совещания при СНК ТуркмССР по вопросу о белуджах от 12 I 1929. Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 228, оп. 5, д. 88, л. 2. Речь идет об учете и землеустройстве других национальных меньшинств, так как переселялись в Туркмению не только белуджи.

[4] Чехансур — город и район в Фарахской области Афганистана.

[5] И. И. Зарубин. К изучению белуджского языка и фольклора. Записки коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930.

[6] В Иране брагуи также причисляют себя к белуджам. В справочнике «Современный Иран» (М., 1957, стр. 639) брагуи включены в список белуджских племен Иранского Белуджистана.

в Мервский округ с целью выяснения расселения, численности и основных особенностей малоизвестных иранских групп Туркменистана — белуджей, бербери, джемшидов и хазара и опубликовал первые краткие сведения об этих группах.[7] Им же впервые были зарегистрированы поселения брагуи на территории СССР.[8]

В 1929 г. среди белуджей Туркмении работал отряд Среднеазиатской этнологической экспедиции Академии наук СССР под общим руководством акад. В. В. Бартольда, собравший полевой этнографический материал и богатую коллекцию предметов и фотографий по их культуре и быту.[9]

В 1949 г. белуджей посетил научный сотрудник Института этнографии АН СССР Я. Р. Винников, собравший полевой этнографический материал по их хозяйству и быту, позднее им опубликованный.[10]

Рис. 1. Тип белуджа в современной одежде (один из основных информаторов автора Ханмамед Аллададов с сыном).

В 1958 г. среди белуджей работал отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством автора с целью сбора сведений о расселении и численности белуджей в Туркменской ССР, а также о их хозяйстве и материальной культуре для дополнения главы «Белуджи» в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира». Материалы этой поездки опубликованы как в журнале «Советская этнография»,[11] так и в указанной выше главе.

Основным источником для написания данной монографии являются оригинальные полевые материалы автора, собранные во время поездок к белуджам Туркмении в 1959, 1960, 1961, 1962 и 1967 гг. Автором использованы также полевые материалы и коллекции экспедиции 1929 г., имеющие исключительную научную ценность, так как они были собраны непосредственно после переселения белуджей из Афганистана. Эти коллекции содержат большое количество предметов, в настоящее время редко

---

[7] Отчет о научных командировках и экспедициях Академии наук СССР за 1927 г. Л., 1928, стр. 247—248.

[8] Там же, стр. 248.

[9] Отчет о научных командировках и экспедициях Академии наук СССР за 1929 г. Л., 1930, стр. 303. Коллекции предметов (3993), негативов (4059, 4060, 4061) хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР (далее везде МАЭ) в Ленинграде.

[10] Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР. СЭ, 1952, № 1, стр. 85—103.

[11] Э. Г. Гафферберг. Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. Журнал «Советская этнография» (далее везде СЭ), 1960, № 1, стр. 112—125.

встречающихся у белуджей Туркмении или вовсе исчезнувших из их быта. Коллекции и полевые материалы 1929 г., сравнительно небольшие по объему материалы 1949 г., опубликованные Я. Р. Винниковым, архивные материалы, а также собственный расспросный материал автора дают возможность изучения хозяйства и материальной культуры белуджей Туркмении в динамике, с момента переселения из Афганистана до настоящего времени.

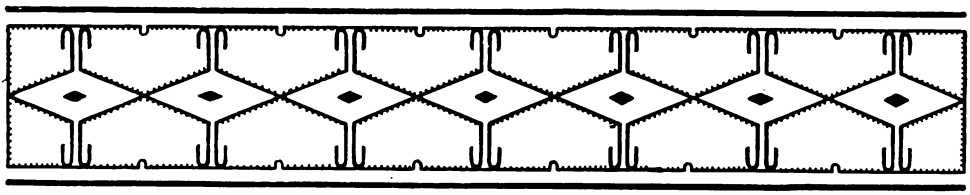
* *
*

В настоящей работе некоторые звуки, не передаваемые знаками русского алфавита, даются в фонетической транскрипции. Таких знаков три: *ṭ* — переднеязычный, взрывной, глухой согласный, напоминающий английское t; *ḍ* — переднеязычный, взрывной, звонкий согласный, напоминающий английское d; *ƶ* — глубокозаднеязычный звонкий спирант.

В сборе полевых материалов, фотографировании и зарисовках большая помощь была оказана автору сотрудниками Института этнографии А. И. Кузьминой, Л. Г Розиной и Л. А. Булановой и художниками А. В. Кручининым, В. Кузнецовым и С. В. Цорн, участвовавшими в отдельных поездках Белуджского отряда Среднеазиатской экспедиции. Всем этим лицам автор приносит искреннюю благодарность, так же как и всему коллективу сотрудников сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР, за повседневную помощь в подготовке настоящего труда.

Автор пользуется также случаем выразить горячую благодарность всем друзьям-белуджам за теплый прием, за помощь в работе и постоянную готовность сообщить все интересовавшие его сведения.

Свою признательность автор выражает также местным партийным и советским учреждениям и организациям, оказывавшим помощь и внимание отряду при выполнении им своих задач.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ, ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА И РАССЕЛЕНИЯ БЕЛУДЖЕЙ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Литературные данные, имевшиеся у различных авторов, и собственные материалы по племенному составу, истории и расселению белуджских племен в Пакистанском Белуджистане и Иране и по их социальному строю подробно изложены и проанализированы в работе М. Г Пикулина «Белуджи».[1] Поэтому не представляется целесообразным повторять эти сведения в данной работе. Нам хотелось бы изложить здесь, насколько позволяют полученные нами расспросные материалы, лишь некоторые данные по истории и социальному строю белуджских племен Афганского Сейстана, и в частности Чехансура, поскольку основная масса белуджей Туркмении пришла из этих мест, а также по племенному составу и расселению белуджей в Туркмении в настоящее время.

Сведения о белуджах Афганского Сейстана отсутствуют в книге М. Г Пикулина. Однако не вызывает сомнений, что социальный строй белуджей Афганистана идентичен таковому у белуджей Ирана и Пакистана. Строй этот является феодальным,[2] причем специфика феодальных отношений у белуджей (как и у других народов, основой хозяйства которых в недавнем прошлом являлось кочевое скотоводство) заключается в том, что феодальные отношения сложились в рамках сохранившейся у них племенной организации и тесно переплетаются с племенными отношениями, выступая в патриархальной форме, т. е. в форме, получившей у советских этнографов и историков название патриархально-феодальных отношений.

Сущность этих отношений, их становления и развития у белуджей Пакистанского Белуджистана[3] и Ирана[4] подробно описывает М. Г. Пикулин, к указанной работе которого мы и отсылаем читателя. Социальные отношения у белуджей Туркмении непосредственно после их переселения из Афганистана так же определяет Я. Р. Винников.[5]

Одним из наиболее устойчивых пережитков былой племенной организации является обычай расселения по племенному признаку, хотя нередко

---

[1] М. Г. Пикулин. Белуджи. М., 1959.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Там же, стр. 29—30, 95—97, 110—112.
[4] Там же, стр. 120—122.
Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР. СЭ, 1952, № 1, стр. 85—86.

отдельные части прежде, видимо, единых племен в результате продолжительного периода переселений, нашествий и войн оказались разбросанными на большие расстояния по территории указанных трех государств.

Наиболее старинным названием племени, встречающимся в белуджских героических балладах, повествующих о событиях XV—XVI вв., является болак[6] (турецк. булук — часть, отделение, уезд, волость[7]). По преданию, белуджи разделялись на 44 болака, 40 из которых составляли белуджи и 4 — зависящие от них рабские племена.[8] Однако белуджи, как и многие другие народы, сохраняющие пережитки родоплеменных делений, давно уже утратили былую четкость этих делений даже на основной территории их расселения.

Процесс разложения родоплеменных и становления и развития феодальных отношений, чаще всего связанный в прошлом с постоянными переселениями и постепенным захватом как пастбищных, так и земледельческих территорий на всем пространстве современного расселения белуджей, способствовал большой легкости перехода отдельных семей, семейно-родственных групп и целых подразделений из одного племени в другое. Процесс этот сопровождался, таким образом, дроблением и смешением прежних монолитных племен (болак, булук) и превращением их в более мелкие группы, которые в Белуджистане стали называться тумен, в Афганистане и Иране — *тайфа, тайпа*.[9] Последние, сохраняя

---

[6] M. Longworth Dames. The Baloch A historical and ethnological sketch. London, 1904, p. 4.

[7] Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I. СПб., 1869, стр. 292; М., 1963, стр. 292.

[8] M. Longhworth Dames. The Baloch race, p. 5.

[9] В материалах экспедиции 1929 г. записано 84 названия белуджских племен Афганистана (правильнее 83, так как зарузи и заризи, вероятно, одно и то же). Наиболее крупные племена, по словам белуджей, — ренд (правильнее ринд, — *Э. Г.*) и санджарани. Некоторое количество риндов проживало в то время и проживает сейчас в Туркмении, санджарани встречались (как и в настоящее время) лишь единицами. Перечислены следующие названия: ренд (ринд), санджарани, горгедж, гумшоʤи, джамалзи, кашани, курд (курʈ), мамадани, мораи (мураи), мусази, наруи, нуʈани (нуткани), родани, риги (реки), сарбази (сарбузи), саруни, ʈуʈанзи (тутузаи), шавози (шавузи), идузи (айдузи), карамзи, заргази (заркази), брагуи, зергари (заркари), исмалзи (исмаилзи), дуракзи (дурази), зарузи (заризи), шаракки (шахреки), шелибор, нодези (нудазаи), кедани кöпдани, каландари, кераи, ношарвани, рахшани, абубакри, алимирзаи, асанзи, ашумзи, бакалзи, багизи, баракзи, бодагзи, бачизи, галабача, дамардаг, даздори, джадгали, джалвари, додагзи, джонабади, зардази, иншийанзи, исази (йесези), калбали, качолзи, кайанзи, кеморзи, керимдадзи, кургиль, макаки, маликки, малохзи, малунзи, машвани, менгал, миршази, озбегзи, рамадзи, саларзи, саргульзи, сарпара, сафарзи, сийанзи, сумакзи, суругзи, ʈимини, урмаги, фарагаʤи, хороʈ, чаккарзи, шеерзи, шейх-хуссейни, ярмамази.

Первые 30 названий племен встречаются также в Иране (см.: М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 191—201; см. также справочник: Современный Иран. М., 1957, стр. 639—640), из них лишь шелибор и нодези проживают в Кермане, остальные племена — в Иранском Белуджистане и Сейстане, что лишний раз подчеркивает их близкую связь с белуджскими племенами Афганистана. Следующие четыре племени проживают, кроме Афганистана, также в Пакистанском Белуджистане (М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 194—197).

В приведенном списке мы почти не находим названий первоначальных 44 племен, на которые, по преданию, разделялись белуджи в древности. При этом наряду с названиями вновь образовавшихся племен сюда попали и названия их подразделений, и названия отдельных групп по имени правящего ими хана, по месту жительства или по роду занятий. Например, название племени наруи является, видимо, производным от «норюя» — названия района песков в Иранском Сейстане, где это племя расселено (см.: Е. Черняковская, Сейстан. ИРГО, т. IX, вып. I, Л.—М., 1928, стр. 128), по современному административному делению Ирана — дахестан Наруи шахрестан Заболь, бахш Шибаб (Современный Иран, стр. 618), что соответствует старым географическим названиям этих мест. Наруи проживают также в Иранском Белуджистане (там же, стр. 639) и Хорасане, отдельные группы кочуют на территории Восточного, т. е. Пакистанского, Белуджистана (округа Чагай и Кветта-Пишин) и в южном Афганистане (М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 37), но центр их — Нусретабад в Иран-

внешнюю форму родоплеменных делений, являлись по существу уже административно-политическими организациями, основанными не столько на родовом принципе, сколько на экономической и политической зависимости от хана, стоящего во главе тайфа.

Важно указать еще и на то, что современные белуджи, как и многие народности, ведшие в прошлом кочевой образ жизни, прошли на протяжении своей истории долгий путь переселений, войн и захвата территорий, населенных другими народами, и не представляют собой однородной этнической общности, включая различные чужеродные элементы разного происхождения.[10] По этому вопросу М. Г. Пикулин совершенно справедливо пишет: ...коренные белуджские булаки, которые играли заметную роль в истории белуджей, теперь уже не существуют, они распались и влились в другие белуджские племена... Процесс смешения разных по этническим признакам групп начался в Белуджистане давно. Постоянные передвижения кочевников на большие расстояния, войны за пастбища и кочевья, вооруженные набеги на торговые караваны и земледельческие поселения — все это вызывало уменьшение численности коренных белуджских племен, которые пополнялись за счет инородных элементов. В них вливались подразделения других, ослабленных племен, нередко даже не белуджского происхождения».[11]

Примерно то же пишет американский этнограф Генри Филд о белуджах Макрана: «...термин „балуч" опять-таки общий и не является специфичным для данного района, и под этим наименованием подразумевается много чуждых племен арабского, синдского и даже панджабского происхождения».[12]

Этот процесс не является законченным и до сих пор.

Забегая несколько вперед, мы можем сказать, что среди белуджей Туркмении нами также обнаружены некоторые группы не белуджского происхождения. Например, при выяснении происхождения тайфа иесези старик Анайат в колхозе им. Куйбышева как самого далекого известному ему предка назвал Тимур-баба. По его словам, Тимур-баба был большой человек («адами калан»), очень богатый, имел много земли, многотысячные стада. По его имени названа гора Тимур-баба, на которой были его земли. Сын его ушел со своими людьми в нынешний Восточный, или Пакистанский, Белуджистан, где они оставались и при внуке Тимур-баба Таире. Сын Таира Иеси ушел еще дальше, в Калате Сева (вероятно, Сиби,— *Э. Г.*). Оттуда сын его Абдул со всеми людьми перекочевал в Чехар-Борджек (район г. Чехар-Борджека на берегу Гельменда в Афганистане, близ иранской границы), и лишь при следующем потомке Тимур-баба, Валимаммаде, эта группа пришла в Чехансур. Позднее она кочевала в районе Герата и лишь при внуке Валимаммада Султан-Маммаде иесези вернулись в Чехансур. Султан-Маммад и сейчас там, сказал Анайат, если он жив.

Приведенная генеалогия, связанная с постоянными перекочевками какой-то определенной группы, чрезвычайно характерна. По словам

ском Сейстане (там же, стр. 36). Шареки — название булюка в Иранском Сейстане (А. Б. Аграрный вопрос в Персидском Сейстане. Новый Восток, 1930, № 28, стр. 176). Заргары — ювелиры, они относятся к племени лури, но охотнее называют себя заргарами, так как племя лури не пользуется почетом.

[10] Например, по устному сообщению В. А. Ромодина, явно афганскими в указанном списке являются названия дзамалзи, мусази, мишвани, исмалзи (гильзайская ветвь), баракзи (баракзай) и исази.

[11] М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 21. На последующих страницах автор приводит ряд примеров смешения с белуджами инородных этнических элементов.

[12] H. Field. An Anthropological reconnaissance in West Pakistan, 1955. Papers of the Peabody Museum of archaeology and ethnology, Harvard University, v. LII, Cambridge, 1959, p. 49.

Анайата, со времени правнука Тимур-баба Йеси (или Иса) эта группа и стала называться йесези (исази). На наш вопрос, как же назывались они раньше, Анайат ответил, что Тимур-баба был какар, т. е. афганец из группы племени какар.[13] От последней и отделилась группа йесези (первоначально, вероятно, семейно-родственная группа), став ее подразделением. Йесези жили больше среди белуджей, и поскольку они пришли в Чехар-Борджек из Белуджистана, окружающее население стало называть их белуджами. Так и теперь их считают белуджским тайфа, и говорят они по-белуджски. Дальнейших подразделений тайфа йесези не имеет.

Таких инородных вкраплений немало среди белуджей Туркмении, о чем речь будет ниже.

На территории Афганистана в интересующем нас районе, по нашим расспросным данным, существовали, по-видимому, отдельные мощные племена со стоявшими во главе крупными ханами-сардарами (такие, как санджарани, кашани и некоторые другие), раньше других пришедшие на обширную территорию от р. Гельменда до Чехансура и захватившие ее. Они жили компактно, по два-три подразделения, одно возле другого.[14] Более мелкие тайфа, пришедшие позднее, получали землю уже из рук сардаров этих племен, от которых ханы вновь прибывших родственных групп, расселявшихся в разных местах, становились в вассальную зависимость. По расспросным сведениям, эта часть белуджей Чехансура пришла в Афганский Сейстан из нынешнего Пакистанского (бывшего Британского) Белуджистана более 100 лет тому назад.[15] Основной причиной переселений был недостаток свободных земель в Белуджистане, но могли быть и другие причины. Среди пришедших позднее племен нам назвали следующие: горгедж, дамардаг, ноҷани, наруи, рахшани, чакарзи, родени, реки, исези, зарези, ринд, малекки, галабача, калбели и др.

Сказанное отнюдь не означает, что перечисленные племена или их подразделения переселялись в Афганистан целиком. В большинстве случаев переселялись большие или меньшие группы, объединяемые властью одного или нескольких ханов. В отношении белуджей Макрана этот процесс следующим образом охарактеризован Филдом: «Население состоит в основном из сепаратных групп, живущих отдельно и независимых одна от другой. Номадизм является главным фактором, обусловливающим племенное деление. Когда племенные единицы расщепляются, новая единица начинает функционировать сепаратно».[16]

Приведем некоторые примеры отдельных мелких миграций, которые нам удалось уточнить.

Абдулла Динмаммад рассказал нам историю переселения своей группы тайфа родени и разделения ее на более мелкие подразделения *ранд*, или *пеҫранд*, представляющие собою, как мы увидим ниже, по-видимому, разросшиеся и расщепившиеся патронимии. Самого дальнего предка родени

---

[13] Племена какар — одна из основных ветвей афганского народа, включающая в свою очередь много инородных групп.

[14] Эти сведения частично подтверждаются и литературными данными, см.: H. Field. An Anthropological reconnaissance..., p. 51. Филд называет санджарани «могущественным племенем, простирающим свои владения от Махабата до Гельменда». По сведениям, сообщаемым Е. Черняковской, племя санджарани населяет всю дельту р. Гельменда также и по иранскую сторону границы, см.: Е. Черняковская. Сейстан, стр. 129.

[15] Указанные сведения подтверждаются и литературными данными, сообщающими, что в Чехансуре белуджи, осевшие на землю и занимавшиеся земледелием, стали известны с 40-х годов прошлого столетия (J. P Ferrier. Voyage en Perse, dans l'Afganistan et le Turkestan, v. II. Paris, 1860, p. 314; М. Г Пикулин. Белуджи, стр. 35).

[16] H. Field. An Anthropological reconnaissance. p. 49.

звали Роден. Наиболее старым, сохранившимся в народной памяти местом расселения племени родени была местность Себи (вероятно, Сиби, — *Э. Г.*) в Пакистанском Белуджистане. По словам Абдуллы, группа родени, как и ряд других групп, переселилась в Афганистан примерно 100 лет назад в результате ссоры с племенем *бафечи* (баречи [17]) из-за верблюдов. Среди родени была семья, состоявшая из пяти братьев. Второй брат, Каримдад, поссорился с Али племени *бафечи*. Сын Али увел у него верблюдов, он побил его, отнял верблюдов и привел их домой. Али крепко поссорился с ним из-за избиения сына и сказал, что убьет его, когда он женится и будет со своей молодой женой в отдельном домике. Он сказал: «Когда женишься — первый день твой, но на второй или на третий день я тебя убью». Когда Каримдад женился, Али осуществил свою угрозу. Тогда старший брат Каримдада Маммадхан с братьями убил Али и трех его братьев. Они стали кровниками *ондар* и, опасаясь кровной мести со стороны родственников Али, переселились на Гельменд. Потомство старшего брата Маммадхана образовало ранд маммадханзи, который впоследствии по имени одного из потомков его — Таукаля стали называть таукалези. Таукалези поселились в местности Канг, которую в последнее время стали называть Канг Динмаммад, так как последним ханом этой группы был Динмаммадхан (отец Абдуллы).

Ранд, образовавшийся из потомства третьего брата, Латипа, назывался латипзи; позднее, по имени одного из потомков, стал зваться лададзи. Лададзи ушли в местность Сиадек (Сиодак) [18] в Иране и там остались.

Потомки четвертого брата образовали ранд беджарзи, который также изменил позднее свое название и стал называться джамалдинзи. Они жили в местности Маммади Калат, поблизости от р. Гельменда, но между ними и Гельмендом, как и между таукалзи и джамалдинзи, поселились потом другие группы, пришедшие позднее.

От пятого брата, Дельшата, произошел ранд дельшатзи, который впоследствии по имени одного из потомков Дельшата Султана стали называть султанзи. От султанзи в дальнейшем отщепилась еще одна группа — миададзи. Местом жительства султанзи был район Калаипад на самом берегу р. Гельменда.

Когда родени пришли к р. Гельменд, вся территория от Гельменда до Чехансура была захвачена племенами санджарани, кашани, нотани, дамардаг и др. Родени получили землю от сардара Ханджанхана племени санджарани и ему платили подать *бакиат*.

Свободной земли было тогда еще много, людей мало. Постепенно приходили другие тайфа из нынешнего Пакистанского Белуджистана. Рядом с родени (ранд таукалзи) жили горгедж и рахшани, далее за рахшани по правому берегу Гельменда жили коидани — до Калаипада, где получили землю родени (ранд султанзи), а за Калаипадом в районе Чахар-Борджека были расселены санджарани, но у них сардаром был Атамаммадхан. Последний владел частью земель санджарани, прилегающей к Гельменду в районе Чехар-Борджека и к иранской границе; на другой стороне Гельменда были расселены белуджи племени шеерзи, у них сардаром был Сеидхан.

---

[17] Вероятно, афганским племенем барецай.

[18] Местность Сиодак упоминается Е. Черняковской в Иранском Сейстане. По ее сообщению, Сиодак — резиденция хана, сардара племени санджарани, административный центр района Мионкянги. В своем рассказе Абдулла распространил, очевидно, название Сиодак на весь район Мионкянги, расположенный у самого Гельменда, в его дельте. Район этот как наиболее богатый водой, получающий воду для орошения полей в первую очередь, является центром хлопководства (Е. Черняковская. Сейстан. стр. 149).

В те времена белуджи, по рассказам стариков, еще были независимы от афганцев [19] и не платили налога афганскому государству.

После Ханджанхана племенем санджарани и землями этого племени правил его сын Брамхан, а после последнего сардаром санджарани стал сын его, также Ханджанхан. В то время самым крупным сардаром среди белуджей был Наиб Буниад племени кашани. Ему подчинялись все ханы от Гельменда до Чехансура. Одним из известных ханов был также Джангирхан племени дамардаг. В каждом тайфа были один или два хана в зависимости от численности группы. Ханджанхан (второй) санджарани пользовался меньшим влиянием, но оставался сардаром части этих земель. При этом Ханджанхане и Наибе Буниаде афганцы впервые пришли в Пара [20] и Чехансур. По сообщению Сапара Шамаммада 67 лет из племени реки (риги), первоначально афганцы пришли как будто с мирными намерениями. Они завели дружбу с Наибом Буниадом и Амадханом племени нотани, договорились с ними о мирных взаимоотношениях. Но Ханджанхан и другие близкие ему ханы вообще не хотели пускать афганцев в Чехансур и Канг.[21] Однако силы они не имели. Узнав о том, что Наиб Буниад заключил договор с афганцами, Ханджанхан собрал своих людей и ушел в Иран.

Оставшись полновластным хозяином, Наиб Буниад уже не захотел делить власть с афганскими чиновниками. Ханы, объединившиеся вокруг Наиба Буниада, решили оказать им сопротивление. Однако афганцы превосходили белуджей численно и были вооружены, тогда как у белуджей вооружены были только ханы и их приближенные — нукеры.

Примерно в 1905—1906 гг. афганские ханы напали на белуджей. В результате этого столкновения белуджи бежали, так как трудовая масса оружия не имела. Афганцы гнали белуджей к Гельменду, и много людей, в том числе женщины и дети, в ужасе бросались в воду, так как сзади были афганцы. Много белуджей тогда утонуло в Гельменде. Те, которые спаслись, бежали в Иран.

Через некоторое время афганские власти начали переговоры с белуджами о возвращении в Афганистан. Всем разрешено было вернуться на свои места. Каждая группа заняла те земли, которые обрабатывала прежде. У белуджей остались уже мелкие ханы. Наиба Буниада, Джангирхана и всех крупных ханов убили во время этого сражения.

По словам Сапара Шамаммада, группа из племени реки (риги) пришла в Афганистан позднее, чем родени и многие другие. За четыре поколения до Сапара, т. е. в первой половине прошлого века, реки еще были в Белуджистане.[22] Пришедшую группу возглавлял Халильхан. Эта группа перекочевала первоначально в местность Род на берегу Гельменда (может быть, Родбар? — *Э. Г.*) Жили они там недолго — земли было мало. Согласно народному преданию, относящемуся, правда, к сравнительно недавнему времени, местные арендаторы, чтобы выжить их из этих мест, обрезали концы ушей у их ишаков. Тогда они поймали несколько арендаторов и подрезали им уши. Обратно в Белуджистан путь был далек

---

[19] О независимости белуджей в те времена см.: J. P. Ferrier. Voyage Perse..., p. 64.

[20] Пара — белуджское произношение названия Фарах (Фарахской области в Афганистане и города Фарах). Подробнее описание города Фарах (Ferrah) см.: J. P. Ferrier, Voyage en Perse..., pp. 278—283.

[21] Канг, вернее, Кангей Кала, или Калаи Канг, — небольшой город или крупное селение недалеко от Чехансура.

[22] Речь идет, по-видимому, об Иранском Белуджистане, так как основная территория расселения реки расположена к юго-западу и к югу от Захедана, до северных склонов гор Тафтан, с центром в селении Ладиз (М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 36) у самой границы Пакистанского Белуджистана. Небольшие группы реки живут также в Сейстане и Хорасане.

и, опасаясь мести, они бежали в Чехансур, так как знали, что там живет большое количество белуджей. Расселились они в местности Ерендаз, где получили землю и обрабатывали ее. После смерти Халиля ханом стал Абдул. Оба они, и Халиль, и Абдул, были при сардаре Ханджанхане, а последующие ханы, — Муратхан, Шамаммад правили этой группой реки при сардаре Брамхане. Только при Шамаммаде стали сеять пшеницу, до этого основной земледельческой культурой был *зорат* (местный вид сорго).

Во время описанного выше столкновения ханом у племени реки был Джангирхан. Отец его, Раматхан, состоял при дворе эмира в Кабуле, но Джангирхан воевал против афганцев и после поражения белуджей ушел со своими приверженцами в Иран.

Сходные черты имеет история переселения других групп. Группа рахшани, по рассказу сторожа Шаназара 70 лет из племени рахшани, также пришла в Сейстан позднее других, всего за три поколения до Шаназара. Территория расселения рахшани (т. е. тех рахшани, от которых отделилась перекочевавшая в Туркмению группа) в Белуджистане — район Нушки.[23] Из Нушки пришли в Афганистан два брата, Али и Салим. Это были не ханы, а простые земледельцы *райат*, переселившиеся в Афганистан ради получения наделов, так как в Нушки стало известно, что Ханджанхан дает людям наделы (*мильк*). Пришел один *алк* (кочевое селение) — 50—60 семей. Они получили наделы по соседству с племенем горгедж, в районе Мино, у самых песков. Вся эта местность называется Сарутар. Мино несколько дальше развалин Кайани, старого места расселения племени Кашани. После смерти Али сын его, Нурмаммад, остался хозяином Мино.

Подать (*чарйак*, т. е. 1/4 урожая) отдавали только сардару Ханджанхану племени санджарани. Государственного налога не было. Позднее, после столкновения с афганцами, бегства в Иран и возвращения в Афганистан, т. е. примерно с 1908—1909 гг., афганцы, как указывалось, стали брать с белуджей налог *малиа*[24] натурой в виде 1/10 доли урожая (*дахьяк*), а некоторое время спустя стали брать 1/4 часть урожая, что уже не соответствовало обычному порядку, так как и земля, и орудия ее обработки, и скот, и семена — все принадлежало белуджам.

Афганским правительством назначался специальный чиновник — *каргузар* из числа белуджей для сбора налога. В его обязанности входил также разбор всех связанных с уплатой налога недоразумений. На любой просьбе или жалобе он должен был поставить свою печать и передать жалобу вышестоящему должностному лицу — хакиму (белуджск. *аким*) в город Пара, и лишь в том случае, если не поможет хаким, передать ее дальше, в Кабул. В подчинении хакима имелись еще чины местной полиции, которые обычно в отдельных небольших городах назывались *пушдар*. К каргузару обращались также рядовые белуджи по поводу драк, ссор, убийств, и он помогал сторонам договориться и устроить примирение — *сол*. Если и при помощи каргузара не могли договориться, обращались к судье — *кази*. Однако до этого доходило редко, так как судья был афганец, а каргузар — «свой», белудж, и белуджи предпочитали обращаться к последнему.

Кроме каргузара, который являлся собственно чиновником, назначаемым правительством, и служил посредником между ним и массой трудящихся белуджей, были еще *вакили* (перс. вакиль — «представитель»),

---

[23] Основная область расселения племени рахшани — провинция Харан и район Нушки округа Чагай, живут они также и в западной части Мекрана, в небольшом количестве — в Иране (Сейстан и Хорасан).

[24] Малиа — название местного налогового управления, отсюда и собираемый им налог называли малиа.

осуществлявшие административную власть внутри самого белуджского общества. Власть вакиля, распространявшаяся на довольно большие, видимо, территории, была выше, чем власть каргузара. Например, на Гельменде вакилем в описываемое время был мулла Омар племени нотани, в Чехансуре — мулла Алим, также племени нотани. В отличие от каргузара вакиль был выборным лицом. Он избирался собранием землевладельцев *катхуда (маджлисе катхуда)*. Катхуда в прежнее время, при существовании большесемейных или соседских общин, являлся, по-видимому, старостой общины,[25] превратившимся постепенно в фактического владельца земли, т. е. присвоившим себе часть общинной земли или даже всю общинную землю, на которой его сородичи или соседи выступают уже в роли арендаторов-издольщиков (*баэгар*).[26] Власть катхуда наследственна, и если у него нет сына, после его смерти катхуда становится его жена или дочь.

Вакиль разбирал споры и тяжбы, возникавшие между катхуда, был как бы их доверенным лицом. В виде вознаграждения за свои труды вакиль при сборе урожая получал от каждого катхуда, по выражению белуджей, один *пагоу* пшеницы, т. е. половину урожая с одного пагоу.[27] Это означало, что предназначенный вакилю пагоу обрабатывали арендаторы катхуда, им отдавали их долю, т. е. 1/4 собранного урожая, 1/4 шла в уплату государственного налога (*чарйак*), а остальное отдавали вакилю. Последний таким образом получал немало. У одного только племени горгедж было на Гельменде шесть катхуда, у племени родени — четыре и т. д.

Как рассказывает Абдулла Динмаммад, в то время (примерно 1908—1912 гг.) группа из племени родени, ранд таукалези, к которой он принадлежал, имела земли 120 пагоу. По местной примитивной трехпольной переложной системе *сейдарышт* 40 пагоу засеивали в один год, 40— в следующий и 40 — еще в следующий. При этом налог первоначально брали по обычаю с хармана,[28] т. е. с урожая данного года, с 40 пагоу, засеянных в данном году. Афганские чиновники стали брать чарйак, т. е. предполагаемую четвертую долю со всех 120 пагоу, независимо от того, сеяли на них или нет.

Жить становилось все тяжелее, не было возможности платить за всю землю. По выражению Абдуллы, «осталось у каждого по одному одеялу».[29]

---

[25] Филд пишет в отношении белуджей Мекрана: «Эта группа составляет основной элемент населения. Владея землей, они организованы в небольшие общины, каждая из которых имеет главу (kauhda)». H. Field. An Anthropological reconnaissance. ., p. 50. То же мнение высказывает и М. М. Дьяконов в отношении термина *кет-худа* на территории Ирана: «Первоначально этот термин обозначал главу большесемейной общины, а в более позднее время — сельского начальника, выделившегося из среды односельчан и несущего определенные административные и фискальные функции» (М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 281—282). Также и у узбеков Южного Хорезма, по устному сообщению М. В. Сазоновой, термин кет-худа означал главу большесемейной, а позднее соседской общины.

[26] Процесс постепенного превращения старшин земледельческих селений в мелких феодалов описан в общих чертах М. Г. Пикулиным (Белуджи, стр. 98), и мы не будем его здесь повторять, тем более, что превращение это свершилось частично еще на территории Белуджистана и его описание не входит в наши задачи.

[27] Пагоу — местная мера площади. По белуджским обычаям пагоу считается участок земли, который могут обработать пять человек с одной парой быков, — 1.85 га. (А. Б. Аграрный вопрос. . ., стр. 175).

[28] Слово *харман* (*хырман*) означает как площадку, на которой производится обмолот зерна, так и всю груду обмолоченного зерна (т. е. весь урожай), обычно имеющую продолговатую овальную форму.

[29] Это весьма характерный образ, ибо, как и везде на Востоке, у белуджей принято иметь в доме больше одеял, чем нужно для каждодневного употребления, и количество одеял, сложенных на возвышении у одной из стенок жилища, является показателем состоятельности семьи.

В это тяжелое время два года подряд (1913 и 1914) было наводнение, очень сильно разливался Гельменд. Как говорят белуджи, «хармана об бурте» — «урожай унесла вода». На следующий год, как рассказывает Абдулла о своей группе, приехали человек 20 афганцев и потребовали долг в 120 000 кабули. Собрали последнее, что имели, и отдали. Через полгода снова приехали афганцы и потребовали еще 18 000 кабули. Отдавать было уже нечего, поэтому группа из племени родени собралась и бежала в Иран. Это случилось за год до Великой Октябрьской революции в России.

Такое же положение было и у других тайфа. Много белуджей тогда ушло в Иран.

Семья Абдуллы и вся группа родени, к которой он принадлежал, оставались в Иране, в местности Сиодак, шесть лет. Афганские власти снова стали вести переговоры о возвращении белуджей на брошенные ими места, ибо большая часть земли оставалась незаселенной и не давала дохода. Переговоры велись через каргузара. Афганские власти согласились «простить» старые долги и еще три года не брать налога.

Часть родени осталась в Сиодаке, часть вернулась на свою землю.

Первое время после вторичного возвращения из Ирана жили очень бедно: не было ни земледельческих орудий, ни семян, ни быков, ни другого скота. Все нужно было занимать. За три года, пока не брали налога, обзавелись кое-каким имуществом. Тогда возобновились притеснения и злоупотребления со стороны афганских чиновников.

По рассказу упомянутого выше Сапара Шамаммада племени реки, чрезвычайной жестокостью отличался афганский чиновник Ахундзада. Это при нем стали брать налог, как указывалось выше, не с урожая, а со всей земли, независимо от того, засеяна она или нет, что и вызвало вторичное переселение части белуджей в Иран.

Когда ханы и катхуда откочевали со своими приближенными и *базгарами* (издольщиками) в Иран, еще много простого народа осталось в Чехансуре и на Гельменде, так как им не на чем было переселяться. Оставшиеся подали через каргузара жалобу на Ахундзада в Кабул, после чего Ахундзада был арестован и казнен в Кабуле, так как в результате творившихся им бесчинств люди разбежались, земля в этой области опустела и не давала дохода.

Группа из племени реки, к которой принадлежал Сапар, ушла сначала в Иран, но и там было нелегко. В Афганистан возвращаться не хотелось, и семья Сапара перекочевала из Ирана в Туркмению вместе со многими другими семьями еще до Великой Октябрьской революции. Сапару было тогда лет 16, по его словам, «бороды еще не было».

Первые переселенцы-белуджи в Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции работали батраками в туркменских байских хозяйствах или использовались в качестве рабочей силы на бывших государственных хлопковых плантациях и на постройке Байрам-Алийской ирригационной системы,[30] часть их вела полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

После Октябрьской революции переселение белуджей в Туркмению усилилось. Наибольшее число белуджей переселилось в Туркменскую ССР как непосредственно из Афганистана, так и через Иран в период с 1923 по 1928 г. (например, группа из племени родени, с которой переселился Абдулла, пришла в Туркмению из Афганистана в 1925 г.).

Материалы экспедиции 1929 г. не дают четкой картины племенного состава и расселения отдельных тайфа белуджей Туркмении непосредственно после их переселения. Места их поселений можно установить лишь

[30] Г. Карпов. Белуджи. Туркменоведение, 1928, № 2, стр. 44.

по отдельным замечаниям и иногда по указаниям в описи коллекции 1929 г. на местонахождение селения такого-то тайфа. Обращаясь к этому вопросу, мы хотели бы напомнить, что если даже в Афганистане, судя по изложенным выше сведениям, мы уже почти не находим среди белуджского населения больших компактных племенных групп, то белуджские тайфа Туркмении — тем более лишь осколки существовавших когда-то крупных племен и их подразделений.

Причисление себя к определенному тайфа сохраняет теперь значение лишь в семейно-брачных отношениях и родственной взаимопомощи (в последней принимают, однако, участие и соседи, и хорошие друзья), отчасти также в обычае расселения по родственному признаку. В последнем при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем расселение скорее не по тайфа, а по семейно-родственным группам, естественно принадлежащим к одному племени. В целом же при подворном анкетном обследовании двух поселков колхоза им. Калинина Иолотанского района выявился довольно пестрый родоплеменной состав населения.

Необходимо отметить также, что вместе с племенами, имеющими в основе белуджское происхождение, в Советский Союз переселились также и инородные элементы. Выше уже говорилось о переселении совместно с белуджами брагуи и об ассимиляции их белуджами, а также об афганском происхождении племени йесези.

Афганское происхождение приписывается также тайфа калбали. По рассказу старика племени горгедж Абдуллы Велиева, тайфа калбали образовалось путем отщепления от племени алези.[31] Предок этой группы Дадмамад был алези. Он стал кровником и, спасаясь от кровной мести, стал жить среди белуджей, взяв в жены персиянку тайфа шаракки.[32] Его сын Каланхан также женился на девушке шаракки. Четыре сына Каланхана — Ростан, Пир, Мирза и Нади женились на белуджских девушках, и от них происходит тайфа калбали (первоначально, очевидно, каланбели), имеющий четыре ранд: ростанзи, пирзи, мирза и надези. Таким образом, тайфа калбали не является племенем, а представляет собою разросшуюся патронимию, отпочковавшуюся от племени алези, смешавшуюся с белуджами и расщепившуюся еще на четыре патронимии.

Брагуи, живущие на территории Туркмении вместе с белуджами и, как указывалось, совершенно ими ассимилированные, имеют следующие подразделения: айдози, раатзи, чаннал, иагези, кераи, сорабзи, мирханзи, зеркали, сасоли.

Ряд тайфа, живущих среди белуджей, с представителями которых белуджи свободно вступают в брак, имеют, по словам самих же белуджей, персидское происхождение. Это — тайфа кукäн (кокäн), абиль, джаутег и шаракки. Некоторая часть подразделений кукäн и абиль продолжает до сих пор исповедовать шиитский толк ислама.[33] Таким образом, если арабы Мекрана, брагуи, афганцы и другие народы нынешней территории Белуджистана принимали несомненное участие в этногенезе зарубежных белуджей, то белуджи Афганского и Иранского Сейстана и связанная с ними группа белуджей Туркмении впитали еще и дополни-

[31] По Филду, Alizae, алези — одно из крупных племен дехваров (H. Field. An Anthropological reconnaissance..., p. 63). Таким образом, если речь идет о тех же алези, о которых говорит Филд, то семейно-родственная группа из племени алези. смешавшаяся с белуджами, имеет не афганское, а таджикское происхождение, ибо дехвары, согласно общепринятому мнению, пакистанские таджики (там же, стр. 62; см. также: М. Г. Пикулин, Белуджи, стр. 43).

[32] Шаракки сейчас считаются белуджским тайфа персидского происхождения.

[33] В материалах экспедиции 1929 г. подробно описывается выполнение племенем кукäн шиитского ритуала «шахсей-вахсей», в котором, кстати, и белуджи, являющиеся суннитами, охотно принимали участие.

тельное количество этнических элементов из окружающих их афганских и иранских племен и племени брагуи и представляют собой конгломерат из осколков различных племен и народностей, имеющий, однако, в своей основе значительное белуджское ядро.

Следует также добавить, что в белуджских колхозах в среду белуджей входят еще и единичные представители других иранских и неиранских племен и народов, переселившиеся вместе с ними или влившиеся из окружающего населения, но так или иначе живущие среди них: афганцы (мы имеем в виду не целые племенные единицы тайфа, имеющие афганское происхождение, как йесези, бывшие какары, а отдельных афганцев, принадлежащих к афганским племенам), персы, джемшиды, курды, таджики, теймени и даже индийцы-сикхи;[34] из тюркских народов — иногда и татары. Представители этих племен и народов, живущих среди белуджей, целиком воспринимают все черты белуджской культуры, все обычаи, и внешне, за исключением разве антропологического типа, от них не отличаются. Лишь в отношении персов, которых в Туркмении довольно много, можно сказать, что там, где они живут группами, они отличаются от белуджей и одеждой, и многими чертами быта, но отдельные лица из числа персов, попадающих в белуджскую среду чаще всего через брак (чаще женщины), совершенно с ними сливаются.

В целом мы должны, однако, сказать, что, несмотря на инородное происхождение некоторых родоплеменных групп, белуджи Туркменской ССР имеют единый общий язык и осознают себя как этническую общность.

Из белуджских тайфа, проживающих в настоящее время в Туркмении, наиболее многочисленны рахшани (по-видимому, более 500 человек), йесези, шехусейни, чакарзи, родени, а также калбали, гархель, горгедж, малеки, *ноʃани* и брагуи. Несколько меньшими группами представлены реки, шеерзи кашани, маррои, дамардаг, ренд, наруи, боракзи, зарози, бабакери, галабача, ичбари, ханхель (гулам). Весьма небольшие группы до 20—30 человек, представляют баджези, *бадечи*, джамальзи, сеидзи, спеджаи, ормаги, шаози, карамзи, кокäн, абиль, ходжа, лури и, наконец, всего по два-три семейства, — *ʃуʃанзи*, сапарзи, *хароʃ*, санджарани, арбаб, джаутег, купдани, аятзи, маллокзи, мусази, маммадани, валидази, суурзи, саруни, баранзи.

В отношении общественного положения отдельных групп у белуджей еще частично сохраняются иногда труднообъяснимые представления о тайфа более почетных и менее почетных. Безусловно почетными являются, например, племена рахшани, чакырзи, менее почетными — племена карамзи, макаки. Как нам представляется, «почетными» считаются те племена, которые в Афганистане наиболее могущественны и многочисленны. Кроме того, иногда оказывается, что менее почетное племя имеет небелуджское и неафганское происхождение.

Особое положение занимают племена лури и ханхель. Ханхель — потомки рабов (*гулам*), которых привозили когда-то из Африки, память о чем сохранилась в белуджских преданиях. Еще в начале века рабы на территории Пакистанского и Иранского Белуджистана и Сейстана были почти в каждой более или менее зажиточной семье.[35] Впоследствии рабы

[34] О наличии сикхов среди белуджского населения Сейстана упоминает Е. Черняковская (Сейстан, стр. 133). Сикхи (белуджск. сик), проживающие среди белуджей Туркмении, скрывают свое происхождение и называют себя представителями каких-либо белуджских тайфа, чаще всего ходжа, так как белуджи относятся к ним пренебрежительно как к немусульманам.

[35] Е. Черняковская. Сейстан, стр. 133, 148. У белуджского племени бугти в восточной части Пакистанского Белуджистана рабы существуют, хотя и нелегально, по сей день в качестве домашней прислуги, см.: S. Matheson. The Tigers of Baluchistan. London, 1967, p. 81.

были освобождены и ныне считаются одним из белуджских племен, хотя отличаются от них по антропологическому типу, сохраняя негроидные элементы. С представителями племени гулам белуджи в браки не вступают.

Лури — белуджистанские цыгане, профессиональные музыканты и ремесленники, в Пакистанском Белуджистане считаются особой народностью (имеют секретный язык — арго). На территории Туркмении лури считают себя белуджским тайфа и, хотя окружающее белуджское население как будто и считает их белуджами, белуджи в редких случаях берут в жены девушек лури. Своих же дочерей белуджи за лури никогда не отдают. Кроме того, белудж никогда не станет играть на барабане и зурне, на которых играют лури на белуджских свадьбах. Очевидно, гулам и лури в прошлом являлись эндогамными группами.

Интересно, что брагуи, являющиеся на территории Пакистанского Белуджистана отдельным народом, о чем белуджи прекрасно знают, и еще недавно имевшие свой язык, совершенно отличный от белуджского, в Туркмении уже настолько ассимилированы белуджами, что считаются вполне равноправным белуджским племенем, и белуджи вступают с ними в брак наравне с представителями других племен.

При столь пестром родоплеменном составе родовой принцип уже в период переселения в Советский Союз, естественно, не всегда играл существенную роль в группировке хозяйств. В первое время после переселения значительная часть белуджей обычно указывала, как и на своей прежней родине на свою принадлежность не к определенному тайфа, а к тому или другому хану.

Более или менее крупные ханы стояли во главе или одного, или нескольких поселков. Кроме своего тайфа, хан объединял под своею властью целые группы представителей других тайфа. Он являлся их неограниченным властелином и получал известную часть доходов своих подчиненных. Власть его передавалась по наследству.

Наиболее крупный из ханов Керимхан, объединявший под своей властью большую группу белуджей Иолотанского района, стремился создать вокруг себя пышную «княжескую» обстановку: имел личную охрану из четырех-пяти вооруженных всадников джигит (белуджск.; афг. и перс. нукăр), личного секретаря *мирза*, духовное лицо, конюхов, повара и т. д. Содержание этого штата ложилось тяжелым бременем на его подчиненных.

Керимхан не был крупным племенным ханом. Он принадлежал к тайфа калбели, довольно немногочисленному и незначительному как в Туркмении, так и за рубежом. В годы революции и гражданской войны Керимхан, собрав дружину из представителей самых разнообразных тайфа, организовывал грабительские набеги. Став в результате этих набегов владельцем огромного количества скота, Керимхан старался сохранить за собой главенствующее положение. Ханы и старшины из разных мест съезжались к нему за распоряжениями. Он разрешал споры и тяжбы, судил и наказывал виновных.

Чтобы сохранить свое положение, после переселения в СССР Керимхан в течение некоторого времени принимал участие в борьбе с басмачами и другими нарушителями границы, что дало возможность ему и его «дружине» сохранить право ношения оружия.

К борьбе с басмачами привлекались в 20-х годах и другие белуджские ханы, в том числе Мадатхан Мирдостов племени чакырзи. У Мадатхана также был отряд по борьбе с басмачами, местными группами туркмен, переходившими через границу и угонявшими скот и с той, и с этой стороны. Отряд располагался в южной части местности Гäзел. В отличие от Керимхана, всегда стремившегося к личной власти, к личному обога-

Рис. 2. Общий вид белуджского селения. 1929 г.

щению и так и не ставшему советским человеком,[36] Мадатхан Мирдостов целиком посвятил себя служению новой Родине. Некоторое время он работал заместителем председателя, затем председателем сельского Совета на Турбинном канале, в 1932 г. был заместителем председателя исполкома Иолотанского района, затем председателем Райпотребсоюза, в 1934 г. участвовал в создании белуджского колхоза «Политотдел». Умер в 1935 г. на советской земле.

В первые же годы после массового переселения белуджей в Советский Союз партийные и советские организации, осуществляя целый комплекс мероприятий по ликвидации политической, экономической и культурной отсталости народов Средней Азии, оказали большую помощь также и белуджам. Забота Советского государства о пришельцах-кочевниках нашла проявление прежде всего в расселении и благоустройстве белуджей, в организации среди них низовых органов Советской власти — аулсоветов. В 1926—1927 гг. в Туркменской ССР, проводилась земельно-водная реформа (далее ЗВР), и белуджи, переселившиеся из Афганистана в Туркмению до этого срока, были наделены удобной для пахоты и орошения землей наравне с прочим населением. Им были предоставлены земли в Иолотанском и Байрам-Алийском районах, на каналах Турбинном и Валуевском,[37] а также была оказана большая материальная помощь скотом и семенами. Советское правительство, учитывая бедственное положение переселенцев, освободило их на три года от налогов. Однако при том культурном и материальном уровне, на котором находилась тогда основная масса переселившихся белуджей, они не смогли полностью освоить предоставленные им земли, и большая часть последних осталась незасеянной.[38]

К весне 1928 г. продолжались изыскания удобной площади для наделения землей еще 350 хозяйств белуджей. В «Проекте земельного на-

[36] Такую же политическую оценку дает Керимхану в литературной форме крупнейший туркменский писатель Берды Кербабаев в своей книге «Чудом рожденный».

[37] Докладная записка секретаря ЦИКа ТуркмССР «Об устройстве белуджей и других национальных меньшинств в районах Иолотанском, Байрам-Алийском, Мервском и Тедженском», представленная на совещание при СНК Туркменской ССР по вопросу о белуджах 12 I 1929 г. Составлена Г. И. Карповым в декабре 1928 г. Выдержки из докладной записки имеются в материалах Среднеазиатской экспедиции 1929 г. (тетр. II, стр. 107—108), по которым мы ее и цитируем.

[38] Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 210, оп. 1, д. 16, 121, § 4.

дела белуджей Мервского района на земли Госземимущества» от 18 II 1928 районный землеустроитель Д. Михайлов пишет: «Белуджи Мервского района... являются бедняцким слоем, почти ничего не имеющим, ввиду чего для... рационального ведения сельского хозяйства на... вновь отведенном участке нуждаются в удовлетворении семенами пшеницы и хлопка, сельскохозяйственными машинами и деньгами для приобретения... инвентаря, почему и необходима помощь со стороны государства. Если таковой не будет, белуджи не в состоянии обрабатывать землю для своего существования. Им также необходимо приобретение рабочего скота, чего почти не имеют за исключением единичного %%».[39]

Уже после проведения ЗВР продолжали поступать многочисленные письменные и устные просьбы о наделении землей со стороны белуджей, почему-либо неучтенных при проведении реформы или же переселившихся позднее.[40] В одном из донесений районного землеустроителя говорится о том, что белуджи приезжали к нему группами на лошадях и требовали немедленного наделения их землей, наивно предполагая, что от его воли зависит распределение земель.

Весь период 1928—1930 гг. характеризуется интенсивной деятельностью комиссий по землеустройству белуджей, созданных при районных исполнительных комитетах местных советов. В этих комиссиях принимали участие, кроме специалистов-землеустроителей и сотрудников Водхоза (Отдела водного хозяйства), гидротехников и мелиораторов, также представители Народного комиссариата земледелия Туркменской ССР, Наркоминдела и райкомов КП Туркменистана. Работа проходила под общим руководством ЦИК Туркменской ССР, Совнаркома и Народного комиссариата земледелия.

Совещание при Наркомземе ТуркмССР (от 3 III 1928) представителей целого ряда организаций под председательством народного комиссара земледелия тов. Атаниязова вынесло на основании решения Президиума ЦИКа ТуркмССР № 194 от 29 II 1928 постановление о проведении ряда подготовительных работ по наделению землей трех групп белуджей: упомянутых выше 350 хозяйств в Мервском районе, группы белуджей Керимхана в Иолотанском районе и белуджей, живущих на Валуевском канале Байрам-Алийского района, и о их кредитовании.[41]

На основании указанных постановлений ЦИКа и Наркомзема ТуркмССР райисполкомы Иолотанского, Мервского и Байрам-Алийского районов в свою очередь принимают ряд конкретных решений.[42] Районные землеустроители и гидротехники Управления водного хозяйства (УВХ), иногда при участии представителей от белуджей, проводят срочные изыскания годных для обработки земель и возможностей их орошения из существующей оросительной сети этих районов. В результате последовательно проведенных изысканий в целом ряде районов была выявлена возможность переселения упомянутых выше групп белуджей на так называемые Кызылбайские земли по каналу Пермет-яб (нынешний Сагар-Чагинский район), оказавшиеся не только годными, но, согласно докладу окружного инспектора землеустройства Мервского округа т. Рашановича, землями «лучшего качества, рекогносцировочно считая 400 га, ровная площадь с признаками прежней обработки и с сетью оросителей, требующих мелкой расчистки».[43] Всего подлежало землеустройству

---

[39] Там же, л. 68.
[40] Там же, лл. 18, 23, 35, 113 и др.
[41] Протокол № 28 Совещания при Наркомземе ТуркмССР от 3 III 1928. Там же, лл. 72—73.
[42] Там же, лл. 74, 76, 103.
[43] Там же, л. 103.

1550 белуджских хозяйств — цифра, которая была положена в основу землеустроительных соображений. В апреле 1928 г. специальной комиссией при Мервском райисполкоме было принято окончательное решение о поселении безземельных белуджей в местностях Пермет-яб и Кызылбай,[44] а 2 мая был выделен специальный железнодорожный состав для белуджей, переселяющихся из Иолотанского района. Для переселения из других районов было выделено необходимое количество верблюдов.

Постановления комиссии при Мервском райисполкоме от 21 IV и президиума Мервского райисполкома от 30 IV 1928 касались не только предоставления белуджам транспорта для переселения. Был предусмотрен и целый ряд других мер, связанных с переселением, наделением землей и проведением посевной кампании. В частности, на этих заседаниях было постановлено: [45]

«в) просить Управление водного хозяйства ТуркмССР... увеличить долю воды на Мервский район.

«г) Управлению Мургабской системы выделить специальное лицо для руководства подготовительными работами по пропуску воды по каналу Пермет-яб и увеличить на одну единицу штат водных надзирателей для обслуживания районов Касе-яб и Пермет-яб.

«д) Кредсельсоюзу подготовиться в общем порядке к кредитованию, авансировать средствами, семенами.

«е) Ввиду полного отсутствия сельскохозяйственного инвентаря у переселяемых безземельных белуджей просить телеграфно СНК ТССР разрешить вопрос о кредитовании белуджей на предмет переселения и приобретения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.

«з) Телеграфно просить СНК ТССР на время посева хлопчатника белуджами забронировать временно за Мервским районом 15 тракторов и 50 сеялок, находящихся на мервском сельскохозяйственном складе».[46]

«Сельхозбанку немедленно принять меры к кредитованию белуджей.

«Райсоюзу и Оргчасти РИКа приступить к подготовке организации сельхозтоварищества и аулсовета, каковых обеспечить необходимыми техническими работниками.

«Закрепить инструктора... до конца посева.

«РИКу принять меры о найме верблюдов для переселения белуджей, а также .. по организации вспашек.

«...белуджей, проживающих в Иолотанском районе, переселить по жел. дороге до ст. Кара-Бата.

«Деньги на расходы по переселению белуджей выдать заимообразно из кассы РИК».[47]

Наделение белуджей землей и, главное, своевременное проведение посевной кампании, от которого зависели в дальнейшем возможности их материального существования, волновали в то время как районные, так и вышестоящие правительственные органы. Одновременно с Мервским и другими райисполкомами происходили совещания Совнаркома Туркменской ССР, специально посвященные землеустройству белуджей. В постановлении одного из таких специальных совещаний от 28/IV 1928 утверждается решение о предоставлении безземельным белуджам, находящимся в Иолотани в количестве 110 хозяйств, пахотных земель местности Кызылбай на канале Пермет-яб в Мервском районе.

---

[44] Протокол заседания Мервского райисполкома от 21 апреля 1928 г. Там же, л. 10.

[45] Цитируем выборочно ряд пунктов указанных двух протоколов.

[46] Протокол заседания Мервского райисполкома от 21 апреля 1928 г. Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 210, оп. 1, д. 16, л. 110.

[47] Протокол № 14 внеочередного заседания президиума Мервского райисполкома от 30 апреля 1928 г. Там же, лл. 119—120.

Для переселения белуджей, их землеустройства, распределения наделов, а также хозяйственного устройства Совнарком решает образовать в Мерве специальную комиссию, под председательством Х. Атабаева, в составе представителей Хлопкома, Сельхозбанка, Кредсельсоюза и райисполкома. Эта комиссия должна была руководствоваться указаниями непосредственно Центральной комиссии по закреплению ЗВР. Комиссии было поручено составление подробного списка переселяющихся белуджей с указанием состояния их хозяйства для оказания помощи различными ссудами на их хозяйственное устройство.

Поскольку в предыдущем году переселяемые белуджи никаких посевов не производили и фактически почти не имели средств к существованию, Совнарком рекомендовал комиссии «возбудить ходатайство перед Экономсоветом Средней Азии о предоставлении Азияхлебом натурального кредитования белуджам до сбора и реализации урожая из расчета 25 пудов на каждое хозяйство, всего 25 000 пудов хлеба».[48]

В качестве главной задачи комиссии вменялось в обязанность принять все меры к вспашке и окончанию посевов хлопка в установленный срок, для чего Сельхозбанку было дано указание обеспечить средства для кредитования белуджей под хлопковые посевы из переселенческого фонда на общих основаниях, а Кредсельсоюзу — в кратчайший срок организовать переселенцев в сельскохозяйственные кредитные товарищества. Для обеспечения своевременных обработки земли и посева все силы мервских прокатных пунктов были переведены на обслуживание белуджей, к которым был прикреплен на это время один агроном.[49]

В начале мая 1928 г. безземельные белуджи[50] были переселены на Пермет-ябские земли в местность Кызылбай. Все члены специальной комиссии оставались на месте до конца посева. Были составлены посемейные списки, переселенцам были указаны границы посевных площадей. Поскольку сроки посева уже наступили и оросить полностью всю землю на Пермет-ябе было невозможно, переселенным белуджам были временно предоставлены также незасеянные земли туркменского аула Кара-яб с тем, что в следующем, 1929 г. землеустройство их будет закончено уже полностью.[51] Кроме хлопка, белуджи сеяли пшеницу[52] и кунжут.[53]

Специальной комиссией было решено к 10 мая произвести расчистку каналов и пустить воду. Были организованы аулсовет и кредитное товарищество. Специальному лицу из комиссии было поручено снабжение белуджей продовольственной пшеницей и хлопковыми семенами, а также денежное авансирование под хлопчатник, посеянный в 1928 г. На Облкредсельсоюз было возложено снабжение белуджей всем нужным сельскохозяйственным инвентарем. Отдельному лицу была поручена организация тракторной вспашки всей переданной белуджам земли через ближайшую машинно-тракторную станцию.[54] Общее наблюдение за ходом

---

[48] Протокол совещания при СНК ТуркмССР от 28 IV 1928 по землеустройству белуджей. Там же, л. 121.

[49] Там же.

[50] Имеются в виду те белуджи, которые не получили земли во время проведения ЗВР в 1927 г. (так как и после 1928 г. приток переселенцев из Афганистана продолжался).

[51] Рашанович. Очередной доклад о ходе дела по устройству белуджей. Там же, л. 103.

[52] Протокол № 14 внеочередного заседания президиума Мервского райисполкома от 30 апреля 1928 г., п. 2. Там же, л. 119.

[53] Протоколы заседаний комиссии при Мервском РИКе по устройству белуджей от 18 и 23 апреля 1928 г. Там же, лл. 124, 125.

[54] Уплата за горючее и амортизацию машин производилась Сельхозбанком из фонда средств кредитования.

всех работ и их подготовкой было возложено на председателя комиссии т. Хаджи Атабаева.[55]

Огромная забота советского правительства о переселившихся белуджах, материальная помощь, организация низовых органов советской власти — аулсоветов и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) значительно ослабили влияние ханов и зависимость от них рядовых белуджей. Становясь мирными и независимыми земледельцами, белуджи в подавляющем большинстве стали отказываться от уплаты подати ханам.

В упомянутой выше докладной записке секретаря ЦИКа Туркменской ССР от 12 I 1929 говорится: «За последнее время замечается бегство от крупных ханов, как, например, Керим-хана и Джангира. Керим-хан до 1926 г. объединял всех белуджей и брахои, находящихся в ТССР (свыше 2000 хозяйств). Сейчас около него осталось не более 800 хозяйств».[56]

Однако материальное благосостояние и повышение культурного уровня не приходят сразу. Еще в 1929 г., после принятия государством описанных выше мер по землеустройству белуджей, материальный уровень переселенцев оставался чрезвычайно низким. Об этом свидетельствует докладная записка врача Красновского, направленного Отделом здравоохранения г. Мерва для ликвидации вспыхнувшей зимой 1929 г. среди белуджей эпидемии гриппа. Главной целью его поездки (28 января—6 февраля 1929 г.) было:[57] 1) определить заболевания и их причины; 2) выявить количество больных; 3) развернуть, если возможно, стационар на месте; 4) наладить дело с эвакуацией больных в Мерв; 5) наладить передаточный пукнт для эвакуированных в ауле Пашан-Али; 6) упорядочить дело с питательным пунктом, учтя по возможности число нуждающихся в питании.

Сплошной медицинский осмотр всего аула выявил следующие заболевания: 1) острый бронхит, 2) грипп, 3) острый трахеит, 4) крупозная и гриппозная пневмонии, 5) брюшной тиф (один случай), 6) цинга (три случая).

Всего больных было до 900 человек, главным образом дети и женщины.

Ознакомившись с заболеваниями и учтя приблизительно число больных, доктор Красновский срочно наладил амбулаторную помощь легкобольным, развернув амбулаторию в одной из прибывших юрт.

Всем тяжелобольным было предложено эвакуироваться в Мервскую горбольницу, так как развернуть стационар на месте не представлялось возможным из-за отсутствия помещения.

Помещение школы и две лагерные палатки из-за холода и отсутствия окон использованы быть не могли. Однако большая часть тяжелобольных от эвакуации в Мерв категорически отказалась. Дело осложнилось тем, что большинство больных составляли дети и женщины. Пришлось организовать помещение тяжелобольных на месте в юртах, таких помещений было сделано 176 (с 29 января по 6 февраля). Посещаемость амбулатории с 25 января по 6 февраля выражалась цифрой 1222. Уговоры об эвакуации, которые врач вел через представителей родов, созвав последних на совещание совместно с предаулсовета, дали отрицательные результаты, уменьшив число приглашений к больным. Эвакуировали

---

[55] Протокол заседания от 5 мая 1928 г. комиссии по устройству белуджей в Мервском районе. Там же, лл. 122—123.

[56] См. Докладную записку секретаря ЦИКа ТуркмССР «Об устройстве белуджей. . .».

[57] Докладная записка врача Красновского о его поездке в белуджский аул Пермет-яб приводится почти дословно.

только добровольно. Эпидотрядом было организовано приготовление горячей пищи в трех походных военных кухнях, что сыграло большую роль в улучшении положения больных, особенно детей, которые больше всех страдали от недостатка горячей пищи.

С 29 января по 6 февраля было роздано 3400 порций горячей пищи (рисовый суп с мясом и овощами). В получении горячей пищи нуждались не только больные дети, но и почти все население аула, главной пищей которого являлись лепешки и жареные зерна пшеницы. Помимо горячей пищи и хлеба, больным и детям было роздано 9 пудов сахара и 15 фунтов чая.

Улучшение питания, медпомощь, а также наступление сравнительно теплой погоды дали сразу же положительные результаты. Смертность сократилась, а затем несколько дней смертных случаев совершенно не было. Ранее же ежедневно смертность доходила до пяти-шести человек в день. Всего умерло за время эпидемии 43 человека, большей частью дети и женщины.

В заключение доктор Красновский пишет: «Развитие заболеваемости и сравнительно большой процент смертности объясняются тем, что жилищные условия, одежда и питание у белуджей совершенно не приспособлены к холодному времени, каковое наблюдалось в настоящую зиму. Живут белуджи в дырявых палатках,[58] которые отапливаются колючкой „по черному“ Женщины и дети раздеты и босы. Я совершенно не видел женщин, которые имели бы теплую одежду. Главная пища — лепешки и жареная пшеница. На то, что заболевания среди белуджей специфически вызваны ненормальными жизненными условиями, указывает то, что среди соседних туркменских аулов нет ничего подобного.

«В заключение отмечу, что до устройства белуджам теплых зимних помещений, а также снабжения женщин и детей на зиму теплой одеждой и периодического подкармливания горячей пищей никакие другие средства не дадут нам гарантии в том, что на следующую зиму не вспыхнет такая же эпидемия, ликвидация которой поглотит опять десятки тысяч рублей и не даст твердых результатов. Необходимо отметить полное содействие медперсоналу представителей родов во время работы эпидотряда... 6 II 1929 г. Пермет-яб».[59]

Еще раньше подачи врачом Красновским докладной записки, 12 января 1929 г., при Совнаркоме ТуркмССР было снова созвано специальное совещание по вопросу о дальнейшем землеустройстве нацменьшинств Туркмении, главным образом переселенцев из Афганистана в районах Теджен, Серахс, Тахта-Базар, Иолотань, Мерв, Байрам-Али. «Для прекращения постоянного передвижения национальных меньшинств из района в район» райисполкомам предписывалось «ни в коем случае не наделять землей ранее уже устроенных в других районах и самовольно переселившихся к своим родственникам нацменьшинств».[60]

Совещание подтвердило необходимость окончательного распределения земли между белуджами на Пермет-ябе, дополнительного наделения землей (по постановлению Байрам-Алийского РИКа) еще 150 хозяйств нацмен в районе Байрам-Али, а также переселения 250 хозяйств белуджей Иолотанского района с Турбинного канала на земли Каптархана, в связи с перенаселенностью земель вдоль Турбинного канала.[61]

---

[58] Врач Красновский называет «палатками» белуджские кочевые шатры гедан.

[59] Из докладной врача Красновского. Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 2, оп. 1, д. 188, лл. 13—15.

[60] Протокол совещания при Совнаркоме ТуркмССР по вопросу о белуджах от 12 I 1929. Там же, ф. 228, оп. 5, д. 88, лл. 2—4.

[61] Протокол совещания при Иолотанском райисполкоме по вопросу землеустройства белуджей от 30 XI 1928. Там же, л. 26.

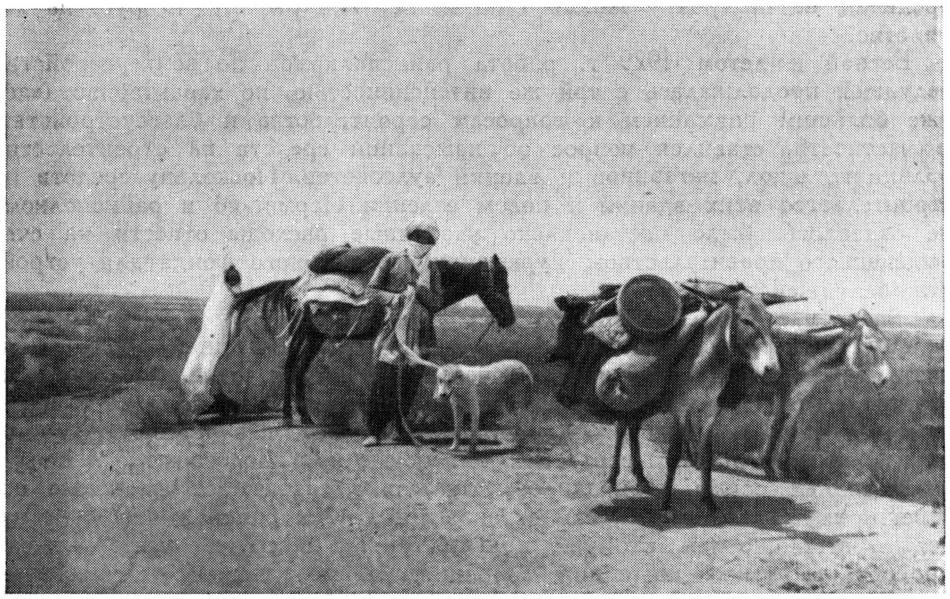


Рис. 3. Перекочевка белуджской семьи. 1929 г.

Одним из важнейших постановлений совещания было поручение: Наркомторгу дать точные сведения о количестве хлеба, направленного на удовлетворение нужд нацмен, и о количестве потребного хлеба до нового урожая, причем «обеспечение нужд нацменьшинств проводить в особом порядке», райисполкомам срочно выяснить и представить сведения о размерах собранного белуджами урожая и необходимой им продовольственной помощи, Хлопкому — отсрочить взыскание задолженности с белуджей до следующего хлопкового сезона.

Это же совещание дало указание народному комиссару земледелия: 1) об исследовании почвенных условий распределяемых земель, а также хозяйственных навыков оседающих кочевников с целью выявления типов сельхозорудий, наиболее пригодных для них, и организации снабжения их в дальнейшем сельскохозяйственными орудиями именно этого типа; 2) об организации постоянного надзора и руководства со стороны низовой агросети (т. е. местных агрономов) над всеми сельскохозяйственными работами. Для этого учредить, в частности на ст. Анненково (ныне совхоз «Захмет») и на Пермет-ябе, постоянные должности агротехников.

Сельхозбанку было поручено предоставить вновь устраиваемым группам нацменьшинств необходимый кредит как на приобретение рабочего скота (из расчета одна голова на хозяйство), так и на другие нужды, согласно спискам райисполкомов.

Народным комиссариатам просвещения и здравоохранения было предложено представить доклады о выполнении прежде уже принятых постановлений Совнаркома, касающихся социально-культурного обслуживания нацменьшинств по линии возведения зданий для школ и создания постоянных фельдшерских пунктов.

Решено было также не позднее осени 1929 г. построить в каждом районе несколько жилых домов европейского типа за счет средств аульного жилищного строительства, а также обеспечить отдельные хозяйства

кредитом на постройку жилья типа *кеппе*[62] из расчета 15 руб. на хозяйство.

Весной и летом 1929 г. работа райисполкомов по землеустройству белуджей продолжалась с той же интенсивностью, но характеризовалась уже большим вниманием к вопросам строительства и благоустройства. В частности, ставился вопрос об изыскании средств на строительство больницы, школ, магазинов и зданий аулсоветов. Поскольку средств на строительство этих зданий в новом селении Пермет-яб в райисполкоме не оказалось, было постановлено указанные расходы отнести на счет выделенного правительством Туркмении специального фонда для устройства белуджей.[63]

Наделение землей производилось уже окончательно, при возможно более точном распределении наделов сообразно с величиной семей. Трудность заключалась в текучести кочевого населения, отдельные семьи и группы семей с большой легкостью переселялись в те времена с места на место, часто поближе к родственникам, а иногда и в надежде получить новый, лучший надел и соответственно новые производственные и продовольственные ссуды. Приходилось тщательно сверять составляемые посемейно-имущественные списки с таковыми других районов, чтобы не наделять вторично тех, кто уже получил землю в другом месте. Списки проверялись также на общих собраниях переселенцев и в аулсоветах.

Средства, отпускаемые советским правительством для землеустройства и благоустройства белуджей, были достаточно велики. В одном лишь Мервском районе в июне 1929 г. из специального фонда на устройство белуджей было получено от Центрального сельхозбанка 12 000 руб.[64] Средства эти шли и на строительство школ, и на обслуживание населения медицинской помощью, но главным образом — на специальные изыскания и строительство мелиоративной сети, на приобретение сельскохозяйственных машин (в протоколе заседания комиссии при Мервском райисполкоме от 23 VI 1929 упоминаются дисковые бороны, бороны «зигзаг», плуги[65]), на выдачу кредитов для приобретения рабочего скота и на другие производственные нужды.

Распределение земли производилось по принципу паевого наделения, причем комиссия считала необходимым с самого начала предусмотреть правильную организацию севооборота в хозяйствах.

Всего на Пермет-ябе белуджам было выделено на 565 хозяйств с одним-тремя едоками по 1.67 га на хозяйство (943.55 га), на 419 хозяйств с четырьмя-шестью едоками — по 3.33 га на хозяйство (1395.46 га) и на 14 хозяйств с количеством от семи до девяти едоков — по 4.8 га (67.2 га), т. е. всего 2406 га. Из них под посевом хлопчатника было занято 962 га, а под люцерной, пшеницей и под паром — по равной доле в 481.2 га.[66]

Землеустроительная кампания 1929 г. имела одну важную особенность: был поставлен вопрос об идеологической и культурной работе среди белуджей. В цитированном выше протоколе совещания при СНК ТуркмССР от 12 I 1929 говорится: «Поручить местным исполкомам:

---

[62] Кеппе — одно- или двухкамерное жилище, стены которого состоят из деревянного каркаса, заполненного камышовыми циновками *кäппä* или поставленным вертикально камышом, и обмазаны глиной снаружи и изнутри.

[63] Протокол от 23 VI 1929 совещания комиссии по устройству белуджей при Мервском Райисполкоме. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 188, лл. 57—58.

[64] Протокол от 23 VI 1929 совещания комиссии по устройству белуджского населения при Мервском райисполкоме. Там же, лл. 56—58.

[65] Там же.

[66] Агропроект для землеустройства белуджей на Пермет-ябе, 1929 г. Там же, л. 206.

«а) повести решительную борьбу с влиянием родовых вождей путем устранения их от каких-либо выборных советских и общественных должностей, путем усиления культурно-просветительной работы среди нацменьшинств и непосредственного обслуживания всех нужд бедняцких слоев нацменьшинств с устранением всякого посредничества вождей;

«б) принять меры к прекращению явлений, содействующих возникновению и развитию национальной вражды между туркменами и нацменьшинствами».[67]

Выше в этом же протоколе говорится о выдаче ссуд белуджам «с полным устранением родовых вождей от какого-либо участия в деле распределения этих ссуд».

Предпринятые райисполкомами попытки классового подхода к распределению наделов не везде привели к успешным результатам. Например, в Иолотанском районе при наделении землей белуджей, переселяемых с Турбинного канала, попытка провести наделение землей не по родовому, а по имущественному признаку вызвала резкое противодействие вплоть до отказа от земли и воды. Комиссии пришлось пойти на компромисс и распределить землю по уже существующим группам — родам, организовав из каждого рода самостоятельный поселок, внутри же родовпоселков землю распределить по классовому принципу с тем, чтобы бедняки получили лучшие, более удобные земли.[68] В ауле Сухти того же района члены белуджского общества согласились с предложенным проектом, и вся земля была распределена по классовому признаку, т. е. группировка хозяйств была проведена так: 1-я группа — бедняки, вообще не имеющие скота, и 2-я группа — хозяйства, имеющие только мелкий рогатый скот, получили земли ближе к голове ирригационной сети, более удобные и легче осваиваемые, 3-я группа — хозяйства, имеющие одну голову рабочего скота, получила землю несколько дальше от головного сооружения, все остальные — еще дальше.[69] В целом расположение передаваемой белуджам земли в головной части распределителя Сухти давало возможность (в случае необходимости) полива земель постоянным током, без нарушения чередования в остальных частях системы, что имело положительное значение в связи с неопытностью белуджей, не успевавших, как показал опыт, уложиться в принятые сроки поливов.[70]

Всего в Иолотанском районе белуджи получили 3148.13 га земли, орошаемой из каналов Ших-Демир-яб, Кара-яб и Каптархана-Патшалык-яб. Земли разделили на восемь поселков с количеством дворов от 50 до 70 в каждом. Шесть поселков разместились в пойме р. Мургаба и два — вдоль канала Ших-Демир-яб. Пахотные земли были поделены в индивидуальное пользование при средней норме $3\frac{1}{4}$ га на надел (1/4 га на усадьбу), а в тех случаях, когда это было почему-либо невозможно, на группу (обычно, родственников) — *пайкал* из 9—11 семейств, объединенную в данном случае общим пользованием землей и водой. Для устранения каких-либо конфликтов в будущем на почве водоиспользования на всех оросителях были поставлены регуляторы. При распределении учитывалось качество земель, и при необходимости норма отпуска воды увеличивалась. Были приняты все меры для увеличения отпуска воды вообще на этот район.

---

[67] Протокол совещания при Совнаркоме ТуркмССР по вопросу о белуджах от 12 I 1929. Там же, ф. 228, оп. 5, д. 88, лл. 3—4.

[68] Там же, л. 316.

[69] Там же, л. 319.

[70] Там же, л. 303.

Районной посевной комиссии вменено было в обязанность организовать машинные товарищества среди белуджей и следить за своевременной переброской тракторов и снабжением посевным материалом.[71]

Посевные кампании у белуджей в 1930—1932 гг. продолжали оставаться в центре внимания райисполкомов. В эти, как и в предыдущие годы продолжалось кредитование белуджей и снабжение их сельскохозяйственным инвентарем, рабочим скотом и продовольствием. Работа была нелегкая. В 1930 г. распределенные до этого срока земельные наделы закреплялись уже окончательно.[72] Однако, как упоминалось выше, отдельные семьи и группы семей легко переселялись с места на место, руководствуясь самыми различными причинами и соображениями.

Как правило, из пяти полей, на которые разделялась тогда земля у белуджей, одно засевалось озимой пшеницей (лишь весной 1929 г. ввиду продовольственных затруднений каждое хозяйство засеяло дополнительно 0.5 га яровой пшеницы) и два — хлопчатником. Белуджи охотно сеяли пшеницу и не очень охотно — хлопок, в то время еще не понимая материальных выгод, которые несет возделывание этой культуры. Имели место отдельные случаи, когда небольшие селения белуджей, собрав урожай пшеницы (поспевающей раньше хлопка), ночью снимались с места и уходили в другой район, оставив посевы хлопка на произвол судьбы. Приходилось разыскивать этих «кочевников» и путем уговоров возвращать их на прежние места, где им под будущий урожай хлопка уже были выданы кредиты.

Как рассказывают сами белуджи, вспоминая эти времена, с целью поощрения добросовестной обработки хлопка для дехкан были введены специальные книжки, в которых последовательно отмечали выполнение плана обработки хлопчатника. Каждая выполненная работа давала обладателям этих книжек возможность преимущественного получения в магазинах продуктов (сахара, чая, масла, муки), а также и мануфактуры. Поскольку в те времена снабжение этими товарами было организовано еще недостаточно хорошо, введение таких книжек создавало заинтересованность в правильной и своевременной обработке хлопчатника.

Я. Р. Винников в упоминавшейся выше статье рассказывает об огромной и кропотливой работе (свидетелем и участником которой он был[73]) специалистов из земельных органов, обучавших белуджей приемам обработки земли как старыми орудиями труда, так и новым сельскохозяйственным инвентарем, а также агротехнике и поливу сельскохозяйственных культур.

Одной из серьезных задач райисполкомов в эти годы (1930—1932) являлось поднятие общего культурного уровня белуджей. На ст. Анненково и других были организованы агрономические и ветеринарные, а также фельдшерские пункты, в обязанность которых входила как амбулаторная помощь больным, так и врачебная помощь на дому, т. е. выезд по вызовам больных. Из ЦИКа ТуркмССР был направлен в эти районы специальный инструктор для нацменьшинств, знающий персидский язык. Были открыты школы для белуджей и представителей других нацменьшинств, здания для которых райисполкомы или покупали, или строили специально. Школьников обеспечивали теплой одеждой и обувью. Определялись границы поселков, устанавливались размеры

---

[71] Там же, лл. 108—109. При проведении всех описанных организационных мер прежняя роль ханов постепенно сводилась на нет. В конце 1929 г. Керимхан покинул пределы Туркмении, за ним последовали и другие ханы.

[72] Там же, ф. 66, оп. 1, д. 9, л. 12.

[73] Имя Я. Р. Винникова упоминается во многих документах Марыйского филиала ЦГА ТуркмССР, касающихся работы среди белуджей (например, ф. 210, оп. 1, д. 16, л. 76; ф. 228, оп. 5, д. 88, лл. 5—7, 108—109, 303 и др.).

кредитования на строительство, началась работа над созданием домов определенного типа, соответствующих привычкам и требованиям белуджского населения.[74]

В 1930 г. впервые был поднят вопрос о вовлечении белуджей в коллективные хозяйства,[75] но в то время и экономический, и культурный уровень переселившейся группы был еще настолько невысок, что эту задачу пришлось отложить. Лишь постепенное освоение современной культуры земледелия, а главное, наглядный пример успешной коллективной работы колхозников соседних туркменских колхозов способствовали переходу белуджей на колхозный путь.[76]

Белуджские хозяйства начали объединяться в колхозы в 1933—1934 гг. Первые колхозы были небольшими и маломощными, включали обычно жителей одного-двух поселков, сельскохозяйственного инвентаря было мало. Все сельскохозяйственные машины были в ведении МТС, но среди белуджей не было трактористов. Не из кого было их и вербовать, ибо население не только было сплошь безграмотно, но в силу весьма глубоких в то время религиозных предрассудков противодействовало школьному образованию мальчиков, не говоря уже о девочках. В течение ряда лет вовлечение детей в школы и молодежи — на курсы механизации оставалось в отношении белуджей одной из самых насущных задач. И сейчас среди старшего поколения трактористов и шоферов в белуджских колхозах можно встретить людей, ставших трактористами, имея всего двух-трехклассное образование. Колхозы легко распадались, так как члены одного колхоза нередко переходили на жительство в другой колхоз. Здесь играли роль не обязательно специфически кочевые традиции, но и целый ряд других причин. Переселение отдельных семей и групп из Афганистана в Туркмению продолжалось еще и в 1929—1930 гг. и даже позднее.[77] Желание жить поближе к родственникам, иногда неудовлетворенность какой-либо бригады полученной в колхозе землей, ссора с председателем — любой повод мог вызвать переход в другой колхоз. Само переселение не составляло трудности для недавних кочевников, было для них привычным делом. Постепенно колхозы укрупнялись, крепли, оснащались современной техникой, но еще в 1950 г. белуджи работали в 23 колхозах, из которых девять были чисто белуджскими.[78] Последнее укрупнение колхозов произошло в 1951 г.

На фоне изложенного материала представляет интерес биография известного хлопкороба, белуджа из племени родени Нуреддина Азадова. Родители Нуреддина пришли из Афганистана, когда ему еще не было четырех лет. Вскоре они умерли. Нуреддин убежал от своего дяди, который бил его и заставлял работать не по силам, и устроился, вопреки желанию своих родственников, в белуджский интернат в городе Мары. По его рассказам, когда дядя приходил за ним, он прятался и умолял администрацию интерната не отдавать его родственникам. В интернате его хорошо кормили и одевали, учиться ему нравилось. Его родственники оставались в Серахсе, в белуджской бригаде туркменского колхоза «Большевик». В 1936 г. они перешли, там же в Серахсе, в колхоз им. XVII Партсъезда, в 1938 г. три колхоза, в том числе и колхоз им. XVII Партсъезда, объединились в один крупный многонациональ-

[74] Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 66, оп. 1, д. 9, лл. 11, 13.
[75] Там же, л. 11.
[76] Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР, стр. 86—87.
[77] При сплошном подворном анкетном обследовании поселка 1—2-й бригад колхоза им. Калинина оказалось, что из старшего поколения жителей одного только указанного поселка 26 человек пришли из Афганистана в 1929 г., четверо — в 1930, двое — в 1931 и один — в 1936 г. из Мешхеда (Иран). Почти все они прибыли в детском возрасте, с семьями своих родителей.
[78] Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР, стр. 87.

ный колхоз «Интернационал». В нем были белуджи, персы, русские, немцы, туркмены, казахи, джемшиды, хазара. Больше всего было персов. Нуреддин в 1937 г. окончил школу-семилетку, в 1938 г. — курсы механизаторов, но по молодости работать еще не мог: 14-летний мальчик не мог самостоятельно заводить машину. В 1940 г., получив паспорт, он стал учеником бухгалтера, потом бухгалтером. В 1944 г. родени (группа из двух подразделений, миададзи и джамальдинзи) перешли из колхоза «Интернационал» в белуджский колхоз им. Калинина Иолотанского района, а в 1957 г. — в колхоз им. Куйбышева. Нуреддин стал бригадиром 2-й бригады, но земля у бригады была неудачная, зараженная вилтом (см. гл. II, «Земледелие»), два года подряд не могли выполнить плана сбора хлопка. В 1958 г. Нуреддин со своей группой миададзи отделился от джамальдинзи и ушел в туркменский колхоз «Победа», один из крупнейших в Иолотанском районе, где присмотрел для своей бригады хорошую землю на берегу р. Мургаба. Землю эту белуджи хорошо обработали, и бригада Нуреддина выполняет теперь план сбора хлопка на 200% (в 1966 г. — 206%). За перевыполнение плана в 1961—1965 гг. Нуреддин получал от колхоза подарки: ковер, два мотоциклета, часы, корову с теленком. С 1963 г. Нуреддин — бессменный депутат местного Совета депутатов трудящихся.

Бригада разрослась, в поселке живет теперь 36 семей. Ядро бригады составляет семейно-родственная группа Нуреддина, состоящая из восьми семей подразделения миададзи племени родени и шести семей племени гархель, общей родительницей последних была женщина родени, родственница Нуреддина. Таким образом, эти шесть семей присоединились к семейно-родственной группе Нуреддина по женской линии. Как указывалось, группа Нуреддина обосновалась на этих местах в 1958 г., составив ядро 1-й бригады колхоза «Победа». В течение последующих лет к ней присоединился ряд семей из других мест: в 1961 г. — две семьи племени брагуи из 3-й бригады этого же колхоза, в 1962 г. — четыре семьи племени бабакери из колхоза «Ат-Чапар» и две семьи наруи из Иолотанской зональной станции, в 1963 г. — две семьи испеджои из колхоза им. Жданова, в 1964 г. — две семьи бафечи из колхоза им. Жданова, четыре — галабача из совхоза «Большевик», одна — теймури, одна — дамардаг и одна — арбаб из колхоза им. Калинина, в 1965 г. — одна семья реки и одна гархель из колхоза им. Жданова, в этом же году одна семья иесези из колхоза им. Куйбышева Туркмен-Калинского района перебралась к отцу жены главы семьи, который уговорил зятя перейти в этот колхоз, где у 1-й бригады хорошая земля, обилие воды, выгодные условия работы, в 1966 г. — три семьи рахшани из колхоза им. Жданова.

Переход отдельных семей в бригаду Нуреддина из колхоза им. Жданова того же района был вызван, по-видимому, временными неполадками в этом колхозе.

Бригада Нуреддина привлекает людей как преуспевающая, имеющая высокий процент выполнения плана, следовательно, и хороший доход. Таким образом, мы видим, что, хотя ядром этой бригады является группа племени родени, в целом племенной состав ее довольно пестрый. 15-я бригада этого колхоза состоит из шести хозяйств племени гулам, четырех — дамардаг, двух — зарози, одного — брагуи и одного — харо Стимулом создания бригад (и поселков) являются сейчас уже не родовые и даже не родственные связи, а чисто деловые, экономические интересы.

Надо сказать, что в течение ряда лет председатели колхозов и директоры совхозов охотно привлекали на работу белуджей. Кроме обычной для Туркмении нехватки рабочей силы, здесь играло роль и то обстоятельство, что белуджи любят открытую степь, привыкли к пескам и

охотно селились и обрабатывали землю на окраинах колхозных и совхозных территорий, не боясь трудностей ее обработки. Прежде жизнь на периферии колхоза, вдали от центра предоставляла отсталым в культурном отношении белуджам еще и то преимущество, что никто не вмешивался в их жизнь, давая возможность сохранять старые, часто вредные традиции, например не отдавать девочек в школы и т. д. Как мы увидим ниже, подобные тенденции отошли сейчас в далекое прошлое и уже не являются характерными даже и для разбросанных на периферии туркменских колхозов и совхозов белуджских бригад, где требования к среднему образованию как для мальчиков, так и для девочек неизмеримо возросли.

Что касается больших белуджских колхозов, то население в них в основном можно считать постоянным и вполне осевшим. Процесс оседания прошел здесь гораздо быстрее и закончился много лет назад. Насколько изжиты уже среди большинства белуджского населения остатки кочевых традиций, показывает материал подворного анкетного обследования, проведенного в 1967 г. в двух поселках колхоза им. Калинина Иолотанского района. Оказалось, что подавляющее большинство детей колхозников родилось в этом колхозе. В наиболее крупном из поселков этого колхоза, поселке 1-й и 2-й бригад (140 дворов), 96% детей (495 из 515) родилось в этом колхозе. Это свидетельствует о многолетней прочной оседлости населения, так как даже те немногие супружеские пары, у которых старшие дети родились в других местах, живут в этом колхозе уже 14—17 лет.

В настоящее время в пределах Мургабского оазиса (бывшей Марыйской области) Туркменской ССР имеются три белуджских колхоза: колхозы им. Калинина и им. Жданова в Иолотанском районе и колхоз им. Куйбышева в Туркмен-Калинском районе. Кроме того, как уже говорилось, многочисленные белуджские бригады имеются в ряде других колхозов и в совхозах Иолотанского, Туркмен-Калинского и Байрам-Алийского районов и на Иолотанской зональной селекционной станции. Отдельные семьи белуджей проживают также в Теджене и Серахсе.

Более крупными из трех белуджских колхозов являются колхоз им. Калинина (в 1962 г. — 1453 человек, в 1966 г. — 1740 человек) и колхоз им. Жданова (в 1962 г. — 1359 человек). Как и во многих туркменских колхозах, национальный состав их довольно пестрый, хотя основное население этих колхозов составляют белуджи. Так, в колхозе им. Калинина в 1962 г. проживало белуджей 903, туркмен — 356, казахов — 64, узбеков (местное название тат) [79] — 95, афганцев — 16, персов — 13, джемшидов — 7, русских — 2 (на свино- и птицеферме), в колхозе им. Жданова белуджей 835, туркмен — 414, бербери — 48, афганцев — 20, персов — 29, хазара — 6, татар — 7, русских — 2 (на птицеферме).[80]

Туркмены в белуджских колхозах (как и белуджи — в туркменских), как правило, составляют отдельные бригады. В колхозе им. Калинина имеются две полеводческие туркменские бригады — 3-я и 4-я и одна механизаторская, в колхозе им. Жданова — две полеводческие, 6-я и 7-я. Отдельные туркменские семьи и небольшие группы семей встречаются и в белуджских бригадах. В колхозе им. Куйбышева Туркмен-Калинского района нет отдельной туркменской бригады, туркмены живут и работают вместе с белуджами.

Казахи большей частью живут в песках и обслуживают расположенные там фермы мелкого рогатого скота, работая как пастухами, так и

[79] Термином «тат» называют узбеков и другое не туркменское население в некоторых районах Туркмении (Иолотанском, Марыйском, Чарджоуском и. др.).

[80] Приводя указанные цифры, мы отнюдь не претендуем на абсолютную их точность, так как подсчет производился по посемейным книгам колхозов, порядок ведения которых заставляет желать лучшего.

главным образом в качестве *сучи* (туркм. *сувчы*) — подающих воду из колодцев во время водопоя. Афганцы, персы, хазара, джемшиды, узбеки и татары живут и работают вместе с белуджами.

В больших белуджских колхозах, в поселках белуджских бригад, белуджи живут довольно компактной массой. Например, в колхозе им. Калинина, в поселке 1—2-й бригад (140 домов), белуджи составляют около 95% населения (759 человек из 808),[81] в центральном поселке, значительно меньшем, — около 91% [82] (205 из 229 человек).

В следующих главах нашей монографии мы попытаемся дать читателю представление о специфических особенностях хозяйства, материальной культуры и быта белуджей Туркмении, показывая переход от старых примитивных форм земледелия, животноводства, жилища, пищи и прочих сторон быта к новым, современным их формам, основывающимся на высоком материальном и культурном уровне, на развитии у белуджей новой социалистической идеологии.

Изучение развития хозяйства и культуры небольшой национальной группы белуджей ярко подтверждает великое теоретическое и практическое значение учения В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых народов, которые «с помощью пролетариата передовых стран... могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития к коммунизму...».[83]

---

[81] Остальные 5% составляют афганцы — 14, узбеки — 14, арабы — 8, теймури — 5, кроме них, 2 персиянки, 2 татарки, 1 русская, 1 уйгурка, 1 джемшидка и 1 таджичка.

[82] Остальные 9% составляют персы — 9, афганцы — 5, джемшиды — 4, русские женщины — 2, туркменки — 2, татарки — 2.

[83] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Сельское хозяйство белуджей развивается на экономической основе всего сельского хозяйства Туркмении, являющегося одной из важнейших отраслей экономики республики. Оно имеет, как и во всей Туркменской ССР, земледельческо-скотоводческое направление с преобладанием в земледелии поливных культур и среди них в качестве главнейшей культуры — хлопчатника. В животноводстве преобладает разведение овец каракульской породы, в рамках государственного плана белуджи занимаются также шелководством, в прошлом им незнакомым.

Как упоминалось выше, основная масса белуджей Туркмении расселена в Мургабском оазисе, являющемся самым южным и вторым по значению в Туркменской ССР после Аму-Дарьинского. Река Мургаб, вода которой в значительной степени разбирается на орошение в Афганистане, может оросить лишь около 100 тыс. га земли. В недалеком прошлом орошаемые площади оазиса сильно страдали от недостатка воды и давали пониженный урожай. С 1959 г., с введением в строй первой очереди Каракумского канала, на помощь местному орошению пришли мощные воды Аму-Дарьи. С введением второй очереди вновь орошены десятки тысяч гектар плодородных площадей. Положение с водой на старых культурных землях также значительно улучшилось.

Знакомясь с земледельческим хозяйством белуджей, необходимо прежде всего иметь в виду, что белуджи не являются исконными земледельцами. На протяжении своей истории они были кочевниками-скотоводами. Их переселения в течение столетий из Северного и Центрального Ирана на юг, в Керман и Мекран, а затем на восток и северо-восток, в Сейстан, Белуджистан и Синд, не содействовали развитию у них земледелия. Если местами, там, где определенные участки становились собственностью отдельных племен, белуджи и начали заниматься земледелием, часть их ввиду отсутствия годных для обработки земель продолжала вести кочевую жизнь, занимаясь скотоводством.

По рассказам стариков, белуджи, пришедшие, как уже говорилось, 100 лет назад из тогдашнего Британского Белуджистана на р. Гельменд, не умели возделывать землю. В пойме р. Гельменда, когда уходила вода, они сеяли семена сорго *зорат*, *маш* и фасоли *мак* в трещины *каркаʧ* сы-

рой еще поймы.[1] Во время сбора урожая срезали только самые колосья небольшим серпом *аррäг* с зубчиками, который служит специально для нарезания травы скоту (рис. 4, *1*). Основным их занятием по-прежнему было овцеводство.

Позднее белуджи постепенно стали отводить арыки от Гельменда и его притоков, появилась соха *рахт*.[2] Ее делали из любого дерева, но больше всего, по мнению стариков, подходит для этой цели туранга (по-белуджски *падаг*, особый вид невысокого кривоствольного тополя) ввиду ее легкости и прочности. Соху белуджи делали сами, а сошник *майад* заказывали кузнецам из племени лури. Они стали распахивать землю, производить полив и сеять пшеницу, но земледельческие навыки были, видимо, чрезвычайно примитивны.[3]

Белуджи не имеют, таким образом, древних земледельческих традиций, подобно, например, таджикам. Однако у них имеется легенда о происхождении земледелия, заимствованная, возможно, у окружающего земледельческого населения, таджиков или афганцев, о том, что земледелие произошло от Бабаи Адама (деда Адама).

В те времена, когда белуджи пришли на Гельменд, там было много свободной земли. От Гельменда до Чехансура людей было мало. С захватом земли отдельными племенами шло присвоение этих земель их вождями, ханами.

После описанного выше нападения афганцев и бегства части белуджей в Иран афганские власти договорились с оставшимися мелкими белуджскими ханами об уплате подати (государственного налога) *бакиат* или *малиа*,[4] — $^1/_{10}$ урожая (*дахьяк*). Белуджам, разоренным переселением и находившимся в Иране в качестве безземельных, бесправных пришельцев, было разрешено вернуться на свои земли. Каждое подразделение племени во главе со своим ханом вернулось на свое место. В то время, память о котором сохранилась у старшего поколения, в качестве владельцев земли выступали катхуда и их ближайшие родственники; подавляющее большинство трудящихся дехкан выступало в качестве издольщиков *базгар*. Земли, принадлежавшие катхуда или его родне, т. е. находившиеся в частном владении, назывались мильк. Границы мильков обозначались валом из земли под названием *ţak*.

Борьба за землю, как между отдельными белуджскими ханами, так и между катхуда, не прекращалась в Чехансуре еще до недавнего времени. Интересен рассказ очевидца, старого бригадира колхоза им. Жданова Иолотанского района Рахмана Амирова, до 12 лет жившего в Афганистане. Отец его был издольщиком у катхуда Султанмамеда. Когда Султанмамед состарился, соседний катхуда Достмамед племени нотани решил захватить у него кусок земли, пограничный с его территорией. Он заявил,

---

[1] Примитивные посевы зерновых и посадка бахчевых культур на влажных пойменных землях без вспашки применялись еще в XIX в. у туркмен, см.: Г. П. Васильева. Туркмены (том «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира», М., 1963, стр. 51), а также: Г. П. Васильева и А. Джикиев. Некоторые результаты изучения материальной культуры и быта населения Юго-Западной Туркмении. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее везде КСИЭ), вып. XXXIV, 1960, стр. 6.

[2] В Иранском Сейстане землю пашут также примитивной деревянной сохой, при помощи которой удается лишь поверхностно (глубиною в 10 см) вспахивать твердую, но плодородную почву (А. Б. Аграрный вопрос в Персидском Сейстане. Новый Восток, 1930, № 28, стр. 176).

[3] Как рассказывает упоминавшийся выше Сапар Шамаммад, четыре поколения (чар пушт) тому назад племя реки еще жило в Белуджистане. Придя в поисках свободной земли в Чехансур, белуджи заняли землю в местности Ерендаз (4—5 км от г. Чехансур), сеяли сорго, маш, дыни и арбузы.

[4] Малиа — название местного налогового управления, отсюда и собираемый им налог часто называют малиа.

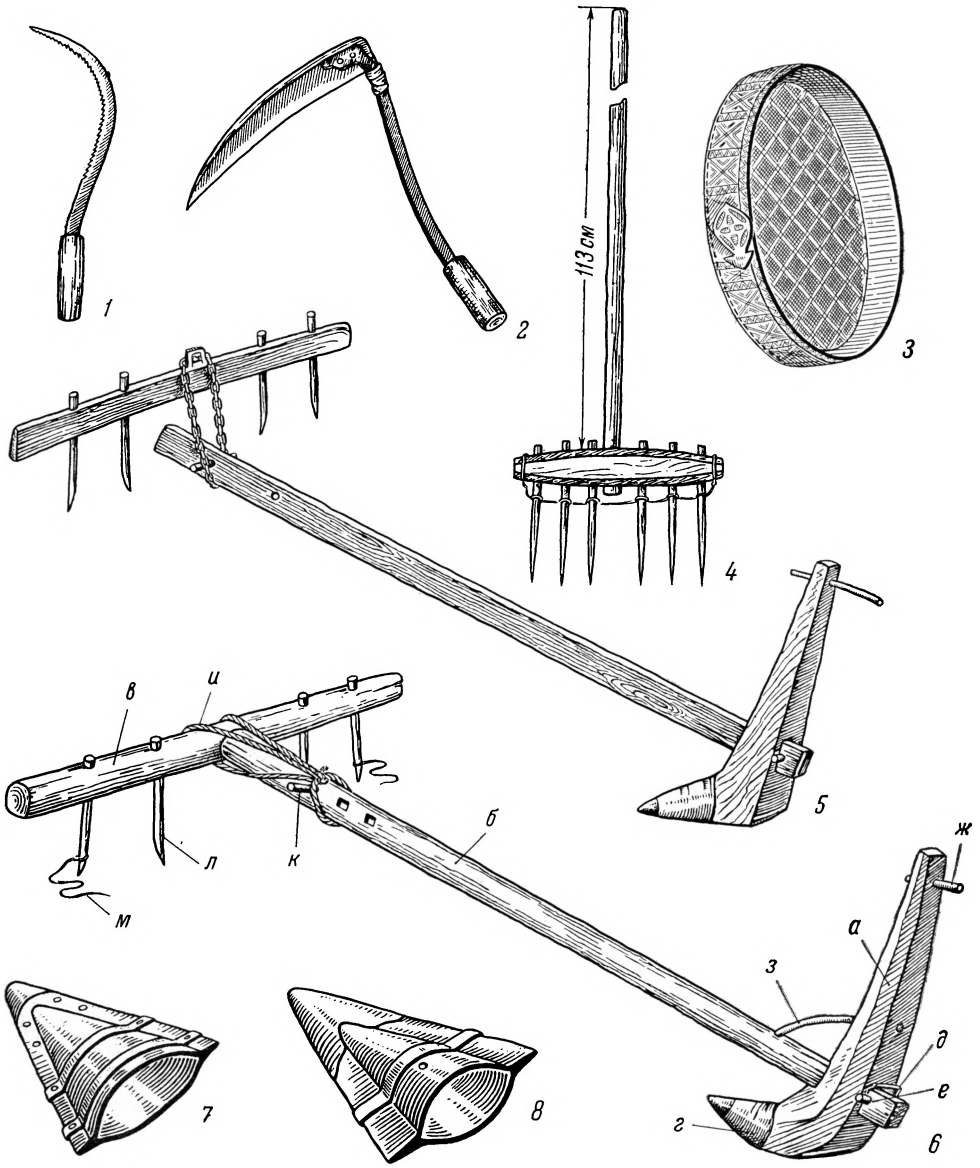


Рис. 4. Земледельческие орудия.

1 — серп аррӓг для резки травы, идущей на корм скоту; *2* — серп мангал для жатвы пшеницы; *3* — решето гечин для просеивания зерна; *4* — вилы чаршаха для веяния зерна; *5* — современный туркменский плуг, употребляемый в белуджских хозяйствах *б* — соха рахт, употребляемая населением северо-западного Афганистана, в том числе и белуджами: *а* — станина рахт, или кунда, *б* — дышло тир, *в* — ярмо джуӈ, *г* — сошник майад; белуджские названия мелких частей сохи и ярма: *д*, *е* — пик, *ж* — даст ника, *з* — шайтанак, *и* — чармина, или гардени, *к* — ме, *л* — джуӈлу, *м* — дасаг; *7*, *8* — сошник.

что этот отрезок земли издавна принадлежал ему, и весной послал туда своих людей пахать. И Султанмамед тоже послал своих издольщиков пахать эту землю. Султанмамед уже был стар и слаб и не мог постоять за себя, но его жена Назатун, хотя тоже была уже стара, но была смелой и очень энергичной женщиной. Она села на лошадь, взяла большой нож *селава* и приехала на поле. Назатун отдала поводья Рахману, пасшему возле поля ягнят, пошла на поле и закричала на Достмамеда, чтобы он убирал прочь свох людей, потому что это поле принадлежит Султанма-

меду. Достмамед отвечал: «Поле мое, и людей не уберу». Долго они кричали друг на друга. Достмамед не уступал. Тогда Назатун выхватила нож из-под покрывала и полоснула его наискось по лицу, а сама побежала к коню и умчалась домой. У Достмамеда лицо залилось кровью. А Назатун приехала домой, зарезала самого большого барана, отрезала заднюю половину с курдюком, запихала в хурджин и поехала к пушдару в Кенгей-калат. Она отдала ему полбарана и рассказала свою жалобу. Пушдар послал с нею двух человек на место происшествия, и они прогнали Достмамеда и его людей.

Борьба за землю шла не только между белуджскими ханами. Афганские ханы также стремились любыми средствами присвоить землю белуджей.

Кроме милька, у белуджей, как и вообще в Афганистане, существовали еще две формы землепользования, вернее, две формы аренды земли — *калгир* и *нукин джу*. В первом случае катхуда сдавал небольшой участок крестьянину, не имеющему земли, но имеющему свои сельскохозяйственные орудия, быков и семена. От катхуда крестьянин получал землю и воду, остальное было его. Если у него не было быков, их мог одолжить сосед, за это уже ничего не брали. Маленький участок обрабатывали иногда кетменем *тешаг*. *Калгиркар*, т. е. человек, владеющий участком калгир, отдавал катхуда $^1/_4$ часть урожая.

Во втором случае декханин получал от катхуда участок неорошенной земли. Он сам проводил арык и эта земля уже считалась его временным владением. Арык роют в Афганистане и кетменем, и лопатой *бел*. Лопаты сходны с туркменскими, но в отличие от последних имеют не железное ушко улу (белудж. *гошук*) для упора ноги, а деревянное кольцо, надеваемое сверху на древко лопаты, от кольца отходит загнутый вверх конец *ʈакак*, на который ставят ногу. В Чехансуре все лопаты такие, потому что люди работают там босые и на железное ушко ставить ногу больно. Различаются *били растгуш* — для работающих правой ногой, и *били чапгуш* — для работающих левой ногой (с загнутым концом *ʈакак*, отходящим вправо или влево).

Как калгир, так и нукин джу получить было очень трудно, и большого распространения эти формы землепользования не имели.

Количество земли исчислялось на пагоу. Пагоу — участок, который могут обработать пять человек: четыре пахаря и один старший с одной парой быков.[5] Например, катхуда ранда таукалези Динмамед имел земли

[5] Пагоу = 1.85 га, см.: А. Б. Аграрный вопрос..., стр. 175. Автор вычисляет эту цифру, исходя из количества зерна, которое можно посеять на указанной площади, равного 600 тавризских ман, т. е. 111.5 пудам. Как сообщает тот же автор, в Иране из пяти человек, арендующих каждый пагоу, полевыми работами заняты только два. Остальные отбывают барщину для катхуда. Лишь в свободное от барщины время они могут помогать своим товарищам (там же, стр. 178). По сообщению справочника «Современный Иран» (стр. 152), в Иранском Сейстане пагоу (в других районах Ирана «джофт» или «зоудж»), т. е. площадь, обрабатываемая с помощью одной пары быков, составляет примерно от 3 до 4 га, в зависимости от структуры почвы и прочих условий. Видимо, эта мера варьируется в разных районах. Пагоу является единицей площади, из которой исходят при сдаче земли в аренду крестьянам. Однако большая часть крестьян-издольщиков лишена возможности иметь в своем хозяйстве даже одного быка. У белуджей Северного Белуджистана, так же как и в Афганистане, была распространена аренда участков земли пагоу у государства или у феодалов группами по пять-шесть работников. Участники группы выбирали старшего, *салар* — в Афганистане, *покор* — в Белуджистане (М. Г. Пикулин. Белуджи. М., 1959, стр. 143). Таким образом, площадь земли под посевом измеряется не по количеству людей, а по количеству пар быков, на ней работающих, по-белуджски «йак джуфт гокей рахтиен ʤигăр» («земля, обрабатываемая одной парой быков»). У оседлого населения Средней Азии термину «пагоу» соответствует термин *кош*, см.: Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, гл. III, В. А. Якиманский, Землевладение и землепользование, стр. 72. Этому вопросу посвящена подготовляемая

120 пагоу. Эти 120 пагоу разделялись на три поля *дарышт*. Сеяли на 40 пагоу, остальные два поля оставляли под пар. Такая своеобразная экстенсивная «трехпольная» система *сейдарышт* была распространена у всех белуджей и при отсутствии каких-либо удобрений вызывалась, видимо, необходимостью. На богарных землях *дайма* практиковалась даже четырехпольная система *чардарышт*.

Те 40 пагоу, которые засевали в данном году, обрабатывали издольщики базгар. Обычно для 2 пагоу (т. е. 10 издольщиков) делали один общий ток харман. Но иногда объединяли и 6, и 8 пагоу. В последнем случае работала группа из 40 издольщиков. Они работали из четвертой доли урожая, т. е. при дележе хармана на их долю шла $^1/_4$. Работали коллективно: одни поливали, другие сеяли, третьи ровняли поле малой. Распределял работу, руководил поливом, а позднее и уборкой урожая, лучший специалист из них, называвшийся *салар*, он же вел текущие дела с землевладельцем.

В пагоу мы имеем, возможно, пережиток древней общинной формы землевладения, так как сама земля измерялась по участкам, которые коллективно обрабатывала группа из пяти человек с одной парой быков. Собирали урожай также коллективно, объединяя по 8 пагоу, т. е. по 40 человек, и урожай делили на равные доли.

Жали пшеницу серпом *мангал*. Иногда издольщиков было недостаточно, чтобы управиться с жатвой, тогда нанимали специальных жнецов *дравгир* (от слова *драв* — жатва). Каждая горсть срезанной пшеницы называлась *гауда*. Шесть гауда составляли один *дастаг*. По окончании работы хозяин вместе со жнецом считали количество дастаг, когда насчитывали 1000 дастаг, жнец откладывал 60 для себя. Собрав все, причитающееся ему, он тут же делал себе отдельный харман и обмолачивал его по окончании всей жатвы.

Для обмолота небольшого количества пшеницы расчищали маленький ток и обмолачивали на нем пшеницу подошвами босых ног. Пожилые белуджи показывали мне быстрые движения ног, при помощи которых производили обмолот. Мужчина, производящий обмолот, быстро передвигается по кругу и трет подошвами босых ног по сухим колосьям, как будто танцует, и очень ловко и быстро обомолачивает пшеницу. Так обмолачивали пшеницу не только жнецы. Любой хозяин, если нет хлеба, а до обмолота еще далеко, мог обмолотить таким способом небольшое количество пшеницы.[6] Маленький ток для обмолота пшеницы ногами назывался *падмош*, или *пулунг*, молотьба ногами — *го падан кутын*, или просто *гопадан*, молотьба вообще — *харман кутытен*, или *гот*.

Жнецы только жнут на указанных выше условиях; в обмолоте урожая хозяина они не участвуют и ничего от него не получают.

Владельцы мильков или калгиров иногда также нанимали жнецов. Устраивать помочь при жатве не было принято. *Ашар* (помочью) называлась лишь общая работа по устройству или чистке арыка. Когда рыли или прочищали арык, приходили все, в том числе и издольщики. Мираб руководил работой. Ни угощения, ни какой-либо платы не полагалось, это считалось общественным делом.

На обширных плантациях, принадлежавших катхуда, по окончании жатвы пучки колосьев складывали на большие четырехугольные полот-

---

к печати работа Р. Я. Рассудовой «Различные значения термина кош в земледельческих районах Средней Азии в XIX—начале XX в.».

[6] Обмолот пшеницы ногами упоминается в материалах экспедиции 1929 г.: «Когда нужно срочно вымолотить небольшое количество, то небольшой сноп, завязанный в мешок, привозят домой и женщины выбивают его палками или же, как это нам пришлось видеть в селении Валидада, ногами; последний способ при нас практиковал мужчина». Материалы Среднеазиатской экспедиции 1929 г., тетр. II, стр. 92—93.

ница *джоли* из грубой шерстяной ткани, из которой делают мешки для пшеницы. Пшеницу накладывали на джоли при помощи вил из гребенщика *мангата*, которые держали левой рукой, и большого серпа, который держали правой рукой, чтобы не колоть руки.

Джоли завязывали в большой тюк при помощи четырех шерстяных веревок, имевшихся на его углах. Такой тюк назывался *калак*. В крупном хозяйстве катхуда, где работало 40 издольщиков, последние выстраивались в ряд на большом расстоянии друг от друга, от места жатвы до главного хармана (гумна),[7] в центре обработанных полей, куда сносили всю пшеницу. Каждый издольщик клал тюк на голову и нес до следующего участка, иногда на расстояние до 10 км, и передавал стоящему там базгару, тот нес его дальше на такое же расстояние и передавал следующему, а сам возвращался на свое место, и так далее до самого хармана. Там другие издольщики складывали всю пшеницу в высокую кладь.

За издольщиками, убирающими урожай, шел с кнутом *мушруп*, который не допускал женщин и детей собирать колоски, пока все не будет убрано. За мушрупом на большом расстоянии следовали женщины и дети, собиравшие в полу рубахи оставшиеся мелкие колоски. За день одному человеку удавалось собрать не больше полкилограмма колосков, которые дома молотили, сушили и мололи на ручной мельнице *аш*.

Пшеницу складывали аккуратно под руководством старшего. В центре тока принесенные снопы клали в большую груду, выкладывая сначала большой овал, а потом заполняя середину. Заполнив середину, клали следующий слой снопов по той же форме, опять заполняли середину, постепенно сужая круги, чтобы получилась кладь в виде овального в плане конуса. Два-три человека стояли наверху, а с одного бока оставляли проход, по нему подавали вверх колосья как бы по конвейеру. Последним заполняли проход. Пшеницу поднимали наверх в принесенных тюках, чтобы не упало ни одного колоска.

Когда харман был готов, начиналась молотьба *хоҷ*. Для этой цели катхуда приглашали живших по соседству персов, имевших много коров. Катхуда показывал приглашенному персу свой харман и договаривался, за какое количество пшеницы он возьмется обмолотить весь харман (пшеницу исчисляли в манах). На утрамбованное пространство тока вокруг сложенной пшеницы сбрасывали толстый слой колосьев, и персы гоняли по ним по кругу упряжки коров *ришта* по пять коров в ряд, тащивших за собой плетенку из гребенщика *чаппар*, на которой сидел человек, погонявший коров. Каждую порцию пшеницы молотили три раза. Издольщики тщательно переворачивали пшеницу, чтобы не оставалось внизу крупных колосьев. Когда кончали молотить, на уже обмолоченную пшеницу сбрасывали вторую порцию колосьев и снова повторяли весь процесс. Потом уже готовые две порции отбрасывали вилами на край хармана. Из этого уже обмолоченного зерна вместе с саманом, называемого *хурди*, постепенно образовывался вал вокруг всего тока. А с хармана сбрасывали новые и новые порции колосьев.

В материалах Среднеазиатской экспедиции 1929 г. описан способ уборки пшеницы (жатвы и обмолота) в те времена, т. е. непосредственно после переселения, со сравнительно небольшого земледельческого участка: «Пшеницу белуджи жнут серпами туркменского типа, базарной работы, с лезвием, изогнутым почти под прямым углом, не имеющим зазубрин... Пшеницу с полей убирают исключительно мужчины; руки выше кисти

---

[7] Белуджи, как и все народы Средней Азии, называют этим термином как самый ток (харман, харман-джа), так и высокую кладь, в которую складывали весь урожай. Следующий ниже термин мушруп означает сборщика налогов.

обматывают даст печ.[8] Хлеб жнут неумело, очень высоко, так, что на поле остается много соломы и даже несрезанных колосьев. Колосья захватывают левой рукой, а жнут правой. Когда в левой руке наберется такой, какой только жнец может удержать, пучок, его он кладет на землю. Таким образом на земле оказываются сложенными целые ряды небольших пучков хлеба. Затем, когда пшеница несколько просохнет, ее собирают в довольно большой сноп — джули, завязывают в большую тряпку, сделанную чаще всего из распоротого мешка, и на голове приносят в стог хирман. Дав окончательно высохнуть хлебу в хирмане, хлеб вилами, чаще всего железными фабричного производства или деревянными базарной работы, раскладывают вокруг в виде барьера, а затем вымолачивают ногами лошадей. Верхом на одну из лошадей обычно садится мальчик-подросток».[9]

Обмолот хармана у катхуда длился долго, иногда около месяца. По окончании молотьбы вокруг хармана образовывался большой вал из зерна с соломой. Его снова сгребали на середину в длинную кучу и веяли деревянными вилами *чаршаха* (рис. 4, *4*). Большой харман веяли дней 15. Окончив веяние, просеивали все зерно сквозь решето *гечин* (белуджск.; перс. *рогез*), сетка в котором делается из полосок бараньей и коровьей кожи (рис. 4, *3*).[10]

Веяние *чаршах куртан* и просеивание *рогез куртан* также производили издольщики.

Чистое зерно после обмолота, веяния и просеивания ссыпали в одну продолговатую кучу, также называвшуюся харман. Мушруп накладывал на нее со всех сторон кусочки сырой глины с песком, на которые ставил печать *мор*, чтобы ни одного зернышка никто не мог взять. На другой день звали муллу, приходил катхуда и начинали делить харман. Делили дня два-три, и когда уходили на ночь, мушруп снова на все кучи ставил печати. Катхуда первым долгом брал себе столько пшеницы, сколько он дал издольщикам для посева, потом расплачивался с персами за обмолот зерна. Меряли зерно большим сосудом (перс. *лаган*, белуджск. *латти*), в который входило примерно три мана. Оставшееся зерно делили на четыре равные части. Сыпали в четыре кучи по 20 лаганов, еще по 20 и так далее, затем сыпали по пять и, наконец, по одному.

Одна из полученных четырех частей шла в уплату государственного налога, который в то время, о котором идет речь, был повышен от $^1/_{10}$ до $^1/_4$ урожая. Две части шли катхуда. Считалось, что одна идет ему за землю и быков, а из другой он должен платить плотнику за изготовление плугов, кузнецу, мирабу, мушрупу и парикмахеру. Эта практика содержания за счет общины ремесленников — плотника и кузнеца, парикмахера и пр., ставшая функцией катхуда, лишний раз подтверждает изложенные выше соображения о том, что катхуда — бывший глава общины, постепенно присвоивший общинную землю и выступающий в Афганистане и в Белуджистане и в настоящее время в качестве ее собственника.

Наконец, четвертую часть издольщики получали за свой труд. От этой части отделяли десятую долю в пользу муллы, и только девять оставшихся долей принадлежали издольщикам. Их снова смешивали в одну кучу и снова делили по количеству базгаров на 10, 20 или 40 частей.

---

[8] *Даст печ* — полоса ткани для обматывания верхней части кисти при работе в поле (8—10 см ширины, 50—60 см длины), оканчивающаяся острым углом. Заостренный конец бывает украшен тканым или вышитым орнаментом. Даст печ наматывают на нижний край рукава и верх кисти таким образом, чтобы вышитый конец приходился снаружи, и завязывают на руке с помощью идущего от заостренного конца тонкого крученого из ниток шнурка с кисточкой.

[9] Материалы экспедиции 1929 г., тетр. II, стр. 91—92.

[10] Такие решета и сейчас в употреблении у белуджей Туркмении и служат для той же цели.

Вот тут-то, когда каждый базгар получал, наконец, свою долю, выступал на сцену мулла. Он вытаскивал свои записи и подсчитывал, кто сколько пшеницы должен катхуда. Брали тот же сосуд, и снова пшеница сыпалась в кучу, принадлежавшую катхуда. На долю арендатора оставалось немного.

Отдельные группы белуджей в разное время и разными путями пришли в Туркмению. О том, в каких условиях происходило переселение, свидетельствует рассказ Рахмана Амирова. Его отец два года подряд оставался должен своему катхуда. В это время его старший сын ушел на поиски работы в Туркмению. Проработав там продолжительное время, он привел двух верблюдов и привез разных материй, каких у белуджей и не бывало. Придя из России, он женился, за невесту отдал двух верблюдов и 40 овец, работал для этого днем и ночью три года, но после женитьбы опять ничего не осталось. Снова он пошел в «Урусиат» (Россию), работал семь месяцев, заработал двух верблюдов и одного ишака. Он стал советовать отцу уходить в Россию. В 1928 г. решили уходить. Одного верблюда отдали катхуда за долги, все вещи погрузили на второго верблюда и ночью двинулись в «Урусиат». Вместе с ними из их местечка ушли еще четыре семьи, в местечке Данно к ним присоединились еще 10 семей, которые уже приготовились идти в «Урусиат». Пошли вместе. В городе Пара (Фаррах) к ним примкнули еще 10 семей. Когда дошли до Герата, уже стали сильно голодать. Пришлось продать верблюда и купить муки. Вещи погрузили на осла, и от Герата уже все шли пешком, босые, у всех ноги были в крови. В Бадгызе к ним присоединились еще пять семей, и так 30 семей белуджей пришли на пограничный пост перед Кушкой. Здесь переселенцам прежде всего дали полный мешок буханок хлеба и мешок риса. Разделили это на всех. Дали им хорошо отдохнуть. Расспросили о причинах переселения. Белуджи объяснили, что жить в Афганистане крайне тяжело, пришли в Советский Союз голодные, чтобы заработать себе на хлеб. Еще три дня они отдыхали в Калаи-Мор (ст. Комарово Кушкинской ветки), а потом пришли в Иолотань и разошлись к своим родным. В дальнейшем благодаря помощи государства все они обзавелись своим хозяйством, а в 1934 г. вступили в колхоз.

Как указывалось выше, первые единичные переселенцы-белуджи начали появляться в Туркмении на рубеже XIX—XX вв. Значительная часть переселившихся белуджей была скотоводами, совершенно не занимавшимися земледелием. По свидетельству многих информаторов, в Афганистане белуджи и до сих пор занимаются больше скотоводством, чем земледелием.

В первые годы после переселения белуджи жили за счет своих скудных стад или нанимались на работу в хозяйства туркменских баев. Крайняя бедность, граничившая с нищетой, антисанитарные условия в жилищах, беспрекословное повиновение ханам и экономическая зависимость от них — вот характерные черты быта белуджей того времени.

Наделение белуджей землей в период ЗВР и позднее (1928—1930 гг.) произвело огромный переворот не только в экономике, но и во всех сторонах их быта, в их материальной и духовной культуре. Разумеется, переворот этот произошел не сразу. Проникновение в массу белуджей сельскохозяйственных навыков шло медленно. Первое время у белуджей, особенно у «чистых» скотоводов, сохранилось несколько пренебрежительное отношение к земледельческому труду. На предоставленных им земельных участках они нередко не имели желания что-либо сеять, или посылали для их обработки стариков и мальчиков-подростков. Способы обработки были чрезвычайно примитивны. Пахали сохой рахт (рис. 4, *б*), в которую впрягали пару лошадей или волов. После посева заглаживали пашню доской *мала* (по-белуджски *малаг*) распространенного по всей Средней

Азии типа, в которую впрягали пару волов или лошадей (см. рис. 5). Сеяли пшеницу, кунжут, меньше ячмень и люцерну, разводили бахчевые культуры — арбузы и дыни.

Руководившие посевом агрономы старались распределять земли согласно принятой тогда пятипольной системе. При этом применялся способ посева на одном участке озимой пшеницы и люцерны: сеяли пшеницу (можно ячмень) и, когда она всходила, поливали и прямо по пшенице сеяли люцерну. Спелую пшеницу жали вместе с люцерной, молотили как обычно. Солома, смешанная с люцерной, — хороший корм для скота. Если была вода, люцерну после жатвы снова поливали и успевали снять второй урожай.[11]

При пятипольной системе одно поле должно было ежегодно находиться под паром, одно — под озимыми злаками, одно — под люцерной и два — под хлопком. Бороться за эту систему севооборота было трудно. Испытывая продовольственные затруднения, белуджи сеяли, как указывалось, охотнее пшеницу, чем хлопок. Однако большая техническая и агрономическая помощь и упорная разъяснительная и воспитательная работа, проводившаяся партийными и советскими организациями, а также практические выгоды от посева хлопка, укреплявшие хозяйство, сделали свое дело. Весной 1929 г. поля белуджей были впервые вспаханы и заборонены тракторами. Сеяли под руководством студентов Байрам-Алийского сельскохозяйственного техникума пшеницу и хлопок. Некоторые старики, бывшие в те времена бригадирами, с удовольствием вспоминают и рассказывают, как их обучали способам обработки хлопка. Хлопок начали сеять в 1928 г. Каждому хозяйству давали надел земли примерно в 1 га, тогда называли один *дастедин* (видимо, от русск. «десятина», слова «гектар» не знали). Сеяли руками, лунка от лунки 25 см, потом производили прореживание: оставляли по два ростка на расстоянии спичечного коробка один от другого. Постепенно привыкли к этой культуре. Весной 1930 г. при помощи ударной бригады текстильщиков Ашхабада и местных железнодорожников белуджи закончили сев раньше назначенного срока, причем 70% посевной площади занял хлопок. В этом же 1930 г. во время избирательной кампании ханы были лишены избирательных прав.

Первые колхозы, организовавшиеся в 1933—1934 гг., были еще очень слабы. Уже в то время начали появляться сельскохозяйственные машины, сосредоточенные на МТС. Белуджи впервые начали сеять сеялкой в 1933 г.

В настоящее время все живущие в СССР белуджи объединены в колхозы или же работают в совхозах и на различных стройках. Большинство из них вступило в колхозы в 1935—1936 гг. К 1937 г. все белуджские хозяйства уже объединились в колхозы. Основное направление хозяйства в колхозах — хлопководство и животноводство. Труд механизирован, поля обрабатываются тракторами и другими машинами. Ведущая культура — хлопок (более 70% посевной площади), подсобные — зерновые, частично на корм скоту (кукуруза, ячмень, пшеница) и люцерна. Часть посевной площади занимают в белуджских колхозах бахчевые, огородные культуры — огурцы, помидоры, лук, чеснок, морковь, свекла и капуста, а также картофель. Кроме лука и огурцов и изредка моркови, остальных огородных культур и картофеля белуджи никогда раньше не сажали и не сеяли.

Этот способ максимального использования посевной площади, который был известен уже в 20-х годах, применяют и сейчас на приусадебных участках. Люцерна одновременно обогащает почву, но требует дополнительного полива. Поэтому в колхозных масштабах применять этот способ труднее. Однако при благоприятных условиях орошения кормодобывающие бригады практикуют его и в колхозе.

Все эти годы работники учреждений сельского хозяйства неутомимо и упорно проводили обучение белуджей культурным методам земледелия, правильному ведению хозяйства. Принимая во внимание крайнюю отсталость белуджей в прошлом, районные советские и партийные организации вели кропотливую работу по поднятию как экономического, так и культурного уровня белуджей.

Как рассказывает старик Аиб-ага, из их группы племени горгедж в 1934 г. объединилось в колхоз 18 хозяйств. Колхоз назывался *Диҳан* (белуджск.; перс. *дехкан* — «крестьянин»). Позднее присоединилось еще несколько хозяйств. Вначале колхоз был экономически весьма слаб, но все же просуществовал в этом составе восемь лет. В 1942 г., уже во время войны, он объединился еще с четырьмя колхозами нынешнего Туркмен-Калинского района — «Раст» (белуджск., перс., «Правда»), им. Чапаева, «Нукин ра» (белуджск. «Новый путь») и им. Микояна. Объединенный колхоз стал в экономическом отношении гораздо сильнее, больше стало возможностей для приобретения сельскохозяйственных машин, работа пошла рациональнее, члены колхоза убеждались на деле в выгодах ведения крупного, объединенного хозяйства. Посевы пшеницы были во время войны несколько увеличены. По словам Аиб-ага, сеяли 150 га пшеницы и 90 га хлопка. Сдавали государству главным образом пшеницу, а также хлопок.

В 1956 г. произошло последующее укрупнение колхозов, и колхоз им. Микояна вошел в укрупненный большой колхоз им. Калинина Туркмен-Калинского района, состоявший наполовину из белуджей, наполовину из туркмен. Надо сказать, что в этом колхозе, по отзыву секретаря райкома т. Амангельдиева (1959), белуджские бригады были уже ведущими, выполняя и перевыполняя план сдачи хлопка.

Сейчас на базе колхозов «Захмет», им. Калинина и им. Максима Горького создан большой хлопководческий совхоз «Захмет». В этом совхозе 3-е и 4-е отделения и одна бригада 5-го отделения — белуджи (тайфа горгедж составляет 1-ю, 2-ю и 3-ю бригады 3-го отделения).

В совхозе имеются ферма крупного рогатого скота и свиноферма. Овец держат лишь для питания рабочих совхоза. Все белуджи, работающие в бригадах, имеют в личной собственности коров.

Территория колхоза — 12 тыс. га. В 1966 г. засеивали 4000 га. Постепенно площадь посева, по мере расширения оросительной сети и картирования полей, предполагается увеличить.

Совхоз «Захмет» участвует в выполнении грандиозного плана освоения Туркменской ССР 120 тыс. гектаров новых земель, в том числе 90 тыс. — в зоне Каракумского канала.[12]

На месте, где 30 лет назад 18 бедняцких хозяйств объединились в небольшой колхоз, раскинулись теперь обширные плантации, дающие государству тысячи тонн хлопка.

Период после XXIII съезда КПСС характеризовался подъемом сельского хозяйства, в том числе совхозов и колхозов Туркмении, в которых трудятся белуджи. В колхозе им. Калинина сейчас хорошие механизаторские кадры из белуджей (из трех механизаторских бригад две белуджские и одна туркменская). Во всех бригадах построены специальные червоводни для выращивания шелковичных червей, что дает возможность колхозу выполнять план сдачи коконов при минимальном отвлечении членов бригады от работы в поле.

В Иолотанском, Байрам-Алийском и Туркмен-Калинском районах, где расселены белуджи, в производственных управлениях работает большая

[12] Б. Овезов. Речь на XXIII съезде КПСС. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I. М., 1966, стр. 388.

группа опытных агрономов, возглавляемая Дмитрием Алексеевичем Усковым. Они уже много лет осуществляют постоянное научное руководство всей агрономической работой в колхозах указанных районов, прекрасно знают условия и возможности развития в них земледелия.

В результате повседневных совместных усилий агрономов, руководящих советских и партийных органов и самих колхозников посевная площадь колхозов и ряда совхозов за последние годы значительно увеличилась как за счет освоения целинных земель, орошаемых сейчас водами Каракумского канала, так и за счет планировки ранее существовавших пахотных угодий. Годовые отчеты колхозов им. Жданова и им. Калинина, которыми мы располагаем, содержат следующие данные о посевных площадях.

Колхоз	Всего площадь посева (в га)			В том числе хлопчатника
	1955 г.	1961 г.	1968 г.	1968 г.
Им. Калинина	691.9	814.5	899	670
Им. Жданова	900	1132.5	1189	900

Увеличивается и площадь посева хлопчатника, и процент его посева по отношению ко всей посевной площади. В колхозе им. Жданова площадь посева хлопчатника по отношению к другим культурам составляет 75.7%, в колхозе им. Калинина — также около 75%. Таким образом, площадь под хлопком в белуджских колхозах достаточно велика. Основной задачей колхозников и агрономов является сейчас борьба за повышение его урожайности.

Получению высокой урожайности хлопка препятствовали еще до недавнего времени зараженность вилтом, недостаток воды, а часто и плохая обработка.

Вилт — американское название грибкового заболевания хлопчатника Fusarium vasinfectum. Единственное средство борьбы с вилтом — создание вилтоустойчивых сортов хлопчатника. Здесь на помощь хлопкоробам Туркмении приходит Иолотанская селекционная станция, расположенная в 12 км от районного центра — города Иолотани и занимающаяся селекцией семян сельскохозяйственных культур, главным образом хлопчатника, а также зерновых, масличных и трав.

С самого начала деятельности Иолотанской зональной станции на ней работало много белуджей в качестве рабочих, они наглядно обучались правильным приемам земледелия. Земли белуджских колхозов прилегают к землям станции. Председатели колхозов постоянно общаются с работниками станции. На станции выводят первые партии семян лучших, т. е. тонковолокнистых и в то же время вилтоустойчивых, сортов хлопка. Сейчас новые сорта сеют в Туркмении и в Таджикистане. За хлопок, дающий волокно I сорта, платят в три раза дороже. Поэтому председатели колхозов соревнуются за получение семян этого сорта. Дают их только хорошим колхозам, в том числе и белуджскому колхозу им. Калинина.

Вторым фактором, ограничивающим увеличение посевных площадей и препятствующим достижению высоких урожаев, является недостаток воды. Борьба за воду, за своевременный и правильный полив хлопка особенно обостряется в конце июля и в августе, т. е. в период созревания коробочек, — самый жаркий сезон Туркмении, являющийся также временем обмеления р. Мургаба, которая берет начало в горах Паропамиза в Афганистане, заканчивается в Туркмении, в песках Кара-Кум, к северо-западу от г. Мары. Главную массу своих вод Мургаб получает от таяния снегов в горах Паропамиза и от выпадающих там дождей, отчего в конце лета, т. е. главным образом в августе, сильно мелеет. Кроме того, воды его целиком разбираются на орошение посевов хлопчатника. Для сохранения

запасов воды во время обмеления на Мургабе сооружено пять крупных водохранилищ. Белуджский колхоз им. Жданова снабжается водой из Колхоз-бентского (бывшего Султан-бентского) водохранилища, образованного недалеко от станции Султан-бент, в 35 км к югу от районного центра — г. Иолотани.

В 3 км выше Колхоз-бента, на плотине Казыкли-бент, построена межколхозная ГЭС, от которой вода идет в канал Султан-яб, орошающий Туркмен-Калинский район, расположенный на правом берегу р. Мургаба. Непосредственно возле Иолотанской зональной станции от канала Султан-яб отходит большой арык III, дающий воду Зональной станции, белуджскому колхозу им. Куйбышева и туркменскому колхозу «Москва», в котором также есть белуджские бригады.

Выше плотины Казыкли-бент непосредственно из Мургаба отведен канал, так называемый Новый Хан-яб, снабжающий водой белуджский колхоз им. Калинина и частично — туркменский колхоз «Победа» Иолотанского района; в последнем также есть белуджские бригады. На территории колхоза им. Калинина на новом Хан-ябе имеются пять регуляторов — *гатла*. От каждого из четырех отходят в стороны по два арыка, от одного регулятора — один арык. Четыре регулятора строил Райводхоз, а новый регулятор — свои колхозные мастера. Маленькая межколхозная ГЭС дает свет колхозам им. Калинина и бывшему колхозу «Москва» (теперь вошедшему в колхоз «Победа»).

Севернее (т. е. ниже) г. Иолотань от четвертого регулятора, стоящего на старом канале Хан-яб, отходит в северо-восточном направлении арык Сухты-яб. На территории колхоза им. Жданова от второго регулятора этого арыка отходит арык Кара-яб. В колхозе им. Жданова, расположенном на левом берегу р. Мургаба, 60% земель орошается водами арыка Кара-яб, а также его ответвлений — арыков, идущих к отдельным бригадам. Остальные 40% пахотных земель орошаются путем выкачивания воды насосами из пойменных озер. Когда Мургаб пересыхает и воды в арыках становится мало, в озерах вода хотя тоже убывает, но все же ее остается достаточно. В этом преимущество колхоза им. Жданова. В колхозе им. Калинина насосами пользуются меньше, так как вода из озера летом, в самое нужное время, уходит.

Во время обмеления р. Мургаба все внимание председателей колхозов и работников местных сельскохозяйственных органов направлено на правильное, рациональное распределение воды между колхозами; внутри колхозов все усилия председателя и всего правления колхоза, *мираба* (лица, распределяющего воду между бригадами) и бригадиров полеводческих бригад направлены, с одной стороны, на получение наибольшего количества воды для своего колхоза, с другой — на наиболее рациональное распределение воды между бригадами. В засушливые годы в этот период всю воду отдают исключительно хлопку, от чего страдают люцерна и другие культуры, если же год удачный и Мургаб получил достаточную зарядку весной и в начале лета, воды хотя и в обрез, но все-таки хватает. Во всех случаях поливают хотя бы люцерну посева данного года, которая иначе погибнет.

В целом орошение полей и сами поливы — дело хорошо налаженное, в котором у колхозников-белуджей есть уже определенный опыт. До недавнего времени в белуджских колхозах работа велась по старинке, как 30—40 лет тому назад. Ввиду отсталости белуджей в их колхозах севооборот не применялся. Там, где имелись условия, например в колхозе им. Жданова, располагающем большими посевными площадями, до 1962 г. господствовала переложная система, хотя площадь вполне позволяла применять севооборот; переложная система требует гораздо больше площади, чем та или иная система севооборота. В колхозе им. Калинина севооборот

удавалось проводить лишь частично за счет люцерников. Это лишний раз подчеркивает огромное значение Каракумского канала, вводящего в оборот большие площади земли и компенсирующего недостаток воды в водохранилищах по рр. Мургабу и Теджену. В колхозе им. Калинина еще в 1962 г. не хватало посевной площади для размещения всех намеченных планом культур. Кукурузу, например, сеяли за счет поймы Колхоз-бентского водохранилища, когда уходила вода, в конце июня—начале июля. Сейчас положение с водой значительно улучшилось. Большое значение для расширения посевной площади имеет правильная планировка полей. Поля в белуджских, как и во многих туркменских колхозах, находились еще до 1961—1962 гг. в довольно первобытном состоянии, все в буграх и арыках, были запущены и не соответствовали современному уровню ведения хозяйства. Земли 3—4-й бригад в колхозе им. Жданова в 1962 г. были распланированы заново. Провели выравнивание бульдозерами, завалили углубления, старые, ненужные арыки. Затем грейдером сделали микропланировку, и уже после этого разделили на «карты» (большие поля) и сделали новые «чили» (туркм. *чиль* — земляные валики, перегородки между полями). До планировки стандартное поле — карта в белуджских колхозах было не более 0.10—0.20 га, пахали часто на клочках. При этом терялось много земли. По сообщению агронома колхоза им. Калинина Рози Хаитова, в этом колхозе сейчас добились укрупнения полей, особенно в 1-й, 4-й и 6-й бригадах, поливные карты сейчас не менее 0.30 га, а чаще занимают более обширные площади.

Таким образом, путем перепланировки создаются настоящие культурные ровные поля с большими площадями карт, пересеченных на должных расстояниях оросителями, обсаженными тутовником.

Урожайности хлопка способствует и значительно более обильное внесение химических удобрений, причем агроном и бригадиры следят не только за общим количеством, но и за равномерным и своевременным внесением удобрений. В результате урожайность хлопчатника с 11—12 ц с 1 га увеличилась сейчас до 18—20 ц с 1 га. Одна лишь 1-я бригада колхоза им. Калинина давала до перепланировки и усиления химизации 50 т хлопка в год, теперь дает до 180 т.

Работа механизаторов на улучшенных полях также идет значительно быстрее и с лучшими результатами. Постепенно внедряется новое машинное оборудование, дающее большой эффект. Появились длиннобазисные грейдеры для планировки, в 1962 г. их еще не было. Пропашные тракторы раньше были с водным охлаждением, теперь — с воздушным. Таким образом, даже при том количестве воды, которое получают белуджские колхозы, имеются различные пути и способы повышения урожайности как хлопка, так и других культур.

Одним из факторов, постоянно тормозящих работу в колхозах, является недостаток рабочей силы, хотя в белуджских колхозах, несомненно, имеются неиспользованные резервы рабочей силы в лице неработающих женщин и девушек. Тут выступают на сцену некоторые этнографические особенности, общие для туркмен и белуджей, но особенно характерные для последних. Часто без всяких уважительных причин девушки, уже не учащиеся в школе, не идут работать, так же как и молодые женщины, не имеющие детей, не говоря уже о тех, у которых есть дети. Детские ясли еще не удовлетворяют полностью потребности колхозников. Кроме того, большую роль играют прежние отсталые представления белуджей о назначении женщины, старые обычаи, старые понятия о приличии. Еще в недалеком прошлом ни взрослой девушке, ни замужней женщине не полагалось не только выйти без провожатого за пределы поселка, но даже отойти в своем поселке далеко от дома. Если белуджской женщине нужно было за чем-либо пойти к своим родственникам в другой конец поселка, она

шла туда в сопровождении другой женщины или нескольких ребятишек. Эти представления о приличии до некоторой степени изжиты сейчас, но главным образом в больших, центральных поселках. Среди части населения они живы до сих пор. Даже выйдя на работу в поле, девушки и молодые женщины работают обычно отдельной от мужчин группой. В целом же белуджи неохотно отпускают женщин и девушек на работу в поле. Боясь вызвать неодобрение почитаемого старшего поколения, некоторые бригадиры не всегда достаточно энергично вовлекают женщин в производство. Еще недавно даже работающие женщины и девушки не только не участвовали активно в производственных собраниях бригад, но иногда даже не присутствовали на них. В этом отношении уже произошли коренные перемены. Общественными организациями ведется большая разъяснительная и пропагандистская работа в этом направлении.

Одним из бытовых пережитков, отрицательно влияющих на организацию труда, является сохранившийся кое-где родственный принцип организации полеводческих бригад соответственно обычаю расселения по родственному признаку, так как бригады, как правило, организуются по поселкам. Например, в колхозе им. Жданова Иолотанского района 3-я бригада состоит почти исключительно из колхозников, относящих себя по происхождению к племенам гархель и шаози, находящимся между собой в родственных отношениях, 6-я бригада — к племени шехуссейни, в 8-й бригаде два звена, из которых одно состоит из колхозников, относящих себя к племени баракзи, другое — преимущественно к племени иесези. Родственные отношения внутри бригады вредны в том отношении, что бригадир такой «родственной» бригады бывает склонен смотреть сквозь пальцы на какие-либо недостатки или нарушения дисциплины, лишь бы не обидеть родственников.

Председатели колхозов еще до начала 60-х годов бывали часто недостаточно требовательны к отдельным родственным группам в колхозах, особенно к негласным главам семейно-родственных групп, так как боялись, что если они будут очень «нажимать» и обидят главаря, вся группа поднимется и перейдет в другой колхоз.

Расселение и, особенно, вхождение в состав бригад большими родственными группами способствовало сохранению в общественном сознании старых, отсталых представлений о племенной принадлежности, не имеющих в стране строящегося коммунизма ни экономической, ни производственной основы. Еще недавно среди более отсталой части белуджей принадлежность к определенному колхозу, принадлежность к бригаде рассматривалась зачастую как некие служебные отношения, которые в любое время могут измениться с переходом на другую работу или в другой колхоз, тогда как родоплеменные отношения являлись для них исконными, постоянными, остающимися в силе, где бы человек ни работал и где бы ни находился, и в некоторых случаях играли в их жизни бóльшую роль, чем принадлежность к колхозу или к бригаде. Мы можем с удовлетворением отметить, что эти представления довольно быстро уходят в прошлое. В настоящее время в производственной жизни уважение к бригадиру, уважение к хорошим производственникам, товарищеские отношения, выработавшиеся в совместном общественном труде, отодвигают на задний план отношения родственные. Нам приходилось наблюдать, как даже при выполнении различных обрядов, особенно свадебных, среди женщин роль «счастливой женщины» или вообще ведущую роль выполняет жена председателя, мать бригадира и т. д. Племенной признак в подборе бригад наблюдается теперь далеко не всегда. В том же колхозе им. Жданова ряд бригад (белуджских) имеет довольно пестрый племенной состав, например в 7-й бригаде соединены большая группа туркмен (марыйских теке) и группа белуджей племени горгедж. Как мы могли убедиться из изложен-

ного в гл. I, племенной состав в обследованных в 1967 г. поселках колхоза им. Калинина и в белуджских бригадах колхоза «Победа» также довольно пестрый. В этих поселках и бригадах родственный принцип отступает перед чисто деловыми, хозяйственными соображениями.

В связи с вышеизложенным интересно отметить еще и тот факт, что обычно все новое в агротехнике, что внедряется в колхозное производство, например посев калиброванными семенами, возделывание высококачественных вилтоустойчивых сортов хлопка, доверяется самой передовой, лучшей бригаде, зарекомендовавшей себя высокими показателями, имеющей большой опыт. Лучшая оплата и поэтому несколько привилегированное положение такой бригады создают такую заинтересованность в работе каждого ее члена, которая отодвигает далеко на задний план старые представления о родовой принадлежности. Особое положение занимают механизаторские кадры, механизаторские бригады, которые составляются из молодежи, получившей специальную учебную подготовку. Здесь родовой принцип не играет уже никакой роли, коллектив создается лишь по принципу специальности и общей производственной работы. Таким образом, новая техника вытесняет старые представления о родоплеменных отношениях.

То же можно сказать и о заселении центрального поселка любого колхоза: он не такой «родовой», как поселки бригад, так как в нем, кроме бригады, обрабатывающей прилегающие к нему земли, живут бухгалтер, счетовод, председатель колхоза, радист, учителя, врач, медицинские сестры, словом, ряд лиц, связанных между собой общими целями производственной жизни и культурного обслуживания колхоза. Это новый тип поселения. Культурный уровень здесь выше, женщины чувствуют себя более свободно, чаще встречаются браки между лицами разной национальности. Этот естественный, яркий жизненный процесс борьбы нового, прогрессивного со старым приводит к неизбежной ломке старого мировоззрения, к замене его новой, советской идеологией.

Организация бригад в белуджских колхозах примерно одинаковая. В каждом колхозе имеются несколько полеводческих, т. е. хлопководческих, бригад — *пахта бригад* (в колхозе им. Жданова — девять, в колхозе им. Калинина — шесть), одна зерновая — *галла бригад*, одна огородная — *огород бригад*,[13] одна по заготовке кормов — *алап бригад* (алап — белуджск. «трава», более употребительно туркм. название *отчилик бригад*) и одна или две тракторные бригады — *трактор бригад*, которые правильнее было бы назвать механизаторскими, так как в их распоряжении находятся не только тракторы, но и целый ряд других сельскохозяйственных машин (литературное название этих бригад — *механизаторлар бригад*). В ведении бригады по заготовке кормов находятся посевы зерновых — кукурузы, ячменя, пшеницы, а также люцерны. Эта бригада сажает также тыкву и кормовые арбузы. Полеводческие бригады сеют только хлопок.

Бригады делятся обычно на два звена, если бригада большая. В каждом звене 10—12 семей. Участки бывают разбросаны, в одном месте работает одно звено, в другом — другое. Если земля расположена компактно, одно звено роет арыки, другое делает чили (см. ниже) и т. д. Звеньевой участвует в работе наравне с остальными членами звена, одновременно руководит и контролирует его работу, присутствует при приемке бригадиром работы, иногда принимает работу сам, получая за это надбавку в размере 2% от общего заработка всего звена.

Земледельческие работы ведутся в белуджских и туркменских колхозах в одинаковых условиях, на одинаковой научной агрономической основе.

---

[13] Хотя огород по-белуджски *пализ*, эту бригаду называют огород бригад; так же называют ее и туркмены, хотя существует литературное название *гок бригад*.

Ушли те времена, когда белуджи сначала производили полив, потом разбрасывали семена руками и затем уже производили вспашку. Сейчас посеву предшествует целый ряд подготовительных работ, требующих большого внимания и напряжения бригады и имеющих целью обеспечить максимальный урожай хлопка или какой-либо другой культуры.

С поля, предназначенного для посева хлопка, первым долгом удаляют колючку. Работают и мужчины, и женщины. Колючку вырывают с корнем кетменями, собирают в кучи вилами *чаршаха* и везут на машинах в колхоз на топливо. Если на поле в предшествующем году был посеян хлопок, оставшиеся на нем стебли хлопка *гюза пойа* выкорчевывают гюзокорчевателем и также везут на топливо в колхоз.

Затем ровняют все старые чили (туркм.; белуджск. *пал*) и арыки трактором с двухлемешным плугом. Чили — невысокие земляные валики, разделяющие большое поле на более мелкие поливные участки, позволяющие правильно регулировать полив. В прежние времена, когда поля еще не были картированы, благодаря перегораживанию поля чилями каждый участок, независимо от того, выше или ниже он расположен, получал нужное количество воды и на каждом участке сохранялись питательные вещества, удобрения, навоз. В те времена большую роль играл салар — старший, наиболее опытный поливальщик, руководивший поделкой чилей и поливом. Сейчас положение иное. Размеры отделенных чилями участков зависят от состояния поля: если произведена правильная планировка, земля ровная, разделенная ровными прямыми оросителями на правильные карты, эти участки можно делать значительно больше, чем на запущенном, неровном поле. Размеры участков определяются бригадиром вместе с агрономом.

На выровненное поле специальными тракторами-сеялками рассыпают суперфосфат. Навоз, коровий и конский, возят на машинах и фургонах с ферм крупного рогатого скота, где помещаются также и лошади, и складывают в кучи на поле, потом разбрасывают лопатами. Эта работа производится в зимние месяцы (декабрь—февраль).

В некоторых бригадах для внесения удобрения применяют сеялку с чизелем, называемую сокращенно «сус», или «соз». К трактору ДТ54 прицепляют сеялку, в которую насыпают удобрение — азот, суперфосфат и навоз. Далее следуют прикрепленные к чизельному прицепу три бороны в один ряд и за ними — массивная доска *тахта мала*, заглаживающая землю. Длина измеренной нами тахта мала была 3 м, ширина — 31 см, толщина — 11 см. Сеялка с чизелем (рыхлителем) применяется только для удобрения, для посева — сеялка без чизеля.

После этого начинается пахота — *лянгар*. Пахота и выравнивание поля производятся обычно в январе—начале марта.[14] Затем следует чилевание, т. е. поделка чилей трактором; после прохождения трактора чили выравнивают вручную лопатами.

После чилевания и выравнивания поля производится *абдари пурруб банд* — полив всей посевной площади, предназначенной под хлопок. Политая земля сохнет несколько дней, пока по ней можно будет ходить. Затем чили снова разбрасывают лопатами. После этого боронят обычной железной бороной на лошадях, а затем ровняют землю старинным способом при помощи конной мала.[15] На доске при таком «маловании» стоит человек,

---

[14] В то же время производятся планировка полей, чистка старых арыков и рытье новых, вспашка зяби и посев озимых культур, удобрение полей суперфосфатом, подготовка парников в огородных бригадах и другие подготовительные весенние работы.

[15] В прежние времена в мала запрягали чаще быков.

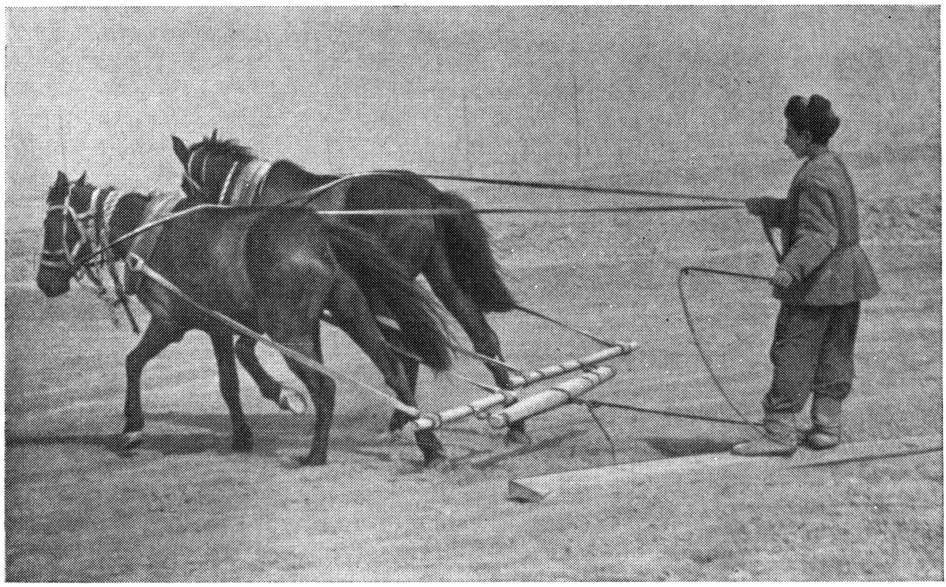


Рис. 5. Применение конной «мала» в колхозе.

который управляет лошадьми и своим весом усиливает тяжесть доски (рис. 5).

Далее производится малование при помощи трактора, который тянет за собой два ряда борон, по четыре в ряд, а за ними — массивную деревянную доску, более длинную, чем та, которая прицепляется к сеялке. Такая доска тахта мала употребляется во всех колхозах, белуджских и туркменских, и под этим названием нередко подразумевается все сооружение, т. е. два ряда борон и доска. Длина измеренной нами тахта мала в колхозе Куйбышева в 1961 г. была 542 см, ширина — 25 см, толщина — 5 см. Борон было три ряда по шесть штук.

Обработка земли после полива варьируется в разных колхозах и в разных бригадах в зависимости от указаний агронома и от состояния полей. В колхозе им. Калинина Иолотанского района уже в 1962 г. не применяли ни конных борон, ни конных мала. Единственным видом обработки земли с конной тягой в этом колхозе было выравнивание поля конными лопатами после пахоты (перед поливом), которое производят до поделки чилей; в колхозе им. Куйбышева, наоборот, считают, что после поделки чилей лучше видно, где еще нужно ровнять.

Интересно, что в белуджском колхозе им. Жданова бывшим председателем Гуламом Мирдостовым изобретена усовершенствованная тахта мала. Там после двух рядов борон вместо доски следует круглое массивное бревно (рис. 6). С двух концов в него вставлены железные стержни, которые выступают наружу на 20—25 см. Выступающие концы стержней вращаются в железных петлях, которыми оканчиваются два толстых железных жестких троса, идущих по бокам всего сооружения от трактора до бревна. Бревно, вращаясь, не тащит за собой засохшие комья земли, как доска, а раздавливает их, размельчает и хорошо выравнивает и уплотняет землю. Потом, при севе, когда сеялка бросает семена на глубину 5—6 см, они попадают в более плотную среду и высыхание верхнего слоя почвы не так скоро до них доходит. Бревно новой тахта мала, измеренное нами в 9-й бригаде колхоза им. Жданова имело в длину 4 м. 56 см и

24 см в диаметре. Чтобы бревно не раскалывалось, концы его охвачены широкими железными обручами. Стержень неподвижно укреплен в бревне для предохранения бревна от трения о железную петлю, в которой он вращается, место, где стержень входит в бревно, закреплено металлической пластинкой.

Применение бревна вместо доски оказалось настолько рациональным, что такие тахта мала с бревном сделали во всех бригадах колхоза им. Жданова и в некоторых — колхоза им. Куйбышева. В 1960 г. председатель туркменского колхоза «Ленинизм» Иолотанского района специально приезжал к председателю колхоза им. Жданова Гуламу Мирдостову и просил сделать для их колхоза такую тахта мала. Просьба его была выполнена. Теперь новый тип тахта мала применяют в нескольких туркменских колхозах, заимствовав его у белуджей.

После «малования» производят рыхление земли чизелем — «чизелевание». Чизель имеет 12 плугов, за ним следуют прицепленные к нему восемь борон (два ряда по четыре бороны) и обычная тахта мала. Дополнительно ровняют землю еще конными мала. В результате всех этих последовательно производимых работ земля становится равномерно рыхлой, мягкой и ровной. Тогда приступают к посеву. Начало посева до сих пор стараются приурочить к «хорошему» дню *саат*, каковыми считаются все дни, кроме двух плохих *насаатен роч* — субботы *шамбе* и вторника *сешамбе*.

Посев хлопка производится специальной квадратно-гнездовой сеялкой. Квадратно-гнездовой посев требует исключительной тщательности и терпения. Однако результат настолько оправдывает затраты труда и времени, что теперь этот посев предпочитают и применяют и в белуджских, и в туркменских колхозах. Среди белуджей появились подлинные специалисты этого дела.

После сева хлопок не трогают, пока он не взойдет. В апреле и начале мая, когда хлопок взошел, его прореживают (применяют туркменский термин *екалемек*), вырывают ненужные слабые ростки, одновременно прочищая хлопок кетменем от сорняков.

Когда растения хлопка достигают высоты 5—6 см, вдоль и поперек поля проходят конные культиваторы, потом тракторные, они уничтожают сорняки и окучивают хлопок; их работу потом поправляют кетменями. В колхозе им. Калинина, где практикуется посев квадратно-гнездовым способом, конный культиватор совсем не применяется. В мае производят подкормку хлопка (навоз с азотом). Трактор делает борозду *джуаг*, в которую идущее за трактором приспособление (соз) насыпает удобрение. Далее производят полив, и вода идет по тем же бороздам. Этот полив по бороздкам в отличие от полива, при котором равномерно заливается все поле, называется *кашаб*. Поливы кашаб делаются только для хлопка. На пшеницу, когда она даст ростки, делают вторично полив пуррубанд абдари (см. выше). В течение лета культивация конными культиваторами, потом тракторными, потом кетменями, подкормка и полив производятся пять-шесть раз.

В первой половине августа, чтобы хлопок не рос в высоту, а давал сильные боковые побеги и коробочки, производится чеканка хлопка (белуджи произносят чеханка́; рис. 7).

Начало сбора хлопка 1 сентября, собирают в течение сентября и октября, иногда значительно дольше.

Для сбора хлопка есть специальные передники, имеющие три кармана (по трем сортам). Однако передниками пользуются мало, предпочитают собирать хлопок в мешок. Взвешивает собранное бригадир. Хлопок сохнет до обеда следующего дня, после сушки его еще раз взвешивают, потом

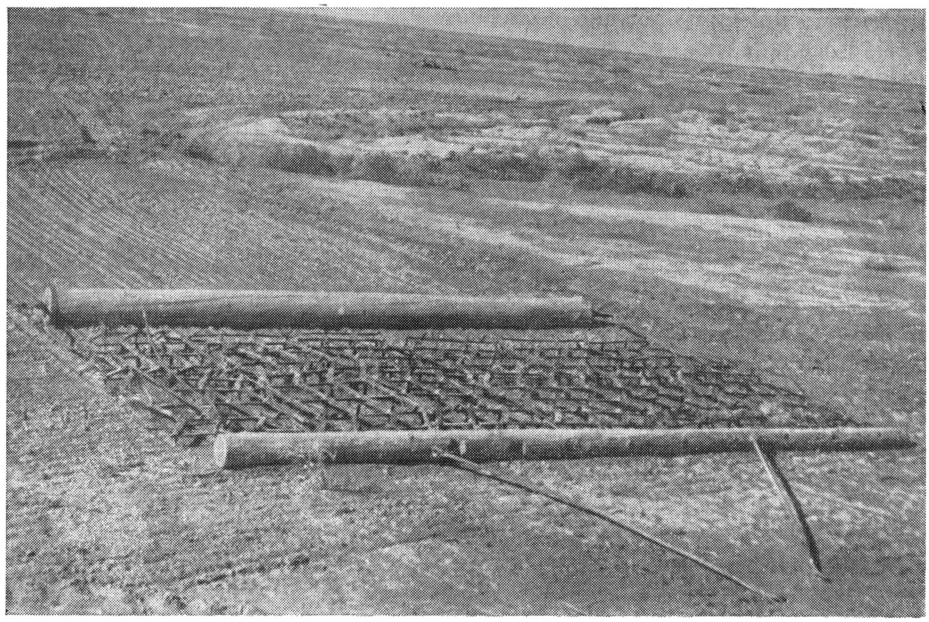


Рис. 6.
Тахта мала с бревном вместо доски.

грузят на машину и отправляют на хлопковую базу, а оттуда — на завод в Туркмен-Кала или Иолотань.

Прежде хлопок перевозили в мешках, тратя огромное количество времени и сил на их набивание хлопком. Сейчас грузят хлопок на специальную тележку с высокими стенками (тонны на две, хлопка 1 сорта укладывают до 3 т), служащую прицепом к трактору, или же на специально оборудованную грузовую машину с сеткой или досками по бокам. Сверху хлопок покрывают брезентом. Разгрузка такой машины занимает 3—5 мин., погрузка — несколько больше.

Когда весь хлопок собран и сдан, на растениях остаются нераскрывшиеся коробочки *курек*. Если мороз ударит, они уже не раскроются. Их собирает курекоуборочная машина. Если они сухие, то сразу поступают в курекоочиститель, если сырые — их сушат предварительно на газовой сушилке. Курекоочиститель отделяет хлопок от шелухи. Сдачей этого хлопка заканчивается уборка.[16]

Зерновая бригада сеет главным образом пшеницу, а также кукурузу и ячмень. Часто сеют пополам пшеницу и ячмень, так как белуджи предпочитают пшеницу, а районные сельхозуправления стараются внедрить ячмень как кормовую культуру.

Вся подготовка поля для пшеницы (как и для ячменя) примерно такая же, как и для хлопка. Удобрений, если земля хорошая, вносится меньше. Предпосевной полив делают по прошлогодним чилям, лишь предварительно их подправляют, независимо от того, сеют пшеницу после пшеницы или после хлопка. Посев производят в тот же или на другой день. После посева боронуют тракторными боронами и сразу же после боронования, т. е. дня через два после посева, делают трактором чили для полива. Когда пшеница взойдет, она будет расти и по чилям.

[16] Отходы от курекоочистителя, т. е. кожура от сухих хлопковых коробочек, представляют собою прекрасный корм для мелкого рогатого скота, который раньше не использовался, а теперь целиком отправляется на животноводческие фермы.

Озимую пшеницу обычно поливают в мае, в июне. Но если всю зиму не было осадков, поливают и в апреле, и даже в марте (так же поливают и ячмень). Убирают ячмень в конце мая, а сеют ранний в октябре—ноябре, а поздний — в январе—феврале, даже в начале марта, все равно к концу мая он поспеет, полить его надо раза три. Убирают ячмень в конце июня — начале июля.

Подготовка поля для кукурузы такая же, как и для пшеницы. Кукурузу сеют обязательно сеялкой, пшеницу и ячмень — чаще руками вразброс.

За кормодобывающей бригадой в каждом колхозе закрепляется определенный участок земли. В колхозе им. Калинина он составляет 100 га, которые засеиваются попеременно различными культурами. Например, в 1962 г. 30 га кукурузы (из 100) сеяли после хлопка.

Кормодобывающие бригады сажают и бахчевые культуры на корм скоту, а в колхозе им. Жданова, кроме того, — дыни и арбузы для продажи, их сажают также на отдельных участках земель полеводческих бригад. Дыни и арбузы колхоза им. Жданова славятся высоким качеством и охотно раскупаются на базаре в Мары жителями города. До посадки арбузов и дынь производят полив всей вспаханной земли, как перед посевом хлопка. Дней через пять-шесть, когда земля просохнет и по ней можно ходить, от арыка *джу* прорывают боковые арычки джуег шириной 50 см на расстоянии 5 м один от другого и сразу же пускают воду в эти боковые арычки, но так, чтобы вода не дошла 10—15 см до общей поверхности земли. Через четыре-пять дней после второго полива по обе стороны этих джуег сажают семена дынь и арбузов по четыре-пять семечек в лунку *гамык*. После посадки снова производят полив. Когда растеньица начинают расти, их прореживают, оставляя в лунке лишь одно, самое сильное, а затем окучивают.

Следующий полив делают примерно через месяц, во время цветения. Длинные побеги растения направляют к середине пространства между джуег, а корни еще раз окучивают. Следующий полив, если позволяет количество воды, производят, когда плоды начинают наливаться, и последний — когда плоды уже зреют.

Глубокие, коренные изменения в психологии белуджей как недавних кочевников с точки зрения их отношения к земледелию проявляются как в работе на обширных колхозных полях, где их труд обеспечивает интересы общественного производства, так и на отводимых им колхозом личных участках, где они обрабатывают и используют землю в целях удовлетворения своих личных потребностей. Еще в 1928—1929 гг. индивидуальные наделы земли, которые давали белуджам, они обрабатывали плохо, часто использовали их нерационально. Даже и после объединения белуджей в колхозы те участки земли, которые предоставлялись колхозникам для индивидуального пользования, они обрабатывали по старинке, примитивными способами, используя их почти исключительно под посевы пшеницы, что было естественно после пережитых ими продовольственных трудностей. Края участков и берега арыков использовали под бахчевые культуры, которые давали летом пищу и человеку, и животным. Сеяли также люцерну. Однако постепенно, под влиянием окружающего туркменского и русского населения и разъяснительной работы как со стороны работников Областного сельскохозяйственного управления, так и Иолотанской зональной селекционной станции белуджи значительно расширили ассортимент высеваемых на участках культур. В настоящее время у белуджей уже не найти личного участка, засеянного лишь пшеницей и люцерной, как это могло быть еще до 1950 г., т. е. во время войны и некоторое время после нее. Личные участки тщательно обработаны, удобрены и политы и не только используются полностью, но наблюдается тенденция

Рис. 7. Чеканка хлопка. Виден способ повязывания женского покрывала при работе в поле.

обработать еще и соседние, неиспользованные, так называемые неудобные для обработки отрезки земли вне своего участка.

Обрабатывает личные участки трактор, который выделяет колхоз в январе. За два—три дня трактор обрабатывает все участки. Там, где трактор не берет, пашут туркменскими плугами (рис. 4—5), которые имеются в личной собственности у некоторых колхозников.

Кроме люцерны, пшеницы и бахчевых культур, на участках сажают теперь картофель, подсолнечник, из огородных культур — лук, чеснок, помидоры, огурцы, баклажаны, капусту, а самое главное, — виноград и различные фруктовые деревья: яблони, сливу, урюк, гранат, персиковое дерево, инжир, тутовое дерево, вишню и т. д. Люцерна *воринджа* идет как на осенний откорм дойных коров, так и в качестве корма овцам, оставленным для питания зимой (*пабанд* — букв. «со связанными ногами», хотя привязаны они обычно за шею), и заготовляется впрок на зиму для этой же цели. Заготовляют люцерну закрученной в жгуты *таб датеген беда*, в этом виде ее сушат и хранят на крышах домов или на навесах *талар*.

Культура картофеля — *катрушка*, совершенно неизвестная белуджам в прошлом, получила распространение лет 8—10 тому назад. В свое время в ее распространении среди белуджей сыграла роль Иолотанская зональная станция, могли они воспринять ее и от русских, и от туркмен. Последние научились сажать картофель значительно раньше, чем белуджи.

Сажают картофель в марте. На участке, предназначенном для посадки, делают валики в направлении с запада на восток на расстоянии 60—70 см друг от друга. Канавки, образовавшиеся между ними, служат для орошения. Полив производят дня за четыре до посадки картофеля, который сажают по солнечному склону валиков. Посадку производят двое: один идет вдоль валика и лопатой отваливает землю, делая в его склоне неглубокую борозду, другой сажает картошку в бороздку на расстоянии

20 см одна от другой. Затем первый аккуратно засыпает ее сырой землей, отваленной от чиля, когда он делал борозду. По канавкам производят полив каждые четыре дня. При окучивании картофеля берут лопатой землю с несолнечного склона соседнего валика и перебрасывают ее к кусту. С другой стороны подсыпают землю с гребня валика, ибо картошка посажена ниже гребня. До окучивания поливают так, чтобы вода доходила до половины валика, после окучивания — раз в семь дней и несколько меньше. После второго окучивания поливают реже, в зависимости от погоды.

Посаженный в марте картофель убирают в июне, сразу производят полив и дают земле месяц отдохнуть. Второй урожай картофеля собирают в сентябре—октябре.

Лук *пимаз* и чеснок *сирк* сеют также в марте, в небольшом количестве, так как его трудно обрабатывать. Он требует целины и частых поливов. Все же есть белуджи, которые сеют по пять-шесть соток лука как для своего стола, так и для продажи на базаре. Лук имеет то преимущество, что если его посеять пораньше между фруктовыми деревьями, он поспевает, несмотря на создаваемую ими тень.

Некоторые белуджи, живущие вблизи Иолотанской зональной станции, сеют между фруктовыми деревьями суданскую траву, семена которой получают на зональной станции. Если эту траву хорошо поливать после каждого укоса, ее можно косить по пять-шесть раз.

Для огурцов и помидоров делают грядки шириной 2.5 м, глубина канавок между ними — 50 см, ширина — 60—70 см. Лунки для огурцов, так же как для дынь и арбузов, делают по краю грядок на расстоянии одной пяди (*гитисм*). При поливе вода в канавках доходит до поверхности земли, т. е. почти до краев лунок. Сама грядка несколько выше, чем лунки, так как на нее выбрасывают землю при рытье канавок.

Многие колхозники и в настоящее время часть своего личного участка используют под посевы пшеницы. Объясняют это тем, что больше любят хлеб из своей муки, из своего зерна, любят по старинке, чтобы в доме был запас своего хлеба. Озимую пшеницу сеют в сентябре. До зимы раза два-три производят полив.

Несмотря на то, что белуджи — сравнительно недавние земледельцы, у них существуют определения для различных стадий роста и поспевания пшеницы:

Зерна прорастают, но на поверхности земли ростков еще нет.	Галла неш джата.
Появляются ростки.	Галла сабз курта.
Когда все поле зазеленеет, как ковер.	Ит.
Когда поднялся стебель.	Галла тир курта.
Нераскрытый колос.	Габа.
Появились нераскрытые колосья.	Галла бе габбаен.
Колосья раскрылись, но еще зеленые.	Галла абоси бута.
Колос начинает желтеть (восковая зрелость).	Галла ошаг курта.
Пшеница созрела, ее можно убирать.	Галла драви бута.
Жатва.	Драв.

Колосья пшеницы в стадии восковой зрелости дети и женщины, прежде и издольщики, поджаривают над огнем и едят, зерна в это время мягкие, сочные.

Все это можно сказать и про ячмень, только ячмень над огнем не поджаривают.

Когда пшеница достигает стадии ит, т. е. все поле зазеленеет, на нее, как и у других народов Средней и Передней Азии, пускают пастись скот, что весной способствует ее росту и развитию. Скот пускают только тогда, когда пшеница еще низкая после полива, а земля затвердела. До полива

пускать скот нельзя, так как земля мягкая и скот выдернет пшеницу. Когда растения поднимутся выше (до 25—30 см), скот уже не пускают, он может выдергать и поломать окрепшую пшеницу. Пшеницу такого роста срезают серпом на корм скоту.

Поливают пшеницу в течение лета несколько раз в зависимости от погоды. Первый полив — в мае. Жнут специальным серпом мангал. Он бывает двух видов: туркменского типа с большим закругленным лезвием и белуджский с лезвием, перпендикулярным в плане к металлической ручке, вставленной в деревянную (рис. 4, *2*).

Молотьба производится обычно в августе, тут же на участке, распространенным по всей Средней и Передней Азии способом: по разложенным на току снопам гоняют пару или больше лошадей или, чаще, ослов, которые ногами выбивают зерно из колосьев. В прежнее время белуджи молотили чаще при помощи лошадей или, реже, быков. В этом случае делали волокушу из кустов колючего растения *коʈор* (туркм. кызган — Lycium ruthenicum).

На большой куст *коʈор* с корнем клали еще два-три куста и били сверху лопатой, чтобы они сцепились. За корень привязывали волокушу к лошадям или быкам, а сверху клали ком глины для тяжести. На эту волокушу никто не становился и не садился. В настоящее время ни лошадей, ни быков белуджи в личных хозяйствах не держат, держат лишь ослов, которыми и пользуются при молотьбе, но волокушу не привязывают, так как они не могут ее тащить. Строго по шариату гонять по пшенице ослов не полагается, но религиозные нормы уже настолько ушли из быта, что этого правила почти никто не знает. Даже весьма солидные белуджи говорили мне, что у белуджей нет на этот счет никаких правил. Лишь один мулла подтвердил, что ослов нельзя гонять по пшенице и по сорго, а по ячменю можно. Но тут же пояснил, что ведь не у всех есть быки или лошади, поэтому можно обмолотить хлеб при помощи ослов, но потом просеять зерно сквозь решето гечин, очищающее его от мусора и от ослиного навоза, который может в него попасть, и тогда не грешно употреблять его в пищу.

Обмолоченное зерно сгребают в одну кучу и провеивают («веяние» — *кааки*, *ка* — «солома»), подбрасывая деревянными вилами *чаршаха* (рис. 4, *4*), потом просеивают сквозь решето (рис. 4, *3*).

Когда зерно отвеяно и очищено, чтобы был *баракäт* — благословение божье, на току возле готового хлеба резали овцу и устраивали *хейрат*.[17] В таких случаях специально никого не приглашали, все приходили сами, но если кто из близких не знал, ему посылали вареное или сырое мясо. Сейчас этого никто уже не делает. Обычай этот назывался *хармана ан куртан*, т. е. «освящение хармана кровью жертвенного животного» (от белуджского слова *он* — «кровь»).

В отдельных случаях на приусадебных участках встречаются еще посевы бобовых зерновых культур: гороха *нохот*, чечевицы *адас* (Ervum ervilia), маша, фасоли *мак*, которые белуджам, занимавшимся земледелием, были известны еще в Афганистане.[18] Чечевицу и горох сеют как яровую пшеницу и ячмень, в январе—феврале и убирают в июне. Фасоль и маш сеют несколько позже — в марте, маш успевают посеять два раза, так как он поспевает раньше.

Надо сказать, что из новых культур наибольшее распространение на приусадебных участках приобретает виноград, причем распространение как винограда, так и фруктовых деревьев идет по направлению от централь-

---

[17] Хейрат — общественное принятие в пищу мяса жертвенного животного.

[18] Н. Н. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 323, 327, 345.

ного поселка к периферии. В центральных поселках колхозов почти все колхозники имеют на приусадебных участках виноградники и фруктовые сады, так же как и в поселках бригад, где количественно их меньше и виноградники еще молодые, недавние.

Саженцы винограда, приобретаемые на базаре или у друзей, высаживают весной, в марте—начале апреля. Вырывают лопатой ямки глубиной 30—35 см, диаметром 25 см, ко дну слегка суживающиеся, на расстоянии 160—185 см одна от другой. Все делается на глаз. Дети льют воду в ямки, отец сажает.

Виноград прежних посадок в марте обрезают. Обрезают абсолютно все старые ветки, оставляя от них по 10—15 см.

Поливают виноград как весной, так и зимой, когда вода не используется для других культур. Почва виноградников насыщается весной от этих поливов. Лессовая почва обладает способностью поглощать много воды и задерживать ее в своих порах. Туркменский виноград с низким стволом и нераскидистой листвой очень экономно и поэтому длительно расходует влагу, постепенно концентрируя сок.[19] Виноград дает обильные урожаи, излишки которых, не используемые в семье, продают на базаре. Заработки теперь у колхозников достаточные, живут они зажиточно. Заинтересованность в продаже излишков продукции, получаемой с приусадебных участков, объясняется лишь желанием улучшить и украсить свой дом, приобрести мебель и т. д. Продают на базаре больше всего виноград, картофель и лук, члены колхоза им. Жданова также бахчевые — арбузы и главным образом дыни.

Белуджи, еще 30 лет назад не умевшие возделывать землю, в настоящее время стали хорошими полеводами. Вместе с туркменским народом, вместе со всеми братскими народами Советской страны они участвуют в успешном выполнении задач, стоящих перед одной из важнейших отраслей народного хозяйства — земледелием.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Животноводство в белуджских колхозах, как и во всех колхозах Туркмении, хотя стоит на втором месте после земледелия, имеет большое хозяйственное значение. В обследованных нами белуджских колхозах доход от животноводства составляет от 15 до 45% годового дохода; в колхозе им. Жданова — 14.81, в колхозе им. Калинина — 14.14, в колхозе им. Куйбышева — 44.6% (примерные данные 1962 г.).

Совершенно особое место в животноводстве принадлежит каракулеводству. Каракульские овцы в Туркменской ССР распространены во всех районах Чарджоуской области, Керкинском районе, Мургабском районе и в восточных районах Ташаузской области. Эта часть Туркмении вместе с прилегающими к ней каракулеводческими районами Кара-Калпакской АССР, Казахской ССР и Узбекской ССР составляет мощный центр каракулеводства мирового значения, дающий ценнейший экспортный мех — каракульскую смушку, благодаря которому Советский Союз на международном мировом рынке в Лейпциге занимает первое и почти монопольное место по торговле каракульской смушкой. Различаются черные смушки — араби, золотистые — сур и серебристо-серые — ширази.[20]

Превращение Туркменистана в социалистическую республику вызвало коренные перемены в животноводстве. На месте массы мелких раздробленных единоличных хозяйств возникли крупные, хорошо организованные

---

[19] В. Кунин. Каракумские записки. М., 1950, стр. 18—19.

[20] Г. П. Васильева. Туркмены. Том «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира», стр. 54.

коллективные хозяйства. Выросли и окрепли животноводческие товарные фермы.

На службу социалистическому животноводству поставлена передовая зоотехническая наука. Многочисленные учебные заведения Туркмении готовят кадры специалистов по животноводству. На фермах проводится комплекс зоотехнических и ветеринарных мероприятий, обеспечивающих прирост поголовья и высокую продуктивность животноводства.

По плану районирования народного хозяйства для каракулеводства отведена часть Туркменской ССР к востоку от линии Ташауз—Теджен—Серахс.[21] Западнее этой линии, в Центральных Кара-Кумах, разводят главным образом курдючную овцу, но частично также и каракульскую. Белуджские колхозы разводят только каракульских овец.

В отличие от земледелия скотоводство является более старым, исконным занятием белуджей. В наиболее древних сообщениях арабских географов IX—X вв. белуджи характеризуются как кочевники-скотоводы.[22]

При последующих переселениях, по мере постепенного оседания, часть белуджей стала заниматься также и земледелием. Однако, принимая во внимание крайнюю ограниченность земельных участков и примитивные методы их обработки, можно думать, что разведение мелкого рогатого скота продолжало играть едва ли не главенствующую роль в их хозяйстве. В настоящее время в Белуджистане бóльшая часть белуджей занимается и земледелием, и скотоводством, причем из данных переписей населения трудно сделать вывод, какое из этих занятий служит главным источником доходов.[23] Хотя земледелие давно уже заняло первенствующее положение в большинстве хозяйств, большие группы белуджей, как указывают некоторые авторы и как сообщают также и старики-белуджи, до сих пор занимаются преимущественно или только скотоводством. Такое же положение — в Иране и Афганистане.

Судя по полученным устным сообщениям, среди белуджей, переселившихся в СССР из Афганистана, имелись как земледельцы, так и скотоводы. По рассказам последних, в Афганистане белуджи разводили главным образом овец и коз, а также верблюдов. Особенно много верблюдов, до 200—300, имели брагуи. Земледелием брагуи не занимались. Они приводили в земледельческие поселки молодых верблюдов и меняли их на пшеницу.

Разведением коров в Чехансуре занимаются главным образом персы. Встречаются и белуджи, которые держат коров, но все же при рассказах о тех местах белуджи всегда добавляют: «Коров много у персов, а у белуджей коров мало, есть только кое у кого».

Пастбища в горах, где пасут свои стада белуджи, находятся во владении отдельных племен или их подразделений. Каждое из последних знает границы своих пастбищ, которые строго соблюдаются, и многие пожилые белуджи говорили нам, что им не приходилось слышать о столкновениях из-за пастбищ, как из-за земледельческих участков.

Как указывалось, первые переселенцы-белуджи переходили в Туркмению в поисках заработков и нанимались в батраки к туркменским баям или же шли на строительство оросительных сооружений в царском имении в Байрам-Али. Кроме рабочих рук, они не имели ничего — ни скота, ни какого-либо ценного имущества. В период массового переселения в Туркмению белуджи переходили границу иногда крупными группами, со скотом, перевозя на верблюдах и ослах свои кочевые шатры-геданы.

---

[21] С. М. Губанов. Овцеводство Туркменистана. Ашхабад—Баку, 1936, стр. 124.

[22] Al-Masudi. Kitab at Tanbih wa'l Ischraf. BGA, pars octava, 1894, p. 90; цит. по: М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 166.

[23] Census of India, 1911, v. IV. Baluchistan. Calcutta, 1913, pp. 189, 191.

В 1927 г. в результате ЗВР белуджи были наделены в Туркмении пахотной землей и часть из них стала заниматься земледелием. Переселившиеся позднее вначале земли не имели и жили лишь на доходы, получаемые от скотоводства. Еще в 1927 г. профессор И. И. Зарубин писал о белуджах: «...занимаются хлопководством и скотоводством, также ремеслами, в особенности ковровым».[24]

Соотношение между скотоводством и земледелием в 1929 г. в разных селениях и у разных групп белуджей было неодинаковым. Например, в селении Ата (Серахс), по данным налоговых списков Серахского райфинотдела,[25] из 73 белуджских хозяйств (в этом селении жили также и туркмены) только восемь имели посевы; доход от земледелия у белуджей этого селения составлял всего 11.2% всего их дохода, а от скотоводства — 88.8% (из них 80.1% — от разведения мелкого рогатого скота). В селении Науруз-абад (Серахс), по тем же налоговым данным доход от земледелия составлял 26.5% общего дохода, доход от скотоводства — 73.5% (из них 65.2% — от разведения мелкого рогатого скота), это показывает, что и здесь основным занятием было скотоводство. Напротив, в селении Хан-яб (Серахс) из 28 белуджских хозяйств посевы имели 20 хозяйств. Главы восьми остальных хозяйств работали пастухами как у белуджей, так и у туркмен. У белуджей этого селения доход от земледелия составлял 62.1% всего дохода, а от скотоводства — 37.9% (из них 33% — от разведения мелкого рогатого скота). Показатели скотоводства в налоговых списках иногда могли быть преуменьшены, что лишь подтверждает возможность его еще большего преобладания. На это же указывают и чрезвычайно небрежное отношение белуджей в те времена к земледельческому труду, и широкое развитие у них домашнего ковровое производства, и большое количество предметов из шерсти в их быту.

Характерно, что белуджи исчисляли тогда хозяйственный год не от сбора урожая до следующего сбора, а от весеннего ягнения овец до следующего ягнения. Белуджи не были знакомы с летосчислением, в их языке не было даже названий месяцев, поэтому когда нужно было выяснить, сколько лет тому назад произошло то или иное событие, они вспоминали, при каком пастухе оно произошло. Затем вспоминали по порядку имена пастухов, пасших их стадо в последующие годы, а так как пастух меняется не чаще одного раза в год, по их именам легко устанавливали количество лет, прошедших со времени интересующего их события. Таким способом высчитывали, например, возраст детей. Этот способ летосчисления указывает на ведущую роль скотоводства в материальной жизни белуджей.

Основным видом скота, как показывают приведенные выше цифры доходов от скотоводства, являлся мелкий рогатый скот, главным образом овцы и в меньшем количестве — козы. Количество голов мелкого рогатого скота определяло в прошлом имущественное положение человека. Держали также верблюдов и ослов. Лошадь имело не каждое хозяйство, две лошади были редкостью и встречались лишь в самых богатых ханских хозяйствах. Белуджи переселялись в Туркмению на верблюдах и ослах, лошадей приобретали в большинстве случаев на месте, что было доступно лишь богатым. Волов имели лишь некоторые хозяйства, получившие их в качестве ссуды от государства для поощрения развития земледелия.

---

[24] Отчет о научных командировках и экспедициях Академии наук СССР за 1927 г. Л., 1928, стр. 248.

[25] Данные из налоговых списков Серахского райфинотдела на ноябрь месяц 1929 г. содержатся в хранящихся в архиве МАЭ АН СССР материалах Среднеазиатской экспедиции 1929 г., по которым мы их и цитируем (материалы Среднеазиатской экспедиции 1929 г., тетр. XXI, архивный № $\frac{170}{К=1}$, оп. 2, стр. 619—627).

В полевых материалах Среднеазиатской этнологической экспедиции 1929 г. приводятся данные налоговых списков Серахского райфинотдела о количестве у белуджей различного скота. В селении Наурузабад Серахского района, являвшемся, по мнению сотрудника экспедиции Г. К. Шульца, одним из «характернейших чисто белуджских селений Туркмении», на 213 хозяйств имелось 12 000 овец, 2637 коз, 183 верблюда, 140 ослов, 48 лошадей и 19 волов.[26] В селении Ата того же района на 73 белуджских хозяйства имелась одна корова и не было ни одного вола.

Иную картину представляло собою соотношение различных видов скота у белуджей упомянутого выше селения Хан-яб, которые начали уже заниматься земледелием. Здесь на 28 белуджских хозяйств имелись 764 овцы, 273 козы, 9 верблюдов, 12 ослов, 13 лошадей, 2 быка и 8 коров.[27]

У рядовых белуджей селения Наурузабад преобладали следующие виды скота: овцы, козы, верблюды. В хозяйствах крупных скотоводов преобладание овец и верблюдов было еще больше. Например, у муллы Вали, крупного бая племени брагуи, овец и коз (по сведениям, полученным нами в 1961 г.) было в 1929—1930 гг. тысячи полторы, верблюдов — около 100, лошади — 2. Коров он не держал.

Эти данные свидетельствуют о далеко зашедшем у белуджей имущественном расслоении. Если в руках таких баев, как мулла Вали, было сосредоточено более тысячи овец и 100 верблюдов, то рядовые поселенцы имели очень мало скота или вообще его не имели.

В селении Хан-яб на одно хозяйство приходилось значительно меньше овец, коз и верблюдов. Возможно, что в те времена среди белуджей, только что переселившихся на территорию СССР, еще могло иметь место общеизвестное среди полукочевых племен явление: более бедные хозяйства, имеющие меньшее количество скота или вовсе его не имеющие, быстрее переходили к земледелию и оседали на земле, чем те, у которых количество скота больше.

Можно также отметить связанное, видимо, с развитием земледелия относительное возрастание в селении Хан-яб поголовья лошадей и коров.

В прежнее время разведение крупного рогатого скота не было характерно для белуджей-скотоводов. Даже в современных белуджских колхозах, где имеются фермы как мелкого, так и крупного рогатого скота, на последних доярками работают женщины самых различных национальностей: татарки, немки, русские, бербери, но белуджских женщин среди них нет, в то время как доярки на фермах мелкого рогатого скота в белуджских колхозах — почти исключительно белуджки.

Полевые материалы Среднеазиатской экспедиции 1929 г. содержат очень скудные сведения о годовом цикле животноводства, о пастьбе скота и связанных с нею перекочевках. Овцы и козы как в Афганистане, так и в Туркмении круглый год были на подножном корму. В Афганистане, по рассказам наших информаторов, белуджи совершали довольно большие перекочевки. Переселение их из Афганистана в Советский Союз, причем часть их шла сначала в Иран, а потом уже в Туркмению, также свидетельствует о традиции далеких и длительных перекочевок. На территории Туркменской ССР белуджи уже не совершали далеких перекочевок. Они были наделены земельными участками и начали постепенно заниматься земледелием.

В течение лета белуджи совершали в те времена только четыре перекочевки. Из них первая происходила ранней весной, обычно в начале

---

[26] Там же, тетр. XX, архивный № $\frac{169}{К=1}$, оп. 2, стр. 617.

[27] Там же, тетр. XXI, архивный № $\frac{170}{К=1}$ оп. 2, стр. 621—625.

марта. Как и другие кочевые и полукочевые иранские племена, белуджи переселялись тогда к стадам, на более высокие и сочные пастбища, так как начинался период ягнения и последующего доения овец и заготовки молочных продуктов. Здесь же происходила и весенняя стрижка овец и коз. Стригут овец два раза, весной и осенью, коз — только весной.

Вторая перекочевка, о которой упоминается в указанных выше материалах, являлась обычной для овцеводов сменой пастбищ по мере их стравливания. Новое место определялось наличием как хороших пастбищ, так и колодцев или других водных источников, способных обеспечить водой селение и скот. В третий раз перекочевывали поближе к посевам хлопка и бахчевых культур с целью как обработки хлопка, так и обеспечения себя продовольствием, ибо в это время года (вторая половина июля) основу питания составляли арбузы и дыни с хлебом. Четвертая, и последняя, перекочевка была в зимнее селение.

Сотрудники экспедиции 1929 г. наблюдали одну из таких перекочевок — к поспевающим бахчам. Перекочевка началась с рассвета и проходила постепенно, так как далеко не у всех из 10 хозяйств селения имелся вьючный скот. Сначала перекочевывали семьи, имевшие верблюдов и ослов, а те, что их не имели, дожидались окончания их переезда, а потом уже одалживали у них вьючных животных. При этом вся работа по разборке шатра и связыванию имущества выполнялась женщинами, мужчины лишь помогали навьючивать верблюдов и ослов.

Величина стада *рама* колебалась от 500 до 1500 голов овец и коз. Стадо пасли два пастуха — *шуанаг*, старший пастух, и подпасок *меланк*. Пастухи имели одну или несколько собак в зависимости от величины стада. Старший пастух получал за свой труд 10% приплода и настрига шерсти, кроме того деньги на сапоги, рублей 25—30, и кошемный халат *ʒапур* или 2 мана (16 фунтов) белой овечьей шерсти на его изготовление. Подпасок получал половину всего того, что выдавалось пастуху.

Как пастуха, так и подпаска хозяин стада обязан был кормить: им выдавалось хлеба столько, сколько они могли съесть, приблизительно из расчета 2 фунта на человека в день. Если стадо паслось вблизи от селения, пастухов снабжали печеным хлебом, если же далеко, им давали муку, и пастухи сами пекли себе тонкие лепешки *лаваш* на больших круглых выпуклых чугунных противнях.[28] Такой противень накаляли на горячих углях, на него клали раскатанное в виде тонкой круглой лепешки тесто, и через несколько минут лаваш уже был готов.

Масло пастухам давали редко, зато они могли без ограничения пользоваться молоком овец и коз. Мясо пастух ел только в том случае, когда в степи заболевала овца или коза и ее нельзя было ни вылечить, ни пригнать домой. Тогда пастух ее резал и сообщал об этом хозяину. Пока придут за тушей, пастух пользовался мясом. В доказательство того, что им была зарезана скотина хозяина, а не его собственная, он хранил у себя уши зарезанной овцы, на которых имелась метка хозяина и которые он потом предъявлял при подсчете скота как доказательство.

Весной овец каждый день пригоняли к селению для доения. Когда доение прекращалось, пастухи все время находились в степи со стадом. Передвигались они на ослах, в селение являлись по мере надобности за хлебом или сменить одежду. За хлебом или мукой чаще приходил подпасок. Доставка провизии была его обязанностью. Пастухи имели специальные заплечные сумки для хлеба — *турек*. В коллекции МАЭ имеются три такие сумки, одна ковровая и две паласные. Ковровая сумка (№ 3993-223) размером 30×42 см сшита из одного куска, сложенного пополам, и имеет

[28] Подобные противни для печения тонких лепешек имеют обширный ареал (Афганистан, Иран, Северный и Западный Пакистан).

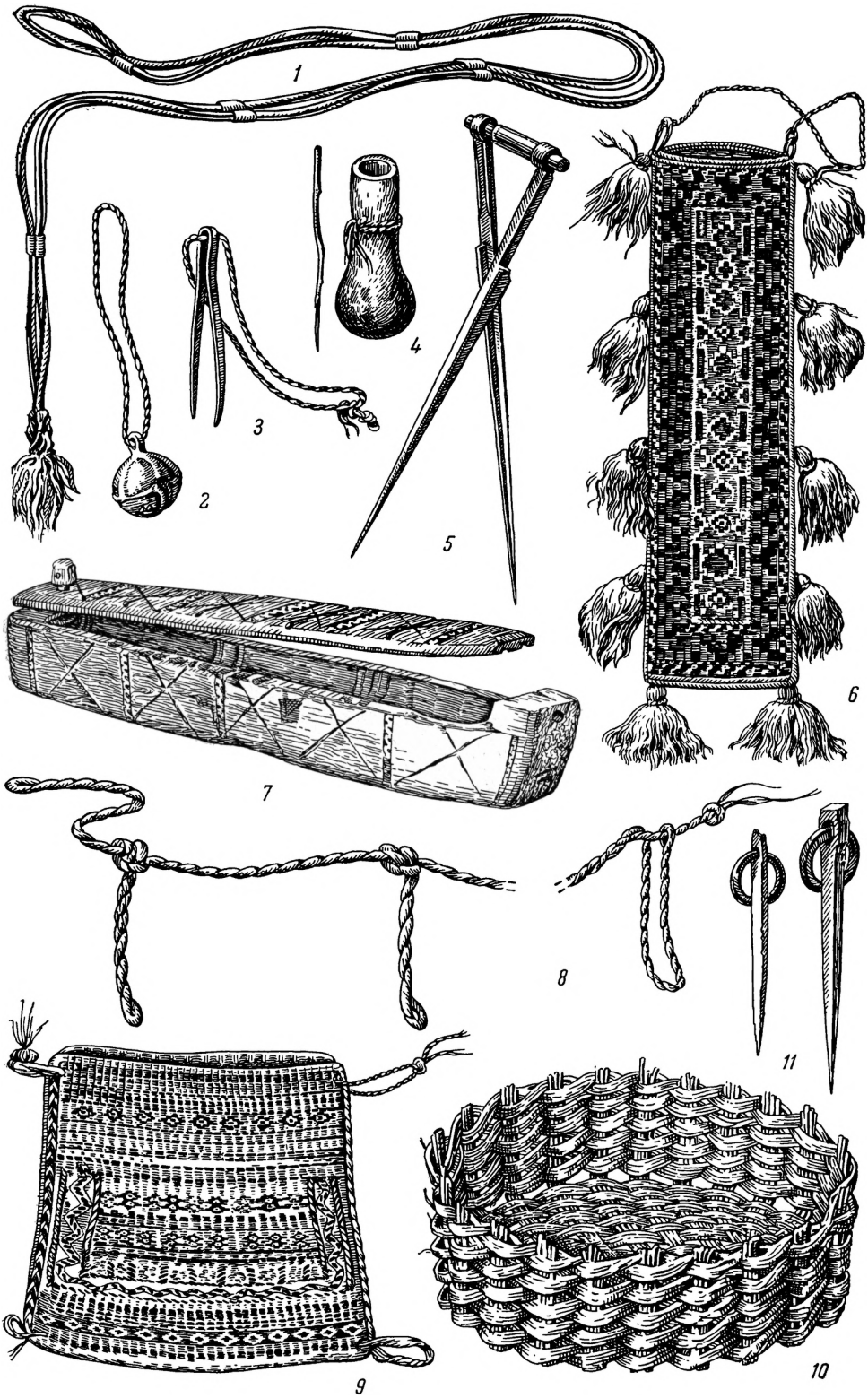


Рис. 8. Предметы, связанные с животноводством.

1 — веревка пастуха; *2* — бубенчик для барана; *3* — щипчики для удаления червей из ран у овец; *4* — сосуд для хранения леддука и палочка для его навесения на раны; *5* — старинные ножницы для стрижки овец; *6* — ковровый футляр для ножниц; *7* — деревянный футляр для ножниц; *8* — веревка с петлями для привязывания молодняка; *9* — торба для лошади; *10* — корзина для кормления овец; *11* — приколы для лошади и осла.

два боковых шва, обшитых черным шерстяным шнуром *ширази*. К углам сумки привязаны две шерстяные веревки в виде петель, сквозь которые продевают руки. Такие сумки ткут женщины и девушки.

Две другие сумки (№№ 3993-224 и 3993-225) — квадратные, одна размером 36 × 35, другая — 40 × 40 см, сшиты таким же образом из шерстяной ткани домашнего производства.

Сумка служит для ношения хлеба пастухом, но может служить и торбой для кормления зерном лошадей.

Ко времени поспевания арбузов и дынь доение овец обычно заканчивалось, и стадо овец и коз угоняли подальше от селения, на свежие пастбища. Возле дома оставались лишь те овцы, которых еще можно было доить (ягнившиеся позднее других), а также одна-две из предназначенного на убой молодняка пабанд. Тех и других подкармливали арбузными и дынными корками, для чего белуджи плели специально круглые корзины *шал* из ивовых ветвей (рис. 8, *10*). Величина их была различна в зависимости от количества овец, которых из них кормили.

Овец, предназначенных на убой, содержали возле дома в крытом загоне *куддук*. Он состоял из четырех согнутых дугообразно ивовых жердей, концы которых вбивались в землю таким образом, что их середины перекрещивались над центром загона. Верх загона покрывали циновками из ивовых ветвей. Загон имел высоту в средней части до 1.5 м при диаметре до 2 м. Вход в него ориентировали, так же как и вход в шатер, на юг. Часто одна стенка у него отсутствовала, и это также придавало ему некоторое сходство с шатром.

Другого вида крытый загон, вернее, навес *сайа* делался следующим образом: в землю вбивали четыре столба, имеющих наверху небольшие развилины. На развилины клали палки, на этот квадрат — несколько жердей, и на них набрасывали колючку. Иногда устраивали стены: к поперечной жерди прислоняли стоящие на земле толстые ивовые ветви и закидывали их толстым слоем колючки. Чаще стен не делали. Подобные навесы для овец бытуют у белуджей по сей день и называются *талар*, но в наше время их делают значительно более солидными и устойчивыми. Все эти сооружения имели чрезвычайно примитивный, небрежный вид, на них, как и на жилище белуджей в тот период, лежала печать временности, неустойчивости. Это объясняется как всей предысторией белуджей Туркмении, так и недостаточно еще упрочившимся их положением в то время, поскольку им тогда только что дали землю, а белуджи Серахса даже еще не были наделены землей.

Иногда для одной-двух овец, находившихся возле дома, просто втыкали в земле две-три палки, на которые накидывали распоротый мешок, дававший небольшую тень, или старое полотнище шатра. Такой навесик также называли сайа (перс. «тень»). Если же к двум палкам или к вбитой в землю жерди с перекладиной прислоняли камышовую циновку, такой навес называли также и *каппа*. Иногда же овец, находившихся у дома, держали внутри шатра. В этом случае овцы помещались на левой от входа, хозяйственной его половине. Это можно было видеть у белуджей в те времена довольно часто.

Как говорилось выше, на втором месте после разведения мелкого рогатого скота стояло верблюдоводство. Верблюды, как правило, были приведены из Афганистана, так как ввиду отдаленности и трудности пути белуджи перевозили свой домашний скарб на верблюдах и ослах.

Лошадь служила главным образом для верховой езды, причем большей частью держали кобылиц, считая, что для скачек кобылицы более горячи, легки и быстроходны. По свидетельству Л. Деймса, относящемуся к началу нашего века, белуджи у себя на родине ездили верхом только на кобылах. «Они — страстные любители конских скачек, и отдельные пле-

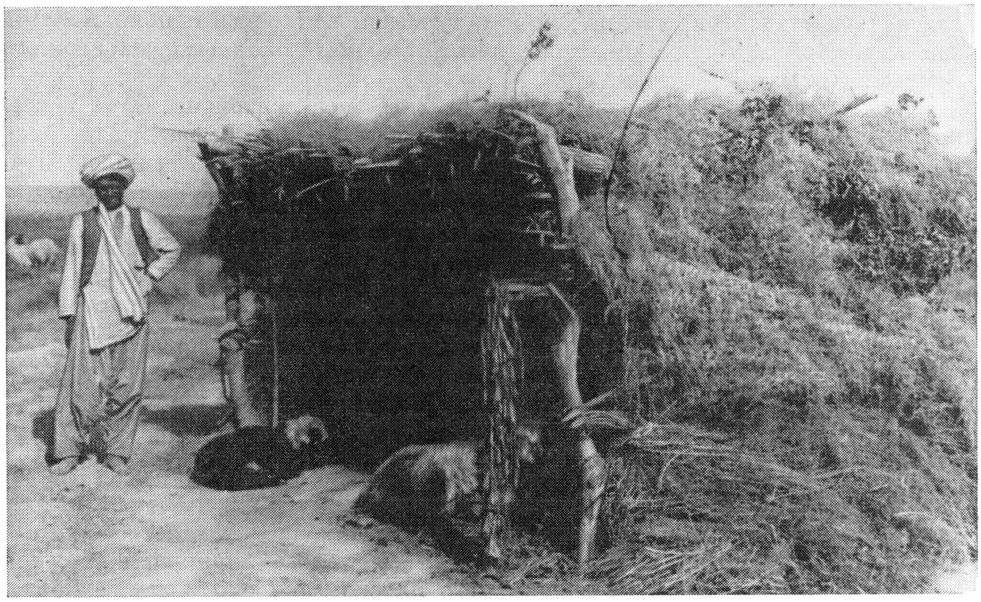


Рис. 9. Шалаш для овец.

мена сильно соперничают между собою в этом деле».[29] Предпочтение, оказываемое кобылицам, белуджи (как и джемшиды, и хазара) объясняют также весьма давней традицией, сохранившейся с тех времен, когда некоторая часть их занималась разбойничьими набегами на караваны и земледельческое население: [30] жеребцы при таких набегах могли преждевременно выдать нападающих своим ржанием.[31]

Как указывалось выше, лошадьми пользовались также при молотьбе. Однако дорогих, породистых лошадей богатые белуджи приобретали у туркмен специально только для скачек и верховой езды. Не использовались лошади и под вьюк. Вьючными животными были верблюд и осел, а также полученные в Туркмении в виде государственной помощи волы. Последних белуджи приспособили в качестве не только тяглового или вьючного, но ездового животного, причем на вола садились двое всадников, и вол свободно нес их рысью.

Лошадь держали возле дома на железном или деревянном приколе.[32]

---

[29] Л. Деймс. Афганистан и Белуджистан. В сб.: Народы мира в нравах и обычаях, вып. 12, Пгр., 1917, стр. 463.

[30] О разбойничьих набегах белуджей см.: Н. Зарудный. Третья экскурсия по Восточной Персии в 1900—1901 гг. Пгр., 1916, стр. 111, 130, 165. О них же писал А. И. Медведев: «Своими постоянными разбоями белуджи составляют истинное бедствие для всей юго-восточной Персии. .» (Персия, СПб., 1909, стр. 418); по сообщению Е. Черняковской, относящемуся к 1925 г., в Иране белуджи хотя и были покорены почти за 50 лет до этого времени, но только примерно к указанному году прекратились постоянные нападения их на караваны, грабежи и убийства; см.: Е. Черняковская. Сейстан. Известия Русского географического общества (далее везде ИРГО), т. IX, вып. 1, М.—Л., 1928, стр. 135—136.

[31] Традиция предпочтения кобылиц и уничтожения части приплода мужского пола существует также у белуджей племени бугти в Вост. Белуджистане и у арабов; см.: M. F. Oppenheim. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf. Bd. II. Berlin, 1900, S. 109

[32] В коллекции МАЭ имеется железный кованый прикол для лошади *михтабилс* (№ 3993-243). Это — массивный четырехгранный железный клин длиной около 30 см, имеющий вверху отверстие, в которое пропущено железное кольцо. Такой прикол белуджи возили с собой, привязывая его к передней луке, так как в безлесной Туркмении в пути часто не к чему привязать лошадь (рис. 8, 11).

На ночь лошадей укрывали, как и у туркмен, войлочными покрывалами, так как ночи в Туркмении даже летом бывают холодными. Покрывала эти приобретали у туркмен.

Шею лошадей повязывали веревкой *аспей пул*, свитой из белой и черной овечьей шерсти, или же пояском из черной козьей шерсти. К этой повязке, не столько служащей украшением, сколько якобы охраняющей от сглаза и от влияния злых духов, пришивали белые и голубые пуговицы, ибо эти цвета, по представлению белуджей, предохраняют от того и другого, а также белые раковины; нередко привязывали небольшой оберег от сглаза *ʧauʧ* в виде треугольника из цветной ткани.[33]

В течение лета лошади днем паслись на приколах недалеко от дома, по берегам арыков, где летом сохраняется трава. Кормили их также специально заготовленной травой, зимой — заготовленным сеном, соломой и люцерной. Во время поспевания арбузов и дынь лошадей, как и овец, кормили корками этих плодов, а также переспелыми арбузами и дынями.

Для кормления лошадей белуджи сооружали на открытом месте вблизи дома круглые глиннобитные кормушки высотой около 1 м при диаметре 55—65 см. Нижняя часть такой кормушки представляет собою цилиндр, сложенный из комков глины или сырцового кирпича, с плоским верхом, служащим дном кормушки. Это плоское дно окружено глинобитным же бортиком высотою 20—35 см с глубокой выемкой с одной стороны, достаточно широкой, чтобы лошади удобно было кормиться. Часто над кормушкой делают глинобитный свод, в котором имеется четырехугольное в плане отверстие на уровне головы лошади, так что она свободно в него входит [34] (рис. 10).

Более низкие кормушки делали для овец, но использовали их также и для кормления лошадей и других видов скота как дынными и арбузными корками, так и люцерной и травой.

Волов и тех немногих коров, которых имели белуджи, в течение весны, лета и осени также держали на подножном корму на пастбищах. В июле быков и волов, как и коров, пригоняли после пастьбы в поле к домам с целью их подкормки арбузными и дынными корками. Кормушки для крупного рогатого скота были такие же, как и для лошадей, но несколько ниже. Скот стоял возле них на железных приколах. Иногда кормушки пристраивались непосредственно к наружным стенам дома или хлева, обычно ближе к входу.

На зиму для крупного рогатого скота заготовляли сено, солому и люцерну, но в недостаточном количестве, так что весной скот имел довольно жалкий вид.

Зимой практиковалось стойловое содержание крупного рогатого скота. Конструкция и способ постройки хлевов были весьма примитивными. Крытые глинобитные полуподземные хлева для коров существуют и сейчас в личных хозяйствах белуджей, особенно у стариков, придерживаю-

---

[33] См. фото МАЭ № 4060-117. Жеребенок с амулетом на шее, якобы оберегающим от сглаза и злых духов. Амулет представляет собою матерчатый треугольник с нашитыми на него тремя белыми пуговками. Подобного же рода амулеты вешали на шею верблюдам и баранам. В колл. МАЭ за № 3993-250 хранится амулет *пул* для верблюда или барана. Это — кусок кошмы треугольной формы (высота 12, основание 14 см), обшитый белой бязью, на лицевой стороне его нашиты кусочки цветной ткани в форме кружков и треугольников. Амулет обшит по краям шерстяным шнурком из красных, черных и белых ниток с кистями и украшен снизу бахромой из таких же ниток.

[34] Подобные кормушки (джемш. *охур*, тадж. *охурджа*) сооружают и другие кочевые иранцы: джемшиды, хазара, фирюзкюи (см.: Э. Г. Гаффербер г. Жилище джемшидов Кушкинского района. СЭ, 1948, № 4, стр. 135), а также и таджики (Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу. В сб.: Советская Этнография, II, М.—Л., 1939, стр. 162).

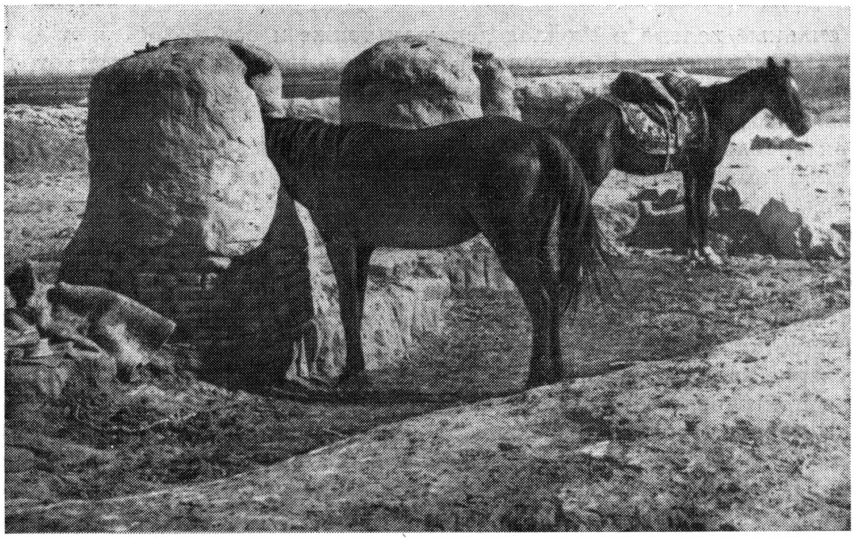


Рис. 10. Кормушка для лошади.

щихся старых традиций. Такой хлев *колюнд* представляет собою продолговатое, четырехугольное в плане помещение, пол которого расположен почти на 1 м ниже поверхности земли. Устройство крыши несложно: на насыпь, образовавшуюся вокруг из выброшенной земли, положено поперек хлева бревно, от него расходятся в обе стороны жерди, доски, палки, упирающиеся другим концом в насыпь. На них наложены гребенщик и камыш, затем — слой глины. В хлев с одной стороны ведет пологий, крытый ход, достаточно просторный, чтобы в него могла пройти корова. В противоположной стене сделаны две ниши — кормушки. Дно хлева в середине несколько глубже, высота потолка у концов хлева около 1 м, в середине — до 1.5 м. Описанный хлев значительно просторнее, чем имевшиеся у белуджей в 1929 г., так как рассчитан не на одну, а на две-три коровы. Однако хлева этого типа встречаются теперь крайне редко. В личных хозяйствах строят для скота просторные хлева с окнами.

Для телят строили около дома или пристраивали к нему отдельный небольшой глинобитный хлев *гоусала хана*.

Лошадей чаще держали в глинобитных загородках без крыши, пристроенных к дому. Загородки эти делали довольно просторными и иногда такой высоты, что лошади снаружи почти не было видно. В стене загородки, поближе ко входу в дом, оставляли небольшой проход такой ширины, чтобы в него могла пройти лошадь. Чаще загородка делалась несколько ниже и состояла всего из двух стенок в виде буквы Г. Третьей стенкой являлась стена дома. В стене загородки, имевшей толщину приблизительно полметра, делали пару глубоких полукруглых выемок, служивших кормушками.

В тех случаях, когда белуджи жили зимой в глинобитных домах, покинутых по каким-либо причинам персами, что случалось довольно часто, в качестве стойла для лошадей и крупного скота использовалось нередко одно из двух имеющихся в доме жилых помещений. В этом случае в стене фасада пробивали вход, в остальных стенах делали два-три круглых отверстия диаметром 10—30 см для света, в углах помещения сооружали из глины кормушки, и лишь имеющийся в полу помещения очаг указывал на то, что оно когда-то было жилым.

В сильные холода в стойлах держали также и ослов. Обычно же ослы паслись без присмотра в степи, в непосредственной близости от дома, и вечером сами возвращались к шатрам своих хозяев, где их на ночь привязывали к железным приколам.

При заболеваниях скота белуджи не обращались к ветеринарам, а лечили скот сами или поручали это опытным пастухам.

Раны у овец и коз, образовавшиеся от укусов насекомых или нанесенные случайно при стрижке, смазывали, как и во всей Туркмении и в Афганистане, вонючей черной жидкостью *леддук* (по-туркменски *караяг*), приготовляемой из овечьего помета. Она применяется для лечения ран у овец и в настоящее время, и не только опытные скотоводы, но и местные ветеринары считают лечение этой жидкостью более радикальным, чем лечение медикаментами.

Для приготовления леддука собирают большое количество овечьего помета. В твердом грунте выкапывают яму глубиной 1—1.5 м, квадратной формы, 1.5 × 1.5 м, чтобы в ней мог свободно нагибаться и работать человек. В одной из боковых сторон ямы вырывают нишу почти таких же размеров, как и яма, но так, чтобы потолок ниши был расположен на 8—10 см ниже уровня земли, а дно сходилось с уровнем дна ямы. Края и стенки ниши укрепляют палками.

Таким образом, над нишей получается нечто вроде крыши толщиною в 8—10 см. На поверхности этой земляной крыши прорывают стоки к середине, где делают небольшое круглое отверстие, под которым в нише подвешивают тыквенный сосуд. В отверстие иногда вмазывают воронку из отбитого горлышка бутылки.

На крышу ниши накладывают кучу овечьего помета и верблюжьей колючки. Колючку зажигают так, чтобы она не разгоралась сильным пламенем, а только тлела, для чего слегка присыпают ее землей. Когда все это прогорит, получившуюся золу смешивают с новой большой порцией помета. При тлении колючки и смешивании с горячей золой овечий помет выделяет сильно пахнущую черную жидкость, которая стекает по стокам в отверстие крыши и попадает в подвешенный в нише тыквенный сосуд.

Этой жидкостью смазывают открытые раны у овец, коз, верблюдов, лошадей и ослов. Если рана запущена и в ней уже завелись черви, что бывает часто в условиях жаркой погоды и обилия мух, из раны предварительно вытаскивают червей железными щипчиками *джуптак* (перс. *кирмгир*), изготовляемыми кузнецами из племени лури (рис. 8, *3*). Этими же щипчиками удаляют червей из ноздрей животных, где они также заводятся в летнее время. Раны после удаления червей для дезинфекции посыпают нафталином, а леддуком смазывают на следующий день при помощи палочки, на одном конце которой намотана вата или шерсть. Хранят леддук в тыквенных сосудах (рис. 8, *4*). В прежнее время такой сосуд подвешивали обычно к одному из шестов, подпирающих крышу шатра, или к деревянному настилу, служащему для хранения мягких вещей.

Леддук приготовляли белуджи, которые владели большим количеством овец. Белуджи, у которых скота было немного, покупали его у более крупных скотоводов.

Наряду с употреблением леддука при лечении ран у скота существо-

Например, сотрудникам экспедиции 1929 г. пришлось наблюдать левали и явно иррациональные приемы лечения.

чение больного осла. Последнего сначала напоили растворенным в теплой воде овечьим сыром. Когда это не помогло, на следующее утро раскалили на костре докрасна несколько железных прутьев и стали прижигать ими бока осла с целью разогреть у него кровь. Операция эта не помогла, и он пал.

При низком материальном и культурном уровне белуджей в то время не было стимула к каким-либо техническим усовершенствованиям в хозяйстве. Все делалось по старинке, по издавна заведенному образцу.

Белуджи стали объединяться в колхозы в 1933—1934 гг., главным образом с целью совместной обработки земли и освоения культуры хлопчатника. Несколько позднее, когда колхозы стали крупнее, белуджским колхозам были выделены пастбищные угодья в песках Кара-Кум. Каждый колхоз получил участок отгонных пастбищ для выпаса колхозного стада. Основным видом скота в белуджских колхозах является мелкий рогатый скот, подавляющую часть стада составляют овцы. Коз держат в каждом колхозе очень немного. Обычно впереди отары, как и в России, идут козлы и несколько коз.

На колхозных фермах, как белуджских, так и туркменских, разводят только одну породу овец — каракульскую смушковую породу. Белуджи прежде не занимались каракулеводством. В Афганистане у них была своя порода овец — *курти* (белые и пестрые курдючные овцы). Зоотехники называют ее белуджской курдючной породой. Овцы этой породы небольшого роста, с коротким туловищем, полугрубой шерстью. В настоящее время в личной собственности колхозников-белуджей еще примерно $^1/_3$ овец составляют овцы породы курти. Остальные овцы — мясо-шерстной сараджинской породы (шерсть полугрубая), есть и каракульские. Зоотехники считают, что сараджинская овца, более крупная, превосходит белуджскую по всем статьям, но белуджи, особенно старики, продолжают ценить свою курти, говорят, что она выносliва, лучше переносит и холод, и голод.

От старого пастуха Назара Сораба, с детских лет работавшего в туркменских богатых хозяйствах, были получены сведения, что в старину каракульскую овцу называли *араби гоин* («арабская овца»). В большом количестве начали разводить ее в Туркмении после революции и установления Советской власти, но лишь с организацией колхозов каракулеводство приняло широкие размеры. Теперь колхозники часто называют каракульскую породу *каракули туркмани*. Накопившие за последние десятилетия огромный опыт каракулеводства туркмены наравне с узбеками признаются создателями этой породы.

Второе место по количеству и по значению в хозяйстве занимает крупный рогатый скот, держат также лошадей, верблюдов и свиней. В каждом колхозе имеются ферма мелкого рогатого скота (белуджск. *пасани перма*, туркм. *мейда мал ферма*), ферма крупного рогатого скота (белуджск. *гокани перма*, туркм. *ири мал ферма*), свиноферма (белуджск. *укани перма*, туркм. *донгузчилик ферма*), а также и птицеферма (белуджск. *мургани перма*, туркм. *бушчилик ферма*). В употреблении, особенно в отношении первых двух ферм, больше туркменские названия, отчего мы их и приводим. Разводят также кроликов *каргошк* (туркм. *тавшан*) и пчел.

В белуджских колхозах им. Калинина и им. Жданова имеется следующее количество различных видов скота и птицы (на 1 X 1968): [35]

	Колхоз им. Калинина	Колхоз им. Жданова
Мелкий рогатый скот	4594	3695
В том числе козлы и козы	9	11
Крупный рогатый скот	320	312
Лошади	52	16
Верблюды	53	19
Свиньи	72	
Куры и другая птица	594	693

[35] Составлено на основании справки, полученной от райинспектора Госстатуправления Е. Рычина.

Следует отметить изменения, происшедшие в соотношении между отдельными видами скота в белуджском хозяйстве по сравнению с временем непосредственно после их переселения из Афганистана, т. е. с 1929 г.

Прежде всего бросается в глаза то большое место, которое заняло в белуджском хозяйстве разведение крупного рогатого скота. Оно стоит теперь на втором месте после разведения мелкого рогатого скота, тогда как в 1929 г. на втором месте стояло разведение верблюдов, а коров белуджи тогда почти не имели. Коровы заняли прочное место не только в общественном хозяйстве, но и в личных хозяйствах колхозников. В каждом личном хозяйстве имеется теперь одна или две коровы. Белуджские женщины научились доить их и правильно за ними ухаживать. Произошли изменения и в молочном хозяйстве. Доение овец сохраняется лишь на колхозных фермах мелкого рогатого скота и почти прекратилось в личных хозяйствах, так как овец держат в них немного и, кроме того, в колхозах уже не пригоняют овец колхозников к поселку в целях доения — это отвлекало бы женщин от работы в колхозе. Все виды молочных продуктов, которые приготовляли прежде из овечьего молока, — кислое молоко, масло, различные виды сыра, приготовляют теперь из коровьего молока. Это — явление новое и массовое.

Верблюдов осталось в колхозах немного. Их держат только на фермах мелкого рогатого скота, где они служат средством связи между пастушескими станами и центральным поселком фермы, расположенным возле колодцев. Основная их функция — доставка воды из колодцев на пастушеские станы. Во время ягнения овец их используют также для доставки из отар в центральный поселок ягнят, предназначенных для убоя на каракуль, если не справляются автомашины. Часть приплода от верблюдов колхозы сдают по обязательным мясопоставкам, что облегчает сохранение поголовья овец. Верблюды совершенно исчезли из личных хозяйств колхозников-белуджей. Лишь на ферме мелкого рогатого скота можно увидеть верблюжье седло туркменского типа.

В личных хозяйствах имеют верблюдов лишь казахи-сучи[36] в песках. Как на редкое исключение, можно указать на личное хозяйство Гулама Сапарова, бывшего агронома, а затем председателя колхоза им. Жданова. Отдавая дань старым традициям белуджей, может быть, в угоду престарелому отцу, он держит в личном хозяйстве верблюда и верблюдицу и считает, что это выгоднее, чем держать корову.

Лошадей в колхозах теперь больше, чем верблюдов. Они сохраняют еще некоторое значение в земледелии как тягловая сила. Их впрягают в конные лопаты при подготовке поля к посеву (при выравнивании земли конными лопатами после пахоты трактором), а также в бороны и в конные мала.

Лошадь нужна и в животноводстве. Пастухи коров *гок чаран* пасут стадо верхом на лошади. Как правило, лошади содержатся во всех белуджских колхозах на ферме крупного рогатого скота. На ферме мелкого рогатого скота некоторые пастухи, большей частью брагуи, имеют собственных лошадей, на которых ездят с пастушеского стана в центральный поселок фермы, на базар в соседнюю Чарджоускую область, а также на поиски овец в песках в случае их пропажи. Казахи, работающие на колодцах в песках, т. е. также на фермах мелкого рогатого скота, почти все имеют собственных верховых лошадей.

Транспортным животным в личных хозяйствах является осел. Один или два осла имеются в каждом дворе. На них возят воду из Мургаба или ближайшего большого арыка, а также траву для скота, содержащегося

[36] Сучи, сувчи (туркм. сувчы) на ферме мелкого рогатого скота качают воду из колодца и наполняют бассейн и поилку для скота.

возле дома, — коровы и нескольких откармливаемых на мясо баранов. На ослах же ездят на базар, в гости или по делам в соседние колхозы, в магазин, на кладбище в науруз (новый год) и т. д. На свадьбы даже в своем колхозе (в соседние бригады) ездят почти исключительно на грузовых автомашинах, выделяемых для этой цели колхозом. Очень редко кто-либо из гостей приезжает на собственной лошади. Таким образом, автотранспорт и механизация сельского хозяйства почти вытеснили лошадь и верблюда как из колхозного, так и из личных хозяйств.

Фермы мелкого рогатого скота расположены на отгонных пастбищах в песках, где, как уже упоминалось выше, каждому колхозу отведены определенные пастбищные угодья. В 1952 г., когда произошло последнее укрупнение колхозов, объединялись, как правило, смежные колхозы, у которых пастбищные участки большей частью также были смежными. Но все же у многих колхозов, в том числе и у белуджских, оказалось в распоряжении по две пастбищные территории в разных местах. Так, у колхоза им. Жданова имеются две пастбищные территории, одна в 200, другая в 60 км от колхоза; у колхоза им. Калинина — тоже две: одна в 75—80 км от колхоза, другая непосредственно около колхоза; у колхоза им. Куйбышева одна территория на расстоянии около 140 км от колхоза, другая — значительно ближе. Более близкие пастбища используются для выпаса коров и лошадей.

Ферма мелкого рогатого скота располагается, как правило, в песках восточной части Кара-Кумов. Характерной особенностью этих крупнокустарниковых пастбищ является грядовобугристый и бугристый рельеф [37] с плоскими глинистыми участками — такырами. Климат резко континентальный, с очень жарким продолжительным летом, мягкой дождливой весной, теплой сухой осенью и морозной, с частыми оттепелями зимой. Средняя январская температура около +3, июльская — около +32° Зимой нередки морозы до —10, —20°, но морозы, как и снеговой покров, держатся недолго. Заросшие пески покрыты маломощным покровом сероземного типа. Растительность состоит из кустарников и полукустарников — саксаула, кандыма, черкеза и других крупных и мелких травянистых растений, среди последних преобладают илак, епелек и другие весенние травы. Эти растения составляют основу кормовых ресурсов в песках в течение круглого года.

Белуджские пастухи считают лучшим кормом для овец травы *зарра* (Carex physodes M. B. — осока вздутая или песчаная, туркм. *илак*) и *гайаб* (туркм. *кыртыч* — Poa bulbosa V. vivipara Koeler). Илак является основным пастбищным растением песчаных пустынь. Он отрастает ранней весной, в феврале, а в случае теплой зимы — в январе или даже с осени. Морозы и снегопады лишь задерживают его рост, не убивая зеленых побегов. В засушливые весны илак усыхает иногда уже в середине марта, бывают же случаи, когда он остается зеленым до середины мая. Обычный срок усыхания — конец апреля. Эти сроки имеют большое хозяйственное значение, так как илак отличается высокой питательностью, и пока он зелен, овцы питаются сочным кормом, что особенно важно для маток, кормящих молодняк.

Другие весенние травы усыхают одновременно с илаком, в апреле—мае, и скот переходит в основном на питание сухими кормами, т. е. сухостоем и кустарником. Но и в сухостое илак лучше других растений со-

---

[37] Для характеристики пастбищных территорий использованы: Н. Т. Нечаева и И. А. Мосолов. Пастбищное содержание овец в Туркменистане. Ашхабад, 1953; Н. Т. Нечаева и Н. Н. Башкатова. Использование илака (Carex physodes M. B.) для улучшения песчаных пастбищ Кара-Кумов. Известия Туркменского филиала АН СССР, 1950, № 5, стр. 30—38.

храняется на пастбище благодаря прочности его листьев, питательные вещества сохраняются в нем лучше, чем в других травах. Кустарники включаются в пастбищный рацион главным образом осенью, зимой и весной.

Разнообразная растительность позволяет содержать овец на песчаных пастбищах Кара-Кумов круглый год.

В первые годы существования колхозов дорога в пески была тяжелой и долгой. Груз для фермы — продукты, соль, стройматериалы и пр., везли на верблюдах, люди ехали на ослах. В колхозе им. Куйбышева путь до фермы мелкого рогатого скота отнимал шесть дней. С 1950 г. стали ездить в пески на автомашинах. Хотя их колеса часто буксуют в песке и приходится подкладывать под них шалманы (небольшие бревна) для увеличения трения, хороший шофер доезжает до фермы за 8—9 час. Лучший шофер колхоза им. Куйбышева Гульмамед Гарибов доезжает до фермы за 4—4.5 часа.

Расстояние в пути обычно высчитывается от колодца до колодца. Так, расстояние от колхоза им. Куйбышева до Иолотанской плотины — 8 км, от Иолотанской плотины до колодца Дали — 20 км. Этот отрезок пути считается очень плохим, здесь сыпучие пески. Дальше дорога лучше. Колодец Дали — колодец Чаркезли [38] — 32 км. Чаркезли считается половиной дороги, там построены магазин и колхозная гостиница. Живет здесь в юрте семья казаха, обслуживающего колодец, и семья заведующего магазином. Как правило, в гостинице никто не останавливается. Все проезжающие, пользуясь гостеприимством казахской семьи, пьют чай в юрте и едут дальше. Весь путь от колхоза им. Куйбышева до фермы со всеми поворотами и объездами — 138 км.

Жизненными центрами ферм мелкого рогатого скота являются колодцы (белуджск. *ча*, туркм. *кую*), к которым пригоняют отары на водопой и вокруг которых располагается центральный поселок фермы. Рытье колодца в песках — дело трудное и сложное, требующее специальных знаний и большого опыта. На устройство колодца глубиною в 90—100 м уходит несколько месяцев. В прошлом сооружение колодцов было доступно лишь баям и колодцы служили средством эксплуатации рядовых животноводов.

Рыли колодцы специальные мастера — *уста*, или *гуйсаз* (туркм.), передававшие свои знания и опыт из поколения в поколение.

Форма колодцев была разнообразна. У старых колодцев (так их и называют «байские») укрепляли оголовок, т. е. самый верх колодца, чтобы он не осыпался, стволами кандыма, а в последние годы существования байства — иногда досками, реже кирпичом. Если колодец проходил сквозь твердый грунт, его, за исключением верха, нигде не укрепляли, и дальше весь колодец прорывали киркой. Пожилой мастер, прораб Ашир Шакиров, приобревший большой опыт в рытье колодцев уже в советское время, рассказывал нам, что сам он таких колодцев не строил и таких мастеров теперь нет, но не раз ему приходилось спускаться для чистки в старые «байские» колодцы и видеть их устройство. На стенах их сверху донизу сохранились следы работы киркой. Такие колодцы еще есть на юго-востоке Кара-Кумов.

В мягком грунте, в сыпучих песках, сооружали так называемый опускной колодец, стенки которого укрепляли сверху донизу. Для этого делали плотный круг из слегка изогнутых стволов кандыма или тутовника, толщиной 20—30 см и высотой 30 см. Этот круг служил основанием, его

---

[38] Слово «черкезли» (белуджи произносят *чаркезли*) означает заросли черкеза (Salsola Richteri); см.: Н. Т Нечаева и И. А. Мосолов. Пастбищное содержание овец. . ., стр. 11.

опускали в нижнюю часть колодца. Диаметр этого круга был равен диаметру колодца, обычно 90—100 см, иногда и больше. На него клали палки (кандым или тутовник) в виде шести- или восьмиугольной фигуры, причем следующий шестиугольник клали таким образом, чтобы его углы ложились на серединки палок нижележащего шестиугольника, последующий шестиугольник снова укладывали так, как первый, и так до самого верха колодца. Могли быть и восьми- и десятиугольники, в зависимости от материала. Промежутки между палками забивали корнями и укрепляли колышками. Такой колодец назывался по-туркменски *чыгыр өрум*.

Иногда, если сначала шел твердый грунт, потом слабый, потом опять твердый, в участок слабого грунта, в нижнюю часть, спускали кольцо из тутовника или кандыма, а дальше вверх укрепляли толстыми ветвями этих же деревьев описанным способом.

Низ колодца расширялся по направлению к дну в виде конуса точно так же, как и в современных колодцах, это — традиция. Высота конуса была обычно 8—10 м, диаметр варьировался.

В центре дна колодца, точно под верхним отверстием, устанавливалась деревянная бадья без дна, в которой скапливалась вода и в которую опускалось ведро, зачерпывающее воду. В современных колодцах это — деревянный или бетонный цилиндр, называемый «стакан». В старых колодцах его делали только из тутовника, так как он не гниет в воде. Он мог быть и круглой формы и тогда назывался *човлук*, и четырехгранный — *сандук*. Тутовник для него тщательно обтесывали. Каждое звено, равное 0.5 м, было несколько изогнуто; на одном конце его было два выступа, на другом — две выемки, при их помощи звенья плотно подгоняли одно к другому.

Между этой бадьей и стенками нижней расширенной части колодца насыпали древесный уголь — очень плотно, чтобы стенки не осыпались, чтобы их не подмывала вода. В твердый грунт бадью не опускали, делали лишь соответствующих размеров углубление в центре дна, чтобы большое ведро из коровьей шкуры *каво* (белуджи произносят *гаво*) могло зачерпывать воду.

У самого дна колодца иногда бывают сделаны туннели в разные стороны, в радиальном направлении, таких размеров, что человек, согнувшись, может пройти по ним. Бывает от двух до четырех таких туннелей. Они уходят иногда на 2—3 м в сторону. Их делают для облегчения стока воды в тех случаях, когда опасаются, что воды в колодце будет мало. Если воды много, туннелей не делают.

Описанные выше старинные колодцы послужили образцом для строительства современных колодцев, которые в основном сооружаются по такому же принципу, но дерево в них заменено бетоном.

Для рытья колодца приглашают теперь специальную бригаду из УВХ. Бригада состоит из четырех человек: мастера *кую уссозы*, помощника мастера *кую уссозынын комокчысы* и двух рабочих. От колхоза выделяют еще двух человек — повара и погонщика верблюда, последний при помощи специального блока вытаскивает в брезентовом мешке вынутый из колодца грунт.

Нет ни школы, ни курсов по обучению рытью колодцев. Учатся этому только у мастеров. Таким образом, здесь действует исключительно народный опыт. Человек начинает рабочим по рытью колодцев, потом становится учеником, потом помощником мастера и в конце концов мастером.

Прежде специалистами по рытью колодцев были только туркмены. Сейчас имеются два-три мастера-белуджа, успешно освоивших эту специальность.

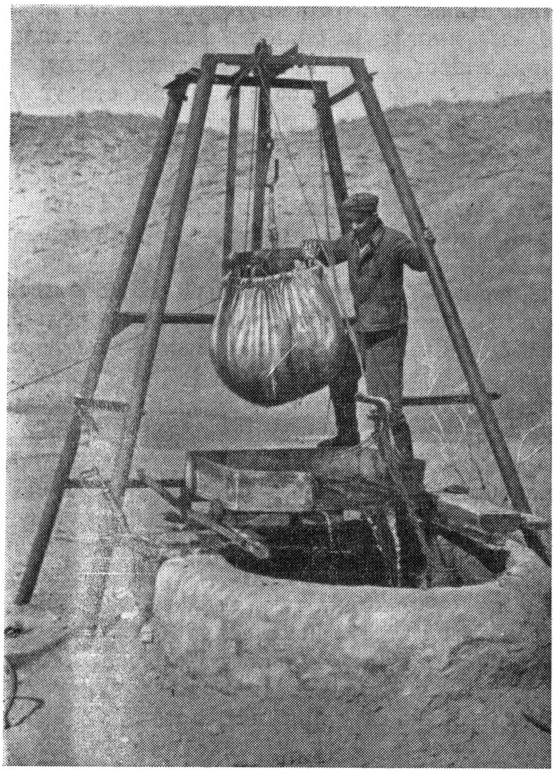


Рис. 11. Колодец на ферме мелкого рогатого скота и ведро для доставания воды.

На территории отгонных пастбищ колодцы расположены иногда в двух местах, поэтому, кроме центрального поселка, имеется еще второй небольшой поселок. В песках Кара-Кум нередко под одним названием подразумевается группа расположенных рядом колодцев. В таком случае, если говорят об отдельном колодце данной группы, употребляют термин «отверстие».

В колхозе им. Куйбышева в центральном поселке фермы имеются два «отверстия», называемых вместе колодец Сексен-Кулач.[39] Еще один колодец Тезе-Гую (туркм. «новый колодец»), или второй Сексен-Кулач, расположен в 8 км от центрального поселка. Там в каркасных, обмазанных глиной, камышовых жилищах со стоящими рядом юртами живут две семьи казахов, из которых один обслуживает колодец, другой пасет на ферме отару баранов-производителей. Из двух колодцев центрального поселка пьют воду пять отар, из колодца Тезе-Гую — три отары. Глубина колодцев — 80—90 м.

Воду достают из них разными способами: в центральном поселке из одного колодца вода подается при помощи приводного ремня от электрического мотора, из другого — большим ведром *дол* (туркм. *гово*) из цельной коровьей шкуры, которое вытаскивают из колодца при помощи лебедки, приводимой в движение трактором. Если мотор на первом колодце неисправен, его также заменяет трактор. В случае аварий всегда проявляется исключительная взаимопомощь между соседними фермами, независимо от того, белуджи это или туркмены. Работники соседних ферм помогают друг другу во всех случаях, чем только могут, хотя бы пришлось отдать последнюю запасную часть. «Это — закон песков, — говорят они, — если не помогать друг другу — погибнешь здесь в песках».

Колодец Тезе-Гую более примитивен. Воду из него достают ведром из коровьей шкуры, опускаемым в колодец при помощи блока, укрепленного на железной лебедке. Последний приводится в движение упряжкой из двух верблюдов, которых гоняют взад и вперед на расстоянии 90 м, равном глубине колодца.

Вокруг колодцев в центральном поселке фермы, расположенном в большой котловине между холмами и барханами, группируются здания конторы и мехманханы (комнаты для гостей), построенные из двух деревянных стандартных финских домиков (их на ферме так и на-

[39] Сексен-Кулач по-туркменски 80 маховых саженей.

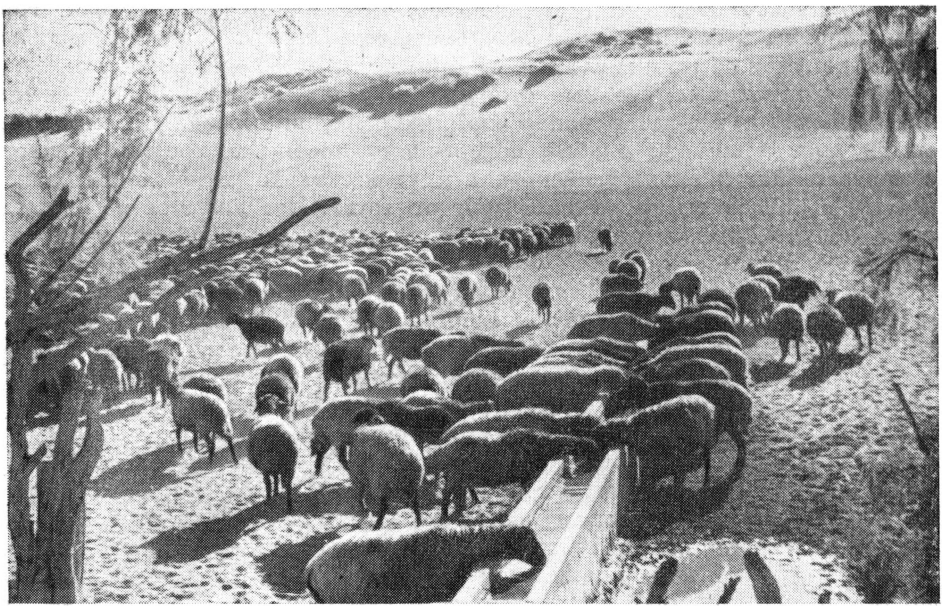


Рис. 12. Овцы на водопое.

зывают *фински*); два каркасных дома с камышовыми стенками и крышей, обмазанными глиной, включающих складские помещения с деревянными настилами и стеллажами и комнату — общежитие для трактористов; большой загон с навесом с одной стороны для стрижки овец — *чине вад*. К последнему примыкает построенное в 1961 г. каркасное строение для прививок СЖК [40] и искусственного осеменения, состоящее из четырех помещений. Рядом с этим домом — три небольших загончика, в которых помещают группы отобранных для прививки СЖК овец.

В одном из трех перечисленных выше каркасных домов два складских помещения: одно — для складывания снятых каракулевых шкурок, а также засоленных овчин, другое — для провизии. Во втором каркасном доме также два помещения: в одном из них на стеллажах хранятся части моторов, покрышки, части машин, части верблюжьих седел, это — технический склад фермы. Рядом — комната для трактористов, довольно просторная. В ней каждый тракторист расстилает на ночь свою кошму и одеяло, днем последнее скатывают в трубку. Это — комната молодежи, в ней всегда можно видеть книги, обычно руководство для трактористов, а также и художественную литературу, часто — волшебные сказки на туркменском языке. В третьем каркасном доме четыре сообщающихся между собой помещения. В одном из них стоит станок для искусственного осеменения.

Техника постройки всех каркасных помещений примерно одинакова. Каркас состоит из деревянных круглых столбов, вбитых в песок как в четырех углах здания, так и в углах каждого из двух или трех помещений и кое-где в середине продольных стен этих помещений, а также по сторонам всех дверей.

Стены сделаны из связанных между собой пучков камыша, плотно пригнанных друг к другу и укрепленных с двух сторон горбылями, иду-

[40] СЖК (сыворотка жеребой кобылы) — прививка, которую делают овцам с целью увеличения количества приплода.

щими горизонтально, в три ряда, по обе стороны пучков камыша; горбыли прибиты к вертикальным столбам. Стены вместе с горбылями снаружи и изнутри обмазаны глиной. Толщина стен — 15—20 см.

На вертикальные столбы, стоящие в углах помещений, положены в продольном и кое-где в поперечном направлении бревна. На продольных бревнах лежит по одному поперечному бревну посередине каждого помещения. Затем вдоль всей крыши идут несколько рядов досок разной ширины и на разном расстоянии друг от друга. Это дощатое перекрытие покрыто в поперечном направлении тростником, сверху обмазанным толстым слоем глины.

Двери вставлены в деревянные коробки. Как правило, каждое помещение имеет одно окно размером от 70 × 80 до 90 × 100 см, в деревянной раме. Высота строений, техника постройки которых одинакова как на белуджских, так и на туркменских фермах, обычно около двух или немного более двух метров, высота дверей 170—190 см.

В поселке имеются юрты обслуживающих ферму казахов (*сучи*, пастуха верблюдов) и туркмен, три загона для овец, необходимых во время доения, загон-изолятор для больных овец, загон для верблюдов и деревянный домик, в котором поставлен электрический движок. На расстоянии примерно полкилометра от поселка стоит деревянный навес — *маслык талар*; на него складывают издохших овец до приезда ветеринарного врача, который вскрывает их и сам сжигает. Такой навес на любой ферме имеется при каждом поселке.

На время ягнения в центре поселка ставят навес и роют яму для убоя каракулевых ягнят.

Как и у всех скотоводческих народов, у белуджей существуют названия скота в зависимости от пола и возраста.

Только что родившихся ягнят, независимо от пола, называют *гуараг*. После 6-ти месяцев их, также независимо от пола, называют *ебыр*. С года овца (ярочка) уже называется *пылаҭ*, молодой баран *гаҭҭор*, *гаҭур*, от 2-х лет овца — *пас* (мн. *пасан*), баран *горанд*, *гуранд* (мн. *горанда*), выложенный — *бахҭа*. Прошлогодние ягнята до весны, т. е. до года, пасутся вместе. В мае делают отбивку по полу. Молодых баранов пускают в стадо старых баранов; молодые овцы — пылаҭ составляют отдельную отару, на колхозной ферме обычно даже две отдельные отары.

Производителей пускают в отары молодых и старых овец 10 октября. А в январе снова производится отбивка.

Особые названия имеются также для коз, верблюдов и лошадей:

	Коза	Козел
До полугода.	*шиник*	*шиник*
От полугода до одного года.	*чатти*	*трюшк*
От одного года.	*гетач*	*пачин*
От двух лет.	*боз*	*пачин*

	Верблюдица	Верблюд
До одного года.	*джерук*	*джерук*
От одного до двух лет.	*йак пашм*	*камоҭ*
От двух до трех »	*ду пашм*	Старше двух лет *леҷа*
От трех до четырех »	*се пашм*	
Старше четырех »	*уштур*	
Верблюдица с верблюжонком.	*дачи*	

	Кобыла	Жеребец
До одного года.	*курег мадиан*	*курег нариан*
От одного до двух лет.	*йак сал*	*йак сал*
От двух до трех »	*ду сал*	*ду сал*
От трех до четырех »	*се сал*	*се сал*
Старше четырех	*мадиан*	*нариан*

На ферме колхоза им. Куйбышева имеются восемь отар (6180 голов): две отары молодняка, одна отара производителей и пять — овцематок *пас*. Пастбищные территории этих отар расходятся соответственно по радиусу от обоих колодцев — первого и второго Сексен-Кулач. Между ними расположена запасная пастбищная территория *горух* (туркм.), которая сохраняется нетронутой на случай бескормицы.

Пасут каждую отару три пастуха: старший пастух *шуанаг* (туркм. *баш чопан*), второй пастух *яноу* (туркм.) и подпасок *меланк* (туркм. *чолох*). У белуджей раньше в отарах были только пастух и подпасок, поэтому для туркменского термина *яноу* — «второй пастух», нет синонима в белуджском языке. Независимо от этого всех трех пастухов называют на ферме большей частью по-туркменски. Вообще туркменские слова и выражения получают с каждым годом все большее распространение среди белуджей, и это особенно относится к производственным терминам в животноводстве и земледелии.[41] Белуджи осознают этот процесс и с грустью говорят: «Забываем свой язык». Действительно, если спрашиваешь о каком-либо термине, относящемся к производству, который привыкли произносить на туркменском языке, как это будет по-белуджски, иногда вспоминают несколько минут белуджский термин, а молодежь, бывает, и вовсе не знает его.

Рис. 13. Пастух с типичным пастушеским посохом.

Старший пастух и его помощник ходят со стадом, по очереди пасут его, но во время ягнения оба пастуха почти не отдыхают.

Обязанности подпаска: печь хлеб, готовить пищу, привозить воду на верблюде из колодца на пастушеский стан, прибирать последний, ухаживать за верблюдами, печь из грубой муки хлеб для собак, если отара переходит на новое место, то перетаскивать весь стан, все вещи. Во время ягнения овец, если автомобили не справляются с перевозкой в центральный поселок ягнят, отобранных на убой, подпасок отвозит их на верблюде в мешке или же приторачивая к седлу за передние ножки. По возможности он стремится соединить эту миссию с привозом воды. Иногда старший пастух отвозит ягнят сам, если у него есть дела в центральном поселке, но чаще поручает это помощнику или подпаску, чтобы самому не отлучаться от стада, ибо период ягнения — самое горячее время на ферме.

Если падет по какой-либо причине овца, пастух, загнав стадо на обычное место для отдыха (белуджск. *давар*, туркм. *ятак*), посылает подпаска за этой овцой. Тот привозит овцу на верблюде на стан, а затем

[41] Например, все части колодца называют туркменскими терминами.

на верблюде же отвозит в центральный поселок фермы, там снимает с нее шкуру и сдает на склад. Труп овцы забрасывают на упомянутый специальный навес.

Пастьба овец — дело нелегкое, требующее, с одной стороны, большой выносливости и мужества, с другой — высокой квалификации и опыта. Поэтому старые и опытные пастухи очень ценятся и пользуются всеобщим уважением. Они выработали определенную систему пастьбы мелкого рогатого скота, целью которой является наиболее рациональное и экономичное использование кормов на отведенной для данной отары территории.

Эта система выпаса овец подробно описана в краткой работе Н. А. Мосолова и Н. Т. Нечаевой.[42] Сущность ее заключается в стравливании предоставленного отаре пастбища по участкам. Участок намечается в виде круга радиусом около 400—500 м с пастушеским станом в центре. Половину участка захватывает пастбище, бывшее под выпасом несколько дней тому назад, но не стравленное полностью — *чигир-сонар* (туркм), вторая половина — свежие, еще не тронутые корма — *сонар* (туркм.).[43] Деление участка на две части диктуется следующими соображениями: на половине со свежими кормами овцы не могут стравить одновременно весь запас кормов. При прогоне стада несколько раз она оказывается загрязненной мочой и калом, и корм поедается неохотно. Рационально дотравливать корма повторным выпасом через пять-шесть дней, когда растительность проветрится.

Пастух переводит отару с участка на участок таким образом, что пастушеский стан перемещается в центр нового участка, на середину линии, разделяющей обе половины участка (рис. 14). Это дёлается с таким расчетом, чтобы радиус участков — кругов был примерно одинаковым и края участков смыкались. Чтобы серия участков получила форму сплошной полосы, производится дотравка небольших клиновидных участков между кругами.

Эта в принципе идеальная система требует на одну овцу примерно 6 га пастбищ. Тогда выпас на одном участке продолжается двое суток.[44] Однако в Восточных Кара-Кумах наблюдается недостаток пастбищ. На одну голову приходится 3—4 га.

Прогон отары на водопой производится по прямой, по самому краю пастбищной территории, чтобы овцы топтали ее как можно меньше.

Выпас идет по кругу вокруг пастушеского стана, причем отара движется против часовой стрелки. При этом требуется особое искусство пастуха, умение управлять отарой. Дело в том, что более сильные овцы идут впереди и быстро поедают корм, а тем, что послабее, приходится кормиться на уже загрязненном участке. Поэтому время от времени пастух должен делать поворот *агдарыш* (туркм.) справа налево, так, чтобы овцы, идущие сзади, быстро обогнали переднюю часть отары, двигаясь с правой ее стороны. Опытный пастух умеет настолько приучить отару к этим поворотам, что овцы совершают его сами по его окрику.

В течение суток отара поднимается на выпас три-четыре раза, в промежутках ей дается отдых. Лучше всего овцы пасутся ночью, особенно летом, в жару. Ночью они пасутся до тех пор, пока не насытятся. Зависит это от характера местности и выпадения осадков. Если травы много,

---

[42] Н. А. Мосолов и Н. Т. Нечаева. Организация стравливания пастбищ в Кара-Кумах. Известия Туркменского филиала АН СССР, 1950, № 6, стр. 16—22.

[43] Начисто стравленное пастбище называется *чигир*.

[44] Н. А. Мосолов и Н. Т. Нечаева. Организация стравливания пастбищ..., стр. 19—21.

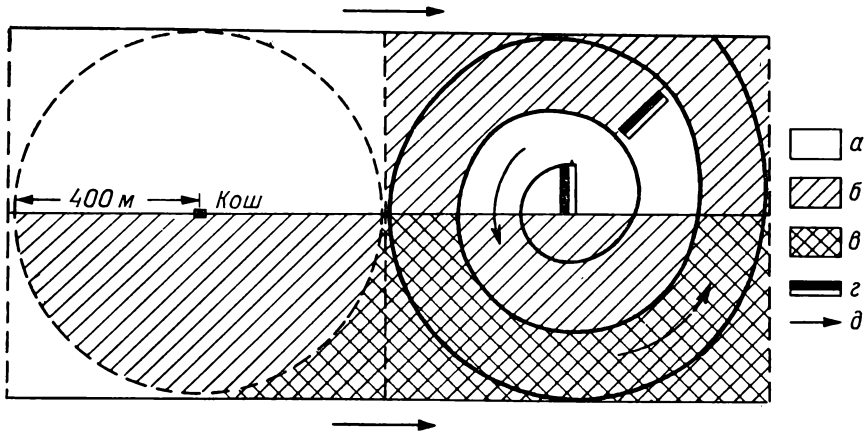


Рис. 14. Стравливание пастбища.

а — чигир; *б* — чигир-сонар; *в* — сонар; *г* — отара; *д* — направление движения отары на участке и общей полосе.

овцы наедаются быстро и сами ложатся. Если же кормов мало, они ходят почти до утра. Если овцы наедаются и ложатся, они спят три-четыре часа и под утро снова начинают пастись. У пастухов есть специальная, красивая, украшенная кистями, двойная шерстяная веревка *мешбанд*,[45] разделенная небольшими поперечными петлями на несколько звеньев (рис. 8, *1*), помогающая пастуху не проспать уходящее стадо. Один конец ее надевается на шею определенной овцы, специально к этому приученной, другой — на руку пастуха. Когда отара снова начинает пастись, эта овца идет за стадом и тянет пастуха за руку. Хороший пастух должен применяться к привычкам скота, должен их знать и давать овцам пастись досыта. По словам белуджей-овцеводов, искусство хорошего пастуха заключается и в его опыте, и в старании. Ленивый пастух загонит ночью овец на обычное место ночлега — *давар*, а сам ложится спать. У него овцы сыты не будут. А у добросовестного пастуха и шерсти будет больше у овец при стрижке, и ягнят больше, и каракуль более высокого качества.

Есть такие специалисты среди белуджей-стариков, которые утром, когда стадо проходит на водопой, еще раньше, чем овцы дойдут до воды, уже узнают по их внешнему виду, кормились они досыта или нет. Таким специалистом был, например, Алладад Кои, весьма известный в свое время человек, упоминаемый в материалах 1929 г. Он по внешнему виду сразу определял, хорошо ли паслись овцы ночью, и соответственно ругал или хвалил пастуха. Он говорил, что это видно по шерсти овец.

Существуют определенные правила во взаимоотношениях между пастухами. Если пастух теряет несколько овец и у него есть подозрение, что они ушли на соседнюю территорию, или если даже виден их след, он не имеет права идти их искать, а должен идти на соседний пастушеский стан и сделать соответствующее заявление. В противном случае он будет оштрафован.

За гибель скота по небрежности пастуха, например от нападения волков, он несет материальную ответственность.

---

[45] Изображение и подробное описание этой веревки см.: Э. Г. Гафферберг. Поездка к белуджам Туркменской ССР в 1958 г. СЭ, 1960, № 1, стр. 115—116. См. также нашу коллекцию № 6437-10 (МАЭ, 1961) и колл. 3993-256 (МАЭ, 1929).

Переносный пастушеский стан *гош* (туркм. *кош*[46]) имеется на пастбищной территории каждой отары. Он перекочевывает на новое место с переходом стада на новый участок. Трудно сказать, сколько раз в год гош меняет место. Это зависит главным образом от наличия и обилия кормов. В 1961 г. на одном стане нам сказали, что за ту весну переменили место пять раз, на другом — три раза, но обычно за весенний период перекочевывают реже. 1961 г. был чрезвычайно тяжелым из-за отсутствия осадков весной и последовавшей за этим бескормицы. При недостатке кормов стадо, естественно, очень быстро уходит с участка, где весь корм уже уничтожен.

Гош располагается всегда на господствующей над местностью верхушке холма, чтобы далеко было видно отару и отбившихся от нее овец. Последнее особенно важно во время бескормицы, при раннем усыхании трав в засушливые весны, ибо, не находя корма, овцы разбредаются на большие расстояния. Пастуху тоже всегда важно видеть гош.

В центре пастушеского стана устраивается помещение, где живут пастухи — *мардхана* (туркм. *мердхана*). Зимняя мардхана представляет собою вырытое в песке обширное круглое помещение с внутренним диаметром 4, наружным — 5 м. Яма углубляется по направлению к центру (у края ямы глубина 40, в центре — 60—68 см). Глубина ее увеличивается оградой, которая состоит из вала, образовавшегося из выброшенного из ямы песка, и наложенного на него мелкого кустарника *нариамбанд* (Astragalus confirmans; туркм. *патлак*) и *катико* (Astragalus squarrosus; туркм. *сингрен*). Высота ограды от 0.5 до 1 м., толщина — от 60 до 100 см, так как ограда должна предохранять от сильного ветра и туч песка, которые он несет. С одной стороны оставляют вход шириной 60—70 см. По сторонам входа и вдоль ограды вкапывают кое-где для ее укрепления стволы пустынного деревца *пог* (Calligonum seto sum или C. caput Medusae; туркм. *кандым*). С наветренной стороны натягивают на колья брезентовую палатку, которую выдает пастухам колхоз. Колхоз выдает также на каждый гош шесть обшитых белой бязью кошм, два кумгана (белуджск. *Ƃаррäк*), таган, два ведра и два деревянных бочонка (*чилек*) для воды, котел, алюминиевый таз для теста, две лопаты, топор. Пиалы, деревянную широкую доску *сардег*, служащую и крышкой для котла, и для раскатывания теста, деревянные ложки, кошемные конверты для пиал, одеяла и подушки пастухи имеют свои. Каждому пастуху выдают еще ватную куртку и штаны. На каждом стане имеются также одна или две войлочные бурки, называемые по-белуджски *ʇапор* (чаще называют по-туркменски *ойлек*). Свою запасную одежду и мелкие вещи пастухи хранят в пестрых узлах бухча или хурджинах на ограде, которая служит своего рода стеллажом. Каждый пастух имеет отдельный узел. На ограду складывают также шкурки каракулей, если почему-либо приходится их снимать самим, ружья, патроны, соль, муку и т. д. В хорошую теплую погоду все это покрыто сложенной палаткой, которую поднимают и натягивают только в случае дождя или сильного ветра. При этом край палатки прикрывает положенные на ограду вещи. Во время сильного ветра и на ночь вход завешивают кошмой, в обычное же время его оставляют открытым.

Очага в этом помещении не выкапывают, так как пастушеский хлеб *вари* (туркм. *гоммё*) пекут в раскаленном песке, для чего каждый раз нужно выкапывать яму в центре мардхана. Пищу готовят в котле на металлическом тагане, под которым разводят огонь в центре помещения или, в тихую и теплую погоду, снаружи.

[46] Слово «кош» имеет различное осмысление в различных областях Передней и Средней Азии. У оседлого населения современных среднеазиатских республик термин «кош» являлся в прошлом мерой земли (см. сноску 5 на стр. 36 раздела «Земледелие»).

Рис. 15. Пастушеский стан.

Летом мардхана делают меньших размеров и менее глубокие.

По словам стариков, в Афганистане пастухи-белуджи также делают для себя мардхана. В песках их делают открытыми, но меньших размеров, чем в колхозе. Главным укрытием пастуха служит его кошемная бурка. В горах мардхана строят из камней, куполообразной формы. Кладут в виде круга большие камни, на них еще ряд камней, слегка выступающих внутрь, и так далее. В середине оставляют отверстие для дыма. Промежутки между камнями затыкают мелкими камнями. Пол такого помещения также бывает ниже уровня земли.

Слово мардхана — очень старинное, его объясняют так: «Там живут мужчины, поэтому и называется мардхана».

На колхозных станах возле мардхана стоят обычно туркменское верблюжье седло (белуджских верблюжьих седел уже не употребляют), два деревянных бочонка для доставки воды из колодцев центрального поселка, железный таганок для приготовления пищи, сложен в кучу запас колючки *джик* (Alhagi canescens Shap), черкеза или другого кустарника для топлива, стоит или пасется где-нибудь рядом спутанный верблюд, отдыхают собаки. Во время ягнения овец на стане вырывают яму *код* глубиной 60—75 см, иногда с оградой из сингрена, эти ямы делают и круглыми, и продолговатыми, четырехугольными. В такую яму помещают только что родившихся ягнят, предназначенных на убой. В холодную погоду яму покрывают ветвями черкеза и поверх них — пучками селина.

Ягнение овец, или окот, как здесь принято его называть, — самое ответственное дело на ферме. Нужно выполнить план как сдачи каракулевых шкурок, так и прироста поголовья стада, нужно организовать доение овец. Как правило, окот начинается 9—10 марта, иногда одним-двумя днями раньше. Первых ягнят всех привозят на центральный поселок фермы. В целях увеличения поголовья стада запрещено бить на каракуль ярочек, тем более что ярочек с хорошей каракулевой шкуркой как

раз очень важно оставлять в целях дальнейшего улучшения качества шкурок.

Ягнята остаются в *коф* один-два дня, а затем барашков с хорошими шкурками, предназначенных на убой, отправляют на ферму, а барашков с плохой шкуркой и ярочек отправляют к матерям. Оба пастуха во время окота неотступно днем и ночью находятся при стаде, достается и подпаску. Заведующий фермой, зоотехник и учетчик ежедневно объезжают отары на автомобиле и увозят в центральный поселок фермы всех ягнят, предназначенных на убой. Когда машина не успевает, ягнят, как указывалось, отправляют из отары на верблюде.

В этот период в каждую отару стараются добавить сакманщика (помощника, туркм. *дольчи*). В хорошие полнотравные весны этого достаточно, хотя теоретически полагается в каждую отару добавлять при окоте двух сакманщиков. Напротив, в засушливую весну, при бескормице, положение во время окота тяжелое. В поисках корма овцы разбредаются на большие расстояния и ложатся родить в разных местах. Ягнята рождаются слабенькие, травы мало, и стадо быстро уходит. Везде остаются ягнящиеся овцы или группы только что объягнившихся маток с ягнятами. За ними нужно тщательно следить, так как мать, голодная, уходит за стадом пастись, оставляя ягненка, и последний может потеряться, издохнуть или попасться волкам. В такое время отправляют оставленных ягнят на верблюде на стан, где помещают их в яму.

В центральном поселке ягнят забивает и снимает с них шкурки специальный забойщик *гузи сойджи* (туркменский термин, соответствующего белуджского нет), обычно не белудж. Как указывалось, белуджи в прошлом не разводили овец каракульской породы. Более того, белуджи относятся предосудительно к уничтожению любого животного, кроме змей и варанов, которых уничтожают беспощадно. Как говорили мне старики, отнимать ягненка у матери и убивать его — грешно. Сейчас каракулеводство вошло в жизнь белуджских колхозов как одна из важнейших отраслей производства, и нам не приходилось наблюдать отрицательного к нему отношения. Однако работа забойщика на ферме считается нехорошей. Она и в самом деле тяжела, и никто из белуджей не соглашается ее выполнять, хотя она хорошо оплачивается. В колхозе им. Куйбышева эту работу выполняет туркмен, в колхозе им. Калинина — старик-узбек, в колхозе им. Жданова — перс.

Забой ягнят производят в центральном поселке фермы, на краю специально вырытой ямы, куда стекает кровь и бросают головы и ножки освежеванных тушек. Снятие шкурок *багана* происходит под деревянным навесом *талар*. Шкурки снимает забойщик, иногда имеющий помощника, который делает надрезы по соответствующей инструкции. Сначала надрезают задние ножки; разрез идет от середины раздвоения копыта на внутреннюю сторону ноги, и по середине внутренней стороны, разрезы двух ног соединяют. Затем разрезают передние ножки вдоль внутренней стороны, также соединяют эти разрезы и прорезают до сделанного при убое ягненка разреза на горле. Дальше надрезают с одной стороны головы от конца разреза к уху и само ухо, с другой стороны головы — от угла рта к уху и ухо. После этого разрезают живот от передних ног к задним и дальше курдюк. Помощник забойщика, делающий эти надрезы, снимает шкуру с одной ноги, отрезает эту ногу от колена и выбрасывает в яму, тушку за ободранную ногу вешает на крюк; забойщик сам снимает шкуру. Иногда забойщик производит эту работу один.

Снятые шкурки складывают одну на другую на небольшой деревянный настил в одном из помещений склада. Кладут шерстью вниз, мездрой наверх. Мездру каждой шкурки густо посыпают солью. Так шкурки лежат семь дней. На одну шкурку полагается сыпать 1 кг соли (на шкурку взрос-

Рис. 16. Мардхана.

лой овцы 2 кг, верблюда — 6 кг), но обычно сыплют приблизительно, «на глаз». По прошествии пяти-семи дней шкурки обрабатывают. Мездру очищают от соли деревянной палочкой, шкурки развешивают на веревке на солнце и так сушат несколько часов. На смушковую сторону насыпают немного песку и чистят палочкой. Обработанные шкурки связывают по 10 штук и отправляют в заготовительную контору, а оттуда — на Чарджоуский каракулевый завод, где производится их окончательная обработка. С завода шкурки отправляют в Ленинград на Международный пушной аукцион.

По цвету шкурки сортируются на черные — *сиа* (туркм. *кара*), серые — *сабзин* (туркм. *чал*), коричневые — *гамарри* (туркм. *каммари*) и белые — *сфитин* (туркм. *ак*). Наиболее ценными у местного населения считаются золотисто-коричневатые шкурки *сур*, которые встречаются крайне редко, затем — серые. У местной интеллигенции — председателей колхозов, бухгалтеров (как белуджей, так и туркмен) — шапки из серого каракуля, лишь очень немногие носят шапки из каракуля сур. При сдаче государству черные, серые и коричневые шкурки ценятся в зависимости от спроса на аукционе.

Стрижка овец производится весной (с 14—15 марта) и осенью (с 1 сентября).

Овцы и козы, находящиеся в личной собственности колхозников, соединены в отары побригадно. У каждой бригады есть по одной-две отары овец и коз. Как указывалось выше, часть колхозников-белуджей продолжает разводить в небольшом количестве белуджскую породу овец, но поскольку в хозяйствах туркмен-колхозников разводилась до недавнего времени в основном сараджинская курдючная порода, которую зоотехники считают лучше, белуджская порода овец постепенно исчезает. Казахи в песках держат исключительно сараджинскую породу овец.

Коз в личной собственности было больше. Их держали охотно из-за высокого качества молока и более быстрого размножения. Сейчас, однако,

Рис. 17. Определение качества каракуля. Справа — лучший пастух колхоза им. Куйбышева Назар Исмоэль.

коз стали держать меньше, так как среди них распространилось трудноизлечимое заболевание — лишай. Кроме того, высокие качества козьего молока сейчас уже не имеют значения, так как доение овец и коз прекратилось. Их доят в единичных случаях белуджи, перешедшие на работу в Зональную станцию, а также в некоторых поселках, удаленных от колхозных центров.

В личных хозяйствах колхозников ягнение овец начинается в конце февраля, значительно раньше, чем в колхозных отарах, так как осенью к ним раньше подпускают баранов-производителей (в сентябре).

Во время ягнения овцы, бараны и новорожденные ягнята пасутся в одном общем стаде, которое всю зиму и весну пасут по старому обычаю пастух и подпасок. Новорожденных ягнят, если они здоровые и крепкие и погода теплая, оставляют возле матерей. Если холодно, для ягнят роют яму глубиной в половину человеческого роста. Иногда, если погода не холодная, маток с более слабыми или только что родившимися ягнятами помещают в небольшой загон *ваҷ* из ветвей кустарника. Ягнят, родившихся по дороге на водопой, если они еще слабы и не могут следовать за матерью, пастухи возят с собой на ослах в хурджинах или, положив ягненка перед собой, поперек седла. В этот период пастухам помогают старики, не работающие в колхозе.

Новорожденным ягнятам и козлятам тотчас же прорезают на ухе тавро *дроуш* (туркм. *тамга*) обыкновенным пастушеским ножом *карч*, который пастух обычно носит на поясе. Тавра очень несложные. Обычно к наиболее простой метке отца сыновья добавляют для своих овец еще какой-нибудь дополнительный надрез, различный у каждого из сыновей (рис. 18)

По окончании ягнения, которое происходит примерно до 20 марта, в тех бригадах, где овец не доят, они продолжают пастись в одном стаде с ягнятами и баранами до конца июня. 1 июля делают отбивку баранов-производителей, которых пасет отдельный пастух *горанд чаран*.

Доение овец начинают в конце марта. Ягнят тогда отделяют в отдельное стадо, которое пасет *урдчаран* (перс. *хурд*, белуджск. *урд* — «малень-

кий»). Если к ягнятам нанимают двух пастухов, им платят на двоих 100 руб. в месяц, если одного — 70 руб.

Стадо овец и баранов пригоняют в 8—9 час. утра, овец привязывают к специальной длинной веревке *танд* и доят. Ягнят пригоняют через 1.5—2 часа, они с оглушительным блеянием ищут в стаде своих матерей, также призывающих их громкими криками. Постепенно ягнята находят

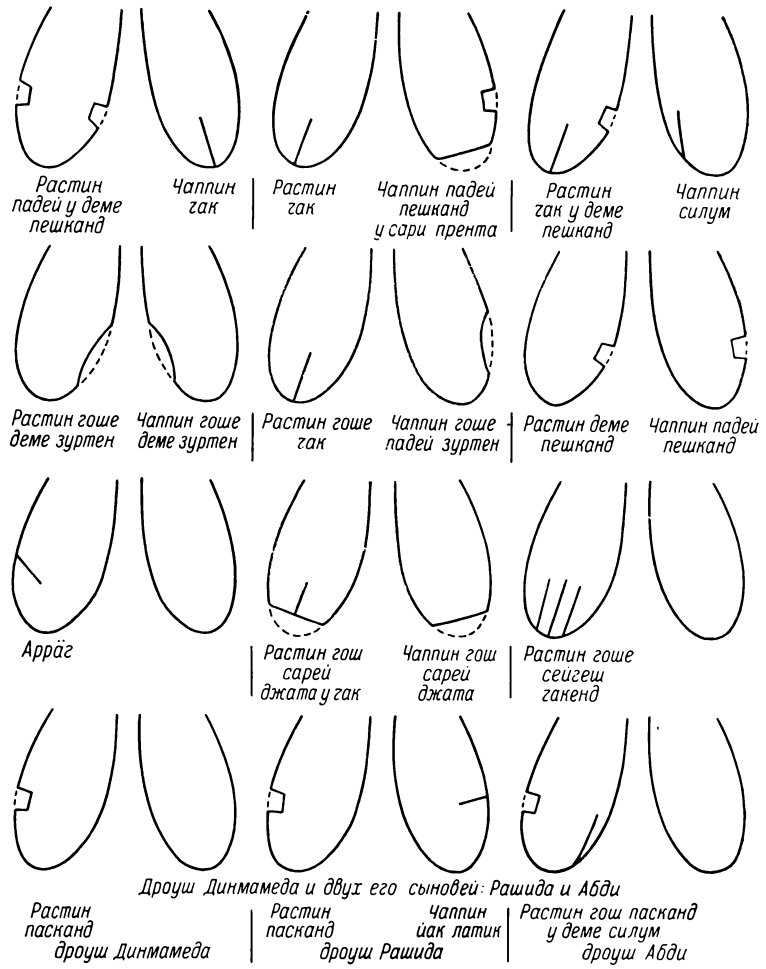


Рис. 18. Метки на ушах ягнят и их белуджские названия.

своих матерей, и все утихает. Ягнят оставляют около маток часа на три, затем отделяют, и снова ягнята и взрослые овцы пасутся отдельно.

Женщины в это время от зари до позднего вечера заняты приготовлением молочных продуктов. Молоко кипятят, заквашивают еще теплым, а наутро из получившегося кислого молока *бастаг* сбивают масло, заготовляют впрок другие молочные продукты. Работа эта — весьма трудоемкая, поэтому во многих колхозах перестали пригонять овец из личных хозяйств колхозников к поселкам бригад.

Существует обычай молоко от первого удоя (молозиво) кипятить и относить понемногу соседям. Соседка молозиво перекладывает в свою посуду, а в посуду, в которой молозиво было принесено, обязательно должна

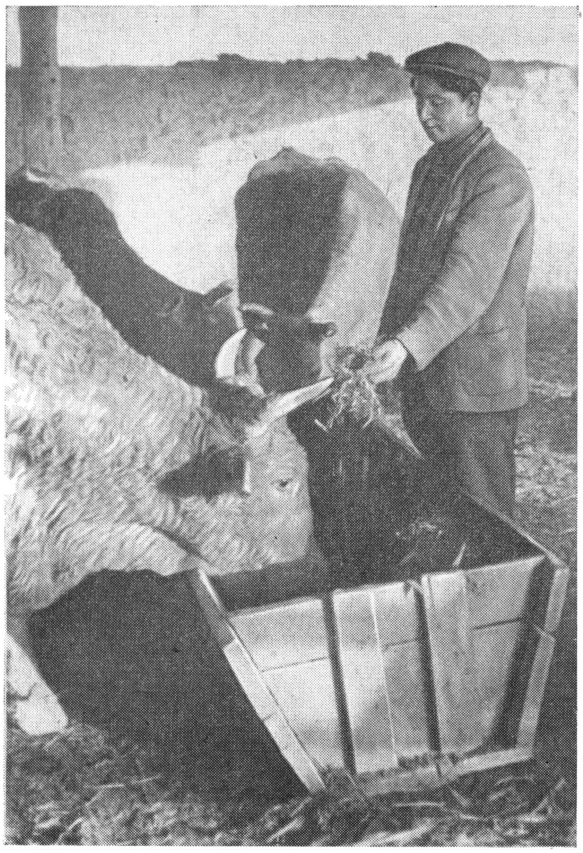


Рис. 19. На ферме крупного рогатого скота.

что-нибудь положить — или хлеб, или урюк, или сахар, или конфеты, пустую посуду вернуть нельзя. Такой же обычай есть и у казахов, и у туркмен. У последних в молозиво, когда его кипятят, кладут уголек.

В конце июня ягнята подрастают, овцы перестают их кормить, некоторые овцы впадают в охоту. Пастух сообщает хозяевам, что пора отделять баранов. Доение прекращают, производят отбивку баранов, ягнят соединяют с овцами.

В каждой бригаде имеются пять-шесть производителей. Их собирают из всех бригад в одно общее стадо, которое и пасет это время (т. е. примерно 2 мес. с лишним) упомянутый выше урдчаран. Ему платят в месяц по 50 коп. за каждую голову и отдают всю шерсть, снятую со взрослых баранов в осеннюю стрижку.

Пастух общего стада получает с хозяев одного ягненка из каждых 10 ягнят, т. е. 10% приплода. Расплата производится следующим образом: сначала хозяин отбирает себе половину из всех родившихся ягнят, потом из оставшейся половины пастух отбирает столько ягнят, сколько ему причитается. При весенней и осенней стрижке пастух получает также шерсть с одной овцы из каждых 10, поступающих в стрижку, причем овцу эту он выбирает сам. Кроме того, он получает еще пшеницу и деньги. Как говорят белуджи, в прежнее время плата ягнятами и шерстью была такой же, а пшеницы платили один пуд в год с 10 овец, деньгами 1 рубль за каждую овцу. Нам сказали: «Аз вахте балуч пейда шуда буд, ин канун буд» — «С тех пор как существуют белуджи, таков был закон».

Теперь за каждую овцу платят по 50 коп. (5 руб. старыми деньгами) в год. Плата деньгами значительно повысилась, так как все пастухи работают в колхозе и очень трудно найти хорошего пастуха.

Подпасок получает половинную долю того, что получает пастух.

Пасут отары из личных хозяйств на расстоянии 3—4 км от поселка, в песках, зимой и летом. Зимой иногда уходят подальше.

Весенняя стрижка происходит в конце марта—начале апреля, осенняя — в августе. Раньше овец стригли всем селением, по очереди у каждого хозяина. Сейчас у колхозников, занятых полевой работой, овец стригут старики, не работающие в колхозе. Иногда они за плату стригут и овец своих соседей, если некому выполнить эту работу.

Еще сравнительно недавно, когда оплата труда белуджей-колхозников была налажена неудовлетворительно, отары, находившиеся в личной собственности колхозников, доходили до 100—150 и даже 200—300 овец в одном хозяйстве. В последние годы овцы в личных хозяйствах колхозников-белуджей играют все меньшую роль. С введением денежной оплаты труда за все виды работ и выдачи ежемесячных авансов в размере 70% заработка весьма повысилась заинтересованность колхозников в заработках в колхозе, доход от личных хозяйств, в которых количество овец значительно уменьшилось, все больше отступает на задний план.

Фермы крупного рогатого скота стали неотъемлемым звеном в белуджском общественном хозяйстве. В колхозе им. Жданова — хорошая ферма, заведующий и его помощник — белуджи, братья, работают на ферме уже много лет. Однако среди остальных работников фермы белуджей мало: двое кормят коров и телят, один — конюх. Таким образом, всего на этой ферме белуджей пять человек. Русских шесть человек, из них двое работают на птицеферме (она, как и свиноферма, территориально находится на этой же ферме крупного рогатого скота и подчиняется одному заведующему фермой), двое — на свиноферме, две доярки. Бербери также шесть человек — два пастуха и четыре доярки. Белуджских женщин-доярок на ферме еще нет. На ферме колхоза им. Куйбышева четыре доярки, из них одна бербери и трое русских: одна русская женщина, которая замужем за белуджем, и две ее дочери. Они окончили семилетку, носят городскую одежду.

На ферме колхоза им. Жданова преобладают коровы улучшенной красностепной породы, есть несколько коров породы «швиц». Остальные — зебувидная порода, распространенная в Иране и Афганистане. Это — мелкая порода с небольшим горбом, дает мало молока. Ее со временем становится все меньше, так как колхозы имеют быков-производителей красностепной породы. При ежегодном скрещивании с зебувидной породой в четвертом поколении получаются чистопородные коровы красностепной породы.

Содержание коров, как и во всей Туркмении, на высоком уровне: новые просторные и чистые коровники, правильное питание, летом — на ближнем пастбище, зимой — клевер, силос, шелуха, отруби. Стельные коровы (*номак*, номхак) за месяц до отела закрепляются за какой-либо из доярок, которая кормит эту корову и ухаживает за ней.

В каждом колхозе есть ветеринарный врач или фельшер, при поселковом совете — ветеринарный пункт, в райцентре — районная ветеринарная лечебница. К этим же ветеринарам и на ветеринарные пункты белуджи обращаются и в случае заболеваний скота, находящегося в личной собственности. По словам ветеринарных врачей, белуджи раньше скрывали, если скот у них болел, но это — давно пройденный этап. Сейчас помощь ветеринарного врача вошла в быт, как и многие другие стороны культурного животноводства.

Белуджи-животноводы вместе с животноводами всей Туркмении борются за увеличение поголовья всех видов скота, главным образом за увеличение поголовья овец каракульской породы, за повышение их породности, за высокое качество каракульской смушки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

СЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

Жилища белуджей Туркменской ССР можно подразделить на два основных вида: постоянные зимние дома — глинобитные или из необожженного кирпича, и временное кочевое разборное жилище — шатер гедан, состоящий из легкого остова из 11 деревянных жердей и покрывающей этот остов тяжелой темно-коричневой ткани из козьей шерсти. При установке шатра жерди ставят на землю в три ряда: средний ряд — из трех жердей (самая высокая, больше 2 м, — в центре), передний и задний — из четырех менее высоких. Жерди удерживаются в вертикальном положении натянутой на них тканью шатра, сшитой из пяти-шести продольных полотнищ, и веревкой, прикрепляемой к вбитым в землю деревянным кольям или железным приколам. Шатер постепенно исчезает из быта белуджей, играя все меньшую роль в их жизни. Поэтому мы даем здесь описание современных селений и зимних домов, хотя и появившихся сравнительно недавно, на протяжении последних 30 лет, но ставших уже в 40-х годах основным видом жилища у белуджей Туркмении.[1]

Поселения. Называется селение *алк* (белуджск.; арабск. *халк-народ*). Прежде под этим словом подразумевалось кочевое селение, состоявшее из шатров (рис. 2), а зимнее, там, где оно было, называли *кшлаг*, или *де*. В настоящее время женщины часто говорят алк, мужчины же обычно называют его *паселка́*, особенно центральный поселок.

Большинство поселков бригад представляют собою населенные пункты, в которых были расположены ранее мелкие белуджские колхозы, образовавшиеся в 1935—1936 г. на месте жительства отдельных родоплеменных подразделений, впоследствии объединившиеся в крупные колхозы.

Селений, построенных по плану, в белуджских колхозах еще нет. Однако нельзя сказать, что дома в них расположены беспорядочно. Хотя поселок в целом строится постепенно, колхозники стараются строить дома ровными рядами, согласуя эти ряды с уже существующими улицами.

Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР. СЭ, 1952, № 1, стр. 93—94. Подробное описание шатра см.: Э Г. Гаффербер г. Гедан — кочевое жилище белуджей. М., 1964. Из всех шатров, в которых живут кочевники Передней Азии и арабских стран, ближе всего к белуджскому гедану стоит шатер некоторых арабских племен Сирии, Палестины, северной и центральной частей Аравийской пустыни.

Поэтому дома, расположенные неровными рядами или группами, встречаются лишь кое-где в старых частях поселков.

В ряде колхозных поселков, особенно в центральных, начиная с 1952 г. были проделаны работы по выравниванию порядка домов вдоль улиц. Были проложены прямые улицы с правильными рядами новых домов, которые строил колхоз за счет колхозников, оплачивавших их стоимость в рассрочку.

Примером подобного упорядоченного поселка может служить центральный поселок колхоза им. Жданова, где ранее был расположен колхоз «Нукин-Зиндагани» («Новая жизнь»). Там, где производились указанные выше работы, дома идут двумя правильными рядами по обе стороны широких прямых улиц, ширина которых достигает 20 м.

Новые правильные прямые улицы были построены в 1952—1953 гг., одна к югу от центральной площади и одна — в северной части поселка. В южной его части несколько позднее возникла третья новая улица. Дома на ней колхозники строили уже по своей инициативе, приглашая мастеров для их постройки, однако они располагались ровными рядами по обе стороны улицы. Прежняя ориентировка домов на юг не соблюдалась. Например, на двух параллельных улицах, в южной части поселка, идущих с запада на восток, вход в дома по старой традиции — со стороны двора, поэтому дома, расположенные вдоль южной стороны улицы, ориентированы входом на юг, а вдоль северной на север. Так же ориентированы и стоящие возле некоторых домов шатры.

Задняя стена домов обращена окнами в сторону улицы. Дворы отгорожены от улицы глинобитными стенами *дувал*, проемы в которых служат входом.

В центре поселка большая, довольно неровная площадь, вокруг которой расположены здания административных и культурно-бытовых учреждений: правление колхоза, больница, школа, ремонтно-механическая мастерская, гараж, сельмаг, баня, червоводня, а также дом председателя колхоза. Все эти постройки сложены из сырцового кирпича, покрыты шиферными крышами и побелены. Освещение всюду электрическое.

Широкие прямые улицы с рядами столбов, на которых, кроме электрических проводов, имеются фонари уличного освещения, с расположенными возле домов огороженными дворами, а также новые побеленные здания административных и культурно-бытовых учреждений и жилища отдельных колхозников с шиферными крышами и верандами являются теми чертами, которые отличают современные белуджские поселки от старых, состоявших в основном из шатров, а также полуземлянок и хижин из камышовых или гребенщиковых циновок (рис. 2). К дворам со стороны, противоположной улице, примыкают, как правило, приусадебные участки с виноградниками и фруктовыми деревьями и участки люцерны. Приусадебные участки отделены от дворов арыком для орошения. У многих домов со стороны двора имеются навесы *талар* с вьющимся по ним виноградом. Традиция постройки таких навесов заимствована у туркмен.

Описанный центральный поселок колхоза им. Жданова раскинулся на довольно большой площади и имеет несколько разбросанный вид. Воду для питья берут из колодца, находящегося в центре поселка.

Несколько иную планировку имеет существующий сравнительно недавно центральный поселок колхоза им. Калинина,[2] расположенный между железной дорогой (Кушкинская ветка) на западе и р. Мургабом — на востоке. Поселок называется «Калинин-центр». Расстояние от него до же-

[2] Колхоз им. Калинина образовался в 1951 г. из белуджских колхозов «МТС», им. Калинина и «Шарк» и двух туркменских бригад колхоза «Комсомол». Сейчас в колхозе пять магазинов, больница, медпункт с двумя койками для рожениц, клуб, две школы-восьмилетки и одна — начальная в одной из бригад.

лезнодорожной ветки около 7—8 км, Мургаб также протекает примерно в 7 км от поселка.

По обе стороны поселка расположены большие участки вспаханных полей. Вдоль поселка, в направлении с севера на юг, проходит головной арык Хан-Яб, обсаженный тутовником, и продолговатое озеро *кёл*,[3] на котором весной охотятся за перелетной птицей. За железной дорогой и поймой Мургаба тянутся гряды высоких песчаных барханов. В колхозе используется вся годная для вспашки земля, и центральный поселок, построенный лишь в 1954—1955 гг. вдоль главного арыка, как бы зажат между хлопковыми полями.

Основной ряд домов поселка расположен вдоль проезжей дороги, идущей в направлении с севера на юг и являющейся главной магистралью, связывающей противоположные концы поселка. Ближе к северному концу от нее отходит довольно широкая прямая улица на восток, к Мургабу. В самом начале этой улицы находятся два дома председателя колхоза: старый глинобитный дом, в котором живет его семья, и большой новый кирпичный дом, выстроенный в 1966 г., служащий домом для приема гостей (мехманхана) и для проживания лиц, приезжающих в колхоз по различным служебным делам.[4] От южного конца поселка также отходит на восток, к Мургабу, ряд домов. В северном конце поселка расположены магазин (одновременно продуктовый и промтоварный), правление колхоза и новое здание школы. Больница находится в центре основного ряда домов. Указанная выше проезжая дорога соединяется с вымощенным камнем шоссе, идущим на Султан-Бент и Иолотань. Это шоссе проходит между поселком и Мургабом, и обе отходящие на восток улицы упираются в него. По обе стороны шоссе тянутся хлопковые поля.

Описываемый поселок отличается от центрального поселка колхоза им. Жданова как своими размерами (в нем живет всего 40 семей, тогда как в центральном поселке колхоза им. Жданова — около 100), так и большей благоустроенностью, однотипностью домов, потому что он строился позднее. Преобладают трех- и четырехкамерные дома, часто с верандами, открытыми или застекленными, имеющие со стороны двора деревянные навесы с вьющимся по ним виноградом. В поселке нет ни одного шатра.

Дома, как и в колхозе им. Жданова, обращены входом во двор, а задним фасадом большей частью на улицу, окна, как правило, имеются и по переднему и по заднему фасаду.

Так же, как и в колхозе им. Жданова, приусадебные участки примыкают к дворам со стороны, противоположной улице. Они отделены от дворов почти везде изгородью из гребенщика. Там, где изгороди нет, вместо нее сложен высокий вал гребенщика и колючки — запас топлива для *тандыр*.[5] Со стороны дороги изгородь чаще всего отсутствует.

В начале боковой улицы, где находится дом председателя колхоза, дворы от нее не отгорожены, но дальше от дома к дому идет изгородь из гребенщика. От приусадебных участков дворы здесь отделены арыком, параллельным улице.

Водой поселок снабжается из двух-трех имеющихся в нем колодцев.

Улицы названий еще не имеют. Если хотят объяснить, где находится какой-либо дом, говорят: «Возле (или напротив) дома председателя (или Булучхана — бухгалтера)». Иногда кварталы поселка, где живут семейно-родственные группы, принадлежащие к одному тайфа, называют малекки

[3] Так белуджи, как и туркмены, называют озера, образовавшиеся из излучин, а чаще в результате весенних разливов р. Мургаба.

[4] Это — далеко не единичный случай владения двумя домами. Многие колхозники имеют в различных целях по два дома.

[5] Тандыр — хлебная печь сферической формы.

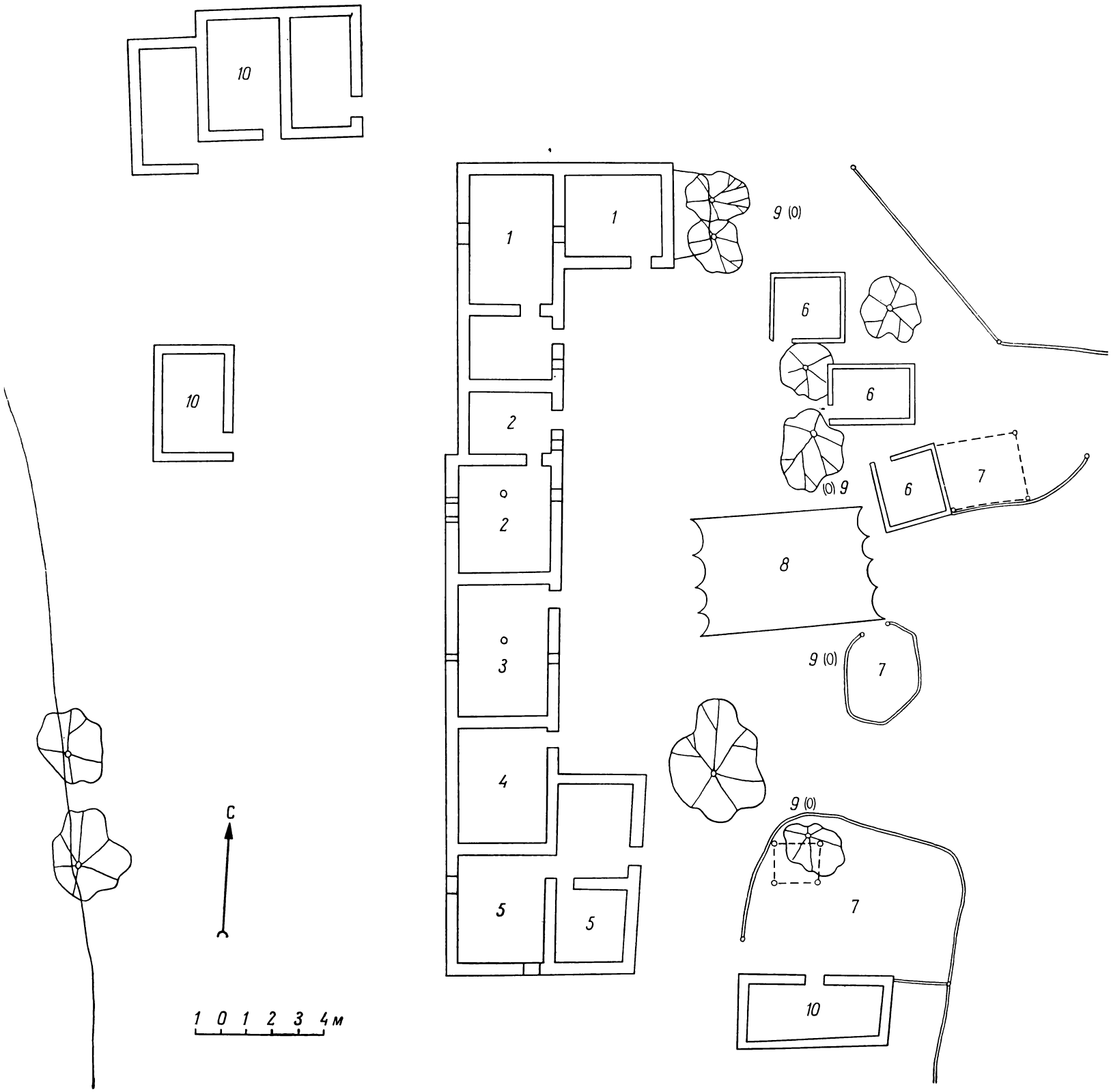


Рис. 20. План усадьбы семейно-родственной группы Абдуллы Велиева.

1 — комнаты и мехманхана Мобина; *2* — помещение семьи Бунияда; *3* — комната Абдуллы; *4* — бывшая комната Мадата; *5* — комнаты Ширина; *6* — складские помещения; *7* — шалаши и загоны для овец; *8* — гедан; *9* — очаги; *10* — хлева.

алка, ренд алка и т. д. Лишь в центральном поселке колхоза им. Куйбышева, имеющем три параллельные улицы, перпендикулярные к шоссе Иолотань-Туркмен-Кала, одну называют Башлык-коче (туркм., *коче* — улица, *башлык* — председатель), другую — *Курд-ага-коче*, по имени старика Курд-ага, очень давно живущего на этой улице.

Южнее центрального поселка колхоза им. Калинина расположен широко раскинувшийся поселок 1-й и 2-й бригад, который мы опишем как пример бригадного поселка. Это — поселок бывшего колхоза «МТС». Его называют «МТС», или «Джал-алка», — «нижний поселок», так как он расположен ниже по течению р. Мургаба и головного арыка, чем Калинин-центр. Железнодорожная ветка и р. Мургаб находятся значительно ближе к нему, чем к центральному поселку.

Поселок вытянут с запада на восток. В восточном направлении поселок достигает р. Мургаба, образуя весьма живописно расположенный уголок.

Поселок строился постепенно, без плана. Дома расположены кое-где группами, но большей частью рядами. Через поселок с запада на восток проходит довольно широкая продольная улица. Отдельные ряды домов располагаются либо вдоль этой улицы, либо перпендикулярно к ней, образуя четыре поперечные, несколько извилистые улицы, от которых усадьбы отгорожены густыми изгородями из гребенщика. Иногда между домами вьются узкие тропинки. Южный край поселка проходит вдоль озера.

Самой старой является юго-западная часть поселка, близко подступающая к железной дороге (около 2 км). Дома здесь низкие, часто с пристроенными к ним глинобитными хозяйственными постройками. Некоторые дворы огорожены изгородями из гребенщика.

В центральной, более новой части поселка довольно много новых домов, есть и типовые дома. Тут же в центре поселка — магазин. Дети из этого поселка ходят в новую школу в центральный поселок, расположенный всего в 1.5—2 км, амбулаторной помощью жители поселка пользуются там же.

Поселок разрастается в сторону центрального поселка. В этом направлении построено много новых глинобитных домов правильной, удлиненной, прямоугольной в плане формы, чуть сужающихся кверху. Возле этих домов — приусадебные земли с участками люцерны, винограда, пшеницы. Дома построены по прямой линии, образуя новую улицу, идущую в северном направлении.

В этом поселке много зелени. Арыки обсажены тутовником и кое-где заросли ивняком, местами густо разросшимся, во дворах встречаются высокие деревья. Освещение везде электрическое.

В новой, северной части есть колодцы, юго-восточная часть расположена настолько близко к Мургабу, что воду возят из реки, в южной части — из озера. Летом, когда Мургаб пересыхает, воду берут главным образом из озера.

Усадьба. Усадьба у белуджей является объектом, наиболее трудным для описания. Усадьбы начали складываться всего каких-нибудь 10—15 лет тому назад и поэтому находятся лишь в процессе становления, не имея никаких традиций. В разных поселках, где по-разному подходили к планировке улиц и постройке новых домов или планировка не производилась вовсе и дома строились произвольно, участки возле дома имеют весьма разнообразный вид.

В отдельных случаях еще можно встретить и отсутствие усадьбы: дом и шатер, как в прежние времена, стоят рядом на открытом месте в степи. Иногда невдалеке стоит примитивный глинобитный хлев *гоукулюнд*, углубленный в землю, или небольшой шалашик, создающий тень для скота.

Насколько ново для белуджей понятие «усадьба», показывает тот факт, что они затрудняются подобрать по-белуджски подходящее для этого понятия слово. Обычно говорят *джа* (букв. «место»), например *джаи* Гюльзархан — «место», т. е. «усадьба» Гюльзархана. Однако с развитием личного хозяйства, с быстрым ростом материального благосостояния усадьба с каждым годом приобретает все более упорядоченный и благоустроенный вид.

Чаще всего перед домом расположен двор, размеры которого бывают самыми различными в зависимости от величины самого дома, количества членов семьи или количества семей, в нем проживающих, от их достатка и ряда других обстоятельств. По сторонам двора располагаются хозяйственные помещения и постройки: складские помещения, — *исклад*, курятник *мургхана*, иногда летняя кухня, небольшой загон *уад* или шалаш *куддык* для содержащегося возле дома скота, гараж и почти обязательно навес талар, на который складывают запасы корма для скота (сено и высушенные жгуты люцерны), под ним держат летом или осенью овец, предназначенных на убой.

Если семья имеет шатер, он стоит рядом с домом, в этом случае он ориентирован так же, как и дом, или стоит под углом к нему, реже — в центре двора, напротив дома. Хлев чаще всего находится за домом или сбоку, но несколько поодаль, чтобы мухи не летели в дом.

Чаще всего усадьбы не огорожены. Иногда с одной или двух сторон усадьбы проходит арык, отделяя усадьбу от приусадебного участка, который располагается со стороны, противоположной улице (бывает, особенно в старых уголках поселков, что какие-то части приусадебной земли расположены и за домом, и где-либо в стороне). Участки чаще всего отгорожены один от другого изгородью из гребенщика. Если дворы идут в ряд один за другим, они иногда отделяются сплошной изгородью, идущей вдоль всего ряда домов, от приусадебных участков. Между дворами ограды не делают, если они расположены подряд, по ним идет тропинка вдоль упомянутой изгороди, и соседи, особенно дети, свободно проходят из двора во двор.

Эта традиция сохраняется и на новых улицах. Например, в центральном поселке колхоза им. Жданова дворы, отделенные от улицы глиняными дувалами, один от другого ничем не отгорожены, лишь изредка встречаются глиняные дувалы также и между дворами. В центральном поселке колхоза им. Калинина усадьбы большей частью не отгорожены ни от улиц, ни одна от другой. Лишь на более благоустроенной боковой улице, и то лишь в средней ее части и в том конце, который примыкает к шоссе, усадьбы отделены от улицы сплошной изгородью из гребенщика. Такой же изгородью, как говорилось, отделены от улицы, а иногда и одна от другой, усадьбы в восточной части поселка 1-й и 2-й бригад того же колхоза. Очень частое явление — небольшая ограда вдоль одного лишь участка двора, который хозяева почему-нибудь сочли нужным отгородить либо от улицы, либо от сада. Встречаются и такие поселки бригад, где изгородей нет вообще.

Часто посреди двора растут большие деревья: абрикос, тутовник или другие, которые белуджи очень любят. Нередко специально сажают урюк, не только ради плодов, но чтобы большая листва этих деревьев, разрастаясь, создавала летом тень, столь ценимую в жарком климате Туркмении. Например, на усадьбе фельдшера колхоза им. Калинина Аммала Исаханова, существующей с 50-х годов, деревья урюка посажены в ряд, образуя как бы аллею, ведущую от дома к саду.

На усадьбах колхозной интеллигенции, а также и многих рядовых колхозников, стремящихся к благоустройству и красоте своих участков, к дому пристраивают деревянный навес талар, на который пускают виться

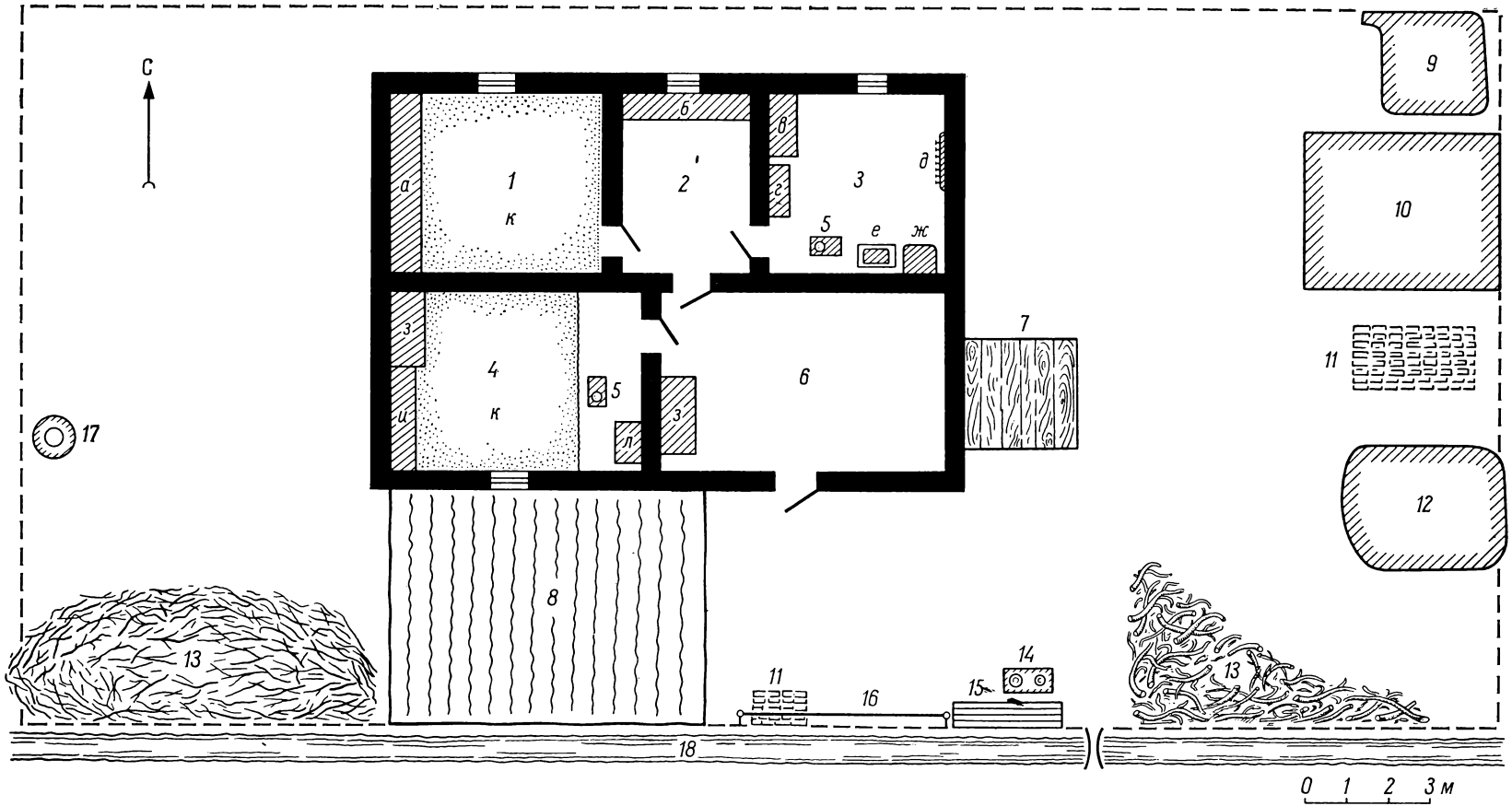


Рис. 21. План современной усадьбы и дома колхозника Якуба Ярмамедова.

1 — мехманхана; *2* — сени галладур; *3* — комната старшего сына; *4* — жилая комната; *5* — печи; *6* — веранда; *7* — деревянный настил тахтаки; *8* — навес талар с вьющимся по нему виноградом; *9* — курятник; *10* — гараж для мотоцикла; *11* — кирпич; *12* — шалаш куддык для скота, *13* — топливо; *14* — очаг; *15* — балки; *16* — ограда; *17* — тандур; *18* — арык. Убранство дома: *а* — джуль: одеяла, подушки и пр., сложенные на деревянном настиле бармук; б — деревянный настил бармук, место хранения мешков с мукой; *в* — платяной шкаф; *г* — туркменский расписной шкафчик; *д* — вешалка; *е* — этажерка с приемником; *ж* — холодильник; *з* — кровати; *и* — скамейка; *к* — кошмы и ковры, разостланные на полу; *л* — кухонный шкафчик.

виноградную лозу. Под этим навесом, создающим приятную тень, летом расстилают кошму и пьют чай, иногда работают на ткацком станке. Здесь же принимают гостей. Иногда под этим же навесом делают по туркменскому образцу деревянный настил *тахтаки* для сидения, иногда этот настил делают отдельно от навеса.

Тутовник чаще сажают вдоль улиц и вдоль орошающих поля арыков. Весной, в период кормления шелковичных червей, листья с тутовых деревьев начисто обрывают.

Как пример современной усадьбы колхозника приведем план двора шофера колхоза им. Калинина Якуба Ярмамедова (рис. 21). Двор имеет правильную прямоугольную форму, 3540 × 1680 см, дом ориентирован входом на юг, во двор, расположен, что весьма типично в новых поселках, почти впритык к улице, к которой он обращен задним фасадом. Приусадебный участок, занятый почти весь фруктовым садом, примыкает к усадьбе с юга, т. е. со стороны, противоположной улице. Сад отделен от двора арыком.

Двор не огорожен и от улицы ничем не отделяется. Лишь по южной границе двора, между мостиком, ведущим в сад, и навесом имеется небольшой отрезок ограды (5 м) из досок и деревянных жердей. Деревянный настил сделан здесь с восточной стороны дома, где летом в самую жаркую половину дня бывает тень. С западной стороны ко двору Якуба примыкает двор его отчима, с которым он имеет общий глинобитный хлев, построенный по другую сторону двора последнего, поэтому на плане нет изображения хлева.

Как особый тип можно выделить общую усадьбу нескольких семей близких родственников (семейно-родственной группы), живущих под одной крышей или в отдельных домах, расположенных вокруг одного большого двора.

В качестве примера приведем усадьбу Абдуллы Велиева (колхоз им. Калинина). Усадьба принадлежала в 1960 г. Абдулле, его взрослым женатым сыновьям и его брату. Все они жили в одном доме, представляющем собою несколько изолированных помещений, расположенных в ряд под одной крышей. В этом доме справа налево жили старший сын Абдуллы Мобин, имеющий комнату для гостей и жилую комнату, семья недавно умершего сына Абдуллы Буниада, сам Абдулла. Затем шла комната его младшего сына Мадата, переданная сейчас родственнику жены Абдуллы, так как Мадат (счетовод колхоза) построил себе невдалеке типовой дом и две комнаты Ширина, брата Абдуллы по матери.[6]

Перед домом — большая площадка, вдоль противоположной стороны которой идет ряд кладовых и небольших загонов для содержащихся возле дома овец. Каждая семья имеет отдельную кладовую, семья покойного Буниада — даже две кладовые.

Загоны для овец куддык, или уад, построенные из деревянных жердей и гребенщика, являются одновременно и таларами. Талар — весьма распространенное среди белуджей и туркмен сооружение, представляющее собой навес из четырех вертикальных столбов, на которые положены две поперечные горизонтальные жерди, а на них в противоположном направлении — ряд палок. Поперек последних кладут обычно более тонкие палки и ветки гребенщика. На этот довольно беспорядочный переплет накладывают для просушки и сохранения на зиму жгуты люцерны *таб датеген беда*[7] и другие запасы корма. Небольшой загон для овец иногда устраивается непосредственно под навесом и тогда тоже называется талар. На усадьбе Абдуллы навес прикрывает сверху лишь часть загона, т. е. загон

---

[6] В настоящее время Ширин отделился и уехал в другой колхоз.

[7] Таб датеген — закрученная в жгуты; беда — любая сухая трава, люцерна или сено.

в целом больше, чем прикрытое навесом пространство, и над всем загоном имеется подобие крыши из стволов и ветвей гребенщика, палок и любого древесного материала. Такой загон типа шалаша называется уже куддык. Уад — загон без крыши, окруженный оградой из гребенщика.[8]

Кладовые каппа построены следующим образом: на четыре вертикальных столба *аччаг*, вбитые в землю, положены четырехугольником четыре деревянных бруса *лат*. К ним на середине стен прислонены дополнительно четыре вертикальные жерди. На два продольных бруса положен ряд поперечных более тонких жердей *дастуг*. На высоте 140—150 см к вертикальным столбам и жердям привязаны горизонтальные тонкие жерди и палки — *чоубанди*.

В качестве дверной коробки служат с одной стороны угловой столб, с другой — дополнительный столб, вкопанный в землю на расстоянии примерно 50 см от углового. Пространство между ними над дверью забрано тонкими неровными досочками, скрепленными двумя поперечинами, идущими вертикально. Дверь — из четырех-пяти небольших досок, на двух петлях. Порог отсутствует. Описанный остов окружен камышовой циновкой (по-белуджски *килиг*), сплетенной наискосок. Последняя нигде не привязана, просто поставлена вокруг остова и обмазана толстым слоем глины с саманом — *кагиль*. На крышу на поперечные жерди положена такая же циновка, обмазанная сверху более толстым слоем глины. Циновки обычно приобретают у туркмен или туркмены делают их на заказ. В данной семье циновки делали сами. Высота кладовых 2—2.25 м.

Кладовые построены довольно небрежно, имеют неправильную форму, лишь некоторые сделаны аккуратнее и добротнее: на крыши поверх поперечных тонких балок положен гребенщик, затем камышовая циновка и потом уже сделана обмазка. В одной из кладовых обмазка стен сделана и снаружи, и внутри.

Внутри всех кладовых сделан вдоль одной или двух стен деревянный настил *бармук* высотой 17—20 см. На нем стоят мешки с пшеницей и мукой — это основное, что хранится в кладовых. В них же хранят летом железные печи, которые ставят на зиму в доме, и трубы к ним, мешки, старую посуду, бидоны для воды, ненужную зимнюю одежду (ватники) и пр.

В Афганистане мешки с пшеницей и с мукой хранили в левой, хозяйственной стороне шатра, где они также стояли на деревянном настиле. Специальных кладовых не существовало.[9] Каппа служили тогда жилищем беднякам, не имевшим шатров. Хозяйственным помещением, чаще используемым для мелкого рогатого скота, являлся шалаш куддык из гребенщика или другого древесного материала. Женщины и сейчас в разговоре называют так описанные кладовые, но мужчины объяснили нам, что это неправильно: если постройка сделана из циновок — это каппа, а куддык — это шалаш из гребенщика.

В настоящее время в просторных четырехкамерных домах муку хранят в сенях *галладур* или даже в отдельных помещениях, которые в этом случае называют исклад.

Примерно на середине двора стоит шатер, в котором старик Абдулла и его жена проводят летом весь день. На территории усадьбы четыре очага: возле мехманханы Мобина, по обе стороны шатра и возле крайнего

---

[8] В маленьких хозяйствах овец чаще всего держат под навесом, нижняя часть которого огорожена циновками или сплетенной из гребенщика стенкой, прикрепленной к четырем столбам, подпирающим навес.

[9] Пшеницу хранили также в ямах *корм* (*курм*) глубиной около 1 м или в высоких круглых глиняных хранилищах для зерна *джиллят*. Как в тех, так и в других зерно покрывали соломой, а сверху обмазывали глиной. Изображение джиллят см.: Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР, стр. 87. Сейчас надобность в них отпала.

загона для овец. Очаги аджаг, или дегдан, во дворе сохраняют старинную форму в виде округлого углубления, имеющего с одной стороны небольшое более узкое продолжение для подкладывания топлива. Вокруг круглого углубления ставят на ребро три кирпича, на которых устанавливается котел, чаще же делают глиняный бортик, достаточно массивный, чтобы выдержать тяжесть котла. Бортик имеет спереди проем, через него подкладывают топливо. В передней части очага в глиняный бортик вставляют иногда горизонтальный железный стержень или полоску. К середине последней прикрепляют вторую полоску железа, противоположный конец которой также вмазывают в бортик. Это сооружение служит для того, чтобы ставить на него эмалированный чайник, который употребляют теперь для кипячения воды вместо старинного *чаджуша* (белуджск. *ҕаррäг*). На других усадьбах встречается и новая, более усовершенствованная форма очага в виде четырехугольного глиняного возвышения с круглым, идущим до земли углублением в центре, на верхний край которого ставят котел. В передней стенке оставляют проем для подкладывания топлива. Такой усовершенствованный очаг делают в летних кухнях и вообще в защищенных от ветра местах. Часто рядом с таким очагом делают второй, несколько меньших размеров, для чайника (рис. 22, *а*).

Данную усадьбу очень украшают шесть больших тутовых деревьев. Из них два растут против торцовой стены мехманханы Мобина. Между ними и этой стеной сделан прилегающий к стене глиняный настил тахтаки, обычно покрытый кошмой; когда женщины свободны от работ, они почти все время проводят на нем, возле него расположен двойной очаг. На последнем чаще всего готовят пищу. На тахтаки женщины и дети едят в полдень арбузы и дыни или пьют чай.

Самое большое развесистое дерево стоит против комнаты Ширина. Под ним обычно собираются мужчины, под ним же подают угощение, когда приезжают гости.

По другую сторону дома расположены два примитивных, низких строения, сложенных из больших кусков глины и служащих хлевами. Одно из них, поменьше, принадлежит Мадату, другое состоит из трех помещений, расположенных под углом, из них среднее является помещением для соломы, *кадан*, а два других — хлевами, принадлежащими живущим в доме семьям.

Ограды вокруг усадьбы нет. Только один угол ее огорожен забором из воткнутого в землю гребенщика, вдоль которого посеян ряд высокого местного проса *ропонг*, стебли которого идут на веники.

Воду берут из арыков, которых много вокруг усадьбы. Хлеб пекут в двух печах, расположенных в 30 м от усадьбы, между усадьбой и домом Мадата, среди приусадебных участков семьи.

Из приведенных весьма различных примеров видно, что усадьба у белуджей находится еще в стадии становления. В связи с этим в отличие от земледельческого населения наблюдается отсутствие каких-либо выработавшихся традиций по распределению функций отдельных ее частей.

Современные дома. За период, прошедший со времени переселения белуджей в Туркменскую ССР, они не только научились строить хорошие благоустроенные дома, но в связи с изменением их хозяйства и окончательным оседанием эти дома за короткий срок стали для них необходимостью, вошли в их жизнь как массовое явление, вытеснив шатры и примитивные полуземлянки.

Основным материалом для современных построек является местный глинистый грунт (лёсс).

Когда начинают строить дом, площадку для него выравнивают лопатами. На месте, предназначенном для стен, натягивают на колышках по две веревки, расстояние между которыми соответствует толщине бу-

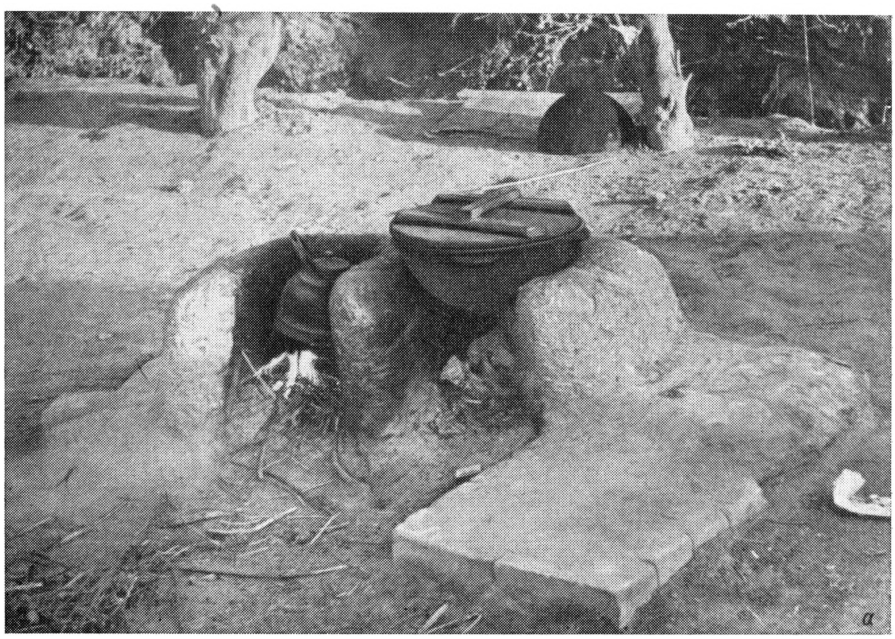


Рис. 22. Очаг.

а — обычный; *б* — модернизированный.

дущих стен. У строительной площадки предварительно роют яму, перекапывают глину, разводят ее водой до нужной густоты и перемешивают ногами и лопатой. Под стены сначала кладут фундамент из кирпича-сырца или из глины с саманом, потом уже возводят сами стены. Фундамент из кирпича кладут высотою в два кирпича, положенных плашмя, причем фундамент делают несколько шире самой стены. Иногда два слоя кирпича в фундаменте располагают как бы ступенькой, нижний слой делая немного шире, чем верхний.

Стены кладут из чистой глины. Раньше, когда дома строили менее квалифицированно, белуджи не применяли способа выкладывания глины на сухое место и ее вытаптывания. Теперь обязательно выкладывают глину на плоское место у ямы и вытаптывают ее для плотности. Этому они научились у туркмен. Накладывают глину лопатой до высоты 65—70 см, затем ее ровняют и формуют лопатой и руками. Этому первому слою дают обсохнуть, потом кладут следующий ряд такой же высоты, тоже дают ему обсохнуть; всего делают четыре ряда. Каждый ряд называется *да*, или *дах (йак да, ду да, се да, чардах, или чар да* [10]). Фундамент из глины с саманом тоже называют да.

При кладке стен оставляют дверные и оконные проемы. Толщина стен 50—60 см. Стены делают едва заметно покатые, внизу они несколько толще, чем вверху, сужаются примерно на 15 см.

Стены из сырцового кирпича кладут на растворе из чистой глины.

Для устройства крыши на продольные стены кладут поперечные бревна *лат* или поставленные на ребро доски. Промежутки между ними заделывают глиной. На бревна кладут в продольном направлении доски *дастук*, или *тахта*, на них — циновки из гребенщика *гäзää чаппáр*, потом — два слоя камыша перпендикулярно один другому и, наконец, глину: сначала слой чистой глины *борагиль* (4.5 см), а потом смешанную с саманом *кагель*, или *кагиль*, тоже 4.5 см. Крышу гладко обмазывают мастерком. Общая толщина слоя глины получается около 9 см, в дальнейшем при починках и обмазках она доходит до 15—16 см. Часто концы бревен торчат наружу и позднее используются для устройства навесов; иногда же все бревна заранее отпиливают в одну линию со стеной и тщательно заделывают и замазывают глиной. Крыша является одновременно и потолком дома, ее называют *сари хона*, или *тахта била*.

Готовый дом штукатурят два раза. Первый раз — глиной, смешанной с саманом погрубее, второй раз — глиной с очень мелким, просеянным сквозь решето саманом. Смешивают туркменской лопатой *бел*.

Для второй обмазки лучшим считается прошлогодний гниловатый саман, из него, в смеси с хорошо размешанной глиной, получается очень мягкая штукатурка. Хорошо брать для этой цели также мелкий отход от веяния. Для штукатурения внутренней поверхности стен глину смешивают с мелким, просеянным сквозь решето песком; при этом стены получаются гладкие. Пол также обмазывают глиной с песком, поэтому он несколько приподнят над поверхностью земли. Ниже поверхности земли он бывает, если из этой комнаты брали глину на раствор для кирпичных стен.

Многие белуджи научились строить дома сами. В колхозе им. Куйбышева есть мастер-белудж Алихан Керимов. Он хорошо научился строить дома и из глины, и из кирпича. Такие же мастера есть и в других белудж-

---

[10] Чардах — четвертый, самый высокий слой. Не отсюда ли турецкое *чардах* — небольшой настил на сваях рядом с домом (на уровне крыши) с навесом из веток, где спят летом? См.: X. de Blanhol. De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens, Nomadisme at vie paysanne. Paris, 1958, p. 227 (цит. по рукописи В. П. Курылева «Жилище турок»). Здесь, видимо, подразумевается помещение, расположенное высоко. Не отсюда ли и русский «чердак»?

ских колхозах, но очень многие колхозники сами строят себе дома, иногда лишь приглашая какого-либо мастера для руководства. В колхозе им. Калинина, в поселке 1—2-й бригад, из 140 семей 28 сами строили себе дома (из них две семьи узбеков), в четырех случаях приглашали мастеров-белуджей. Таким образом, 30 домов в этом поселке построены белуджами. Для постройки остальных домов приглашали мастеров-узбеков.

Современные дома белуджей можно разделить на несколько основных типов, которые мы перечисляем по степени их распространенности.

1. Двухкамерный глинобитный дом из одной комнаты и сеней или часто из двух комнат, нередко с отдельными входами.

2. Трехкамерный дом, состоящий из двух комнат и сеней между ними. Такой дом строят как из глины, так и из кирпича.

3. Четырехкамерный глинобитный дом, в плане приближающийся к квадрату, состоящий из трех комнат и веранды, открытой или застекленной. Этот дом по своей благоустроенности приближается к типовым домам, которые строит Межколхозстрой, но имеет разновидности. В весьма редких случаях он строится также и из кирпича.

4. Так называемый типовой кирпичный дом с дощатым полом и шиферной крышей, состоящий из трех комнат и веранды, закрытой, застекленной или открытой.

5. Многокамерный дом, состоящий из нескольких смежных, расположенных в ряд под одной крышей помещений, каждое из одной комнаты и сеней или только одной комнаты.

6. Однокамерный глинобитный дом.

Встречаются еще и другие виды домов, которые попадаются единицами и поэтому не отнесены нами к числу основных. Это, например, обширный дом председателя колхоза им. Жданова, состоящий из пяти комнат и двух веранд,[11] а также особого вида дома с широким входом, ведущим в переднюю часть дома, где находится открытая или закрытая веранда, из которой имеются отдельные входы в две не сообщающиеся между собою комнаты. Сюда же можно отнести примитивную полуземлянку, еще бытующую среди белуджей в качестве временного жилища возле хлопковых полей, занимаемого на время уборки хлопка, и лишь в единичных случаях — в качестве жилого дома в поселке.

По данным анкетного обследования двух поселков колхоза им. Калинина, центрального и поселка 1—2-й бригад, из указанных шести типов домов количественно преобладает 1-й. Однако стремление не только колхозной интеллигенции, но и рядовых колхозников иметь благоустроенное и культурное жилище настолько велико, что или строятся новые трех- или четырехкамерные дома, или же к старому жилищу пристраивается новая просторная комната для гостей мехманхана, или последнюю строят в виде отдельного однокамерного или двухкамерного дома. В последнем случае хозяин усадьбы имеет два дома.

В поселке Калинин-центр домов 1-го типа 15 (из 41), а домов 2-го и 3-го типа вместе взятых 22, т. е. последних больше, причем построены они в основном в 50-х годах, главным образом в 1958 г. и позднее, в 1962—1963 гг. В поселке 1-й и 2-й бригад домов 1-го типа 72, а 2-го и 3-го — 68 (мы берем все разновидности домов 3-го типа, о которых речь будет дальше), т. е. почти одинаковое количество. Это доказывает, что не только среди колхозной интеллигенции, но и среди рядовых колхозников дома 2-го и 3-го типов, более просторные и светлые, становятся в последние годы наиболее распространенным видом жилища.

---

[11] Дом этот описан вкратце в статье Я. Р. Винникова «Белуджи Туркменской ССР», стр. 59

Глинобитный трехкамерный дом — *гилаин (гилиен) гиса, или гилаин там*, состоит из двух комнат и сеней между ними. Комнаты просторные, примерно 3.5×5 м. Вход ведет в сени. В правой и левой стенах сеней, друг против друга, расположены две двери, ведущие в комнаты, из которых левая обычно является жилой — *ништина гис*, или *ништинук*, а правая — комнатой для гостей. В каждой из них, как правило, имеются два окна, расположенных одно против другого в правой и левой от входа стенах, т. е. в передней и задней стенах дома. Окна двустворчатые, в рамах, двери деревянные, в дверных коробках.

В использовании комнат встречаются разные варианты. Например, если женится старший сын, ему иногда не ставят отдельного дома, а помещают молодых временно в комнату для гостей, которая не теряет при этом своей прежней функции, являясь одновременно и жилищем молодой супружеской пары, которая продолжает в ней жить и после рождения детей. Когда же женится второй сын, ему ставят отдельный небольшой, сначала обычно однокомнатный домик (комната и сени). Когда он встанет на ноги и обзаведется имуществом, он уже сам ставит себе дом более благоустроенный.

Примером может служить семья Джанмамеда Хуасти в колхозе им. Жданова. Когда женился старший сын, его поместили в комнате для гостей, и он жил в ней до 1960 г., когда у него было уже трое детей. В жилой комнате остались жить старик Джанмамед с женой и младшим сыном. Когда жена его умерла, а младший сын ушел жить к одной из старших замужних сестер, старик продолжал жить в своей комнате (он живет там и сейчас). Гостей принимали в комнате старшего сына, более богатой и нарядной. В 1960 г. старший сын приобрел себе отдельный дом.

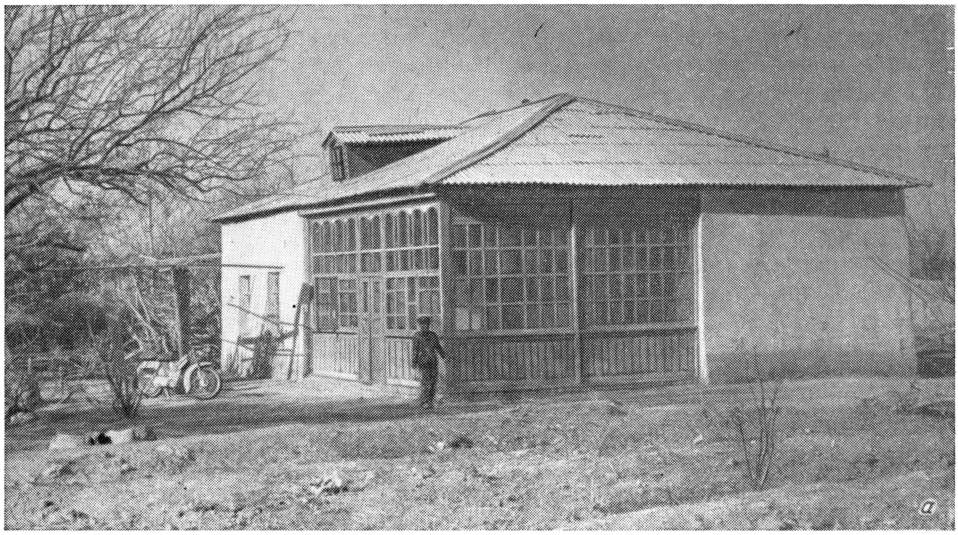
Когда женился младший сын, Джанмамед поставил ему рядом небольшой дом, состоящий из одной комнаты и сеней.

Встречается и иное использование трехкамерного дома. Например, глинобитный дом Ханмамеда Аллададова имеет две жилые комнаты. В одной из них до 1962 г. жил он сам с женой и пятью младшими детьми, в другой — его старшая дочь с мужем. Особенность этого дома заключается в том, что каждое из помещений имеет вход с улицы и между собою они не сообщаются. Среднее помещение Ханмамед превратил в комнату для гостей, в то время как хозяйственные функции перенесены в кладовую, пристроенную к его комнате. В этой кладовой готовили также пищу летом в плохую погоду, когда невозможно ее готовить на очаге во дворе усадьбы. Здесь же мылись жена и дочь Ханмамеда (мужчины ходят в баню). В 1966 г. Ханмамед пристроил к правой жилой комнате просторную мехманхану и открытую веранду.

Наиболее типичным является, однако, первое из описанных нами распределений комнат, т. е. жилая комната — слева, комната для гостей — справа, а между ними — сени галладур.

Трехкамерный дом как таковой и указанное выше наиболее типичное распределение его помещений стали уже настолько привычными для белуджей Туркмении, что выработались определенные традиции внутреннего устройства и убранства такого дома.

В правой от сеней, более нарядной комнате, обычно выполняющей функции комнаты для гостей, напротив двери расположен идущий вдоль всей стены деревянный настил *бармук*, представляющий собою несколько досок, положенных на глинобитные опоры высотой 45—50 см. Иногда один конец настила вделывается прямо в стену. На этот настил аккуратно складывают все имеющиеся в доме мягкие вещи и спальные принадлежности (кроме тех, которые находятся в ежедневном употреблении): кошмы, ковровые перекидные сумы для верблюда, ковровые и нековровые подушки, матрасы, одеяла, узлы с одеждой. Все это вместе взятое



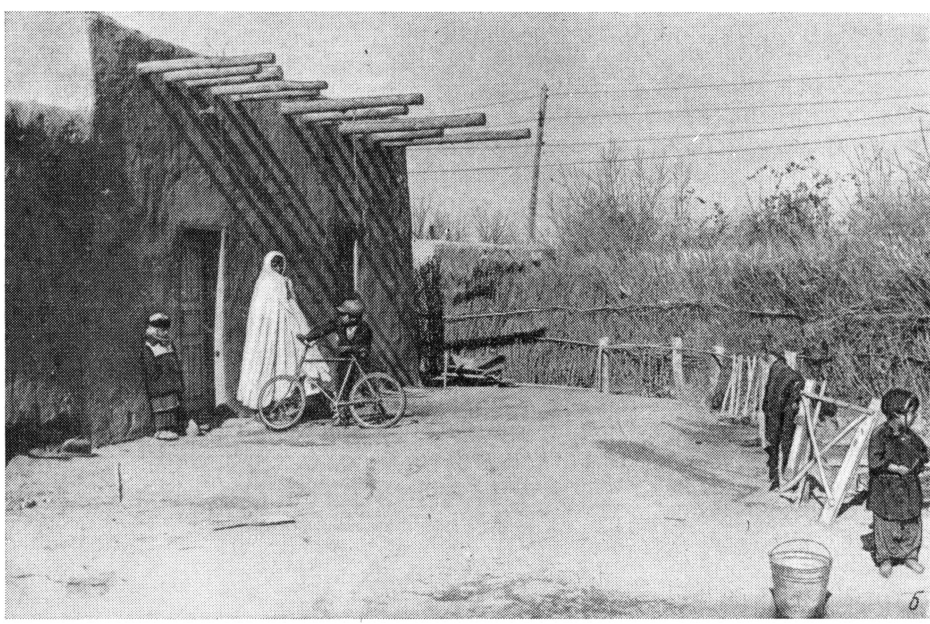


Рис. 23. Современные белуджские дома.

а — дом с застекленной верандой и шиферной крышей; *б* — дом глинобитный с выступающими концами бревен крыши, видна ограда усадьбы из гребенщика.

называется *джуль*. Джуль является гордостью и заботой хозяев дома, по богатству и красоте составляющих его предметов судят о зажиточности семьи. В устройстве его также выработался определенный стандарт. Вниз постилают белуджский палас *конҷ* (в темных коричневатых тонах) таким образом, что один край его опускается почти до пола. Для лучшей сохранности паласа под него, непосредственно на доски настила, постилают или хорошие чистые мешки, или полоску от старого шатра, или что-нибудь в этом роде. Палас часто заменяет *секка*, широкая нарядная полоса из сшитых между собою рядами разноцветных квадратов, треугольников и ромбов, вырезанных из различных хороших материалов, главным образом шелка и бархата. Секка обычно украшена рядами перламутровых пуговиц и металлических бляшек, иногда и шерстяными кистями, висящими на шнурах (в старинной белуджской манере), и положена на подкладку, причем подкладка делается шире, чем сама полоса, и ее верхний, неукрашенный край подкладывается под джуль, так, что сама секка вся оказывается на виду, свисая по наружной стороне настила.

На палас или секка укладывают большую, сложенную в длину в три раза кошму, если таковая имеется в доме, или пару перекидных сум для верблюжьего вьюка *уштур хурджин*. Интересно отметить, что хурджины эти не имеют сейчас практического применения и совершенно не нужны в хозяйстве. Верблюдов давно уже не держат. Однако в силу традиции хурджины для верблюжьего вьюка сохраняются в джуль как необходимая принадлежность внутреннего убранства дома и входят как обязательная часть в приданое невесты.[12]

На хурджины кладут одно или два-три одеяла, иногда и матрас, а поверх них — следующий ряд, состоящий из двух или трех ковровых подушек прямоугольной продолговатой формы (размеры подушек примерно 75×35, 79×50 см). Ковровой делают лишь лицевую сторону подушки, тыльная сторона — паласная, безворсовая. Край подушки, обращенный внутрь жилища, обшит черным шерстяным шнуром *ширази*.[13] Таким же шнуром обшита и часть противоположного края, другая часть его вообще не зашита и является отверстием для набивания подушки. По коротким сторонам подушки иногда оставляют бахрому *джаба*, но чаще делают лишь четыре шерстяные кисти *пуллук* по углам.

Ковровые подушки *балышт*, подобно хурджинам для верблюжьего вьюка, не имеют сейчас практического применения и также сохраняются лишь в силу традиции. На них и прежде не спали, употребляя для спанья продолговатые ситцевые подушки, имеющие форму валиков. Ковровые подушки подавали когда-то в шатрах только гостям, на них опирались, сидя на паласах или кошмах. Сейчас для этой цели употребляют другие, более модные подушки квадратной формы, бархатные или сатиновые. Старинные ковровые подушки, ничем не набитые, остаются, как и верблюжьи хурджины, обязательной составной частью как джуль, так и приданого невесты.

У всех ковровых предметов, т. е. подушек и хурджинов, по краю, обращенному внутрь жилища, нашит ряд белых раковин *кочк*, приобретавшихся ранее на базарах Герата и других городов. Сейчас такие раковины достать негде, количество семей растет, и имевшегося запаса рако-

---

[12] Аналогичное явление встречаем мы и у туркмен, также бывших кочевников. Покрывало *дуе башлык* для верблюда, на котором перевозили прежде невесту в дом жениха, уже не употребляется, но вешается в жилище на стену и входит в приданое невесты.

[13] По-персидски *ширазе* — тесьма или шестяной шнурок, служащие для обшивки или вздержки. (Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1960, стр. 321).

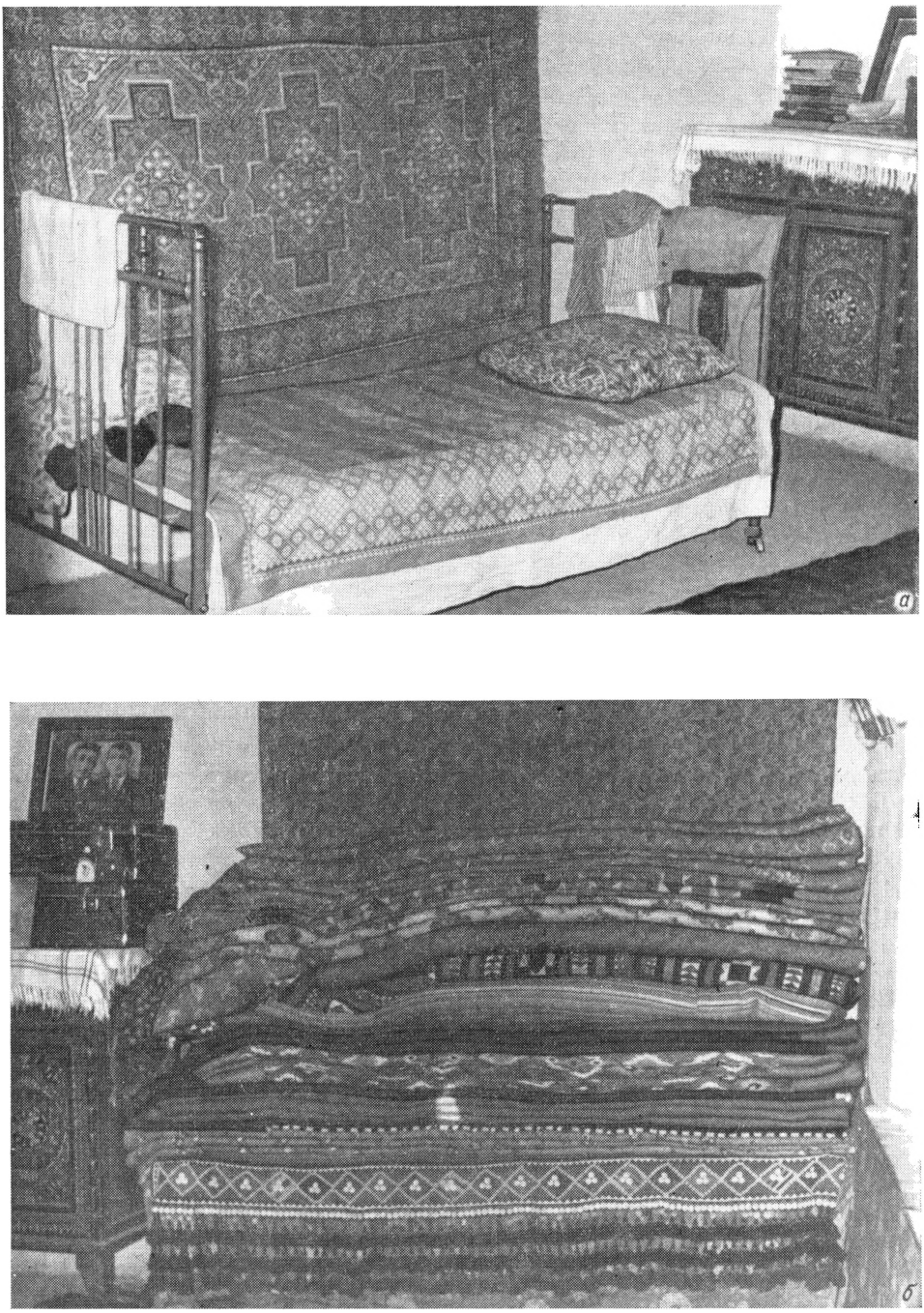


Рис. 24. Интерьер комнаты Худайбахша Абдуллаева.

вин уже не хватает для украшения всех подушек и хурджинов. Их заменяют нашиваемыми таким же образом рядами белых изоляционных роликов, что дает возможность сохранять традиционную декоративность убранства джуль. Его украшают также рядами нашиваемых на ковровые изделия туркменских серебряных бляшек, подвесками из блях и серебряных бус и кистями. Джуль имеет обычно два ряда ковровых подушек. Между ними и над ними произвольно накладывают одеяла, матрасы и подушки другого типа, не находящиеся в постоянном употреблении. Одеяла складывают обычно тремя продольными складками, чтобы джуль казался выше и наряднее. У некоторых одеял и матрасов, а также и подушек, имеющих форму валиков, лицевую сторону сшивают из прямых полос, треугольников и четырехугольников разных цветов, главным образом черного, красного и белого. Для этого не копят случайных лоскутков, а покупают материал специально и разрезают. Сшивают эти различной геометрической формы лоскутки простым швом «вперед иголку», составляя из них несложные, но довольно живописные узоры. Эта своеобразная мозаика из кусочков цветных материй называется *туккури* (узб.; тадж. *курок*). В каждом джуль имеется обязательно несколько предметов, изготовленных такой техникой, в приданом невесты наличие таких предметов также обязательно.

Между подушками и одеялами кладут узлы с одеждой *бухча*. Узел бывает завернут в квадратный платок примерно 1×1 м, сшитый описанным способом из цветных лоскутков и остатков материи, накопленных постепенно. В центре такого платка имеется квадратный кусок какого-либо красивого шелкового материала, вокруг него идут до самого края ряды цветных треугольников, квадратов и ромбов, причем квадраты в этих рядах, как и ромбы, поставлены на угол, а промежутки между ними заполнены цветными треугольниками. По краю идут прямые цветные полосы. Платок кладут на подкладку из бумажной пестрой материи. На одном или двух углах пришиты металлические крючки. В платок кладут предметы одежды и заворачивают их сначала углами без крючков, а затем углами с крючками, зацепляя их за ткань, чтобы узел не разворачивался. Каждый член семьи имеет свой узел с одеждой, матери хранят в своих узлах вещи маленьких детей.

Джуль покрывают иногда тюлем или покупаемым на базаре сюзане. Слева от него на настиле стоит обычно базарной работы сундук и на нем — один или два чемодана, в которых хранят покупные мужские костюмы, городскую хорошую обувь и вообще более ценные предметы. Здесь же, между сундуком и джуль, ставят швейную машину. Как покрывающие джуль тюль или сюзане, так и этот сундук и чемоданы — новая мода, заимствованная у окружающего населения. Прежде в шатрах джуль ничем не покрывали, не было также ни швейных машин, ни сундуков, ни чемоданов.

На стене над джуль обязательно висит полоса цветной ткани. Ее тоже называют секка, хотя прежде такой полосы не было (в шатре ее негде было бы и повесить).

Новые в убранстве жилья предметы — посудная полка и вешалка *ушулка́*. Полка для посуды, обычно двойная, висит чаще слева от входа. На неё ставят чайники и пиалы, предназначенные для приема гостей, здесь же лежат и деревянные ложки. Вешалка стоит у левой от входа стены. На ней висит преимущественно мужская одежда. Правый от входа угол — хозяйственный, здесь, поближе к двери, зимой стоит железная печь, на которой кипятят чай для гостей. Возле нее на полу стоит часто поднос с чайниками и пиалами, иногда кастрюли, ведро с водой.

Место для гостей — возле настила бармук, т. е. напротив входа. Пол в комнате для гостей от печки до джуля устлан кошмами, возле настила

стелют самые хорошие кошмы или ковер. Наиболее почетное место — у центра бармука, туда сажают самых уважаемых гостей, а остальных — по сторонам. Хозяин садится на край кошмы ближе к входу, лицом к гостям. Части левой и правой стен между бармук и окнами стараются убрать понаряднее: на левой стене вешают зеркало и семейные фотографии, на правой — ковер или картину, иногда также фотографии. В одном доме на этом месте прямо на стене было нарисовано изображение дерева *драч*, в другом в качестве декоративного украшения висело голубое пикейное одеяло. Все это — явления совершенно новые в быту белуджей. Следует отметить, что даже манера застилать пол кошмами — довольно нова и заимствована у туркмен. Прежде, в шатрах, кошмы иногда встречались, но чаще на земляной пол постилали красивый белуджский палас в довольно темной цветовой гамме. Сейчас старинный палас постилают лишь на настил. В редких случаях можно встретить палас, разостланный на полу.

Из старого убранства жилья, принесенного из шатра, сохранилась в довольно редких случаях шерстяная сумка для мелочей с висящими на шерстяных шнурах кистями. Ее также стараются повесить поближе к джуль. Оригинальным белуджским стенным украшением являются аппликации четырехугольной формы, выполненные техникой туккури, с бахромой по нижнему краю. У хороших рукодельниц таких аппликаций бывает несколько. В последние годы вошли в моду аппликации продолговатой формы, повешенные горизонтально над окнами, с бахромой из кистей, продетых сквозь белые ролики; это — новая, чисто белуджская интерпретация старинных мотивов убранства жилья: туккури, кистей и белых раковин, примененных к новому виду жилища. Если в доме есть охотники, на стене парадной комнаты висит ружье.

У колхозной интеллигенции — учителей, врачей, бухгалтеров, председателей, бригадиров, в комнатах для гостей появились еще в 50-х годах столы, стулья и даже кресла. Довольно часто можно увидеть мужчин, сидящих на стульях, но женщины предпочитают сидеть на полу, на кошме. На стол или на этажерку ставят обычно радиоприемник, который есть в каждом доме. Хорошие хозяйки, искусные в рукоделии, покрывают приемник чехлом, выполненным техникой туккури. Здесь же часто стоит кровать с матрасом, покрытая покрывалом или сюзане. На ней спят гости или сам хозяин.

В 1967 г. было отмечено еще более широкое проникновение городских предметов в быт белуджей и во внутреннее убранство жилищ не только интеллигенции, но и рядовых колхозников. Почти в 100% домов имеются швейные машины и чемоданы. Редко где не встретишь кухонного шкафчика, заменившего посудную полку. В поселке 1-й и 2-й бригад колхоза им. Калинина шкафчики имеются в 129 домах из 140, из них 95 — резные, раскрашенные, кустарной работы шкафчики *ишкаф* типа комода, изготовляемые туркменскими мастерами по заказу, остальные — простые кухонные шкафчики. Большое распространение имеют также вешалки, этажерки, туркменские кованые сундуки и т. д. Во многих домах появились платяные и даже зеркальные шкафы.

Жилая комната убрана несколько проще. У стены напротив входа — также настил и джуль из сложенных на нем спальных принадлежностей, находящихся в ежедневном пользовании. Джуль покрывают сюзане или куском ткани, но раковинами он украшен меньше. Над ним также вешают на стену полосу цветистой ткани. Под настилом — серпы, эмалированные чашки, тряпки, обувь.

В этой комнате на пол постилают более старые кошмы. В углу, слева от настила, иногда подвешивают уже редко встречающуюся старинную белуджскую колыбель.

На стенах висят на вбитых гвоздях предметы повседневной одежды взрослых, детская одежда. Часто в этой комнате тоже имеется вешалка, а также небольшая полочка, на которую что-либо ставят, например маленький приемник, лампу и пр. Может висеть сумка для мелочей, нож в ножнах и т. д.

Над дверью в некоторых домах повешены рога джейрана с черепом, обтянутым материей. Рога имеют охранное значение; в одном доме между рогами была прикреплена голубая крышечка баночки от крема (голубой цвет — охранный), а к одному из рогов привязан голубой же узелок с исфандом (рута, белуджск. *спантан*).[14]

В жилой комнате также часто можно встретить кровать. Чаще всего на ней спит хозяин или старший сын.

Справа, ближе к двери, ставят зимой железную печь, служащую для отопления и для приготовления пищи. Возле нее сосредоточена кухонная утварь. В углу на лежащей на двух подставках доске или на скамейке стоят ведра с водой и кастрюли. Летом кухонная утварь переносится в сени, так как готовят пищу на улице, на наружном очаге.

В сенях, напротив двери, как правило, имеется настил из досок или заменяющая его низкая деревянная скамья, на ней — мешки с мукой и пшеницей и хозяйственная утварь.

Мешки для муки домотканные, шерстяные — *буалаг*, с белуджским орнаментом или просто из мешковины. На конце настила, на ящике или другом возвышении — все принадлежности для приготовления теста. На стенах на гвоздях висят решето, мешочки и узелки с продуктами, ковшик и другие предметы хозяйственного назначения, где-нибудь на ящике или на досках стоит тыквенный сосуд с солью.

Таким образом, сени служат хранилищем продуктов и местом приготовления теста, летом иногда и кухней. Во многих домах, как нам приходилось наблюдать, на зимние холодные месяцы вся семья перебирается в сени, которые легче отапливать, так как они меньше по размерам. Входную дверь в этом случае дополнительно завешивают изнутри плотным куском ткани или кошмой. Запасы муки и зерна и некоторые хозяйственные предметы на это время перемещают в жилую комнату, которая остается пустой. Комната для гостей сохраняет свое назначение, если в ней имеется печка, но отапливается только во время приема гостей.

Двухкамерный дом состоит из сеней и одной комнаты, расположенной обычно слева от сеней. Часто в таком доме живет, как указывалось, недавно поженившаяся супружеская пара, которая в дальнейшем пристраивает справа от сеней комнату для приема гостей.

Сени двухкамерного, как и трехкамерного, дома имеют вход со двора и небольшое окно напротив дверей. Устройство их и функции обычно такие же, как и в трехкамерном доме. Из сеней деревянная дверь ведет в жилую комнату. В последней, в передней и задней стенах дома расположены одно напротив другого два окна в деревянных рамах. Окна расположены в глубоких нишах (глубина ниши 20 см).

Внутреннее убранство единственной комнаты такого дома повторяет в значительной мере описанное выше убранство комнаты для гостей трехкамерного дома. Поскольку двухкамерный дом принадлежит обычно семье, еще не успевшей обзавестись большим хозяйством и большим количеством вещей, все мягкие вещи и спальные принадлежности помещаются на одном бармуке, расположенном против входа в комнату.

[14] Это связано с представлениями об охранном значении некоторых растений, предметов, цветов и пр. Дымом зажженного *исфанда* окуривают вновь купленный скот; из зерен этого растения делают амулеты — подвески, служащие для охраны жилища, и т. д.

В этом случае спальные принадлежности, находящиеся в постоянном употреблении, кладут в верхний ряд джуль, поверх новых матрасов, одеял и подушек, предназначенных только для гостей, и весь джуль покрывают тюлем. На чемоданы кладут скатерть *парзонаг* с хлебом. Между сундуком и джуль ставят швейную машину; на нее кладут иногда подушки в виде валиков, выполненные техникой туккури. На левой стене, между джуль и окном, вешают портрет хозяина и другие семейные фотографии в рамах.

На вбитых в стены гвоздях висит несколько больше одежды и других предметов, чем в трехкамерном доме, так как комната всего одна.

Ввиду недостатка места иногда к дому, чаще справа от сеней, пристраивают кладовую, в которой держат часть хозяйственной утвари, не помещающейся в доме. Она служит нередко и летней кухней.

Описание дома 4-го типа, т. е. так называемого типового дома, уже сделано Я. Р. Винниковым,[15] и мы не будем здесь его повторять. Эти дома — кирпичные, иногда с деревянным каркасом, с четырехскатной шиферной крышей, у белуджей строят русские мастера Межколхозстроя. Отличие типовых домов белуджей состоит в том, что для постройки дома иногда вместо кирпича материалом является глина. Пол всегда деревянный.

Однако Межколхозстрой не в состоянии удовлетворить потребность в строительстве как общественных зданий, так и жилых домов в колхозах, которая в Туркмении очень велика, он выполняет сейчас заказы лишь на строительство общественных и производственных зданий для колхозов, а жилых домов временно не возводит (исключение составляют дома в поселках, строительство которых запроектировано районными организациями). Поэтому рядовые колхозники, располагая достаточными материальными средствами для постройки хорошего дома, нередко объединяются в группы и самостоятельно приглашают бригаду специалистов-строителей (как правило, узбеков) из Мары или Иолотани. Последние строят просторные дома по вкусу заказчиков, ставят их в ровные ряды, придерживаясь уже существующих улиц или образуя новые улицы. Мастерами-узбеками построен за 1965—1966 гг. почти весь поселок Калинин-центр и значительная часть поселка 1—2-й бригад.

Как указывалось выше, построены дома как двухкамерные (для небольших семей), так и трех- и четырехкамерные, но последние два типа преобладают. Много домов 3-го типа, состоящих из трех (иногда и четырех) комнат и открытой или застекленной веранды, которую называют по-русски — *варанд*. В отличие от «классического» типового дома все дома 3-го типа построены, как уже говорилось, из чистой глины *гиль* и имеют плоские крыши описанного выше устройства. В последние годы стали появляться четырехскатные шиферные крыши и кирпичные дома. Глинобитные дома очень удобны в данных климатических условиях: зимой они хорошо сохраняют тепло, летом — прохладу. Сравнительная дешевизна такого дома делает его более доступным для колхозников, чем, возможно, и объясняется оказываемое ему предпочтение.

Встречаются различные варианты домов 3-го типа: три комнаты и открытая веранда (наиболее частый вариант), три комнаты и застекленная веранда, четыре комнаты и веранда, и иногда две комнаты и веранда. В последнем случае мы имеем три помещения: веранду, комнату для гостей и весьма просторную, как бы двойного размера жилую комнату. Такой дом строят при наличии небольшой семьи. Мы относим его к 3-му типу, так как в нем в отличие от домов других типов имеются и комната

---

[15] Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области. Среднеазиатский этнографический сборник, I, М., 1954, стр. 51—52.

Рис. 25. Дом семейно-родственной
Рис. художника

для гостей, и веранда, а также по общим размерам, высоте и благоустроенности.

При наличии трех комнат обычно одна из них является комнатой для гостей, две — жилыми, реже наоборот — одна комната является жилой, две комнаты занимает помещение для гостей. Это бывает в домах у тех, к кому часто приезжают должностные лица, т. е. у председателей колхозов, старших бухгалтеров и т. д. Одна мехманхана служит у них для приема официальных лиц, другая — для приезжающих в гости родственников и пр. В комнате для приема официальных лиц стоят нередко одна или две кровати. У многих представителей интеллигенции имеется постельное белье — простыни, пододеяльники и белые наволочки.

В относимом нами к 3-му типу доме шофера Якуба Ярмамедова в поселке Калинин-центр имеются три комнаты, веранда и сени (рис. 21). С просторной веранды, на которой стоит лишь одна запасная кровать, дверь налево ведет в жилую комнату. В комнате напротив двери стоят справа вторая кровать, слева — скамейка. На них сложены спальные принадлежности, находящиеся в ежедневном пользовании, слева — чемоданы и завернутый в скатерть хлеб. Слева от двери стоит простой кухонный шкафчик с посудой, возле него — железная печка, на которой зимой готовится вся пища в доме. Между печкой и противоположной стеной весь пол застлан кошмами. Это — комната, в которой живет вся семья Якуба. Вторая дверь с веранды ведет в сени, где напротив входа, под окном, находится деревянный настил со стоящими на нем мешками с мукой. На стенах по сторонам его развешены хозяйственные предметы. В передней части сеней, ближе ко входу, две расположенные друг против друга двери; из них левая ведет в больших размеров комнату для гостей, все убранство которой составляют богатый нарядный джуль напротив двери и ковры на полу. Во всех комнатах — цветные занавеси на окнах и портьеры на дверях. Дверь направо ведет в комнату старшего сына Якуба, учащегося медицинского училища в г. Мары. У передней стены, влево от двери, стоят туркменский резной расписной шкафчик базарной работы и платяной шкаф, на стене напротив них — вешалка, у правой стены, напротив окна — холодильник и этажерка с приемником, ближе к двери — железная печка. Все эти предметы белуджи называют русскими словами: шкаф, как туркменский, так и платяной, — ишкаф, вешалка — ушулка, холодильник так и произносится по-русски, приемник — радио, печь — печ.

Пол жилой комнаты выложен кирпичом большого размера, в остальных комнатах пол деревянный. Высота дома 2 м 90 см.

группы Абдуллы Велиева.
В. Кузнецова.

Наличие хорошо обставленной отдельной комнаты для старшего сына, которому предстоит женитьба, новое, но чрезвычайно распространенное явление в современных жилищах белуджей. В эту комнату (а иногда и в отдельный домик) родители ставят все самое лучшее, что у них есть, и отцы с гордостью показывают ее приезжим и гостям. Часто в ней стоит еще столик для занятий, особенно если сын учится.

Многокамерный дом 5-го типа из нескольких смежных квартир, расположенных в ряд под одной крышей, представляет собою, как правило, поселение семейно-родственной группы, состоящей из отца и нескольких женатых сыновей или из нескольких родных, а иногда и двоюродных братьев с семьями.

В качестве примера многокамерного дома приведем упоминавшийся выше дом семьи Велиева (колхоз им. Калинина; рис. 20 и 25). Он представляет собою пять расположенных в ряд под одной крышей небольших квартир, из них две — из одного, три — из двух помещений. С правой стороны к дому пристроена более просторная комната, имеющая отдельный вход. Это мехманхана старшего сына Абдуллы Мобина, бригадира огородной бригады; в торжественных случаях она используется как мехманхана всей семьи. Например, в 1962 г., в первый день науруза, в ней собрались мужчины на общую молитву и последовавшее после нее угощение. В обычное время она почти пустая. На окне, расположенном напротив двери, пестрые занавески. На полу — старинный палас и кошма. В углу, справа от окна, стоит электрическая плитка, ближе к двери — приемник на подставке базарной работы, покрытый красным шелковым платком и сверху еще тюлем. На стене висит школьная одежда сына Мобина. В углу, с левой стороны окна, висят три больших портрета в рамках и мелкие фотографии членов семьи и друзей.

Первоначально в доме жили только Абдулла, его сыновья и его брат. Сейчас, как говорилось выше, младший сын Абдуллы построил себе недалеко от усадьбы Абдуллы типовой дом. Внутреннее убранство сеней и комнат довольно стандартно.

Иногда в таких многоквартирных домах проживают и неродственные семьи. В поселке 9-й бригады колхоза им. Жданова есть два таких многоквартирных дома, каждый длиною до 50 м, построенных после сильного разлива р. Мургаба, когда было разрушено водой много жилых домов и возникла срочная необходимость быстро обеспечить жильем семьи, оставшиеся без крова.

Однокамерные дома (6-й тип), представляющие собою одну просторную жилую комнату без сеней, встречаются главным образом в качестве

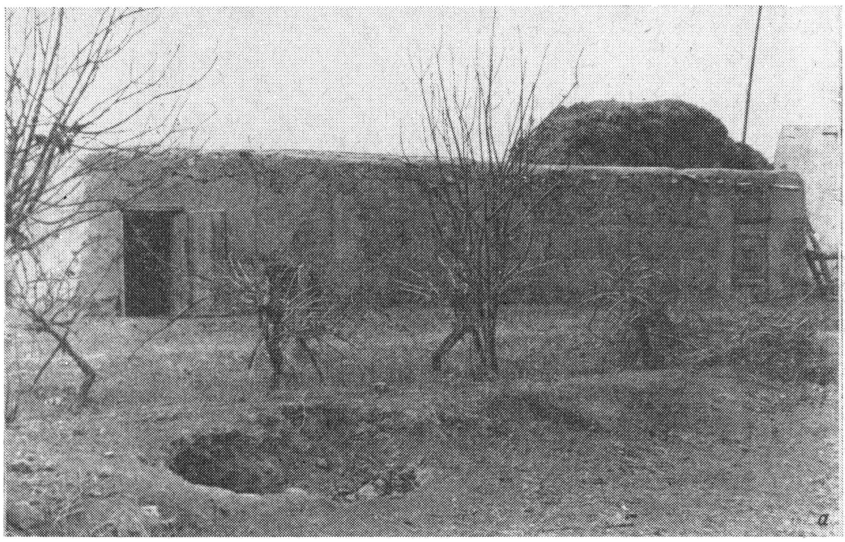


Рис. 26. Хозяйственные постройки.

а — хлев на двух хозяев, на крыше сушится люцерна.

жилища только что поженившейся молодой супружеской пары. К имеющейся обычной обстановке добавляется еще джуль, состоящий из приданого невесты.

В редких случаях однокамерные дома еще встречаются в поселках бригад в качестве жилища целой семьи. Подобный дом Якуба Шадоста расположен в поселке бывшей 1-й бригады колхоза им. Куйбышева.

Жилая площадь в нем составляет 4.10×5.82 м. Высота дома снаружи 2.95, внутри — 2.78 м. Дом очень теплый, хорошо оштукатурен снаружи и внутри, пол гладко обмазан глиной.

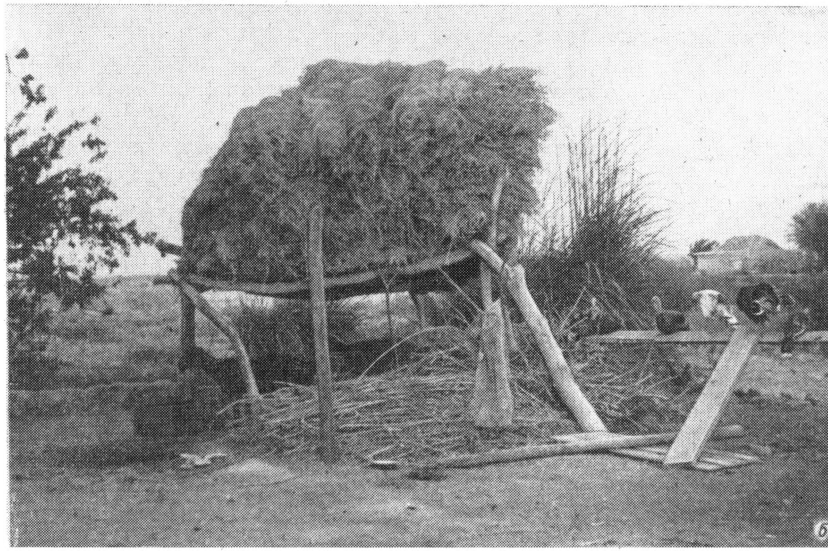
Деревянная покупная дверь с металлическими ручками, вставленная в дверную коробку, расположена в правой стороне передней стены. В правой торцовой стене и в задней, почти напротив двери — окна в деревянных рамах. Третье окно расположено в передней стене, слева от двери.

Напротив входа стоит железная печка. Площадка под ней окружена невысоким глиняным возвышением, имеющим форму четырехугольника с закругленными углами. Называется оно вместе с печкой *дегдан* (по-туркменски *оджог*).

Сам Якуб спит в правом заднем углу комнаты. У правого окна в его углу висят предметы мужского туалета, например пара щипчиков на металлической цепочке для выдергивания волос и др. Правый угол у входа — хозяйственный. Здесь вдоль правой торцовой стены стоит скамейка, на ней — принадлежности для печения хлеба, ведра с водой.

На полу постланы цветные кошмы. Над правым окном висит ситцевый пестрый мешочек с кармашками *кошукдан*, в кармашки вложены деревянные ложки. В простенке между дверью и правым углом на гвоздике висит веник, повыше — деревянная полочка, на ней большая ложка для размешивания и раскладывания еды.

На передней стене, слева от двери, между дверью и окном, висит вешалка, на ней много различной одежды, а также ружье в футляре. Вторая вешалка — на задней стене, между окном и левым задним углом. Одежда покрыта марлевыми занавесками.



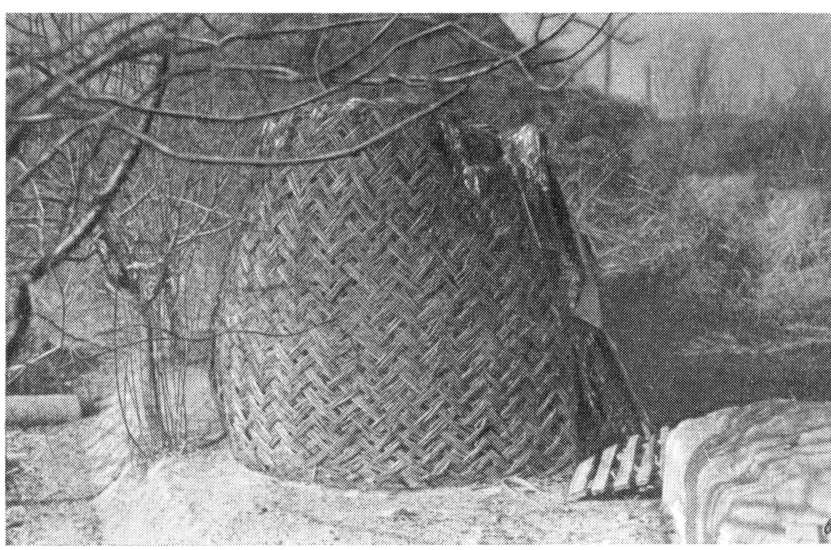


Рис. 26 (*продолжение*).

б — навес талар для содержания овец на усадьбе; *в* — небольшое складское помещение из гребенщиковых циновок (плетение таких циновок весьма характерно для белуджей в прошлом).

Настил, расположенный на женской половине, занимает большую часть левой торцовой стены. Слева от него стоит туркменский кухонный шкафчик для посуды (в нем же держат сахар, чай, пряности и разные мелочи). На шкафчике стоит жестяной сундучок, на нем — чемодан. Слева, в углу, — деревянная тумбочка. В нише в передней стене, где расположено небольшое окошечко, стоит зеркало.

На полу возле настила спят хозяйка и все ребятишки. На кошму постилают два больших одеяла и кладут подушки, главным образом продолговатые, покрываются другими одеялами.

Хозяйка каждое утро вытряхивает кошмы, подметает весь дом, пол метет еще раза два в течение дня, на ночь — обязательно.

У входа сделана небольшая площадка каушкан, имеющая, так же как и очаг, бортик из глины. Здесь оставляют обувь входящие в дом.

В результате сделанного нами обзора основных типов жилищ у белуджей Туркмении мы можем констатировать полный переход этой группы белуджей к оседлому быту, хотя традиции его еще не сложились полностью. На последнее обстоятельство указывает не только многотипность домов, но и различные размеры окон и дверей в одном доме, различные формы очагов, различное устройство веранд, а также и тот весьма характерный факт, что и дома, и хозяйственные постройки весьма часто перестраиваются.

Недавним появлением у белуджей постоянных домов объясняется и отсутствие у них национальной терминологии оседлого жилища. Преобладает русская терминология. Как указывалось, сени называют «галладур» (от русск. «коридор»), веранду — «варанд», окно — «акушка», «аушка» (русск. «окошко»). Потолок и пол вообще затрудняются как-либо называть. Дощатый пол в типовых домах называют «пол», железную печку — «печ», с белуджским озвучением этих слов. Потолок из фанеры в типовых домах называют «фанерка».

Все, что касается жилища, усадьбы, поселка, находится в стадии роста и выработки традиций. Совершенно исчезнувшей формой жилища у белуджей Туркмении можно считать специфически белуджское жилище *чаппариен гис* из гребенщиковых циновок, обмазанное глиной. Как пережиток последнего можно отметить указанную выше своеобразную манеру белуджей включать в перекрытие крыши циновки из гребенщика чаппар. Также и шатер гедан уже не встречается в качестве основного жилища семьи, а лишь в редких случаях — как летнее жилище стариков, которое зимой используют для хозяйственных целей (чаще всего в качестве складского помещения) или вовсе убирают. Жилище бедняков каппа сохранилось лишь в качестве одной из форм хозяйственных построек (кладовых).

Типы домов, строительные материалы, способы постройки новых домов в значительной мере заимствованы у окружающего туркменского и отчасти русского населения, но белуджи вносят во многое свои специфические черты, главным образом во внутреннее убранство жилья, где при заметном туркменском и русском влиянии сохраняется яркий национальный белуджский колорит. В форме жилищ можно указать на легкое сужение стен жилища в направлении снизу вверх, характерное вообще для глинобитных жилищ, но в домах белуджей приобретающее особую строгость и стройность. Даже в так называемый типовой дом белуджи внесли свои поправки. Они часто делают стены этого дома из глины, а не из кирпича, что на данном этапе быть может и весьма рационально, так как ускоряет постройку и снижает стоимость дома, делая его более доступным для широких масс колхозников.

Эволюция жилища белуджей Туркмении является примером исключительно быстрого (менее чем за 30 лет) перехода от шатра кочевника, где в одном помещении спали, готовили пищу, работали, ели, хранили имущество, принимали гостей, а в плохую погоду даже содержали скот, к оседлому благоустроенному дому. Все эти функции в современном более совершенном жилище, т. е. в типовом или трехкамерном доме, дифференцированы в отдельных помещениях. Спят в жилой комнате, гостей принимают в особой комнате, нередко, когда гостей нет, в последней спит хозяин. Пищу готовят во дворе или в летней кухне, иногда на веранде (на керосинке или на железной печке), лишь зимой переносят приготовле-

ние пищи в жилую комнату; запасы провизии и хозяйственные предметы хранят в сенях и в специальных кладовых; для скота строят хлева и специальные навесы, которые служат также и для хранения запасов сена.

Быстрая эволюция наблюдается и во внутреннем убранстве жилья. В шатре, служившем в течение столетий и летним, и зимним жилищем, существовал веками выработавшийся порядок размещения всех предметов, необходимых для жизни кочевников, сочетавшийся с определенным этническим декорумом, обязательным с точки зрения белуджей для хорошего, благоустроенного жилья.

В настоящее время внутреннее убранство получило в современных домах также более или менее определившийся новый порядок. Но это было достигнуто не сразу. Как нам приходилось видеть в 1929 г., в тех зимних глинобитных домах, которые строились для белуджей на государственные средства в первое время после их переселения, никакого порядка в доме не наблюдалось: вещи были разбросаны в разных местах, во всем чувствовалась неустойчивость, временность, неуверенность кочевников в долгом пребывании на данном месте. Совершенно иную картину наблюдаем мы теперь. В современном богатом интерьере белуджского жилища интересно отметить принесенные из шатра старые традиции: ковровые предметы в джуль, старинный палас или живописная полоса, украшающие деревянный настил под ним, ковровые или шерстяные сумки для мелочей с длинными шерстяными кистями, висящие на стенах (иногда лишь лицевая часть такой сумки с кистями, сохраняющаяся с чисто декоративной целью), еще встречающийся, хотя и редко, палас на полу. Наряду со старыми, принесенными из шатра, мы можем указать и на большое количество уже вполне утвердившихся новых традиций в убранстве домов. Уже стало правилом ставить с одного конца джуль, обычно с левого, обитый жестью сундук и на него два чемодана, а между ними и джуль — швейную машину. Обязательными стали занавеси на окнах и портьеры на дверях, фотографии и зеркало на стене, вешалки для одежды, посудные шкафчики или полки, в комнате для гостей — радиоприемник; в ней же часто встречаются стол, стулья, кровать, которые можно видеть также и в жилой комнате. Мы можем даже говорить о новом образце интерьера, к которому стремится наиболее передовая часть белуджской колхозной интеллигенции. В него наряду с сохраняющимися небольшим джуль и некоторым количеством хороших ковров входят зеркальный шкаф, кровати с постельным бельем и пикейными покрывалами, стол, стулья, радиоприемник и другие предметы, характерные для внутреннего убранства городского дома.

Невозможно перечислить здесь все новые черты, связанные с появлением у белуджей постоянных домов, ставших уже в 40-х годах массовым явлением. Огромным психологическим сдвигом следует считать новое отношение к жилищу вообще. Ни одной вновь образовавшейся супружеской паре и в голову не придет теперь построить себе новый шатер. Даже одно- и двухкамерный глинобитный или кирпичный дом уже не удовлетворяет молодое и среднее поколение. Когда описываешь или фотографируешь такие дома, всегда встречаешь протест со стороны их хозяев, уверяющих, что на будущий год они обязательно построят себе трех- или четырехкамерный дом.

Общим в эволюции современных белуджских жилищ является быстрый прогресс, повсеместное стремление перейти к более совершенным их формам, к более богатому и комфортабельному современному внутреннему убранству жилья, к приобретению современной городской мебели. Возможности для удовлетворения этих стремлений основаны на все большем росте материального благосостояния белуджей Туркмении.

ОДЕЖДА [16]

При описании современной одежды белуджей следует прежде всего сказать, что подавляющее число мужчин носит в настоящее время городскую одежду (рис. 1 и 30). Традиционная одежда сохраняется лишь у стариков и служителей культа. Одежда пожилых мужчин, как и одежда женщин, представляет собою сочетание городской и традиционной одежды, причем у первых преобладают черты городской, у вторых — традиционной одежды.

Мужская одежда. Как указывалось, полный комплекс белуджской традиционной мужской одежды можно увидеть лишь на глубоких стариках и служителях культа (рис. 27). Она состоит из белых хлопчатобумажных рубахи и штанов (штаны часто черные), надеваемых прямо на тело, и безрукавки из какого-либо черного материала, обычно из черного сатина. Однако даже и безрукавка встречается в наше время все реже. Еще в 40—50-х годах не только на более молодых мужчинах, но и на пожилых, и в одежде служителей культа, и даже в ритуальной одежде (одежда жениха) ее заменил городской пиджак синего или черного, иногда серого цвета. Последний при ношении традиционной одежды стал настолько обычным на мужчинах всех возрастов, что как бы вписался в мужской национальный костюм, став его неотъемлемой частью.

Мужская рубаха *джамаг* широкого, свободного покроя, имеет туникообразный фасон, т. е. перед и спинка ее состоят из одного прямого полотнища ткани *тачкин*, сложенного пополам на плечах. К этому стану пришивают рукава и боковые клинья. Нижний край рубахи покрывает колени. При раскрое материал в основном отмеряют, прикладывая к фигуре заказчика, и тут же надкусывают и отрывают куски ткани нужной длины. Такая рубаха зарисована и описана нами в 1958 г.

На сгибе материи (на плечах) она имеет круглый по шее вырез и небольшие разрезы в стороны от него вдоль плеч. По сторонам ворота *зенчик* к передку пришиты две белые пуговицы *кочк*. Под ворот и спинку подшита подоплека *пуштук* из белой же ткани, спускающаяся на спину и вперед. По вороту и разрезам на плечах края подоплеки и верха загнуты по направлению друг к другу и прошиты для красоты на машине два раза. Кроме того, ворот и разрезы на плечах обшиты искусно свитым тоненьким шнурком *калаин дасаг* из черных и белых катушечных ниток, образующим на плечах против пуговиц две петли *тюп*.

Вся рубашка сшита на машине (швейные машины в 1958 г. уже широко вошли в быт белуджей). Каждый бок состоит из восьми срезанных вверху клиньев *тыргич* — четырех спереди и четырех сзади. Кое-где пара клиньев сделана из одного куска материи, эти клинья отделены друг от друга фальшивым швом (просто зажимом).

Рукава *астунг* прямые, суживающиеся книзу, выкроены поперек материала и пришиты таким образом, что прямой сгиб рукава образует с плечевым сгибом стана одну прямую линию. Ширина рукава в пройме (у стана) 34 см, низ рукава охватывает запястье. Между рукавом и бочком вшито по треугольной ластовице *балагук*. Под нижнюю часть рукава подложена подкладка. Края подкладки и самого рукава загнуты внутрь, край прошит на машине два раза. Другой край подкладки подогнут и пришит на машине. Подол рубахи *дамун* подшит обыкновенным рубцом, ширина подола 136 см.

---

[16] Ввиду ограниченности размеров настоящей работы раздел «Одежда» печатается здесь лишь в виде краткого очерка и как имеющий самостоятельный научный интерес публикуется полностью в сборнике МАЭ, № 26.

Подоплека, подшитая под верх рубахи, несколько шире среднего полотнища (ширина ее 49 см). Края ее подшиты с левой стороны на руках через край. Благодаря этому шву создается впечатление кокетки.

Оба рукава имеют в ширину небольшую треугольную надставку возле ластовицы длиной 29, шириной 10 см. На левом рукаве эта надставка сделана спереди, а на правом сзади. Рубаха совершенно одинакова спереди и сзади и носится то одной, то другой стороной вперед, в зависимости от большей или меньшей чистоты той или другой стороны.

Рис. 27. Пожилой белудж в традиционной одежде.

В период переселения в Туркмению среди белуджей был распространен еще один фасон рубахи, более нарядный, отличающийся от описанного наличием пришивного стоячего вышитого ворота и приполка и пришивных вышитых же манжет, широкими пышными рукавами с плиссировкой у плеча и у запястья и большим количеством клиньев (описание такой рубахи опубликовано нами в 1960 г.[17]). Рубаху этого фасона носили наиболее щеголеватые молодые парни и молодые мужчины. Поскольку мужчины этой возрастной группы носят теперь городскую одежду, подобная рубаха исчезла из быта белуджей. В 1958—1959 гг. она еще встречалась на мальчиках 14—15 лет, не учившихся в школах. Сейчас мальчики также стремятся носить лишь городскую одежду, и рубаха этого фасона вышла из употребления.

Рубаху носят навыпуск и ничем не подпоясывают. Пояс-платок *сренбанд, сримбанд* обязателен лишь для ритуальной одежды жениха.[18]

Переходя к описанию мужских штанов, нам хотелось бы особо отметить, что в прежние, видимо, очень далекие времена, ношение штанов было связано с достижением юношами зрелости, т. е. было присуще лишь определенным возрастным группам. Мальчики до 11—12 лет ходили в длинной рубахе и штанов не надевали.[19] В настоящее время этот обычай утрачен и мальчики носят штаны с двух—трех лет.

---

[17] Э. Г. Гафферберг. Поездка к белуджам Туркменской ССР в 1958 СЭ, 1960, № 1, стр. 118—119.

[18] У белуджей Туркменской ССР в качестве ритуальной одежды жениха сохраняется еще третий тип рубахи — *джамаг чильтринза*. Описание и рисунок этой рубахи даны в статье: Э. Г. Гафферберг. Поездка к белуджам..., стр. 118, 122, фотография ее — в главе «Белуджи» (Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, серия «Народы мира», М., 1963, стр. 642).

[19] Л. Деймс. Афганистан и Белуджистан. В сб.: Народы мира в нравах и обычаях, вып. 12, Пгр., 1917, стр. 462.

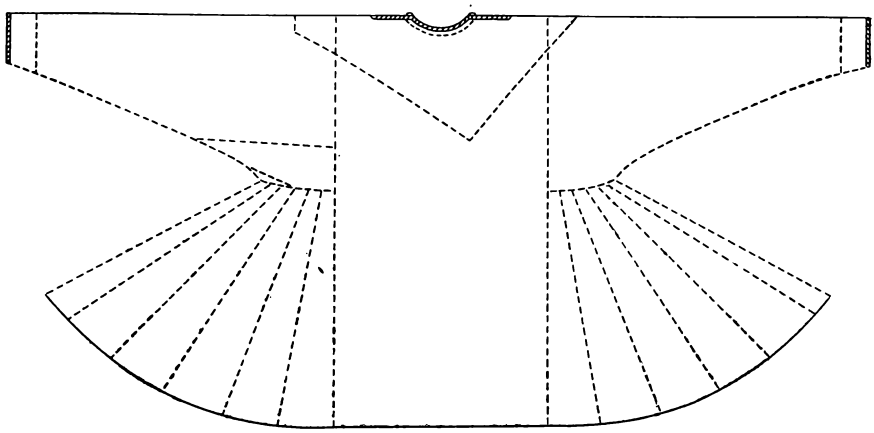


Рис. 28. Покрой традиционной мужской рубахи.
Рис. худ. К. Серебровской.

Белуджские мужские штаны *шальвар*, или *зирджамаг* (*зир* — «под», джамаг — «рубаха»), являются одной из оригинальных частей их одежды, весьма интересной по покрою. Узкие у щиколоток (16—17 см), они чрезвычайно широки в поясе (от 2—3 до 5—6 м), причем с боков линия покроя вертикальная, внутренние же швы штанин образуют широкий и очень отлогий тупой угол. При надевании штаны собираются на вздержку, отчего благодаря колоссальной ширине получается обилие сборок и складок, создающее ту особую пышность и нарядность, которая и отличает этот покрой штанов. Вздержка держится на бедрах. Ширина штанов в шагу удобна для сидения на полу, а также на лошади и на верблюде.

На обычные штаны, которые прежде носили повседневно, идет 8—10 м материи, на очень нарядные и богатые — до 15 м.

В настоящее время даже служители культа, сохраняющие традиционную одежду, носят штаны не столь широкие и пышные. На стариках часто можно видеть черные штаны. Многие пожилые и средних лет мужчины, еще сохраняющие некоторые элементы национальной одежды, носят штаны туркменского фасона, на которые идет всего 4 м материала. Широкие свадебные штаны и упомянутая праздничная рубаха еще сохраняются в быту белуджей Туркмении в качестве ритуальной одежды для жениха.

Свадебные штаны, зарисованные нами в 1958 г., т. е. спустя 30 лет после переселения белуджей, полностью сохраняют покрой старинных штанов, имеющихся в коллекции МАЭ 1929 г. (колл. № 3993-2), хотя они значительно шире (ширина их в поясе около 4 м) и сшиты из 10 полотнищ ткани шириной в 80 см (ткань покупная, род мадеполама). Два полотнища разрезаны вдоль, две половинки вставлены спереди и две — сзади, по одной с каждой стороны среднего вертикального шва, причем так же, как и у штанов коллекции 1929 г., спереди средний вертикальный шов соединяет два полных полотнища, а дальше пришиты две половинки, так что швы расположены на 80 и на 40 см от среднего шва; сзади средний шов соединяет две половинки, а дальше уже пришиты два полных полотнища. Эта традиция выдерживается независимо от количества материала. Штаны эти, сшитые к свадьбе в 1957 г., имеют еще одну весьма характерную для белуджских штанов особенность: косая линия отреза, идущая от нижней точки среднего вертикального шва до низа штанины, имеет слегка округлую форму, что придает штанам более плавные очертания и еще большую пышность.

Описанный покрой штанов почти совершенно исчез из обихода белуджей Туркмении. Даже ритуальная одежда жениха все чаще заменяется городским костюмом.

Безрукавку васкат (от англ. waistcoat — «жилет») надевают поверх рубахи, она обычно немного ниже талии. Прежде безрукавки шили чаще из шерстяной коричневой ткани *барак* домашнего производства, носили и черные безрукавки из ткани фабричного изготовления. В настоящее время белуджские женщины уже не ткут шерстяной ткани для одежды; встречаются лишь черные безрукавки из фабричной ткани, однобортные, на бумажной подкладке, они имеют отложной воротник с треугольными лацканами и четыре прорезных кармана на груди — на каждой поле по два, расположенных один над другим. Воротник, лацканы, борта, подол, проймы и клапаны карманов обшиты черной же шерстяной или шелковой тесьмой фабричного производства. Тесьму пришивают кромкой к самому краю правой стороны и выворачивают на левую сторону, так что на правой стороне получается только кантик. Застегивается безрукавка левой полой на правую на две или три пуговицы.

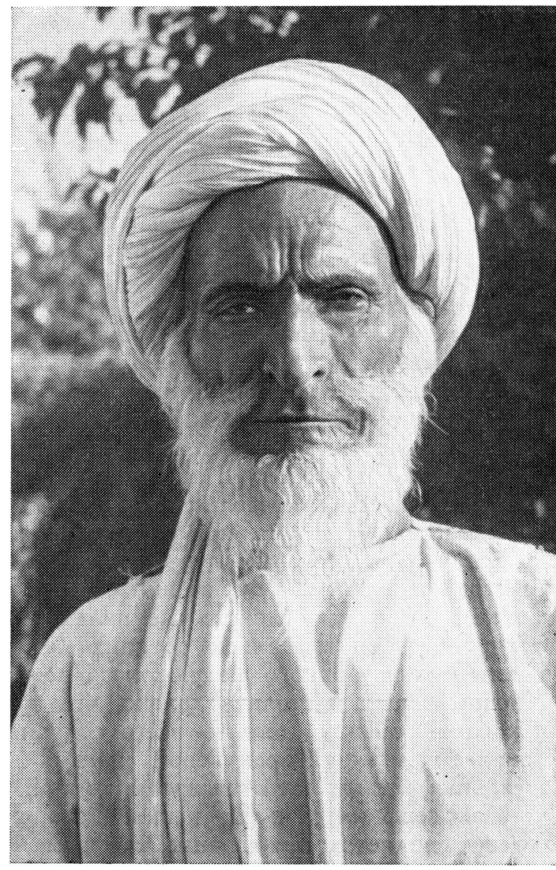


Рис. 29. Белудж в чалме; характерна форма усов и бороды с выщипыванием волос вокруг рта.

В качестве верхней одежды в прошлом мужчины носили халаты из упоминавшейся выше грубой шерстяной ткани, а также войлочные халаты *ʧапур*. Те и другие уже в первые годы после переселения вытеснялись более удобными и недорогими хивинскими бумажными халатами, солдатскими шинелями и европейского покроя пальто.

В настоящее время мужской верхней одеждой даже и при ношении традиционного костюма являются обычные демисезонные пальто, приобретаемые в магазинах в городах.

Халат *ʧапур* из тонкого войлока довольно грубого качества еще можно встретить в редких случаях у пастухов, главным образом у пастухов личных стад. Войлок для него изготовляют белуджские женщины, причем в отличие от тюркских народов они катают его не в камышовых циновках *чий*, а в паласной ткани. Прежде брали для этого одно из полотнищ шатра. В настоящее время пастухи чаще носят туркменскую войлочную бурку *ойлик*.

Традиционный головной убор, состоящий из тюбетейки и чалмы, сохраняют в настоящее время лишь пожилые мужчины, старики и служители культа. Тюбетейки, предпочтительно остроконечной формы, приобре-

тают на базарах. Белуджская чалма *лингуға* представляет собою в развернутом виде отрез белой ткани (кисеи или бязи) длиною около 8 м, ширина ее обычно от 65 до 80 см в зависимости от ширины материала. Чалму наматывают на голову вокруг тюбетейки таким образом, чтобы верхушка последней оставалась непокрытой. Для того чтобы чалма была пышнее и красивее ложилась, ткань мнут, пропуская ее в виде жгута через сжатую ладонь. Начиная от затылка, где оставляют висеть конец ткани длиною около 1 м, чалму наматывают движением правой руки справа налево. Противоположный конец чалмы затыкают в чалму или наглухо, или же таким образом, чтобы он торчал вверх с левой стороны головы в виде небольшого веера.

В прежние времена чалма была столь неотъемлемой и важной частью одежды мужчин, что не только входила обязательно в число предметов, приготовляемых невестой жениху, но во время праздника *санг*, на который родня жениха привозит невесте всю одежду к свадьбе и подарки всей ее родне, всем мужчинам — близким родственникам невесты полагалось дарить по чалме (т. е. по 10 м материала на чалму). Богатство и пышность чалмы свидетельствовали об обеспеченности ее владельца.

В настоящее время подавляющее число мужчин носит каракулевые, несколько расширяющиеся кверху шапки-ушанки, имеющие широкое распространение по всей Туркмении (рис. 1 и 56, *а*). Их либо покупают в магазинах, либо заказывают специальным мастерам. Не только на молодежи, но и на мужчинах средних лет чалма — большая редкость. Эта замена традиционного белуджского головного убора современным туркменским зашла настолько далеко, что и в ритуальной свадебной одежде, в которой обычно дольше всего сохраняются старинные формы, чалма жениха заменена каракулевой шапкой даже в том случае, когда вся остальная одежда остается традиционной.

Молодежь часто носит кепки. Совершенно новым, особенно среди молодежи, является пребывание как дома, так иногда и в компании товарищей без головного убора. Нередко можно видеть не только молодых, но и средних лет мужчин у себя дома с непокрытой головой.

Таким образом, рассматривая каждый предмет мужской одежды в отдельности, мы видим, что традиционная одежда мужчин быстро заменяется городской.

Наиболее распространенной обувью среди мужчин являются в настоящее время городские ботинки и полуботинки, реже высокие русские сапоги. Носят также мягкие кожаные туфли, заказываемые мастерам в Иолотани и Мары.

Дольше всего у мужчин средних лет сохраняются в обиходе широкие штаны традиционного покроя, так как в широких штанах удобно сидеть на полу. По этой причине иногда местный покрой штанов, белуджский или туркменский, сохраняется даже в том случае, когда вся остальная одежда городская.

В большой моде у белуджей, как и у туркмен, полосатые шелковые и штапельные пижамы, которые употребляются, однако, не по назначению, а большей частью для приема гостей в домашней обстановке. Пижамные штаны часто надевают под брюки, в гостях у близких людей мужчины снимают брюки и сидят в пижамных штанах, так как на ковре сидеть в них удобнее, чем в брюках. Здесь мы имеем своеобразное приспособление европейской одежды к местным особенностям быта. Очень распространен среди интеллигенции белый китель из хлопчатобумажной или шелковой материи. Новым является также ношение покупных городских носков (раньше белуджи носили обувь «на босу ногу»), кашне, перчаток.

Женская одежда. Белуджские женщины, в противоположность мужчинам, и в наше время сохраняют традиционную одежду. Одежда жен-

Рис. 30. Современная одежда молодого мужчины и молодой женщины.

щины менее сложна, чем одежда мужчины, и состоит из рубахи и штанов, надеваемых, как и мужские рубахи и штаны, прямо на тело. Верхней одежды у женщин прежде вообще не было, если не считать спускающегося с головы длинного ситцевого покрывала, в которое женщины закутывались в холодное время года с головы до ног, но которое отнюдь не могло защитить их от зимнего холода. Этим объясняется большое распространение в прошлом туберкулеза среди женщин и девушек.

В настоящее время у белуджей Туркмении имеются два основных покроя женской рубахи. Наибольшее распространение имеет рубаха нового нарядного фасона с богато вышитой грудкой и отрезной нижней частью передка (рис. 30), что отличает ее от рубахи более старинного типа — туникообразного покроя. Такую рубаху носят молодые женщины и девушки. Стан ее, также согнутый на плечах, как и у рубахи обычного туникообразного покроя, составляет спинку *пушт*, а спереди лишь грудку рубахи *зенчик*, доходящую до нижней части груди (длина ее от плеча одна пядь — *гитисм* или несколько больше, в зависимости от роста женщины). Грудка вышита шелковыми нитками или мулине или украшена вертикальными бейками *ди*.[20] К ней пришивают вышитые же ворот *гäрдени*, приполок *пешакки* и прямые, выкроенные по поперечной нитке, суживающиеся книзу рукава. Внизу рукавов нашит ряд горизонтальных узеньких беек ди (12—13 полосок), составляющих вместе как бы пестрый полосатый обшлаг (рис. 31).

Нижнюю часть передка составляют два вертикальных сшитых между собою полотнища, собранные вверху в мелкую сборку *кренч* и пришитые к вышитой грудке. Сборка несколько раз прошита цветными нитками в горизонтальном направлении в виде своеобразного узора, образующего под грудкой продолговатый четырехугольник.

[20] Бейка — прямая узкая полоска материи, применяемая для покрытия швов, а также и как самостоятельное украшение.

Благодаря широкому, пышному передку клинья, составляющие бочок рубахи, делаются у́же, чем у рубах старого покроя.

Шьют рубахи из сатина, штапеля, из искусственного или натурального шелка, для домашней носки — иногда из ситца. Излюбленным цветом рубахи девушек и молодых женщин был и остается красный. В последнее десятилетие, под влиянием современных туркменских мод, вошел в обиход также и зеленый, и светло-зеленый цвет, обычно с рисунком; носят также белые рубахи с красным рисунком. Новые моды проникают в белуджскую среду как через колхозную интеллигенцию, так и вообще через население поселков, расположенных ближе к городу, быстро распространяются в более отдаленные поселки благодаря широкому общению на свадьбах и на других праздниках, привлекающих большое количество гостей. Обновки также шьются главным образом к свадьбам. Как уже упоминалось, всю одежду шьют теперь на машине.

Рубахи описанного покроя не зафиксированы экспедицией 1929 г. Белуджские женщины отрицают наличие такого покроя рубахи также и в Афганистане, по их словам, такие рубахи стали носить лет 20 тому назад. Последнее обстоятельство подтверждается материалами Я. Р. Винникова, зафиксировавшего этот покрой рубахи в конце 40-х годов.[21] Женщины затрудняются сказать, откуда взялся этот фасон, лишь одна пожилая женщина сказала, что его переняли у персиянок. Однако на фотографии, опубликованной в статье, посвященной описанию свадьбы у белуджей племени бугти в восточной части Пакистанского Белуджистана, женщина занята вышиванием грудки, видимо, к женской рубахе; на ней самой надета белая рубаха с такой же богато вышитой грудкой.[22] На другой фотографии грудь рубахи невесты также вышита.[23] Таким образом, мы можем предполагать, что описанный покрой является национальным белуджским, но у переселившихся к нам белуджей, в силу их крайней бедности в то время, не имел распространения как требующий больше материала, больше времени, а для вышивания — еще и ниток.

Женщины среднего и пожилого возраста (примерно после 40 лет) носят рубахи туникообразного, более старинного покроя. Стан такой рубахи, согнутый пополам на плечах, составляет и спинку, и перед рубахи. На плечевом сгибе вырезан ворот по шее, спереди от него идет книзу разрез. Прежде ворот и разрез украшали нашитой вдоль них тесьмой и весьма скромной вышивкой. В настоящее время эти рубахи делают пышнее и богаче вышивают. Широкая вышивка *доч* шириной 5—8 см, многие мотивы которой заимствованы из туркменских вышивок, идет вокруг ворота, спускается по обе стороны разреза спереди и, соединяясь, идет дальше вниз, от ворота на 35—50 см, причем нижний конец ее закруглен. Иногда нижний конец вышивки бывает заострен (рис. 31).

Подоплека пуштук, которая всегда бывает подложена под спинку и грудь рубахи, спускается спереди на длину или почти на длину вышивки. Простой шов через край, которым она пришита, виден на правой стороне и иногда также украшается по правой стороне вышивкой машинным швом. У ворота пришивают большую серебряную пуговицу, вокруг нее обматывается идущий от противоположного угла ворота тонкий шнурок, конец которого заканчивается кисточкой или большой бусиной. Часто ворот застегивается туркменской брошью. Под вышивкой в среднее полотнище

---

[21] Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР, стр. 98.

[22] S. Matheson. Bugti wedding. Geographical Magazine, XXXV, № 5, 1962, p. 286.

[23] Там же, стр. 281. На фотографиях, опубликованных в недавно вышедшей книге того же автора (S. Matheson. The Tigers of Baluchistan. London, 1967), на женах одного из вождей племени бугти надеты рубахи с такими же вышитыми грудками (фотографии между стр. 22 и 23 и стр. 54 и 55).

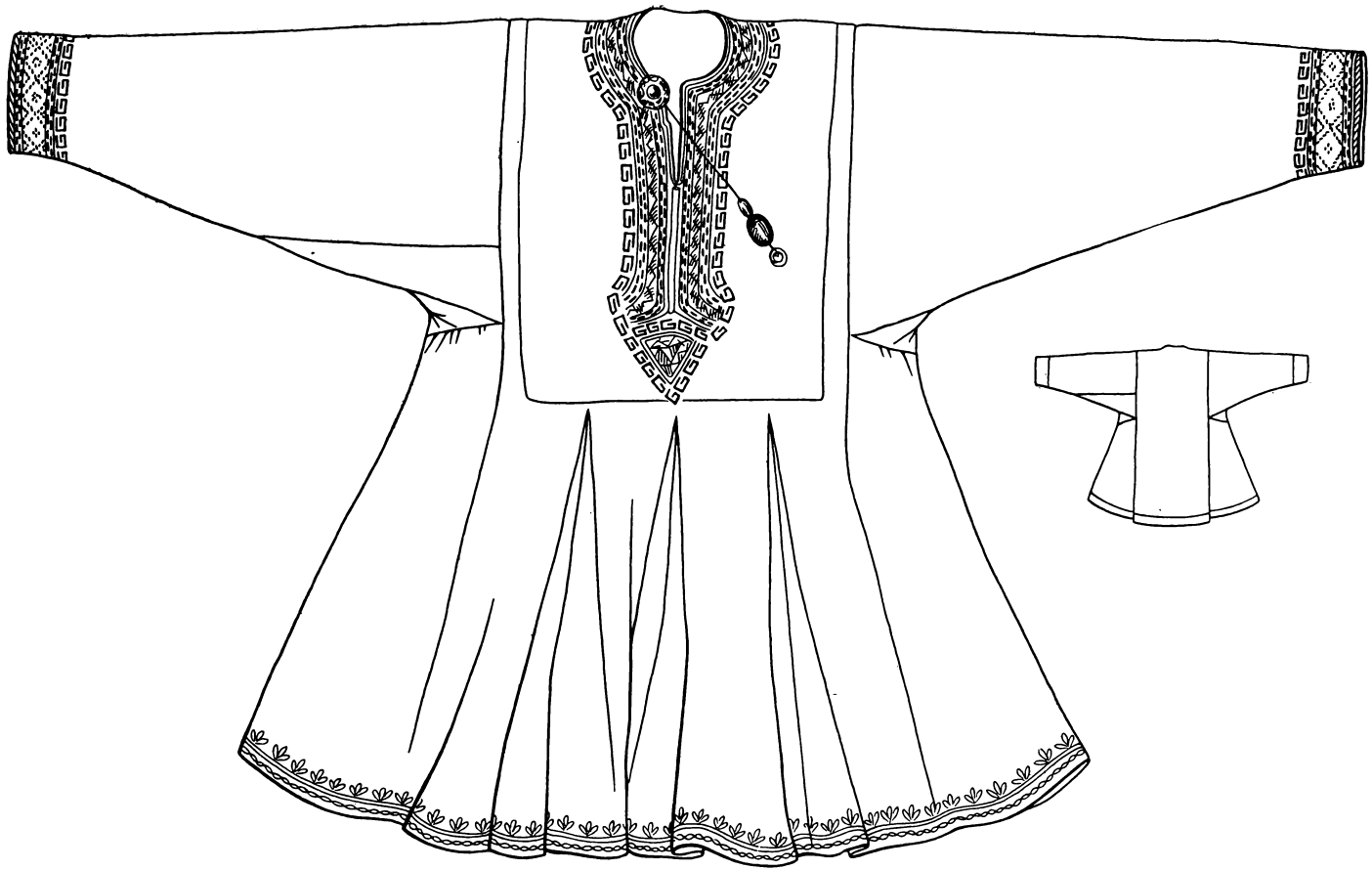


Рис. 31. Рубаха пожилой женщины. Рис. художника С. Цорн.

рубахи вставляют три клина *тыргич*. Иногда они отсутствуют, в этом случае бока состоят каждый из шести клиньев — трех спереди и трех сзади.

Подол *дамун* и низ рукавов *сарастунг* у рубах этого покроя также украшен вышивкой, что не встречалось на рубахах пожилых женщин в старину.

Рубахи описанного покроя шьют из черной или из зеленой материи, — зеленый цвет рубахи весьма принят для пожилых женщин, уже не позволяющих себе носить красные рубахи.

Штаны белуджские женщины носят в настоящее время также двух покроев. Наибольшее распространение имеют штаны нового покроя, почти идентичного с мужскими штанами, реже носят штаны старого покроя.

Штаны нового покроя — *танкей шалвар* (рис. 37, *б*, 50) шьют чаще всего из гладкой ткани, главным образом из сатина, красного или цвета бордо, иногда имеющего рисунок (желательно с широкими, продольными полосами, которые на штанах ложатся вертикально). Хотя их шьют почти так же, как и мужские, в них отсутствует манера разрезания полотнища на две половинки и пришивания этих половинок по сторонам среднего шва, так как они вообще несколько у́же мужских штанов; на боку, как и у мужских штанов, всегда проходит сгиб, а не шов. Ширина одной штанины вверху около 175 см, внизу — около 16 см. Внутренние швы идут не по прямой, а имеют, как и у мужских штанов, несколько закругленную форму, что придает штанам более плавные очертания и большую пышность, когда их собирают на вздержку. Для продевания пояска по верху штанов идет широкий рубец. Штаны держатся на бедрах. Под низ штанин подшивают цветную подкладку, выпуская край ее в виде узенького кантика. Чуть повыше последнего делают вышивку цветными нитками машинным швом.

Старинные штаны *праин шальва́р* чрезвычайно широки в поясе и, собранные на вздержку, имеют вид широкой юбки. Они прямые, не собраны на щиколотке, поэтому каждая штанина в отдельности представляет собою как бы прямую широкую юбку, сшитую из нескольких вертикальных полотнищ ткани. Внизу среднего шва вставляют для свободы шага четырехугольник из той же материи *хештык*. По верху штанов идет широкий, около 3 см, рубец, загнутый кнаружи; в него продергивается специальный поясок для вздержки *аинджаг* или шерстяной шнурок.

По низу штанин проходит отделка в виде ряда цветных беек *тои*. По самому краю пришивают для прочности узенький витой шнурок из козьей шерсти — весьма интересная и рациональная особенность, сохранившаяся от прежнего скотоводческого быта.

Старинные штаны праин шальвар носят сейчас только пожилые женщины. Молодые надевают их как праздничные на свадьбу обычно лишь в более патриархальных семьях, где придерживаются старых обычаев. Шьют их гораздо более пышными и богатыми, чем прежде, на них идет от 10 до 15 м ткани.

Штаны нового покроя стали носить более 20 лет тому назад, но уже в 1950 г. они были более распространены, чем старинные штаны.[24] Сейчас их носит подавляющее большинство женщин. Даже на свадьбы предпочитают надевать штаны нового фасона. Объясняют это и модой, и тем обстоятельством, что на свадьбы в другие колхозы и даже в другие бригады ездят теперь на грузовых машинах и, когда женщина влезает на грузовую машину в старинного типа штанах, снизу открытых, легко может обнажиться нога, что не допускается приличиями и чего не может случиться,

---

[24] Я. Р. Винников. Белуджи Туркменской ССР, стр. 98.

если надеты штаны нового покроя, плотно охватывающие ногу у щиколотки.

Верхней одеждой в настоящее время служат бархатные и плюшевые цветные безрукавки, заимствованные у туркменок (и такие же куртки), и городские трикотажные жакеты, шерстяные и бумажные.

Современный женский головной убор состоит из трех частей: двух платков, *чаргат* и *паҷи*, и легкого покрывала *чадыр*, спускающегося почти до земли (рис. 30, 34, 35).

Чаргат представляет собою довольно большой квадратный платок из 4 м ткани предпочтительно красного или белого цвета, сложенный по диагонали. В настоящее время он часто заменяется покупным шелковым платком с бахромой (зеленого, красного или оранжевого цвета), его набрасывают на голову, как и обычный чаргат, но лишь подогнув один угол, так как этот платок меньше по размеру. Сгиб приходится над лбом, а концы спускаются на плечи и на спину. Лишь пожилые женщины повязывают чаргат (обычно белый) старинным способом, заводя концы его на верх головы. Поверх этого платка повязывают черный шелковый платок *паҷи*, также квадратный, примерно 80×80 или 90×90 см. Такие платочки с бахромой покупали на базарах Афганистана и Ирана, теперь делают их сами, бахрома на них тоже самодельная. Два противоположных угла паҷи загибают по направлению друг к другу, затем складывают его еще раз по диагонали, растягивают за незагнутые углы и кладут вдоль лба, поверх чаргат (закрывая нижний его край), так, что середина его приходится над переносицей, а концы, перекрещиваясь на затылке, возвращаются на лоб и, зацепив один другой как бы петлей над серединой лба, подсовываются правый справа, левый слева под те же концы, от которых они идут.

Поверх чаргат и *паҷи* накидывают покрывало, имеющее форму полукруга; средний радиус его несколько длиннее, чем боковые, так как при раскрое учитывают ту часть его, которая ложится на голову. Наибольшее распространение имеют белые покрывала из марли и красные из набивного платочного материала (платки не отрезаны друг от друга) типа ситца с белыми стилизованными контурами цветов по красному фону. Почти все женские покрывала сшиты из этих двух видов материи. Лишь старые женщины носят предпочтительно черные покрывала. При надевании на голову середина прямой стороны покрывала приходится над серединой лба, а полукруг спускается на плечи и спину женщины, окутывая всю ее фигуру.

Покрывало является обязательной частью как женского головного убора, так и головного убора девочки, расстаются с ним только на ночь.

Существует также специальный способ повязывания покрывала при полевой работе в колхозных бригадах: прикрывая голову, оно спускается на спину, затем края его проходят вперед под мышками, оставляя свободными руки, а концы перекидываются спереди на талии один за другой, уходят назад, правый — с правого и левый — с левого бока, и завязываются сзади на талии.

Традиционной женской обуви у белуджей нет. У себя на родине женщины ходили в основном босиком. Лишь в тех семьях, где позволяли средства, женщинам покупали обувь в городах. После переселения в Туркмению женщины также ходили босиком. В настоящее время они носят покупную городскую обувь. Дома ходят в мягких кожаных туфлях *каущ*, которые покупают в магазинах или заказывают мастерам в городе. В качестве выходной обуви служат городские полуботинки и лодочки: современный фасон дамской обуви с заостренным носком и на небольшом каблуке соответствует вкусам белуджских женщин.

Детская одежда в общих чертах аналогична одежде взрослых (рис. 32) с той лишь разницей, что традиционная одежда еще встречается на маленьких мальчиках чаще, чем на взрослых мужчинах, Основное, что бросается в глаза в отношении одежды детей,— это те изменения, которые произошли в ней со времени переселения белуджей в Туркмению. Мальчики в те времена ходили в грязных, длинных, сильно поношенных рубашках. Девочки также были одеты бедно и не очень опрятно. Сейчас детей одевают чище, опрятнее и богаче, матери стремятся украсить их одежду вышивкой. На мальчиках нередко можно видеть нарядные традиционные рубашки и безрукавки, однако вышивка на них несколько иная, чем на традиционной одежде взрослых: преобладает изображение дерева *драч*, имеющее охранное значение.[25] Мальчики школьного возраста носят городскую одежду.

Девочкам с момента рождения шьют такую же рубаху с вышитой грудкой, какую носят взрослые девушки, но подол не подрубают, якобы для того, чтобы «не препятствовать росту» (последнее относится и к рубашкам новорожденных мальчиков).

С двух-трех лет одежда и головной убор девочек такие же, как и взрослых девушек, лишь рубахи вышивают маленьким девочкам несколько проще, иногда украшая грудку лишь вертикальными бейками.

Еще до недавнего времени белуджские женщины, весьма пристрастные к различного вида украшениям, носили украшения из низкопробного серебра, изготовлявшиеся мастерами из племени лури: массивные серьги *дурр*, парные браслеты *сангоу*, кольца *чала*, *чаллоу*, носовое украшение *пуллук*, представлявшее собою розетку, имеющую 1—2 см в диаметре, со вставленным в центре цветным стеклом, которая прикреплялась при помощи небольшого крючка на тыльной стороне к правому крылу носа.

Шейными и нагрудными украшениями являлись ожерелья *мурег* из бус, иногда с серебряными монетами, из бисера и из плодов гвоздики. Девочки и молодые женщины носили также серьги из снизок мелких бус *карри*.

Весьма оригинальным являлось украшение *амоэль* (рис. 34), представлявшее собою шерстяную тесьму шириной около 3 см с пришитыми к ней серебряными афганскими и персидскими монетами, к которым припаяны для этой цели специальные металлические ушки. Амоэль надевается на левое плечо и идет наискосок от левого плеча к правому боку, где концы его соединяются несколько ниже талии. Прежде надевали иногда два амоэль, перекрещивавшихся на груди и на спине.

Все эти украшения носят и сейчас, но имеется налицо весьма заметная тенденция к замене их как туркменскими, так и городскими украшениями, но не любыми, а соответствующими белуджским вкусам: например, белуджские широкие парные ажурные браслеты охотно заменяются туркменскими, также широкими парными, но более массивными; кольца носят как белуджские, так и городские золотые или позолоченные с цветными камнями. Серьги охотно носят городские подвесные, но наиболее модными являются золотые полукруглые ажурные подвесные серьги, привозимые из Дагестана.

Бусы также носят охотно городские, причем большим успехом пользуются блестящие бусы чехословацкого производства, а также ожерелья из искусственного и натурального янтаря, так как желтый цвет (как и красный, и голубой) имеют, по представлениям белуджей, охранное значение.

Носовое украшение пуллук давно уже перестали носить, и оно исчезло из быта. Выходит из моды и старинное украшение амоэль.

---

[25] См. гл. III, стр. 103 этой книги.

Прическа. Мужчины-белуджи после переселения в Туркмению еще носили некоторое время традиционную прическу, т. е. подрезали волосы на уровне нижнего края уха и даже несколько ниже. В настоящее время мужчины носят обычную городскую прическу.

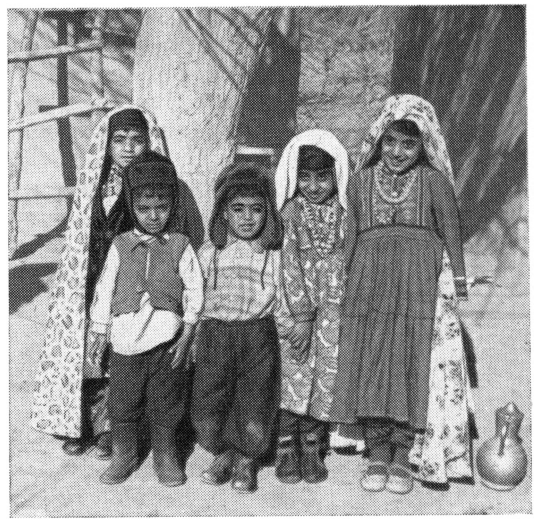


Рис. 32. Детская одежда.

Среди мужчин как пожилого, так и среднего возраста сохранилась оригинальная традиционная манера ношения усов: волосы над верхней губой тщательно выщипывают при помощи специальных щипчиков *мучин*, оставляя небольшие, коротко подрезанные усики. Бороду более молодые сбривают, пожилые — коротко стригут, причем выщипывают волосы под нижней губой примерно на 1 см. У некоторых стариков сохранилась, видимо, еще более старая манера выщипывать волосы над верхней губой до самого носа (рис. 29), так что оставляемые небольшие усы как будто растут лишь от крыльев носа. Пространство между небольшой, коротко подстриженной бородой и нижней губой (т. е. средняя часть подбородка) или выбрито начисто, или выщипано таким образом, что посредине подбородка борода оставлена в виде обращенного вверх мысика, доходящего до нижней губы.

Женщины расчесывают волосы на прямой пробор — *чарх*, или *сарай сим*, и заплетают назад две косы *гопук*, *гофук*. Концы кос соединяют тесемочками, к которым привязывают различные побрякушки, бусы, монеты и т. д. У хозяйки дома к завязке для кос привешены ключи от шкафчиков и сундуков. Это — явление сравнительно новое, ибо еще лет 30 назад белуджи не имели шкафов, да и сундучки встречались крайне редко.

Пряди волос по сторонам лица женщины подстригают и выпускают из-под платка в виде двух локонов перед ушами. Эти подрезанные пряди *чатр* смачивают водой, укладывают на щеке около уха в виде небольшого меандра и привязывают платком, пока они не высохнут. Таким образом они приобретают волнистую форму. Чатр являются признаком определенной возрастной группы — их подрезают в канун свадьбы; девушки, как и пожилые женщины, их не носят. Еще во времена переселения девушки и девочки заплетали боковые пряди волос в несколько тонких косичек, которые вплетали в идущие назад две косы. Теперь этих косичек не заплетают. Волосы девушки и девочки гладко расчесывают на прямой пробор и заплетают сзади в две косы, как и взрослые женщины. Молодую женщину можно отличить от девушки лишь по наличию чатр. В настоящее время под влиянием городских мод перестают носить и чатр, особенно в центральных поселках, и разница между прическами женщины и девушки постепенно стирается.

Белуджские женщины очень тщательно следят за своим внешним видом. Своеобразным косметическим средством для освежения лица является удаление с него волос при помощи нитки, сложенной в виде петли с перекрученными накрест концами (рис. 33). Нитка плотно накладывается на лицо скрещенной частью, движением пальцев она передвигается по коже, захватывая и вырывая волосы; при этом подравнивают и брови.

Эта операция — *деми* производится ежемесячно и действительно способствует свежести и гладкости кожи лица.

В заключение мы можем сказать, что одежда белуджей, прическа и украшения за годы их странствований и переселений претерпели множество изменений, хотя традиционная одежда у тех, кто ее сохраняет, и состоит из тех же частей. В Иране и Афганистане одежда подверглась персидскому и афганскому, а в Туркмении — еще и туркменскому, и русскому влияниям.

В настоящее время, как уже говорилось выше, у мужчин городская одежда быстро вытесняет традиционную, и исчезновение последней — вопрос ближайшего будущего.

Эволюция, которую мы наблюдаем в материальной культуре и в быту белуджей Туркмении, в том числе и в одежде, за период их пребывания в нашей стране, идет по двум линиям: с одной стороны, заметное сближение культуры белуджского народа и окружающей туркменской среды, с другой — быстрое восприятие обоими этими народами высокой советской городской культуры. При этом наблюдается следующая последовательность: в одежду, в частности, сначала проникают отдельные черты (цвет, покрой, украшения) и предметы одежды окружающей нации, а позднее вещи, воспринятые от туркмен, сменяются городскими (как и у самих туркмен). Проникновение предметов городского обихода, в частности городской одежды, шло вначале через прослойку интеллигенции. В настоящее время все колхозники-белуджи, даже с женами и детьми, бывают в городах — в магазинах и на базаре, и покупают нужные им вещи.

Туркменское влияние на мужскую одежду сказывалось в свое время в проникновении в среду белуджей каракулевой шапки, которую носят во всей республике туркмены,[26] туркменских халатов, штанов туркменского покроя, туркменской традиционной обуви. В настоящее время обычная верхняя одежда мужчин — городское демисезонное пальто, городская обувь, часто кепка. Штаны туркменского покроя в качестве повседневной одежды носят и сейчас, так как они более соответствуют образу жизни белуджей.

В женской одежде, остающейся и в наше время традиционной, влияние современной туркменской одежды выражается в предпочтительном отношении к зеленым тканям для женских рубах и в их вышивке. Иногда женские рубахи отдают вышивать туркменским мастерицам. В качестве верхней одежды женщины носят и бархатные безрукавки, стеганные на вате, заимствованные у туркмен (и такие же куртки), и городские трикотажные жакеты, как бумажные, так и шерстяные. Интересно отметить, что европейские дамские пальто, ни демисезонные, ни зимние, не получили распространения среди белуджских женщин, даже живущих в городах, как отяжеляющие фигуру и поэтому не соответствующие их вкусу. Обувь у женщин исключительно городская. Изменения в женской прическе, как указывалось выше, происходят на наших глазах. Туркменское влияние особенно заметно в широком проникновении в белуджскую среду туркменских женских украшений, но лишь определенной формы, соответствующей традиционным белуджским вкусам. Таким образом, при всем вышесказанном мы должны констатировать, что женская одежда белуджей Туркмении сохраняет свою традиционность и яркий национальный колорит.

Здесь следует еще подчеркнуть, что основные перемены в одежде белуджей Туркмении за годы, истекшие со времени их переселения в Советский Союз, заключаются в изменении не только покроя или моды, а ее

---

[26] По устному сообщению М. В. Сазоновой, туркмены восприняли эти шапки от азербайджанцев.

Рис. 33. Удаление волос с лица женщины.

богатства и добротности, ее количества, чистоты и новизны. Изменились внешний облик человека, отношение к одежде и предъявляемые к ней требования.

Современный гардероб белуджской женщины, состоящий из четырехпяти рубах разной расцветки, трех-четырех пар штанов, двух-трех покрывал и нескольких различного цвета шелковых платков трудно даже сравнить с той жалкой изорванной, старой одеждой, которую носили женщины после переселения в Туркмению. Часто встречаются шелковые рубахи. Мужская традиционная одежда сменилась городской.

Хорошая, красивая одежда, так же как и благоустроенное, хорошо обставленное жилище, являются как бытовой потребностью, так и вопросом общественного престижа. Намного возрос удельный вес расходов семьи по этим двум линиям.

Как нам стало ясно из высказываний самих белуджей, мужчины, на которых лежат в основном обязанности по снабжению семьи тканями и отдельными предметами одежды, очень ревниво относятся к тому, чтобы были хорошо одеты их жены и дети. Во внешнем виде детей, как говорилось, также произошла разительная перемена.

Все вышесказанное является весьма ярким показателем высокого материального уровня, достигнутого белуджами Туркмении в новых для них условиях жизни.

ПИЩА

Травелистическая литература содержит весьма скудные сведения о пище белуджей. У Поттинджера [27] и Массона [28] встречаются лишь упо-

[27] H. Pottinger. Travels in Beloochistan and Sindh. London, 1816.
[28] Ch. Masson. Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, and Kalat, v. II. London, 1844.

минания о молочной и мясной пище. Хьюз, составивший сводку всех сведений о Белуджистане на основании как путешествий двух указанных авторов, так и ряда имевшихся в его распоряжении рукописных и печатных отчетов и брошюр, дает на двух страницах своей книги несколько более компактные, но очень краткие сведения по этому вопросу, касаясь главным образом молочной пищи, и то довольно поверхностно.[29] В специальной работе о белуджах М. Г Пикулина[30] о пище последних не упоминается.

Между тем в пище, как и в одежде, жилище и многих других областях быта, находят отражение не только история развития культуры данного народа, но и этногенетические, и культурно-экономические связи с другими народностями. У белуджей это особенно можно подчеркнуть в отношении молочной пищи, в которой мы находим черты сходства с пищей народов их прародины, северо-западного Ирана, и несколько более отдаленные — с пищей кочевых в прошлом народов Средней и Центральной Азии, а у белуджей Туркмении — также и в отношении современной пищи, в которой нашли отражение связи с туркменским и русским народами и влияние города.

Белуджи принимают пищу три раза в день: рано утром, днем, в 12 час. или в 1 час, и вечером. Едят они, сидя на разостланной на полу кошме, утром чаще в доме, так как утро и летом в Туркмении прохладное, днем и вечером предпочтительно снаружи, смотря по сезону. В этом случае кошму расстилают возле самого дома, поближе к двери. Утренняя еда называется *наны вараг*, обед — *нимроч наны вараг*, часто говорят *нохор*, или *абет* (от русского «обед»), ужин — *шаме-наны вараг*.

Утром хозяйка встает раньше всех и торопится вскипятить чай для тех, кто уходит на работу; чай пьют с хлебом, к чаю подают конфеты или мелко наколотый сахар *вошши* (белуджск. вошши — «сласти к чаю»), иногда — также топленое масло или мед, в них обмакивают куски лепешки. Хозяину дома, особенно пожилому и почитаемому, подают иногда и что-либо мясное, оставшееся от ужина. Но вообще едят утром немного, ограничиваясь чаще всего зеленым чаем с хлебом. Очень редко встречаются любители черного чая.

Хлеб в виде лепешек подают в скатерти парзонаг, которую расстилают на кошме. Как уже говорилось, старинные продолговатые скатерти с тканым геометрическим орнаментом обязательно имеются в доме, но вышли из практического употребления. Скатертью парзонаг, как и у окружающего туркменского населения, служит квадратный кусок плотной бумажной, чаще всего гобеленной ткани. На него ставят возле хлеба коробочку или вазочку с леденцами и сахаром и чашку с маслом или медом. В последние годы такая скатерть постепенно вытесняется, как и у туркмен, куском цветной клеенки, что практически гораздо удобнее, так как ее легче мыть.[31] Воду для чая кипятят в большом эмалированном чайнике на очаге, значительно реже — в старинных чугунных кувшинчиках для кипячения чая *бараг* (белуджск.; перс. *чаджуш*; рис. 36, 1), постепенно выходящих из употребления. Чай заваривают в фарфоровых чайниках. Хозяину ставят отдельный такой чайник, остальным — один чайник на двоих, иногда и каждому отдельный чайник.

Вслед за уходящими на работу или вместе с ними едят школьники, и лишь когда все ушли, садятся пить чай сама хозяйка с маленькими ребятишками, которые только к этому времени встают, и пожилые члены

---

[29] W Hughes. The Country of Balochistan. London, 1877, pp. 35—36.

[30] М. Г Пикулин. Белуджи. М., 1959.

[31] У туркмен при приеме гостей принято расстилать большую хорошую столовую клеенку.

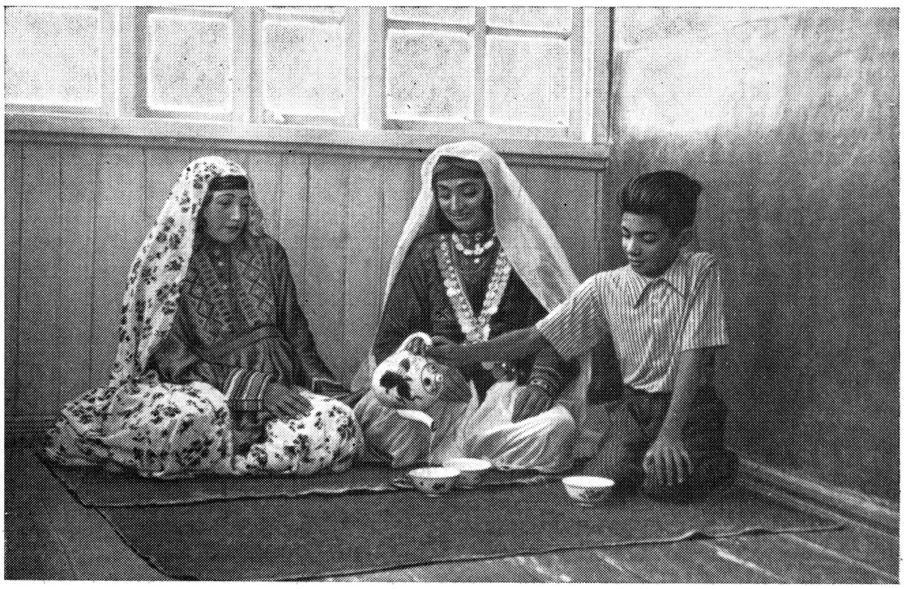


Рис. 34. Чаепитие.

семьи, не работающие в колхозе. Маленьким ребятишкам мать нередко приготовляет в это время какое-либо молочное блюдо.

Днем едят во время обеденного перерыва в колхозе. Если есть возможность, приходят или приезжают в эти часы домой. Обед также состоит в основном из чая и хлеба, но в это время хозяйка старается накормить работающих посытнее, подбавляя к еде летом кислое молоко, или пахтанье, и фрукты. Во второй половине лета белуджи питаются главным образом арбузами, дынями и виноградом с хлебом.

Тем членам семьи, которые обедают в поле, хозяйка дает с собой хлеб, чай и конфеты, летом добавляя также фрукты или помидоры. В обеденный перерыв члены бригады разводят костер и кипятят чай.

Вечерняя еда *шам*, принимаемая в 7 или 8 час. вечера, состоит обязательно из горячей пищи, а также чая с хлебом. Горячим блюдом может быть любое из тех блюд, которыми располагает белуджская кухня. Предпочтительными являются мясные блюда, но поскольку овец на зимнее питание оставляют немного, то и мясные блюда приготовляют не очень часто. Иногда бьют домашнюю птицу. Наиболее частой и распространенной в зимнее время является горячая похлебка из различных заготовленных впрок молочных продуктов; кроме нее, подают масло, или мед, или арбузную патоку.

Весной, когда молочные продукты иссякают, а нередко и зимой, в промежутках между мясными и молочными блюдами, приготовляют простейший суп *аб уад* (*аб* — «вода», *уад* — «соль»), в который добавляют только масло. Прежде этот суп приготовляли следующим образом: в котел клали немного масла и кипятили его, иногда с луком, потом добавляли воду и соль, давали прокипеть и суп готов. В него клали кусочки хлеба, ели эту массу руками.

Более поздним является суп из гороха *нохот*, маша или чечевицы *адас*, который белуджи стали приготовлять, видимо, лишь с появлением у них земледелия. Горох, маш или чечевицу сначала недолго кипятят, вынимают из воды и снимают с них кожуру, сжимая их руками. Затем вливают

воду, добавляют соль, перец, лук и масло, если они есть, и еще немного варят. Теперь прибавляют также помидоры или томат.

В настоящее время существует много различных способов приготовления аб уад. Некоторые из них были известны и раньше, например суп с вареными яйцами, хотя приготовляли его редко, но многие появились лишь в последнее время с ростом культуры и материального благосостояния, благодаря которому к пище прибавились такие ингредиенты, как макароны, покупная лапша, картофель.

При приеме наиболее почетных гостей, а также на больших сборищах, как, например, свадьба — *санг* (см. гл. IV), обрезание, поминки, гостям подают обязательно мясное блюдо, которым всегда является *атук* — очень крепкий мясной бульон с кусками мяса. При приезде одного или двух-трех гостей атук может быть приготовлен и из куриного мяса. В редких случаях готовят плов. Гостям попроще или малознакомым может быть подано любое другое блюдо.

Гостям первым долгом подают чай и сладости — сахар и конфеты. Если после чая будет подано мясное блюдо, хлеб к чаю не подают, а подают его к мясному блюду.

Иногда угощение ограничивается чаем с хлебом, но тогда, кроме конфет, подают топленое масло и мед.[32]

Что касается основных блюд, входящих в пищевой рацион белуджей и приготовляемых, как правило, ко времени вечерней еды, то мы разделим их для удобства на молочные, мясные и мучные. Наиболее обычными и характерными для белуджского стола являются молочные блюда.

Прежде чем говорить о молочной пище, следует указать на то особое место, которое она занимает в пище белуджей, как, вероятно, и в пище кочевников вообще.

Если считать, что земледелие у некоторой части белуджей юго-западных районов Белуджистана появилось уже в XI—XIV вв,[33] то употребление в пищу хлеба было известно им, конечно, задолго до этого, так как и до переселения, и в период переселения с севера на юг Ирана (V—VI вв.) они входили в контакт с земледельческим населением и могли получать хлеб в обмен на продукцию скотоводства. Кроме того, богарные посевы могли быть у них и, вероятно, существовали в намного более ранние времена. Однако нужно иметь в виду, что хлеб в то время, как и позднее, с появлением примитивного и весьма ограниченного по размерам земледелия, был продуктом чрезвычайно ценным и его всегда было мало.

Мясную пищу, как и молочную, можно считать весьма древней, связанной с исконным занятием белуджей — скотоводством, но мясо, как правило, среди широкой массы рядовых скотоводов употреблялось в пищу редко, так как мелкий рогатый скот, который разводили белуджи, являлся с одной стороны, источником получения молочных продуктов и шерсти, с другой — основным богатством и, через приплод, источником увеличения богатства, поэтому никакой белудж (и вообще никакой скотовод) не торопился зарезать овцу без особой к тому необходимости, каковой могли быть приезд важного гостя, свадьба, поминки и т. д.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно себе представить, какое большое место занимала в прошлом в пище белуджей (как и любого скотоводческого народа) молочная пища и какое огромное значение имела для них на протяжении всей их истории заготовка молочных продуктов, если мы вспомним, что доение овец происходило с марта по июнь,

---

[32] По литературным данным, чай, хлеб и топленое масло — наиболее обычное угощение гостя у рядовых скотоводов-белуджей за рубежом (см.: Ch. Masson. Narrative of various journeys..., pp. 58, 60). Более обильное угощение гостей среди белуджей Туркмении говорит о более высоком материальном уровне их жизни.

[33] М. Г. Пикулин. Белуджи, стр. 26

Рис. 35. Обед.

а в остальные восемь месяцев года от количества заготовленных впрок продуктов зависело не только благополучие людей, но нередко и их существование.

Поэтому в прежние времена, вплоть до вступления белуджей в колхозы и развития у них культурного земледелия, весь сезон доения овец был периодом напряженной непрерывной обработки молока и приготовления из него различных видов продуктов. Доение, уход за ягнятами и козлятами и заготовка молочных продуктов составляли основное содержание жизни белуджей летом, причем на мужчинах лежала пастьба скота и забота о молодняке. Доили овец женщины; мужчины, большей частью молодые, лишь помогали в отбивке ягнят от матерей после следовавшего за доением часового отдыха последних вместе с потомством. Вся обработка молока и заготовка молочных продуктов являлась, как является и сейчас, исключительно женским делом. Доение овец, однако, отнюдь не считается зазорным и для мужчин. Как нам пришлось убедиться во время пребывания на ферме мелкого рогатого скота колхоза им. Куйбышева, почти все пастухи, как молодые, так и, особенно, старые, отлично умеют доить овец и приготовлять из молозива и из свежего молока различные блюда.

Молочная пища. Молочная пища издавна приготовлялась белуджами из овечьего молока. Однако в последние годы в связи с быстрым повышением материального благосостояния колхозников, в частности в связи с тем, что все без исключения колхозники имеют теперь в личном пользовании одну или две коровы, все молочные продукты, изготовлявшиеся прежде из овечьего молока, делаются, за редким исключением, из коровьего. Это явление новое и массовое.

Основным продуктом, приготовляемым совершенно одинаково как из овечьего, так и из коровьего молока, является кислое молоко *бастаг* (белуджск.; перс. *мас*). Молоко кипятят в котле, затем несколько остужают и еще почти горячее заквашивают кислым молоком, приготовленным накануне, или *чакидаг* (род творога, см. ниже). Прежде овечье молоко кипятили и заквашивали в больших медных котлах *таджган*, которые ко-

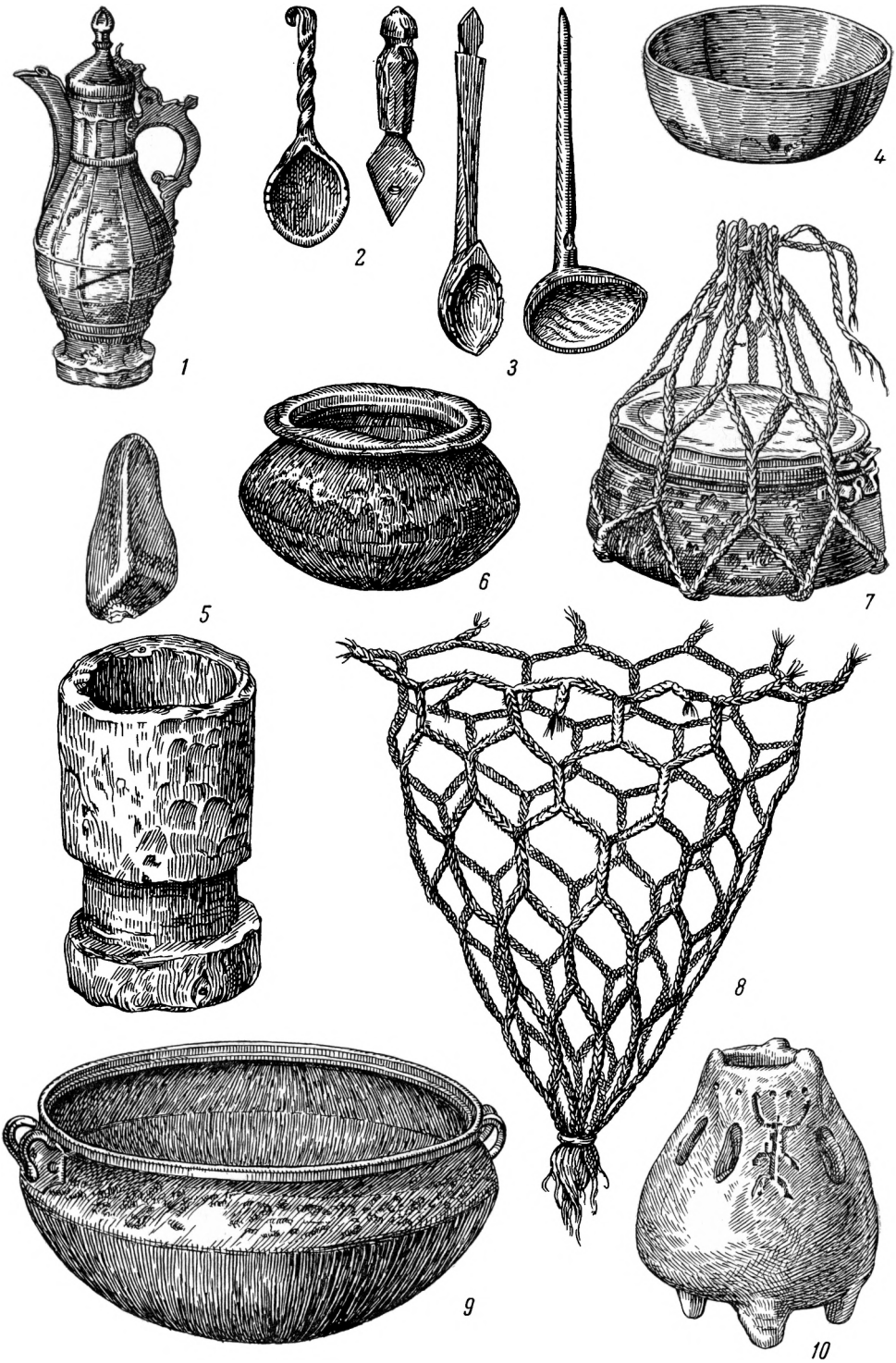


Рис. 36. Старинная утварь для приготовления пищи.

1 — кувшин для кипячения воды; *2* — скребки для чистки котла; *3* — деревянные ложки; *4* — медная чашка для воды или молока; *5* — ступка и пест; *6* — медный котел; *7*, *8* — сетки для перевозки котлов при перекочевках; *9* — старинный котел для приготовления пищи на свадьбе; *10* — старинный очаг, служащий также и светильником.

чевники покупали на базарах Герата, Мешхеда и других афганских и иранских городов. У белуджей Туркмении их заменили обычные, чугунные котлы, приобретаемые в любом городе Средней Азии. Их белуджи называют *луй*. Для получения кислого молока на котел теплого молока кладут примерно полпиалы вчерашнего *бастаг*, затем закрывают его деревянной крышкой *сардег* и закутывают какой-либо теплой тряпкой, которую хозяйка держит специально для этой цели. Из кислого молока сбивают масло; употребляется оно в пищу и как самостоятельное блюдо.

Кипятят молоко и приготовляют бастаг обычно к вечеру. Прежде это делали после окончания дневного доения овец, теперь — после вечернего доения коров. Если кислое молоко предназначено для сбивания масла, его так и оставляют закутанным на всю ночь и сбивают масло рано утром. Если же оно приготовлено для еды, его можно есть уже часа через два.

Масло сбивают в специальном кожаном сосуде *изек*, изготовленном из цельной шкуры козла или овцы, заднее отверстие и ножки у которой зашиты, а горлышком служит шея. Края горлышка загибаются внутрь, образуя род воронки, через которую женщины ловко вливают кислое молоко.

Для сбивания масла кожаный сосуд подвешивают к деревянной треноге *треккаф* (рис. 37, *а*). В него вливают примерно одно ведро кислого молока. Туда же добавляют 3—4 л воды, если бастаг еще теплый — холодной воды, а если уже холодный — теплой, тогда скорей собьется масло. Горлышко сосуда расправляют и крепко завязывают. Женщина опускается перед ним на колени (он подвешивается на уровне ее груди) и раскачивает его сильными движениями обеих рук и всего корпуса взад и вперед в течение 1—1.5 час. Готовое масло достают руками. Из одного ведра молока получается примерно полкилограмма масла.

В прежние времена, когда кочевое селение белуджей состояло из ряда расположенных довольно близко друг к другу открытых шатров, характерный перестук раскачиваемых во всем селении изеков составлял тот аккомпанемент, под который каждое утро протекала жизнь поселка.

Как нам рассказывали, в зажиточных семьях, где было много молока, встречались специалистки, которые сбивали одновременно два изека, подвешивая их так, чтобы они упирались один в другой.

В настоящее время старинная маслобойка изек в значительной мере вытесняется туркменской деревянной маслобойкой (рис. 37, *б*).

Сбитое масло *маска* хранят и употребляют в пищу в перетопленном виде. Это перетопленное масло и называется *рогăн*. Прежде его хранили в кожаных сосудах, также называвшихся изек, сшитых из цельной шкуры козленка (реже взрослой козы), или же в медных котлах *гарук* с плотно закрывающимися крышками. Изек с маслом лежал обычно в горизонтальном положении на подложенных кирпичах или доске в шатре, возле деревянного настила. Теперь масло хранят чаще в глиняных сосудах, приобретаемых на базарах Иолотани и Мары, или в эмалированной посуде — ведрах или больших кастрюлях.

Топленое масло является одним из основных элементов питания белуджей. В него обмакивают ломтики лепешки, но чаще всего добавляют его в супы, приготовляемые из различных видов сыра. Лакомым блюдом является топленое масло, смешанное с арбузной патокой.[34] Масло употребляют также для печения сдобных лепешек.

---

[34] По сообщению Массона, в Белуджистане, в Мастунге и близ Калата его угощали приятным и полезным, по его мнению, блюдом, называемым *чаммари* и представлявшим собою сухие абрикосы, тушенные в масле с прибавлением пряностей; см.: Ch. Masson. Narrative of various journeys..., p. 69. Таким же блюдом угощали автора настоящей работы курды езиды на горе Алагез в Армении.

Для ритуальной пищи, особенно специальных блюд, приготовляемых для роженицы, до сих пор считается обязательным употребление масла из овечьего молока — *пасай майгиен рогӑн*, а не коровьего — *гокай майгиен рогӑн*. Вообще масло из овечьего молока ценится белуджами очень высоко. Из жиров употребляют еще *пасан думмагин рогӑн* — перетопленное нутряное или курдючное баранье сало.

Из оставшегося после сбивания масла пахтанья *доъ* или *дуъ* белуджи заготовляют впрок различные виды сыра. Наиболее распространенный из них — сухой твердый сыр *урид*, или *урут*. Для его приготовления пахтанье кипятят в котле часа два-три, пока останется примерно половина первоначального количества. Загустевшую, свернувшуюся жидкость выливают в мешок из хлопчатобумажной ткани (прежде для этого употребляли шерстяной мешок) и подвешивают возле дома над пустым котлом, куда стекает сыворотка, идущая в дальнейшую переработку. Из густой массы, оставшейся в мешке, добавив в нее соли, лепят небольшие фигурки в форме двух соединенных основаниями конусов (длина 4—5 см, диаметр утолщенной части около 4 см), которые сушат на крыше шатра или на навесе. Сыр может изготовляться в форме небольших конусов и маленьких лепешек.

Из вытекшей из мешка при заготовке сыра сыворотки делают другой вид сыра — *рапинг*. Сыворотку собирают и путем долгого выпаривания доводят до очень густого состояния, затем складывают в бумажный мешочек и кладут под пресс. Жидкость стекает прямо на землю. Из отжатой темно-коричневой массы лепят более крупные, высотой до 10 см, конусообразные сырки и также сушат на крышах. Они очень тверды и обладают более низкими вкусовыми качествами. Этот вид сыра обычно заготовляли в небольшом количестве, так как из большого количестве сыворотки получается всего несколько комков этого сыра.

Третий вид сыра, *кашк*, прежде приготовлялся следующим образом. В пахтанье, оставшееся после сбивания масла, всыпали некоторое количество пшеничной муки. Предпочитали для этого муку крупного размола, считая ее более выгодной (больше получится сыра). Эта смесь, оставленная на несколько дней в изеке, закисала и разбухала, тогда ее вынимали, раскладывали на шерстяных мешках, чтобы она высохла, и затем сухую массу размельчали руками. Приготовленный таким образом сыр несколько грубее и менее вкусен, чем тот, который заготовляют нынче.

В настоящее время в связи с повышением материального благосостояния белуджей и меньшей зависимостью их от количества заготовляемых из молока продуктов повысились требования к их вкусовым качествам. Заготовка такого сыра, как рапинг, почти исчезла из быта, сыворотку после отцеживания массы для сыра урид чаще всего не собирают, она стекает прямо на землю. Кашк делают теперь не из пахтанья, а из кислого молока. Последнее смешивают с хорошо просеянной мукой, чтобы сыр был нежнее, добавляют соли и делают очень крутое тесто (круче, чем для хлеба), которое кладут в покрытую чем-нибудь эмалированную кастрюлю или чашку дней на пять, чтобы оно закисло. Потом расстилают на полу в доме скатерть для замешивания хлеба *шекин* или шерстяной мешок ɣуалаг и раскладывают кислую массу колобками, чтобы она обсохла. На солнце сушить нельзя, сыр будет нехороший. Когда колобки обсохнут, растирают их руками тут же на скатерти опять в муку, которую просевают сквозь решето и снова сушат. Готовый кашк имеет светло-песочную окраску. Некоторые хозяйки добавляют теперь в кашк чеснок.

Из описанных трех видов сыра приготовляют зимой похлебку. Для приготовления ее из сыра *урид* несколько сырков кладут в чашку, подливают немного теплой воды и рукой растирают сыр о края чашки. Когда раствор станет достаточно густым, его сливают в котел, а в чашку добав-

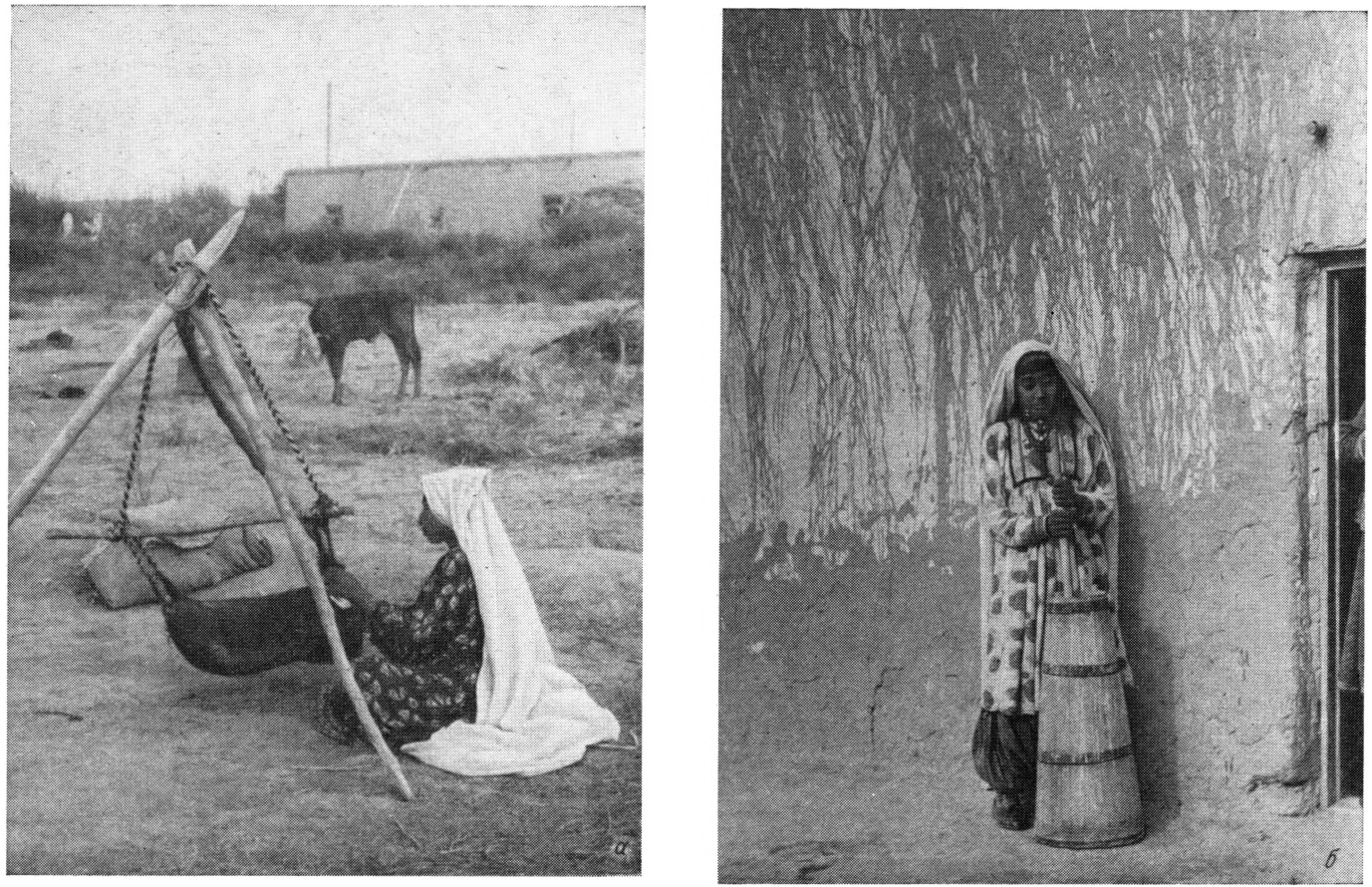


Рис. 37. Сбивание масла.

а — старинный способ сбивания масла; *б* — современный (туркменский) способ сбивания масла.

ляют опять теплой воды и продолжают растирать комочки сыра, пока получат нужное количество раствора. Остатки сырков складывают обратно в мешок или хранят отдельно в маленькой сумочке *джалакдан*. Жидкость в котле кипятят, прибавляя немного масла и соли, затем наливают в эмалированные или алюминиевые чашки, прежде употреблялись медные (рис. 36, *4*), и, накрошив кусочки лепешки, едят эту массу руками.

Для похлебки из сыра рапинг в котле растапливают немного масла, вливают нужное количество воды; когда она закипит, всыпают мелкие кусочки сыра и прибавляют по вкусу соли. Едят так же.

Для похлебки из кашка — *кашк пач*, или *кашкей пач*, сначала в котел кладут масло или сало и поджаривают в нем лук. Лук белуджи никогда не жарят докрасна. Обычно опускают его нерезанным в кипящее масло или сало и дают лишь немного покипеть. Далее кладут кашк, сколько нужно, и соль, хорошо размешивают с маслом и луком и вливают воды. Как только вода закипит, сразу же снимают с огня (от долгого кипения теряются вкусовые качества). Получается густой питательный суп, в который крошат лепешки.

Существует еще один способ консервации молока — заготовка высушенной молочной каши из пшеничной крупы — *гандум шир*. Приготовляют ее следующим образом: пшеницу варят в воде, высушивают и сухую размельчают в ступке или на ручных жерновах так, что зерно раскалывается пополам или на три-четыре части. Эту крупу долго варят в молоке или в пахтанье и снова высушивают на солнце, рассыпав на шерстяном мешке. Зимой из этой крупы варят кашу, которая, по словам белуджей, заменяла им прежде плов, так как в Афганистане они плов не готовили и лишь теперь, с переселением в Среднюю Азию, научились его приготовлять. Чтобы крупа была особенно вкусной, можно пшеницу оба раза варить в молоке.

Все перечисленные виды заготовленных впрок молочных продуктов хранили прежде в кожаных мешках *ампан*, сделанных из цельной шкуры барана, сейчас хранят в небольших мешках из какой-либо плотной хлопчатобумажной ткани.

Способы приготовления молочных продуктов впрок, как и служащая для этого утварь, находят прямые аналогии у народов, живших в непосредственном соседстве с белуджами в северо-западном Иране, — луров,[35] курдов.[36] Когда читаешь у Фейльберга описание приготовления молочных продуктов у луров, то кажется, что речь идет не о лурах, а о белуджах, несмотря на то что автор явно не разобрался в способах приготовления некоторых продуктов.[37] У курдов процесс приготовления кислого молока и сбивания масла также совершенно совпадает с таковым у белуджей,[38] как и заготовка впрок молочной каши из зерен пшеницы, сваренных в пахтанье.[39] Совершенно аналогично заготовление молочных продуктов также и у персов, которые, как и белуджи в прошлом, предпочитали овечье масло коровьему.[40]

---

[35] C. G. Feilberg. Les papis. Nationalmuseets Skrifter, Etnografisk Roekke, IV. Kobenhavn, 1952, pp. 90—93.

[36] H. Hansen. The Kurdish woman's life. Nationalmuseets Skrifter, Etnografisk Roekke, VII. Kobenhavn, 1961, pp. 45—48.

[37] С. Г. Фейльберг с забавным недоумением высказывает также сомнение, можно ли вообще сбивать масло из кипяченого и заквашенного молока (Les papis, p. 91). Отвечая ему, Х. Хансен указывает, что курды Иракского Курдистана определенно так делают (The Kurdish woman's life, p. 189). Мы можем лишь подтвердить, что не только у луров и курдов, но и у белуджей, и у народов Средней Азии масло сбивают именно из вскипяченного и затем заквашенного молока, см., например: Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Ташкент, 1927, стр. 5.

[38] H. Hansen. The Kurdish woman's life, pp. 45—47.

[39] Там же, стр. 48.

[40] П. И. Огородников. Очерки Персии. СПб., 1878, стр. 215—216.

Пахтанье *дуб* используется и в свежем виде в качестве питья, очень вкусного и освежающего в жаркую погоду. Для питья его обычно слегка разбавляют водой.

Из пахтанья приготовляют также род творога *чакидаг* (туркм. *чакида*). Для этого пахтанье после сбивания масла не кипятят, а сливают в мешочек, который подвешивают. Сыворотка стекает прямо на землю, а в мешочке остается вкусная кисловатая масса, несколько гуще кислого молока, ее едят с хлебом. Это — туркменское блюдо; белуджи раньше делали из пахтанья сыр *урид*, но в настоящее время из него чаще приготовляют чакидаг или кашк.

Кроме молочных продуктов, заготовляемых впрок, из свежего овечьего молока приготовляют еще целый ряд сезонных блюд, которые едят только летом, в период доения овец. Прежде всего, как только начинается ягнение овец, первое молозиво *кад* кипятят, отчего оно делается очень густым, а чуть остуженное, затвердевает, превращаясь в мягкий сыр. Это блюдо называют *тахтук*; едят его с хлебом.

На третий день после ягнения молоко у овцы становится несколько жиже. Молоко матерей трехдневных ягнят кипятят, прибавляя туда немного хлеба, отчего оно становится густым, как сметана и очень вкусным. Это блюдо, называемое *саршаг* (туркм. *гоилтмак*), едят, наломав в него хлеб, руками. Хлеб при варке класть не обязательно, молоко и так загустеет.

Из свежего сырого молока приготовляют также сыр *панир* (туркм. *пенир*). Для этого оставляют и сушат желудки новорожденных ягнят, забитых на каракуль, в желудках, называемых *сел*, сохраняется высосанное у матерей и закисшее молозиво, являющееся сильным ферментом. Его распускают в парном, еще теплом молоке следующим образом: берут из высушенного желудка ягненка кусочек сухого молозива, кладут его в небольшой пучок чистой шерсти и, взяв этот пучок в пальцы, водят им кругом по поверхности молока. Шерсть с молозивом намокает, смешанное с молозивом молоко выжимают, снова водят пучком по молоку, снова выжимают. Затем закрывают котел тряпкой. Через полчаса молоко затвердевает и сыр готов. Для изготовления этого сыра необходима жаркая погода. В холодную погоду молоко быстро остывает и панир может не получиться. Если его делают много, следует прибавить соли, чтобы он не портился.

Для приготовления творога *понч* в котел с кипящим молоком вливают одну пиалу кислого молока или пахтанья и перестают кипятить. Образовавшийся на дне творог едят с хлебом, а сыворотку *пончей аб* пьют.[41]

Приготовление всех этих блюд из свежего молока сейчас почти исчезло из быта белуджей и практикуется больше среди пастухов на фермах мелкого рогатого скота.

В прежние времена, когда белуджи, а особенно брагуи, держали большое количество верблюдов, из верблюжьего молока приготовляли *сарбудж*. В большом глиняном кувшине *кюзаг* оставляли со вчерашнего дня 3 л сыворотки *чал*. Утром выливали ее в чашку, кувшин мыли и снова вливали чал, который служил закваской *трушпи*. Потом доили верблюдицу и молоко вливали в кувшин, добавляя равное количество воды (примерно на 1/2 ведра молока — 1/2 ведра воды) и 3 л чал. К утру сверху получалась густая кисловатая масса *сарбудж* (туркм. *каймак*), а внизу оставался *чал*, приятный освежающий напиток.

Как говорили нам туркмены, из козьего молока также можно получать чал и каймак (сарбудж), но хотя белуджи всегда держат в личном хо-

---

[41] Таджики из приготовленного таким образом творога делают сыр панир. (Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство..., стр. 7—8).

зяйстве некоторое количество коз, они не отделяют козьего молока от овечьего, а сливают все молоко вместе и приготовляют описанные выше продукты (кислое молоко, масло, сыр и т. д.).

Мясная пища. Хотя мясо, так же как и молочные продукты, является исконным видом пищи у скотоводов-белуджей, но по указанным причинам едят они его довольно редко. Любимым видом мяса у белуджей, как и у большинства народов Передней и Средней Азии, является баранина, едят они также говядину и мясо верблюдов и лошадей, последних двух довольно редко, лишь в случае, если животное сломает ногу и его приходится прирезать.

Мясо чаще всего варят. Подают сначала бульон атук, который едят, накрошив в него кусочки лепешки. Затем едят вареное мясо.

Атук — очень крепкий бульон, обычно из баранины, с большими кусками вареного мяса, является основным и праздничным, и ритуальным блюдом, подаваемым гостям на семейных праздниках (свадьбах и др.), на поминках (в день смерти, на 3-й, на 7-й и на 40-й день), а также на мужских собраниях в Науруз (Новый год) и по другим поводам.

Нам удалось наблюдать приготовление этого блюда на одном из праздников. Воду налили в два больших чугунных котла и довольно долго ждали, пока она закипит. Когда вода у краев чуть закипела, опустили в нее все заранее нарезанное мясо двух баранов. Соль положили значительно позже, когда мясо уже немного разварилось. Оба котла были полны кусками мяса, но вода вполне их покрывала. Кроме воды, мяса и соли ничего положено не было.

Прежде атук подавали гостям в медных чашках, теперь подают главным образом в эмалированных, но также и в алюминиевых. Чашки такого размера, что в них помещается порция на трех человек. В чашку наливают бульон и кладут три довольно больших куска мяса. Гостей предупреждают, чтобы садились по трое («Се нафарин бешенин»), и расставляют чашки на предварительно разостланной скатерти. Мясо тут же вынимают руками и кладут на куски лепешек, а в бульон накладывают кусочки лепешек, которые едят также руками, остатки бульона иногда пьют по очереди из чашки. Если на празднестве присутствует русский, ему тотчас же подают ложку. Многие белуджи теперь едят ложками.

При небольшом количестве гостей в бульон прибавляют лук, перец, помидоры. В последние годы в домашнем кругу или при малом количестве гостей стали прибавлять макароны, покупную лапшу, вермишель, а также картофель, который белуджи научились сажать на протяжении последних 8—10 лет, снимая за лето два урожая. Картофеля или макарон кладут очень немного, чтобы суп не утратил своей жидкой консистенции. Такой суп называют *баратук*.

Существуют два способа приготовления такого супа. При первом из них жирное мясо сначала обжаривается в котле, если же мясо нежирное, добавляют топленое масло. Жарят с луком и помидорами, потом наливают кипящую воду и варят, позднее кладут макароны. Перец всыпают, когда суп уже подан гостям, и, хотя по белуджскому обыкновению крошат в него хлеб, едят ложками. Вообще при малом количестве гостей все чаще можно видеть употребление ложек, как алюминиевых, так и деревянных, хохломских.

При другом способе мясо опускают в горячую воду. Когда она закипит, кладут лук, позднее, когда мясо слегка разварится, — картофель. В готовый суп насыпают перец.

Бульон из верблюжатины также можно готовить двумя способами: сначала положить вниз куски пожирнее, обжарить все мясо, а потом налить воду или опустить мясо в уже горячую воду. Позднее добавляют лук и помидоры и, когда суп готов, молотый перец.

На ферме нас угощали также туркменским блюдом *чекдырме*. В поставленном на очаг котле нагрели воду и, не доводя ее до кипения, опустили самые лучшие куски молодого барашка: грудинку, ляжки и пр. Позднее добавили соль, лук, помидоры, перец. Особенностью этого супа, являющегося лакомством, является, видимо, то, что в него кладут особенно нежные части очень молодого барашка.

Сараг у падаг представляет собою суп, сваренный из головы и ног барана с прибавлением лишь лука, соли и перца. Женщины говорили нам, что не все белуджи любят этот суп, считая его блюдом второго сорта, но, насколько нам приходилось наблюдать, мужчины едят его с удовольствием.

Из баранины приготовляют также и жаркое *даги*, или *даген гушт*, *дагиен гушт*: жирное мясо моют, режут на кусочки, солят и опускают в горячий котел. Кусочки мяса жарятся в собственном сале, иногда прибавляют сала от того же барана. На жаркое идут главным образом ребра, грудинка и другие жирные части, а также потроха.

Еще более лакомым считается другой вид жаркого — *тандур кäбаб*. Самые мягкие и жирные куски баранины солят и посыпают толченым перцем. Нагревают хлебную печь, пришлепывают куски мяса к ее горячим стенкам, закрывают печь крышкой и сверху — еще чем-нибудь теплым. Мясо прекрасно пропекается. Такое жаркое приготовляют лишь самые искусные хозяйки.

Очень любят белуджи суп и жаркое из куриного мяса. То и другое часто подают гостям, если их немного, так как проще зарезать петуха или курицу, чем овцу. Для приготовления куриного супа *мургай атук* в нагретый чугунный котел кладут топленое масло. Когда оно закипит, опускают куски курицы и жарят около часа. Затем кладут лук, когда он чуть покипит, — помидоры и через минуту-две наливают воды, так, чтобы она только покрыла куски курицы. Потом варят еще некоторое время и в еще кипящий котел всыпают перец.

Для куриного жаркого *мургай даген гушт* в котел кладут топленое масло, когда оно закипит, опускают куски курицы. Тушат их около часа, потом нарезают туда лук долевыми ломтиками не очень тонко и еще тушат. Иногда туда же кладут куриные потроха.

Куриный суп и жаркое приготовляют обязательно для рожениц, предпочитая в этом случае масло из овечьего молока.

В последние годы разводят также гусей и индюшек, научившись этому у русских и украинцев. Мясо их употребляют в пищу, как и куриное.

Белуджи охотно едят и куриные яйца, как крутые с солью и перцем, так и яичницу, называемую *пури*. В котел кладут масло, обычно животное, реже растительное. В отдельной посуде растирают несколько штук яиц и выливают в кипящее масло.

У белуджей существует также консервирование бараньего мяса в виде мелко нарезанных кусочков, зажаренных в большом количестве бараньего жира или овечьего масла и называемых, как и у многих других народов, *куурма*. Куурма хранят в небольших сосудах из шкуры козленка, также называемых изек.

Рыбная пища. Рыбная пища имеет широкое распространение у белуджей Макрана, живущих на берегу Аравийского моря. В Мургабе добывают главным образом сомов и кое-какую мелкую рыбешку. В середине лета, когда Мургаб начинает пересыхать, местами образуются отмели и большие глубокие лужи, в которых крупных сомов ловят руками. Куски рыбы жарят на сковороде в хлопковом масле, предварительно обваляв их в муке.

Мучная пища. В современной пище белуджей, отражающей уже не чисто скотоводческое, а комплексное хозяйство, большое место зани-

мают мучные изделия и блюда, главным образом, различные виды лепешек.

Хлеб является не только основным видом мучной пищи, но и вообще основной пищей белуджей. Словом *нан* называют как хлеб, так и обед и принятие пищи вообще.

Хлеб пекут двух сортов: в виде толстых круглых или продолговатых лепешек *чаваги* диаметром 45—46 см, выпекаемых в глиняных печах сферической формы тандур, или в виде больших, довольно тонких круглых лепешек лаваш. Последние пекли прежде на железном листе *тин*. Он имеется в коллекции 1929 г. (№ 3993-170), представляет собою круглый, слегка выпуклый железный кованый лист базарной афганской работы диаметром 51 см и толщиной 0.1 см. На расстоянии 4 см от края расположено небольшое круглое отверстие, к которому прикрепляется железная же петля; в последнюю продето небольшое железное кольцо, служившее прежде для подвешивания листа к вьюку во время перекочевок.

Лист клали на горячие угли выпуклой стороной вверх и, когда он достаточно нагревался, пекли на нем лепешки лаваш. Их пекли на праздники и иногда в зимнее время, когда тандур засыпало снегом, а также во время длительных перекочевок. В пути лепешки пекли иногда на раскаленных на костре камнях. Пользовались листом также пастухи.

Такого типа кованый лист для печения тонких лепешек распространен по всему Афганистану и называется *карои*. На таких же листах *тавэ* пекут лепешки лаваш и в Иране. У белуджей Туркмении в настоящее время лист вышел из употребления. Лаваш пекут теперь в печах.

Размол муки производился прежде, как и у многих других народов Средней Азии, на ручных каменных жерновах *аш*. Мололи муку женщины, жернова имелись в каждом хозяйстве.

В коллекции 1929 г. имеется такая «мельница», которая в те времена еще была в употреблении среди переселившихся в Туркмению белуджей. Она состоит из двух жерновов, вставленной между ними деревянной пластинки и деревянной ручки. Каждый жернов представляет собою плоский, круглый, массивный (толщиной 6 см) грубо обтесанный камень серого цвета. В центре нижнего жернова имеется отверстие диаметром 4.5 см, в которое плотно вбита деревянная пробка. В середину ее вколочен железный стержень, выступающий над поверхностью жернова на 6 см. На стержень надета деревянная, прямоугольная, с закругленными углами пластинка *чишик* размером 6×2 см. Нижняя поверхность пластинки гладкая, верхняя — несколько выпуклая. Пластинка служит для поддержания на определенном уровне верхнего жернова, на поверхности которого высечены три прямые линии, расходящиеся в виде радиусов от центрального отверстия диаметром 6.5 см, при помощи которого верхний жернов надет на стержень нижнего жернова. Края этого отверстия слегка выдаются над поверхностью жернова.

У самого края верхнего жернова высечено углубление в 5.5 см, в него вставляется при работе деревянная ручка *аше дастак* длиной 28 см, при помощи которой приводится в движение верхний жернов. Последний кладется на нижний жернов так, чтобы края сквозного отверстия в центре его легли на края пластинки чишик и таким образом он легко приводился бы в движение. Мололи на жерновах женщины и девушки сидя, поджав под себя ноги, работа эта была очень тяжелой.

В настоящее время белуджи ездят молоть пшеницу на государственные мельницы или покупают готовую муку в продуктовых магазинах и описанная выше ручная «мельница», так же, как и многие предметы прежнего домашнего обихода, ушла в прошлое, освободив женщину от тяжелого изнурительного труда.

Перед отправкой на мельницу зерно просеивают на решете гечин, выбирают руками более крупный мусор, а затем веют при помощи того же решета над разостланным на земле паласом.

Как зерно, так и муку прежде хранили в толстых плотных домотканых мешках *буалаг*, украшенных геометрическим орнаментом (рис. 38). При этом в *буалаг* хранили зерно лишь для текущих потребностей. Запасы более значительные еще в первое время после переселения хранили в прямоугольных ямах, вырытых невдалеке от шатра. Низ такой ямы, имевшей глубину 1.5—2 м, устилали соломой, затем насыпали зерно, сверху закрывали соломой же и засыпали землей. В таких ямах в сухой среднеазиатской почве зерно прекрасно сохранялось.

В настоящее время зерно хранят в простых мешках фабричного изготовления, но муку предпочитают держать в орнаментированных мешках своего изготовления.

Белуджская печь для печения хлеба *балуч тандур* представляла собою в старые времена расширяющуюся книзу круглую яму с плоским дном глубиною около 1 м или немного более, стенки которой были обмазаны глиной. Такая печь имела два поддувала *даме тандур* в виде расположенных с противоположных сторон подземных ходов. Печь делали сами женщины. В настоящее время такими печами давно не пользуются. Уже в 1929 г. белуджские женщины предпочитали высокую, наземную, сферической формы, глиняную печь туркменского типа *тандуре туркманы* с круглым отверстием вверху *тандуре дöпин*, достаточно большим, чтобы в него могла проходить круглая подушка с лежащей на ней лепешкой, и с двумя, иногда с одним поддувалом — отверстием, сделанным вровень с землей. Многие белуджские женщины научились уже сами мастерить такие печи, но нередко приглашают для этой цели специалисток-туркменок. Печь строят обычно на открытом месте, несколько поодаль от домов, и пользуются ею пять-шесть соседок. Некоторые хозяйки имеют отдельные печи у себя во дворе. Рядом с печью делают глиняное возвышение диаметром 40—45 см, на которое ставят чашку с тестом и складывают потом готовые лепешки.

Топят печь сухой колючкой *джик* и гребенщиком *гäз*. Для размешивания топлива в печи служит длинная палка *шитандур*[42] или деревянные вилы *чаршаха*.

Для печения хлеба в печи сжигают определенное количество топлива, когда стенки ее достаточно накалятся, закрывают поддувала кирпичами или тряпкой и прилепляют к стенкам лепешки при помощи специальной подушки.

Подушку для пришлепывания лепешек к стенкам тандура — *нанпач* шили прежде из домотканой шерстяной материи *барак*, обычно из старых кусков. Она имела, как имеет и теперь, круглую форму, диаметр 35—40 см и набивалась шерстью и тряпками, причем в самую середину ее внутрь клали что-либо потверже, часто небольшую плоскую подушку меньших размеров из более плотной ткани, очень туго набитую. Эта твердня основа не дает подушке сгибаться при работе. На тыльной стороне подушки нашивали род кармана в виде круга во всю подушку, в отверстие кармана просовывали руку при налеплении лепешек. Прежде подушка нередко представляла собою сплетенный из веток гребенщика круг, на лицевую сторону которого, т. е. ту, куда кладется лепешка, положены были одна на другую несколько тряпок, затем круг обтягивался куском старой ткани, концы которой завязывались узлом на тыльной стороне. При налеплении лепешек на стенки печи женщина засовывала руку под

[42] Обгорелая палка шитандур, являющаяся обычным атрибутом повседневной хозяйственной жизни, фигурирует даже в белуджском фольклоре.

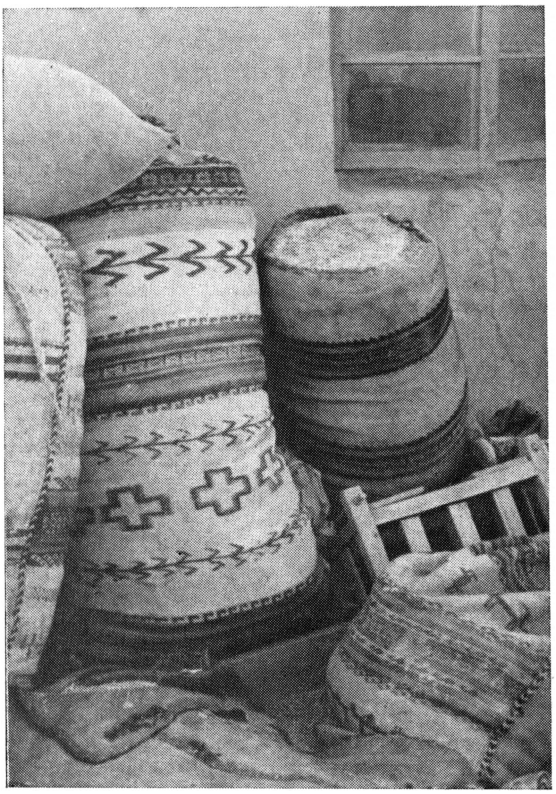


Рис. 38. Мешки для хранения муки и зерна.

этот узел, заменявший упомянутый выше карман. Такие крайне примитивные подушки имели в 1929 г. большое распространение среди белуджей, да и описанные выше обшитые подушки имели очень неряшливый вид. Теперь их шьют аккуратно, из какой-либо плотной хлопчатобумажной ткани и не только содержат в чистоте, но обшивают по краю для красоты крученым шнурком из черных и белых шерстяных ниток. (рис. 40, *б*).

Для предохранения от жары и сохранения в чистоте рукава рубахи на правую руку, как и у всех народов, практикующих печение хлеба в тандурах, надевают рукав *остинча* из какой-либо плотной бумажной ткани.

Тесто прежде месили на большой четырехугольной шерстяной скатерти шекин, которая является и в настоящее время необходимым предметом в каждой белуджской семье и обязательно входит в приданое невесты. Шекин бывает разных размеров, но почти всегда темного цвета; один конец бывает загнут и прострочен, образуя род большого кармана, в котором хранится мука на одну или две выпечки хлеба. Хлеб пекут каждый день.

В коллекции МАЭ 1929 г. имеется скатерть почти квадратной формы (115×94 см) из грубой, шерстяной, плотной ткани коричневого цвета с тканым геометрическим орнаментом красного, белого и черного цветов. Такие скатерти женщины ткут на обычных горизонтальных ткацких станках.

Прежде тесто для лепешек чаваги приготовляли в медной чашке *тасук*. В настоящее время тесто чаще всего ставят в эмалированном тазу и в нем же его месят. Скатерть употребляют для раскатывания колобков и приготовления из них лепешек. Тесто делают кислое, добавляя в него в качестве закваски *амирак* немного вчерашнего, а еще лучше позавчерашнего теста. Таз ставят на скатерть, в тепловатой воде распускают горсть старого теста и соль, всыпают муки до нужной густоты и месят около получаса, а потом прикрывают тесто углами скатерти и оставляют подниматься в течение 1—1.5 час. Затем женщина, пекущая хлеб, несет тесто на голове к вытопленной к этому времени печи. Усевшись на землю возле печи, она разделывает тесто на колобки *чанаг*, из каждого колобка делает лепешку, сначала слегка растянув колобок руками, затем перекидывая лепешку с ладони на ладонь и, наконец, растягивая на подушке до нужного диаметра.

На приготовленную таким образом лепешку женщина наносит узор при помощи особого приспособления *текук*,[43] представляющего собой пучок тонких медных палочек, концы которых вставлены в деревянную рукоятку цилиндрической формы, имеющую более тонкую среднюю часть, чтобы ее легче было захватывать рукой. Узор наносят как для красоты, так и для того, чтобы лепешка в печи не вздувалась. По нижней стороне лепешку для этой же цели протыкают в нескольких местах палочкой. В настоящее время в употреблении встречается *текук* туркменской базарной работы, больший по размерам и более тяжеловесный. Белуджские женщины часто предпочитают ему просто связанный пучок тонких деревянных палочек, более миниатюрный и легкий. Готовую лепешку смачивают снизу водой и прилепляют к раскаленной стенке печи. Сверху лепешки также спрыскивают водой, чтобы были порумянее.

Рис. 39. Способ переноски топлива для тандура.

Нередко женщины пекут хлеб вдвоем. Одна из них разделывает тесто на колобки, формует лепешку, наносит узор, переворачивает на подушке, протыкает нижнюю сторону в нескольких местах палочкой и, не вставая, подает на подушке же второй женщине. Та смачивает находящуюся сверху нижнюю поверхность лепешки водой, налепляет на стенку, возвращает подушку, и пока она спрыскивает верх лепешки водой и поправляет угли, следующая лепешка уже готова. Налепив все лепешки, печь закрывают крышкой. Поддувала затыкают раньше, как только печь достаточно нагреется. Готовые лепешки сначала ставят к стенке в печи, чтобы они допеклись, потом обчищают, складывают в скатерть и несут на голове домой.

Для гостей, а иногда и для своей семьи, если имеется достаточно масла, пекут сдобные лепешки *рогени*. Тесто делают такое же, как и для лепешек чаваги, но пресное — *патир*. Можно добавить в него чуть-чуть соды; этому научились сейчас, раньше соды не знали и делали без соды. Затем в тесто втирается немного топленого масла рогäн, тесто все промасливается. Дальнейшее приготовление такое же, как и описанных выше лепешек.

Бораккu — пироги с мясом. Тесто для них делают такое же, как для хлеба, но пресное, затем разделывают его на колобки. Каждый колобок делят на две половины: из одной половины формуют лепешку на по-

[43] Опись коллекции № 3993-130. Высота — 13 см, диаметр — 3 см.

душке, кладут на нее рубленое сырое мясо, закрывают второй половиной, защипывают края и пришлепывают пирог к горячим стенкам печи.

Такие же пироги делают с начинкой из молодой мелкой лебеды *сориджк* (туркм. *селме*; лебеда монетоплодная Atriplex moneta [44]). Большое количество молодых ростков лебеды опускают в кипящую воду, дают им немного повариться, потом достают палкой, промывают холодной водой, чтобы смыть попавшую вместе с зеленью землю, отжимают и затем жарят в котле в кипящем, доведенном до красноты масле с перцем. Эту начинку кладут в пироги вместо мяса. В настоящее время научились печь пироги боракки с картофелем.

Представляет интерес приготовление в старину лепешек из муки, смолотой из проросших зерен пшеницы. Зерна в достаточно большом количестве клали в тряпку, которую слегка поливали водой. Когда зерна чуть-чуть прорастали и становились сладкими, их подсушивали и размалывали на ручной «мельнице». Из полученной муки делали сдобное тесто, прибавляя масла или сала, и пекли из него лепешки *теджги*. Блюдо это было лакомым, так как лепешки получались сладковатые. В старое время, по словам пожилых людей, лепешки теджги пекли, как и пастушеский хлеб, в раскаленной золе. Вообще блюдо это очень старинное и сейчас почти исчезнувшее, так как нет ручных «мельниц».

Старинное лакомство детей и молодежи — *данку* (от слова *данаг* — «зерно»). Зернам пшеницы дают разбухнуть в молоке, потом подсушивают их в котле без масла. Зерна получаются мягкие и сладковатые.

Есть и другой способ приготовления этого лакомства. Зерна пшеницы вместе с зернами кунжута быстро поджаривают в горячем котле. Они делаются мягкими и жирными (от кунжутных зерен). Это блюдо считалось более вкусным. Сейчас оно почти исчезло, так как чаще едят лакомства, покупаемые в магазинах.

Следующих три вида лепешек имеют ритуальное значение, но могут быть приготовлены в любой день, например для приехавших надолго гостей. Преимущественно их приготовляют на праздники, главным образом на Науруз, а также к угощению по окончании поста *роза*.

Первый вид — жареные лепешки *чаблик*. Тесто сначала ставят крутое, с закваской, можно делать его на молоке. Оно стоит около часа. Потом его месят, постепенно подливая воды до тех пор, пока оно станет мягким, затем делают колобки и обваливают их в муке. Сначала женщина раздавливает колобок руками. Получившийся кружок кладет на посыпанную мукой скатерть, разостланную на фанерном листе или прямо на полу, и поворачивает его левой рукой, ударяя правой ладонью плашмя. Когда кружок станет тонким, она перекидывает его с руки на руку, а самый край еще растягивает рукой. Такую лепешку опускают в кипящее масло.

Слоеные лепешки *хатыльма* (туркм. *катлама*) приготовляют так: колобок из того же теста раскатывают так же, как для чаблик. На поверхность блина льют масло, размазывают его равномерно по блину, загибают один край, примерно 1/3, смазывают оборотную сторону маслом, загибают на него противоположный край, опять смазывают, складывают еще пополам поперек, получается шесть слоев. Полученную слоеную полоску скатывают в колобок.

Таких промасленных колобков (*рогентале*, или *талероген*) делают несколько. Затем женщина сплющивает один из них на рассыпанной на скатерти муке и крутит, как и для чаблик, левой рукой, ударяя сверху правой ладонью, еще растягивает, перекидывая быстро с руки на руку,

---

[44] В. В. Никитин и Б. Б. Кербабаев. Народные и научные туркменские названия растений. Ашхабад, 1962, стр. 20.

Рис. 40. Приготовление лепешек.

а — заготовка колобков для ритуальных лепешек чаблик; *б* — изготовление лепешек лаваш.

а затем немного растягивает края. Потом кладет на скатерть и быстро, тремя пальцами обеих рук, делает защипки вдоль края, так что получаются вертикальные зубчики по краю. По поверхности лепешки она наносит узор, проводя вилкой в разных направлениях по лепешке, все время слегка втыкая вилку в лепешку, или же делает узор из четырехугольников крышкой спичечной коробки, причем старается четырехугольники ставить накрест, один на другой. Готовые лепешки жарят в кипящем масле, как и чаблик. Их можно делать и из пресного теста.

Большие тонкие лепешки лаваш, которые прежде пекли на углях, на круглом листе, теперь пекут в тандурах. Лепешки, испеченные на *ţин*, — *ţинукиен лаваш* были тоньше и темнее, так как их при печении переворачивали, а испеченные в тандуре *тандуриен лаваш* светлее, так как их перевернуть нельзя.

Тесто для них делают такое же, как для обычных лепешек чаваги, но месят немного и стоит оно с закваской не так долго.

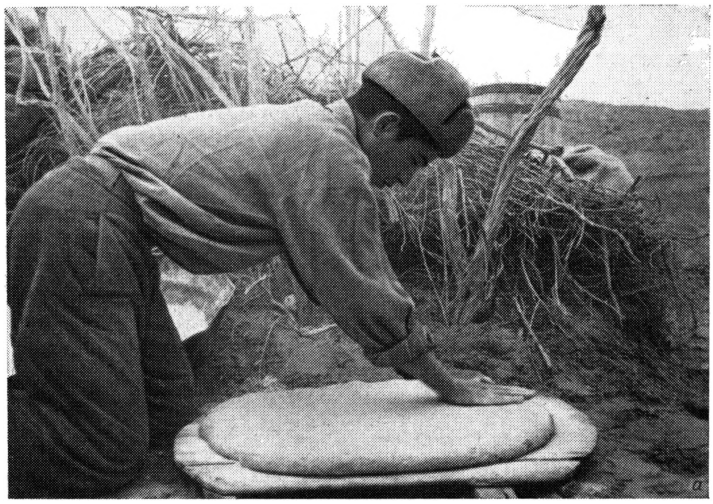
Поскольку лаваш приготовляются обычно в большом количестве, пекут их чаще всего вдвоем или втроем. Колобки из теста заготовляют заранее. Первая из женщин расплющивает колобок на посыпанный мукой шекин и утончает его, поворачивая и ударяя ладонью правой руки. Такой кружок она передает следующей женщине. Та принимает его на подушку и еще утончает, перекидывая с подушки, которую держит левой рукой, на правую руку и обратно. Затем она правой рукой дотягивает края лепешки до краев подушки (рис. 40, *б*) и пришлепывает ее к стенке печи. Третья женщина следит за пекущимися лепешками, поправляет жар в печи и вынимает готовые лепешки. Эти лепешки пекут на всех праздниках: на свадьбах, при праздновании саңг (см. гл. IV), по случаю обрезания, а также на сборищах, имеющих особо ритуальный характер: на поминках и другого рода угощениях, носящих название *хейрат*.

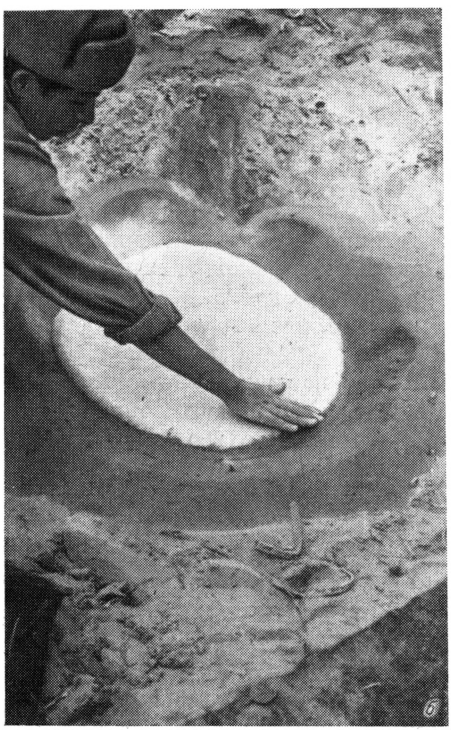
Пища пастухов. Здесь прежде всего должен быть выделен хлеб *вари*, выпекаемый пастухами в горячей золе на раскаленном костром песке. Пекут его на пастушеском стане внутри временного жилища пастухов мардхана, примерно в центре последнего.

Тесто для вари делают пресное. Приготовляют его в большом тазу, постепенно подливая в муку воду, и затем месят минут 20, получается хорошо размешанное крутое тесто. Вместо скатерти в одном случае служил старый, но чистый халат, в другом — край пастушеской брезентовой палатки, в третьем — большая деревянная крышка *сардег*. На эту плотную ткань или деревянную крышку пастух насыпает ровный слой муки. Затем поднимает тесто из таза и несколько раз осторожно перекладывает с одной руки на другую, все время держа одной стороной вверх, так что эта верхняя сторона становится совсем гладкой. Гладкой стороной вниз пастух тихонько сбрасывает тесто на приготовленную муку, так, чтобы нижняя неровная сторона оказалась наверху, и обеими руками аккуратно разминает его; получается очень ровный и довольно толстый (около 4 см) круг. Тонкой деревянной палочкой он быстро протыкает дырочки в хлебе сначала кругом вдоль края, затем делает еще один круг, ближе к центру, и несколько раз протыкает посредине, равномерно по всему хлебу. Затем посыпает поверхность хлеба тонким слоем муки.

Все это время в центре мардхана горит костер, на котором греются медные кувшинчики для кипячения воды — *баррäг*.

Приготовив хлеб, пастух разгребает лопатой кучу горячей золы, освобождая под ней площадку, равную величине хлеба, тихонько сбрасывает хлеб на эту площадку раскаленного песка и быстро равномерно зарывает золой. Зарывают хлеб неглубоко, так, что видны его очертания и даже видно, как булькает тесто. Тотчас рядом разводят огонь и снова ставят кипятить воду.





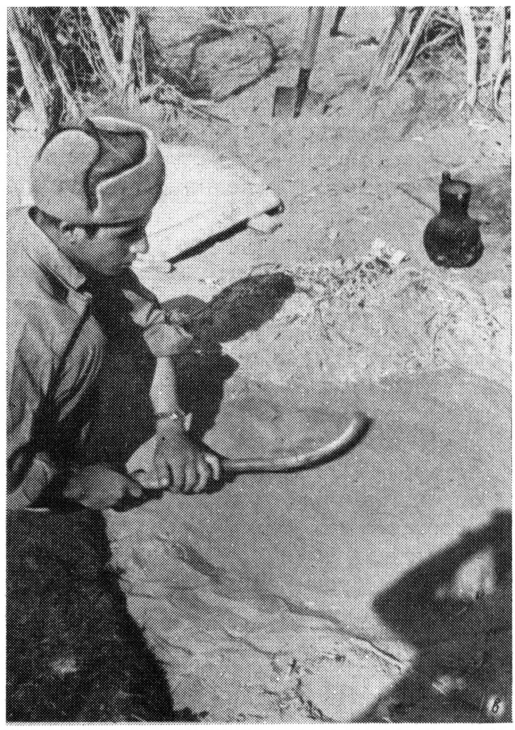


Рис. 41. Печение пастушеского хлеба вари на ферме мелкого рогатого скота.

а — подпасок формует хлеб руками; б — укладывание хлеба в раскаленный песок; *в* — зарывание хлеба горячей золой при помощи специальной искривленной палки.

Через 25—27 мин. после «посадки» золу отгребают изогнутой палкой *варджоз*, хлеб переворачивают, слегка почистив его той же палкой, и снова зарывают, подбавляя горячей золы из горящего рядом костра. Некоторые пастухи минут за пять до переворачивания отгребают немного золы и постукивают палочкой по хлебу, чтобы проверить степень его готовности, некоторые совсем этого не делают, действуют наугад и не ошибаются. Минут через 13 хлеб снова переворачивают, снова засыпают золой от горящего рядом костра и еще минут через пять-семь вынимают готовый хлеб. Всего он печется 45—50 мин. Хлеб немного тяжелый, но очень вкусный, с хрустящей корочкой.

В нашем присутствии пекли хлеб вари старый пастух и молодой подпасок. Всего хлеб пекся в первом случае 45, во втором — 50 мин., причем ни у того, ни у другого не было часов. Старый пастух проверял хлеб путем простукивания, подпасок не проверил ни разу, действовал более уверенно, быть может, потому, что печение хлеба — дело подпаска, которое он выполняет каждый день. Хлеб в первом случае имел форму круга диаметром 46 см, толщиной около 4 см, во втором — овала размером 40 × 34 см, толщиной 3 см.

Редким лакомством пастухов является хлеб с запеченной внутри бараниной (белуджск. *хатыльма*, туркм. *ишлекли*). Тесто приготовляют, как для хлеба вари, и делят на две части, одна из них несколько больше, чем вторая. Из большей части делают лепешку в величину вари. На нее кладут тонким слоем мелко нарезанную сырую баранину. Сверху накрывают лепешкой из второй части теста с отверстием в середине, в которое вставляют трубку из тростника. Затем защипывают края, чуть приподымая край нижней лепешки.

Эот «пирог» осторожно кладут на расчищенное от золы, раскаленное костром место в центре мардхана и засыпают горячей золой. Приготовляют пирог на деревянной крышке сардег (рис. 41, *а*); пекут так же, как хлеб вари.

Из мясной пищи упомянем еще об одном старинном блюде, которое нам характеризовали как чисто пастушеское. Из зарезанного барана вынимают рубец, чисто моют. Нарезают мясо и жир крупными кусками, заворачивают в рубец, завязывают веревочками и пекут в горячей золе, как и хлеб вари. Это блюдо также называют вари.

Чекдырме (туркм.) — мясное блюдо, по словам пастухов, заимствованное у туркмен. Воду нагревают на очаге и, не доведя до кипения, опускают в нее самые нежные куски молодого барашка — грудинку, вырезку и пр., которые варят, добавив соль и лук; перец и помидоры (если они есть) опускают, когда мясо почти сварилось. Особенность блюда — в том, что берется мясо очень молодого барашка, а это редко кто может себе позволить.

К пастушеской пище можно также отнести ряд блюд, описанных в разделе молочной пищи, приготовляемых из молозива или из свежего молока недавно ягнившихся овец — тахтук, саршаг, понч и панир. К этой же серии можно отнести следующее блюдо. Бывает, что ягненок рождается в пузыре. Последний осторожно с него снимают, наполняют молозивом и пекут в горячей золе. Получается род приятного на вкус, нежного сыра каʃ.

Ритуальная пища. Лишь в определенные ритуальные моменты принимается пища, приготовляемая для роженицы и младенца, а также специальное блюдо, подаваемое после совершения обряда бракосочетания на ужин — *малидаг*.

Роженице в первый день после родов приготовляют халву *тасапи*. В котел наливают одну чашку воды, кладут масло и виноградный сахар *набат*, кипятят, затем выливают в чашку и добавляют перец *пел-пел*, корне-

вище растения *даури зард* (белуджск.; перс. *зард чуба, зард* — «желтый», *чуба* — «палочка»; Curkuma longa L. zingiberaceae [45]), корневище растения *занджабиль* (белужск., арабск., перс.; Zingiber officinalis Roscol Zungiberaceae [46]), кору корицы *дарчини* (белуджск., перс., индийск., *дар* — «дерево», *чини* — «китайское»; Cinnamommum cossia Blume Lauraceae [47]), все толченое, и перемешивают.

В Афганистане и Иране добавляли еще толченые плоды дерева кюрси (гюрси) камар (арабск. *кюрси* — «лепешки», «круги», *камар* — «луна»; Entade scandens Benth. Leguminosae [48]).

Масло полагается класть в тасапи обязательно овечье. Как говорят белуджи, когда женщина родит, муж должен сто рублей отдать, но достать три вещи: овечье масло, перец и виноградный сахар набат. Но когда одну роженицу я спросила (в 1962 г.), какое масло положено в тасапи, она ответила: «Гокàин (коровье)».

Младенцу первые три дня дают овечье масло, смешанное с толченым сахаром.

На второй или третий день после родов роженице обязательно готовят блины *шоорди*, жаренные тоже в масле из овечьего молока, если таковое достанут. Тесто для блинов приготовляют жидкое, пресное. Готовые блины пересыпают сахарным песком.

Роженице также обязательно приготовляют какое-либо кушанье из курицы — куриный суп атук или жаренное в котле куриное мясо и потроха.

На свадьбе после совершения обряда бракосочетания *ника* устраивается ритуальный ужин малидаг. Для него готовят определенное блюдо *чуйдари* следующим образом: в тандуре пекут пресный хлеб, несколько тверже обычного. В котле разводят топленое масло, в него очень мелко крошат этот хлеб, посыпают толченым сахаром, все хорошо перемешивают и подают на блюде всем присутствующим, отдельно мужчинам и женщинам. Едят это блюдо только на малидаг.

В заключение следует сказать о проникновении в пищу белуджей как отдельных блюд из туркменской и русской кухни, так и продуктов, приобретаемых в продовольственных магазинах, а также отметить, что еще важнее, изменение общего рациона белуджской пищи.

Выше уже говорилось об употреблении белуджами в пищу отжатого пахтанья чакидаг, супа из молодого барашка (чекдырме) и других туркменских блюд. Многие белуджские женщины научились приготовлять плов, стряпать пельмени.

Приготовление пельменей нам удалось наблюдать. Тесто делается пресное, в него вбивают три яйца. Месят тесто тщательно, минут 40, раскатывают очень тонко и режут на квадратики примерно 8×8 или 9×9 см. Каждый квадратик смачивают с одной стороны водой, на эту сторону кладут промолотое через мясорубку баранье мясо, в которое добавляют соль и лук, складывают пополам и защипывают края, а затем варят в бульоне.

Многие женщины из белуджской интеллигенции научились у русского населения стряпать пирожки, заготовлять на зиму томаты и кислую капусту.

Постепенно изменяется отношение к покупной пище. В этом отношении женщины более консервативны, придерживаясь старого обыкновения употреблять в пищу только домашнюю, свежеприготовленную еду, но мужчины,

---

[45] Н. А. Монтеверде и А. Ф. Гаммерман. Туркестанская коллекция лекарственных продуктов Музея Главного ботанического сада. Известия Главного ботанического сада, 1927, стр. 22—23.

[46] Там же, стр. 52—53.

[47] Там же, стр. 18—19.

[48] Там же, стр. 26—27.

особенно представители белуджской интеллигенции, бывающие в командировках и на курортах, а также пастухи охотно едят рыбные консервы, сыр, копченую рыбу.

Иным стало отношение и к покупному хлебу. Если раньше из покупных изделий употребляли в пищу только печенье, то сейчас можно видеть, как супруги, возвращаясь из города с базара, привозят буханки серого и белого хлеба, баранки, бублики, сушки, что иногда на два дня освобождает хозяйку от печения хлеба в печи.

Заканчивая этот раздел, нам хотелось бы специально подчеркнуть ту огромную, разительную перемену, которая произошла в пище белуджей за время пребывания их в Туркмении. Если мы вспомним живое описание врачом Красновским (см. гл. I) жалкого, полуголодного существования белуджей в первые годы после переселения, приводившего к развитию среди них туберкулеза и различных эпидемий, мы увидим тот огромный сдвиг, который произошел в их материальном и культурном уровне и который нашел отражение и в пище как в одной из важных сторон домашнего быта. Дело не только в изобилии, но и совершенно ином отношении, в новых требованиях к пище, которая стала вкуснее, разнообразнее и питательнее.

Особо следует отметить проникновение в пищу белуджей фруктов и овощей, которые стали разводить буквально в последнее десятилетие на приусадебных участках и которые не входили в их прежний рацион кочевнической пищи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

СЕМЬЯ

Как уже говорилось выше, белуджи, переселившиеся в пределы Советского Союза главным образом в период с 1923 по 1928 г., значительно позднее, чем другие народы советской Средней Азии, были втянуты в орбиту советского строительства, экономического прогресса и перестройки семейного и общественного быта. В первое время после переселения из Афганистана белуджи полностью сохраняли те традиции и те формы быта, которые были естественны и привычны для них на родине. Хозяйственная и культурная отсталость, безропотное подчинение деспотичной власти ханов, а в семье — главе семьи, приниженное положение женщины в семье и обществе, религиозный фанатизм, суеверия и поголовная неграмотность — вот те черты, которые характеризовали быт белуджей в начале 30-х годов. Приобщение к советской культуре происходило весьма медленно. Белуджи в то время еще не являлись советскими подданными. Это обязывало местные государственные и партийные органы с особой осторожностью подходить к вопросам перестройки их хозяйства и общественной жизни. В отношении семейного уклада, совершенно ясно было, что сначала следует укрепить экономическое положение переселенцев, вывести их из состояния нищеты, уничтожить власть ханов, приобщить рядовые массы к образованию и культуре и лишь потом — постепенно и осторожно приступить к пропаганде за переустройство общественного и семейного быта, учитывая большую роль духовенства в то время в белуджской среде.

Поэтому, если у других народов Средней Азии, еще до Великой Октябрьской революции испытывавших культурное влияние русского народа, прошедших с начала революции долгий путь строительства социализма и новой жизни, встречаются до сих пор отдельные, иногда довольно сильные пережитки старых традиций, старых, уже отживших свой век религиозных взглядов на семью и брак, пережитки, с которыми советский народ ведет постоянную, неутомимую борьбу, в белуджском обществе, еще сравнительно недавно вступившем на путь экономического и культурного прогресса, только в последние полтора-два десятилетия происходит сдвиг в старом мировоззрении. Этим объясняется тот факт, что среди белуджей, как мы увидим ниже, в известной мере сохраняются указанные выше пережитки, проявляющиеся больше всего в семейной жизни и в вопросах брака.

Следует все же сказать, что, хотя в семейной жизни белуджей еще сохраняются значительные пережитки старых традиций, связанных большей частью с существовавшими у них в прошлом патриархальными отношениями, наряду с ними возникают новые формы брака, новые формы общественных и семейных отношений, более разумные, свободные и здоровые. Последние являются прогрессивными, растущими, завоевывают все большее место в мировоззрении не только молодежи, но и среднего поколения. Процесс этот происходит довольно медленно, тем не менее в последние годы быстрое повышение экономического и культурного уровня белуджей и борьба, которую ведут местные советские и партийные организации, а также наиболее передовая часть белуджей, с сохранившимися у них вредными пережитками прошлого, несовместимыми с социалистическим строем, с советской идеологией, создают условия для полного перелома в их мировоззрении.

Как показывают материалы анкетного обследования двух поселков в белуджском колхозе им. Калинина Иолотанского района, произведенного в конце 1966—начале 1967 г., господствующей формой семьи является малая семья, состоящая из родителей и их детей, еще не вступивших в брак. Иногда совместно с ними проживают престарелые родители, сироты-племянники, одинокие брат или сестра главы семьи, почему-либо утратившие семью или еще не вступившие в брак, реже — не вступившие в брак младшие брат или сестра хозяйки, если у них нет родителей. Если глава семьи женат на вдове, в семье проживают ее дети от первого брака, если старшие родственники умершего мужа не оставили их у себя. Такие случаи, противоречащие старым обычаям, в настоящее время встречаются. В двух случаях вместе с родителями мужа проживает молодая невестка с одним-двумя маленькими детьми: 1) если ее муж работает в песках, на ферме мелкого рогатого скота, и бывает дома лишь изредка и во время отпуска; 2) когда муж находится на действительной службе в Советской Армии и, следовательно, также долго отсутствует. В том и другом случаях это объясняется, естественно, тем, что молодой женщине, даже имеющей детей, согласно прежним представлениям о приличиях, неудобно жить одной. Иногда старший сын после женитьбы четыре-пять лет проживает вместе с родителями.

Одним из примеров такой сложной семьи является семья Амида Ибрагимова, самая многочисленная в поселке 1—2-й бригад колхоза им. Калинина, состоящая из 13 человек: самого Амида, его жены, семерых его детей и проживающих совместно с ними его матери 67 лет, его неженатого брата 18 лет и овдовевшего брата его жены с маленьким ребенком. Брат жены проживает с ними временно (очевидно, пока не женится). Другой пример — семья фельдшера этого же поселка Абдуллы Сапарова, женившегося на своей двоюродной сестре Зармали, овдовевшей в 1963 г. У Абдуллы и Зармали двое детей. Совместно с ними проживают мать Абдуллы 57 лет, два его младших брата 15 и 16 лет и пятеро сыновей Зармали от первого брака, которых они при женитьбе не отдали родственникам первого мужа Зармали, — всего 12 человек. Все члены семьи — иждивенцы Абдуллы, за исключением старшего из сыновей Зармали, работающего в колхозе.

Случаи проживания в семье близких родственников, каких можно было бы привести еще немало, объясняются не столько традицией, сколько стечением обстоятельств. Обычный же состав семьи — это родители и их дети, поэтому численность семьи находится в прямой зависимости от количества детей и в большинстве случаев прямо пропорциональна количеству лет, прожитых супругами совместно. Например, Наби Пакиров и Маджан Гуламова вступили в брак в 1945 г., у них девять детей (рождения 1949, 1951, 1954, 1955, 1958, 1959, 1962, 1964 и 1965 гг.), численность семьи

11 человек; Салим Лалмамедов и Гульпери Ширмамедова вступили в брак в 1946 г., у них тоже девять детей (рождения 1950, 1952, 1953, 1957, 1958, 1959, 1961, 1962 и 1966 гг.), семья состоит из 11 человек. У Ширмамеда Керимова, у Шарипа Сеидханова и др., вступивших в брак в 1946—1947 гг., по восемь детей, численность каждой семьи 10 человек. У Акима Исмаилова, женившегося в 1952 г., и у Мамеда Керимова, женившегося в 1953 г., детей по пять человек, численность их семей — семь человек и т. д.

Средняя численность семьи в двух обследованных нами поселках составляет в центральном поселке (40 семей) 5.85 человек, в поселке 1-й и 2-й бригад (140 семей) — 6 человек.

Численный состав белуджских семей по этим двум поселкам, если мы исключим троих одиночек, которые не составляют семьи, выглядит следующим образом: [1]

Число членов семьи	Число семей	% от общего числа семей
2	16	20.9
3	21	
4	23	28.3
5	27	
6	17	50.8
7	24	
8	19	
9	13	
10	8	
11	5	
12	3	
13	1	

Если мы сравним эти данные с численным составом киргизских семей, проживающих в селении Дархан, то увидим, что у белуджей он выше. В частности, значительно больше семей с численным составом от 6 до 13 человек (29.9% у киргизов и 50% — у белуджей) при отсутствии неразделенных семей, которые у киргизов кое-где еще сохранились. Это объясняется, несомненно, большой многодетностью в белуджских семьях, примеры чего были нами приведены выше.

Как и у других народов Средней и Передней Азии, характерными чертами внутренних взаимоотношений в белуджской семье являлись еще в недавнем прошлом деспотическая власть главы семьи — отца над женой и детьми или, если нет отца, старшего брата — над младшими, не вступившими в брак братьями и сестрами, подчиненное положение женщины по отношению к мужчине, подчинение младших членов семьи авторитету старших и т. д.

Характер взаимоотношений внутри семьи у указанных выше народов получил достаточное освещение в работах Н. А. Кислякова [2] и других авторов,[3] поэтому нет необходимости описывать здесь эти взаимоотношения во всех подробностях. Однако заслуживает внимания вопрос о разделении труда и о положении женщины и девушки в белуджской семье.

---

[1] Составлено по образцу, имеющемуся в работе С. М. Абрамзона, К. И. Антипиной, Г. П. Васильевой, Е. И. Маховой и Д. Сулейманова «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» (М., 1958, стр. 213).

[2] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 42—43, 242—243.

[3] О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 173, 176—179; Г. П. Васильева и Н. А. Кисляков. Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма. СЭ, 1962, № 6, стр. 4, 5 и др.

Обычный женский состав семьи — мать и ее дочери. К ним прибавляются сестры главы семьи или его жены, а также жена сына, если он проживает совместно с отцом.

Во времена пребывания белуджей за рубежом судьба женщины была различна в зависимости от той социальной группы, к которой она принадлежала. Мы имеем об этом довольно скудные данные. Можно привести лишь краткие сведения из работы Е. Черняковской о жизни женщины из имущих классов — в семьях белуджских ханов в Иране, а также женщин-рабынь, в 1920-х годах.

«Женщины высшего класса, — пишет Е. Черняковская, — живут в условиях замкнутой жизни, окруженные рабынями и женской прислугой. В Сейстане до сих пор сохранилось рабство... Гулямы (рабы) и кяниз (рабыни) считаются собственностью владельца, и их потомство приковано к своим господам. Исполняют они главным образом черную работу по дому — толкут в ступках зерно, превращая его в муку и пр.; обязанность некоторых женщин сводится к тому, чтобы неслышно отгонять мух во время сна своих господ или обвевать веером во время обеда.

«Среди богатых развито многоженство, но жены со своими семьями живут обыкновенно в разных имениях».[4]

Совсем иным было положение женщины в семьях трудящихся. В скотоводческом хозяйстве белуджей существовало определенное разделение труда между мужчиной и женщиной. Заботы о стаде, случка, отбивка молодняка, стрижка овец весной и осенью были обязанностью мужчин, так же как и выполнение земледельческих работ в тех хозяйствах, которые занимались еще и земледелием. Доение овец и весь труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и земледелия, — приготовление молочных продуктов, обработка шерсти, прядение, окраска и ссучивание ниток, изготовление ковров и ковровых изделий, паласов, а также тканей для мужских халатов и для покрытия шатров, размол зерна на ручной «мельнице», печение хлеба и множество других работ — лежали на женщине. На ней же лежали уход за детьми и их воспитание, приготовление пищи, шитье и починка одежды для всей семьи, разборка шатра при перекочевках и установка его на новом месте, уборка помещения и поддержание порядка в доме, стирка и бесчисленное количество других мелких обязанностей, связанных с домашним хозяйством.

В большой семье обычно сам хозяин лишь руководил повседневной работой, не принимая в ней непосредственного участия, но нес все обязанности, связанные с выездом из дома: ездил на базар и покупал все необходимое для семьи, ведал покупкой и продажей скота, шерсти, зерна и т. д. Если он имел сыновей, то старшего из них брал с собой начиная с 10—12-летнего возраста, а лет с 16—17 уже давал ему и ответственные поручения по хозяйству. Например, весной старший сын неотступно ходил за стадом, следил за окотом овец и тут же метил ягнят, вырезая на их ушках свою метку. Если же достаточно взрослого сына хозяин не имел, то делал это сам или вместе с сыном. Кроме того, хозяин сам чинил и исправлял седла, как верблюжьи, так и для ослов и лошадей, а также и всю прочую сбрую, чинил обувь, как свою, так и всех женщин своей семьи. Зимние войлочные бурки из белой кошмы — *тапур* мужчины также шили сами. Земледельческие работы выполнялись отцом вместе с сыновьями, но если в семье жил какой-либо престарелый или молодой неимущий родственник, земледельческие работы возлагались на него. В богатых семьях, в которых обычно проживали такие неимущие родственники, они же перевозили грузы на верблюдах, если была в том надобность, возили воду, если арык или река были далеко и нужно было везти воду

[4] Е. Черняковская. Сейстан. ИРГО, т. IX, вып. 1. 1928, стр. 133.

Рис. 42. Мальчики заготовляют топливо—колючку.

на осле, давали корм лошадям, ослам и другому скоту, находящемуся возле дома, и ухаживали за ним, доставляли муку и прочие продукты пастухам. Если семья была небольшая и таких лиц в ней не было, эти обязанности распределялись между сыновьями, а при отсутствии сыновей хозяин выполнял их сам, но тогда на помощь приходили женщины. На обязанности подростков 14—15 лет лежала пастьба верблюдов. Те семьи, в которых не было мальчиков 14—15 лет, отдавали своих верблюдов в стадо соседа за соответствующую плату. Мальчики 10—13 лет обязаны были снабжать семью топливом — гребенщиком и другим сухим кустарником, привозить нужное на день количество травы, а зимой — соломы для лошадей и другого скота.

Больше всего было работы у женщин. Они раньше всех вставали и позже всех ложились спать, за весь день ни минуты не оставаясь без работы. Распределением работ ведала старшая из женщин, хозяйка дома. Поднимались женщины еще в темноте, и пока закипит чай в кувшине для кипячения воды ҕаррӓг, они при свете костра уже пряли и сучили нитки. Только после того, как мужчины напьются чаю, они на несколько минут бросали работу, чтобы выпить чаю, и снова принимались за прядение и ссучивание ниток или тканье ковровой подушки, полосы ткани для шатра, чтобы заменить старую, износившуюся. Весь день был заполнен обработкой шерсти — ее сортировкой, взбиванием, окрашиванием, прядением, или другими домашними работами. Даже если женщина шла в соседний шатер поболтать с соседкой, она захватывала с собой веретено и шерсть и беспрерывно пряла нитки.

Во второй половине дня одна из женщин, хозяйка или старшая дочь, замешивала тесто для хлеба. Его выпекали, как выпекают и сейчас, в количестве, потребном на одни сутки, иначе он быстро черствеет.

Ко времени заката солнца женщины приготовляли пищу, но ели опять-таки лишь после того, как насытились мужчины. После еды снова принимались за работу. Вечером, когда мужчины ложились спать на

постели, приготовленные им женщинами, последние еще долго сидели у костра и работали — шили и пряли нитки.

Еще больше работы было у женщин весной: они должны были успеть выдоить всех овец, коз, верблюдиц, вскипятить и заквасить молоко, сбить масло из молока, заквашенного накануне, приготовить из пахтанья сыр и другие молочные продукты.

На женщинах же лежала обязанность приносить воду из реки или арыка. Лишь в тех случаях, когда привозить воду нужно было издалека, эта обязанность лежала на мальчиках 10—12 лет.

Таким образом, труд в домашнем хозяйстве был распределен весьма неравномерно, он лежал главным образом на женщинах и детях, причем женщины выполняли не только работу по дому, в их обязанности входила обработка всех продуктов скотоводства и земледелия. Мужчины были заняты в определенные периоды — ягнения, весенней и осенней стрижки, случки и в некоторые другие. В остальное же время, особенно зимой, они были свободны от хозяйственных работ и проводили время в хождении в гости, беседе, а по вечерам собирались в каком-либо шатре послушать игру на белуджском национальном музыкальном инструменте *суроз* или пение певца — *шаир*. Существовали и мужские спортивные игры.

Нельзя, однако, сказать, что женщины занимали в семье совсем уже приниженное положение. В семьях трудящихся скотоводов, в хозяйство которых женщина вкладывала так много инициативы и физического труда, она пользовалась некоторой свободой и уважением.

По свидетельству П. А. Риттиха, относящемуся к 1900 г., женщины пользуются большим почетом среди белуджей и нередко являются усмирительницами внутренних раздоров и кровной мести.[5] Далее автор пишет, что женщины в селении Сурмич «держали себя свободно, крайне развязно, покрикивали на мужчин».[6]

Материалы экспедиции 1929 г. также говорят о том, что в то время, к которому относится переселение из Афганистана в Туркмению, белуджские женщины пользовались по сравнению с туркменками большей свободой. Белуджской женщине не запрещалось говорить с посторонним мужчиной, если он придет в дом, при входе с ней здоровались, и она отвечала, правда, с женщиной здоровались уже после того, как поздороваются с мужчинами. Женщина — хозяйка дома, не отрываясь от своих занятий, принимала нередеко оживленное участие в разговоре мужчин, особенно если была остра на язык.

Несравнимо более легким и свободным, чем у окружающего туркменского населения, было в белуджской семье положение невестки *арус*, не было в обычае столь многочисленных запретов и избеганий других членов семьи, которые предписывались молодой у тюркских народов.

По словам женщин, в прежние годы невестка «стеснялась» свекра от 6 мес. до 1 года; сейчас этот обычай почти не соблюдается. Наша хозяйка Шапери Шарипова в колхозе им. Калинина рассказала нам, что со своей свекровью она не говорила один месяц после свадьбы, потом привыкла. В этом вопросе, т. е. в отношениях со свекровью, правил не существует.

Однако, несмотря на эту внешнюю свободу поведения, женщина в белуджской среде была по существу бесправна. Девушку выдавали замуж в подавляющем большинстве случаев, не спрашивая ее согласия, овдовевшая женщина сохраняла право на своих детей только при условии выдачи ее замуж за брата покойного мужа или за кого-либо из его близких родственников. Если она выходила замуж за постороннего, ее дети оставались

---

[5] П. А. Риттих. Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 г., чч. I, II. СПб., 1901, стр. 276.

[6] Там же, стр. 287.

у ближайших родственников мужа. При разводе ее дети, во всяком случае сыновья, оставались у мужа и жили с мачехой. Доля женщины в наследовании была всегда меньше, чем доля мужчин (по шариату $^1/_2$ доли мужчины).

Наличие до недавнего времени таких обычаев, как левират и сорорат, обмен невестами без выкупа, да и существовавший ранее выкуп говорят о бесправном положении в прошлом женщин и девушек.

Существовал еще и ряд мелких унизительных обычаев. Например, женщина никуда не могла уйти из дому одна. Приличия требовали, чтобы даже в другой конец поселка женщина шла обязательно в сопровождении другой женщины либо с мальчиком-подростком. За пределы же своего поселка она отправлялась не иначе, как в сопровождении мужчины, — мужа, брата или отца.[7]

На больших празднествах и угощениях, при большом стечении народа, женщины ели и развлекались в отдельном помещении. В обычной обстановке, в семье, женщины принимали пищу в том же помещении, что и мужчины, но отдельно от них и уже после того, как мужчины поели.

Теперь женщины едят при свекре и другой мужской родне свободно. Если мужчины и женщины сидят в одном помещении, они едят отдельно, но в наше время уже одновременно. Невестка ест с женщинами в том же помещении, где находится свекор. Так было и раньше.

За нарушение супружеской верности муж не только имел право зарезать жену и ее любовника, но это даже предписывалось представлениями о чести.[8] Если муж убивал жену, считалось, что он уже смыл с себя бесчестье, но, чтобы смыть позор с ее семьи и с нее, брат жены должен был убить ее любовника. Так же жестоко наказывалась и девушка в случае отказа выйти замуж за юношу, предназначенного ей в мужья старшими родственниками. Эти зверские обычаи вели к кровной мести, продолжавшейся десятилетиями. Человек, убивший кого-либо хотя бы на основании указанных выше обстоятельств, становился ондар (иранск. *он, хон* — «кровь», *дар* — «имеющий», т. е. «имеющий на себе кровь») и нередко вынужден был покинуть родные места, опасаясь быть убитым. Иногда целые подразделения рода переселялись на далекие расстояния из-за кровной мести. История переселения отдельных кровнородственных групп пестрит такого рода событиями.

В те времена бывали и случаи нанесения побоев мужем жене, но характерными для белуджей эти случаи назвать нельзя. Большая или меньшая свобода женщин у себя дома и общая благопристойность поведения всегда были характерны для белуджей.

Из всех старинных обычаев и представлений у белуджей особой живучестью отличаются обычаи, связанные с браком и свадьбой, с феодально-байским отношением к женщине; наиболее живучи они там, где в большей мере сохранились пережиточные формы большой патриархальной семьи.

---

[7] Этот обычай, частично сохранившийся и до наших дней, вредно отражается на работе. Иногда при отправке женщин на ферму мелкого рогатого скота во время доения овец заведующий фермой и правление колхоза сталкиваются с трудностями.

[8] В афганском законодательстве лишь в последние десятилетия стали применяться современные правовые нормы (главным образом в отношении воинской повинности и коммерческих дел); в области семейных отношений продолжают действовать нормы мусульманского права — шариата, а также правовые установления племен (афг. *пухтунвалай*). Эти нормы поддерживают старинные жестокие обычаи. Например, в случае измены жены муж убивает обоих виновных, если застанет их на месте преступления. Родственники убитого в этом случае не имеют права мстить. Если девушка выйдет замуж без согласия отца, он имеет право убить ее (ежегодник «Кабул», 1939—1940; цит. по главе «Афганцы» — автор М. Г. Асланов — в томе «Народы Передней Азии» серии «Народы мира», М., 1957, стр. 103). Белуджи в устных беседах подтверждали эти сведения.

Последнее наблюдается как в поселках с наиболее компактным белуджским населением, так и в туркменских колхозах — в белуджских бригадах, расположенных на окраинах, далеко от центра колхоза.

Большая патриархальная семья у белуджей не сохранилась и ее не помнят. Не сохранилось у них и менее многочисленной «неразделенной» семьи, состоящей из родителей и их женатых сыновей или живущих вместе женатых братьев.[9]

Как пережиток некогда существовавшей у белуджей большой патриархальной семьи встречаются еще и сейчас отдельные случаи, когда не сразу отделяют женившегося сына.[10] Последний продолжает жить, как указывалось, в помещении для гостей, иногда даже имея маленьких детей. Стол и бюджет остаются частично общими. Однако нормой является отделение женившегося сына непосредственно после свадьбы. Эта норма существует давно. В Афганистане для молодой пары строили каппа, род шалаша из циновок, или ставили маленький шатер *ароси гедан* (от *арус*, *арос* — «невеста», «свадьба», *гедан* — «шатер»).

Целый ряд других черт также указывает на существование в прошлом большой патриархальной семьи. Одной из наиболее ярких из них является сохранение до сих пор семейно-родственных групп, имеющих общего, иногда еще живущего предка. Эти группы, образовавшиеся, повидимому, из распавшихся на малые семьи больших патриархальных семей, сохраняют весьма тесные родственные связи и зафиксированы у многих народов Средней Азии.[11] С. М. Абрамзон справедливо рассматривает их как «последующий (после большой семьи, — *Э. Г.*) этап развития семейных связей, вызванный распадом патриархальных семейных общин древнего типа»,[12] или, как определяет их Т. А. Жданко, «позднюю форму большой патриархальной семьи».[13] Как мы увидим ниже, именно эти семейно-родственные группы являются хранительницами старых устоев и традиций, перешедших к ним от большой патриархальной семьи.

Обычно дома близких родственников располагаются в селении группой, образуя как бы отдельный квартал, который составляют дома отца и нескольких его сыновей с семьями или дома нескольких родных, а иногда и двоюродных братьев с семьями. Мы встречали также поселения нескольких близких семей, чаще всего отца и его сыновей или нескольких родных братьев с семьями, в одном доме, представляющем собою ряд изолированных помещений с отдельными входами с улицы, расположенных в ряд под одной крышей (см. гл. III, раздел «Жилище», стр. 107). В обоих случаях семьи эти не имеют общего хозяйства, бюджет у каждой из них отдельный, стол отдельный, лишь иногда общий, но авторитет отца или старшего брата, если отца уже нет в живых, настолько велик,

---

[9] О неразделенной семье см.: О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 173—175; С. М. Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. КСИЭ, т. XXXVIII, 1957, стр. 31—32; С. М. Абрамзон. Киргизская семья в эпоху социализма. СЭ, 1957, № 5, стр. 136; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, стр. 214—218; М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959, стр. 23; Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 22—25, 32.

[10] На эту традицию, характерную для периода перехода от большой семьи к малой, указывает также Н. А. Кисляков (там же, стр. 23).

[11] См.: Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 19—20; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М., 1950, стр. 80—82; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, т. I. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXI. М., 1954, стр. 177, 178 и др.

[12] С. М. Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье..., стр. 32.

[13] Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 81.

взаимоотношения настолько тесны, готовность поделиться любой частью имущества настолько проста и разумеется сама собой, что, кажется, большая семья здесь вот только что была.

Иногда по тем или иным причинам такая группа распадается на две, даже живущих в разных колхозах, но родственные связи между ними остаются очень близкими.

В качестве примера семейно-родственных отношений в группе, члены которой проживают в разных местах, мы можем привести группу потомков Кои и его сестры (они ведут свое происхождение из племени родени, подразделения джамальдинзи), изображенную графически на рис. 43. Из первых двух поколений данной группы, т. е. Кои и его сестры, а также четырех сыновей и дочери Кои и сына его сестры никого в живых уже нет. Семейно-родственная группа состоит из внуков и правнуков Кои. Такая группа называется по-белуджски *накузак кадаг* — «группа двоюродных братьев».

Старшим — *мазан*, или *спериш*, в данной группе является Ханмамед Аллададов, старший по возрасту и, кроме того, образованный и бывалый человек. Из членов этой группы Ханмамед, Гульша и Ширмамед проживают в центральном поселке колхоза им. Куйбышева, все остальные — на территории поселка бывшей 2-й бригады того же колхоза, перешедшей в 1961 г. к Иолотанской зональной селекционной станции. К этой же группе причисляют еще Шакара Наби из того же племени, но из подразделения лададзи. Принадлежа к другому подразделению, Шакар не должен был бы входить в данную семейно-родственную группу, но отец его Наби приходился по материнской линии троюродным братом Аллададу, отцу Ханмамеда, таким образом, Ханмамед и Шакар — четвероюродные братья. Подобное родство — весьма далекое и обычно уже не признаваемое за родство, но за пределами описываемой группы других соплеменников в колхозе им. Куйбышева и Зональной станции у Шакара нет, поэтому его все же считают принадлежащим к ней.

Все указанные на рис. 43 лица, хотя и живут в двух разных поселках, осознают свою группу как единое целое и перечисляют ее членов как членов своей семьи. Родственная связь между ними очень тесная.

При рассмотрении браков данной группы обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все девушки отданы замуж за своих двоюродных братьев: во втором поколении — Кои свою дочь Мадари отдал за сына своей сестры Джамальдина; в третьем поколении — дочь Аллададa Дурбиби отдана за сына его старшего брата Гульзара, дочь Каландара Хатиджа — за сына другого брата, Абдуллу, другая дочь Каландара, Зулейха, — за сына его сестры Мадари в обмен на дочь Мадари и Джамальдина Гульпари, которую отдали за сына Каландара Мамеднура. Такой обмен невестами без уплаты калыма, называемый *чафы*, как говорилось, практиковался среди белуджей, как и среди других народов Средней Азии.[14]

Из всех девушек рассматриваемого третьего поколения лишь Патму, дочь Гульзара, отдали за Якуба, представителя племени нотани, так как внутри группы не было подходящего ей по возрасту жениха. Эта пара не входит в данную семейно-родственную группу.

Вообще, по словам Ханмамеда Аллададова, в третьем поколении девушек было мало, поэтому для сыновей Гульзара, Гульши и Назара, и для всех сыновей Джумы своих девушек не нашлось и для них взяли девушек из других тайфа (рахшани, брагуи, малекки, реки и др.).

Описание взаимоотношений внутри семейно-родственных групп дано достаточно подробно С. М. Абрамзоном, в работе которого, посвященной

[14] См., например: Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли.

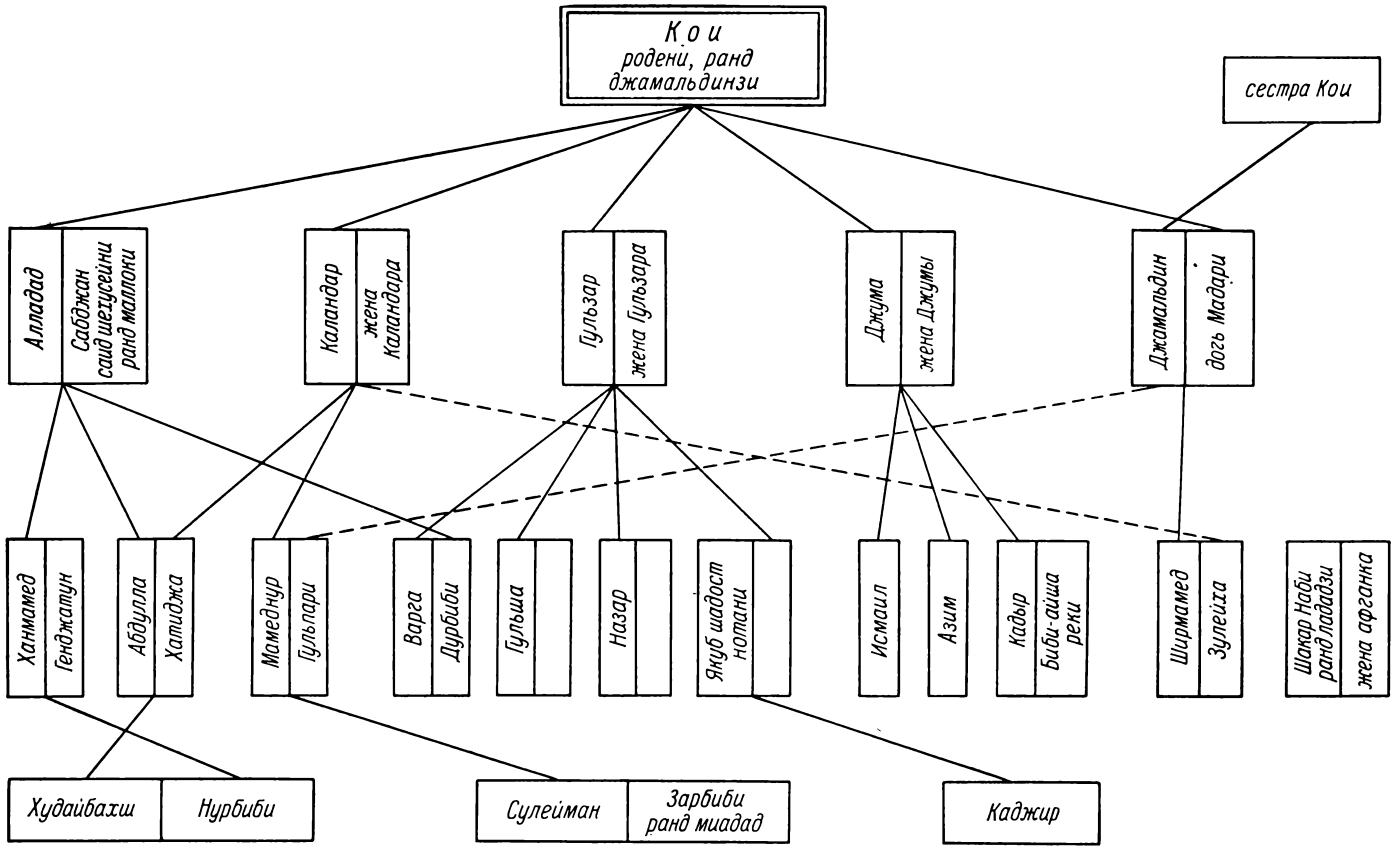


Рис. 43. Семейно-родственная группа потомков Кои (тайфа родени, ранд джамальдинзи).

специально данному вопросу, приводится и обширный сравнительный материал.[15] Нам хотелось лишь указать на наличие у белуджей семейно-родственных групп и подчеркнуть ту большую роль, которую играет у них в таких группах старший как в хозяйственных вопросах, так и главным образом в вопросах, связанных с заключением браков. Как нам приходилось наблюдать, если такая небольшая еще группа проживает в тесном соседстве или, тем более, в одном доме, между семьями сохраняется хозяйственная связь, причем власть старшего распространяется и на хозяйственные вопросы. Например, в небольшой, живущей под одной крышей семейно-родственной группе Абдуллы Велиева в колхозе им. Калинина, состоящей из него самого и семей его сыновей, каждая отдельная семья имеет свой скот. Последний пасется в общем стаде села, а иногда и данной группы, но каждый знает своих овец. Если же нужно зарезать овцу или двух для свадьбы, или для поминок по родичам, или просто для приема важных гостей, сам Абдулла отдает распоряжение, какую овцу зарезать, из чьего скота, и тот, кому она принадлежит, не имеет права возражать.

В 15-й бригаде колхоза «Победа» Иолотанского района, в семейно-родственной группе, возглавляемой бригадиром Расулом Рахмановым, мы наблюдали в январе 1967 г. интересный случай хозяйственной взаимопомощи среди членов группы. У брата жены Расула пала корова. Пастух успел зарезать ее, когда она еще была жива, и сообщил хозяевам. Тотчас же все мужчины данной семейно-родственной группы поехали за коровой, привезли ее и освежевали. Работа шла исключительно быстро и ловко. Всем руководил Расул. Еще когда свежевали тушу, шофер, племянник Расула, сообщил нам, что мясо будет распределено между всеми членами группы и все будут участвовать материально в покупке новой коровы — это закон.

Был сварен обычный мясной суп атук, все собрались на трапезу. После еды приступили к обсуждению. Согласились на том, что корова стоит 400 руб. Расул предложил каждому из восьми «самых сильных» хозяев из данной семейно-родственной группы внести 50 руб. или одну овцу, по желанию. Предложение не вызвало возражений. Так как наступила ночь и все устали, дележ мяса отложили на утро. Нам сказали, что мясо разделят на восемь равных частей между теми же восемью хозяевами, так, чтобы каждому досталось хорошего мяса от задней части — *катчай гошт* (катч — задняя часть, *гошт* — мясо). Распределять будет Расул. А младшим, «менее сильным», даст мяса отец или старший брат, так что мясо получат все. Такая помощь в отличие от материальной взаимопомощи на свадебные расходы *беджар* называется *комек*.

Если семейно-родственная группа проживает в двух разных селениях, хозяйственная связь, разумеется, слабее, но взаимопомощь всегда сохраняется. Старший выступает здесь уже в более серьезной роли — организатора необходимой взаимопомощи при свадьбе (беджар), опеке над сиротами, в вопросах брака (главным образом выбора невесты), а также в случаях каких-либо крупных ссор между членами группы или членов группы с представителями других племен.

Племена и их подразделения в той пережиточной форме, которую они еще недавно сохраняли, патрилинейны; следов матрилинейности мы нигде не обнаружили. Однако родство по матери играет значительную роль как в вопросах брака, так и во взаимоотношениях между семьями и отдельными людьми, в некоторых случаях оказывая даже вредное влияние,

---

[15] С. М. Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье..., стр. 32—34; большой сравнительный материал по данному вопросу приводится также в работе Н. А. Кислякова «Очерки по истории семьи и брака...», стр. 43—45.

как и родство по отцу, на внутренние дела колхоза или отдельных бригад.[16] Родство по отцу имеет все же большее значение, чем родство по матери, и агнатные родственники *пуштей мард* [17] имеют больше прав, чем родственники по матери *лапай мард* [18] (в том числе и дяди по матери).

Существующие до сих пор семейно-родственные группы и сохраняемые ими старые традиции в отдельных случаях оказывают отрицательное влияние на социальную жизнь колхозников, тормозя развитие общественного сознания, направляя его в русло отсталых взглядов и представлений.

Роль старшего в семейно-родственной группе главным образом в вопросах, связанных с заключением брака, очень велика. Без его согласия нельзя ни женить юношу, ни выдать замуж девушку, причем с этой правовой нормой считаются не только члены данной группы, но и окружающие. Например, в 1966 г. упомянутый выше Шакар Наби решил сосватать за своего сына дочь Нурмамеда Гарибова, происходящего из племени брагуи. Вопреки старинным обычаям, не всегда соблюдаемым в наше время, Шакар не обратился к старшему своей группы Ханмамеду Аллададову, а пошел сам говорить с Нурмамедом. Нурмамед предложил ему обратиться к его отцу Гариб-ага, являющемуся в свою очередь старшим в той семейно-родственной группе, к которой принадлежит Нурмамед, от согласия которого зависело решение вопроса. Однако Гариб-ага ответил, что будет вести разговор только с Ханмамедом и ни с кем другим. В следующий раз, когда, по просьбе Шакара, на сватовство *касиди* пришел также и Ханмамед, Гариб-ага дал согласие на брак своей внучки с сыном Шакара, лишь услышав из уст самого Ханмамеда, что он берет на себя полную ответственность за то, что все будет сделано достойно и прилично, т. е. согласно обычаю.

Почти одновременно с этим сватовством Ханмамед сосватал за своего двоюродного брата Азима дочь Сапара, происходящего из племени арбаб. Из этого племени в Туркмении нет больше ни одного человека, поэтому Ханмамед обратился непосредственно к Сапару. Согласие было дано сразу же, и Сапар даже выразил большую радость по поводу того, что у него через *васлат* (арабск. *василат* — «родство через брак») будет теперь пять братьев, тогда как до сих пор он был один. Имелись в виду Ханмамед и четыре его двоюродных брата. Вскоре после этого Сапар стал сватать за своего сына дочь Шакара, и когда тот обратился за советом к Ханмамеду, последний ответил: «Ведь Сапар отдал нам свою дочь, значит, и мы не должны ему отказать». Ханмамед пожалел лишь, что Сапар не сказал об этом сразу, тогда можно было бы совершить обмен *чаҷы*.

Все вышесказанное наглядно показывает, насколько у белуджей каждая семейно-родственная группа, являясь, по определению С. М. Абрамзона и Т. А. Жданко, последующим после большой семьи этапом развития семейных связей или поздней формой экономически давно уже распавшейся большой патриархальной семьи, в области сознания по сей день рассматривается как нечто единое, как одна семья, и какую большую роль играет в ней ее глава.

---

[16] В частности, одной из причин недовольства колхозников правлением в колхозе им. Куйбышева послужило то обстоятельство, что председатель колхоза во многих производственных вопросах оказывал предпочтение бригаде, где бригадиром был его близкий родственник со стороны матери, и другим родственникам по материнской линии.

[17] Термин «пуштей мард» происходит от слова *пушт* — «спина», второе значение этого слова — «происхождение», например, *аз пуште рахшани* означает «происходит от племени рахшани», *пушт дар пушт* — «генеалогия по мужской линии», *пуштей мард* — «родня со стороны отца».

[18] *Лапа* по-белуджски, видимо, «утроба», *лапай тей* — «внутренности», *лапай мард* — «родственники по матери».

Из приведенных выше фактов видно также, как мало значения придавалось в прошлом во всех семейных вопросах, главным образом в вопросах брака, собственному мнению или желанию девушек.

Переселение белуджей в Советский Союз и переход их к совершенно иному и новому типу хозяйства ликвидировали самые основы существования патриархально-феодальной семьи с ее глубоко укоренившимися реакционными традициями. Переход всех средств производства в общественную собственность, установление социалистической системы хозяйства не могли не вызвать больших психологических сдвигов как в области сознания людей, в их взглядах и мнениях, так и в их поведении, в их отношении к различным сторонам жизни, в том числе и в их семейных отношениях. Хотя старые традиции, не соответствующие новому коллективному строю хозяйства, новой советской морали, еще не изжиты полностью, но они обречены на отмирание самими условиями жизни и быстрым ростом культуры.

Огромную роль в развитии более свободных и здоровых отношений в семье сыграли как переход белуджей от кочевого и полукочевого быта к оседлому образу жизни, так и вовлечение женщины в общественное производство.

В современной белуджской семье отношения между старшим и младшим поколениями в значительной мере изменились. Авторитет главы семьи по-прежнему очень высок, и в вопросах семейной жизни решение отца, как правило, считается окончательным. Но по своему характеру взаимоотношения стали легче и свободнее. Взрослые сыновья, не работающие в хозяйстве отца, а имеющие самостоятельную работу в колхозе, а тем более получающие специальное образование, нередко вступают в споры с отцом, если его мнение кажется им отсталым, несовременным, иногда даже поступают по-своему, например в выборе специальности. Еще более независимо чувствуют себя сыновья, уже окончившие учебные заведения, работающие по специальности, имеющие поэтому более высокий культурный уровень и более высокий заработок, а также сыновья, побывавшие в Советской Армии. Уважение к старшим и к воле отца попрежнему является характерным для белуджской семьи, но бывает теперь, что и отец прислушивается к мнению сыновей и советуется с ними. Например, в поселке 1—2-й бригад колхоза им. Калинина, в семье тракториста Вели Дильмурадова, старший уже женатый сын, имеющий маленького ребенка, по специальности электромеханик, находился в 1967 г. в Советской Армии, где окончил сержантскую школу. Ему было предложено продолжить военное образование (видимо, поступить в офицерское училище). Из города, где он находился, он вызвал отца к междугородному телефону и просил у него на это разрешения. Отец согласия не дал, опасаясь, что сын не вернется домой. Однако по настоянию этого же старшего сына своего второго сына, Мамеда, отец отдал в школу-интернат в Иолотани, чтобы тот, обучаясь в городе, имел больше шансов на поступление в вуз. Последний факт не единичен. Отношение к образованию стало совершенно иным. Если еще несколько лет тому назад даже мальчиков в отдельных случаях неохотно отпускали в школу, то теперь отцы ездят с сыновьями в города, стремясь помочь им в поступлении в специальные учебные заведения.

Иначе, чем прежде, живется в современной белуджской семье женщинам и девушкам. Даже при сохранении некоторых пережитков феодально-байского отношения к ним и многих старинных представлений, связанных с положением женщины в семье и обществе, новая жизнь вносит свои коррективы в старые семейные устои. Жестокое обращение с девушками или принудительная выдача их замуж встречаются теперь лишь в единичных случаях и являются исключением.

Женщина перестала быть рабой мужчины. Равноправное положение женщины и мужчины перед советскими законами делает совершенно иным ее отношение к самой себе, к своей судьбе. Все девушки знают, что в случае насилия над их волей или жестокого обращения с ними советские органы власти могут за них заступиться, и хотя обращаются они к ним редко, но уже само это сознание делает их положение иным.

Прежде всего изменились как общественное разделение труда, так и объем труда, затрачиваемого на домашнее хозяйство. И в общественном, колхозном животноводстве, и в личном хозяйстве все заботы о стаде лежат, как и прежде, на мужчинах. На фермах мелкого рогатого скота работают только мужчины, на фермах крупного рогатого скота из белуджей также работают только мужчины, и их немного. Белуджских женщин — скотниц и доярок, как указывалось выше, нет.

В колхозном земледелии, напротив, все большую роль начинают играть женщины. Если подготовкой земли к пахоте и посеву и поливом занимаются мужчины, то дальнейшая обработка всходов хлопчатника: прореживание, чеканка и, особенно, сбор урожая — дело как мужчин, так и главным образом, женщин, отдельные специалистки из которых дают весьма высокие показатели производительности труда. В сборе хлопка участвуют все трудоспособные женщины колхоза, все девушки и девочки, а также мальчики школьного возраста. Из-за большой занятости женщин в общественном производстве времени, которое они могут уделить домашнему хозяйству, у них гораздо меньше, чем раньше, но и работы в нем значительно меньше благодаря новым условиям жизни.

В домашнем хозяйстве забота о мелком и крупном рогатом скоте лежит по-прежнему на мужчине, но овец держат настолько мало, что эта обязанность мужчин не требует большого труда. Хотя доение коров и производство молочных продуктов из коровьего молока лежит на женщине, эту работу нельзя даже и сравнить по объему с прежней. Значительно меньше занята женщина теперь и обработкой шерсти, так как держат немного овец и коз, да и потребность в их шерсти намного уменьшилась: сократилось производство кошм и ковровых изделий, исчез из быта шатер *гедан*, на тканье полос для которого из козьей шерсти шло большое количество времени. Белуджских ковров теперь на пол вообще не стелют, белуджский палас на полу можно встретить лишь как величайшую редкость. Для изготовления белуджского паласа, являющегося необходимой частью приданого невесты и служащего для покрытия деревянного настила в жилище, приглашают теперь пожилую женщину-специалистку, их осталось немного. Гораздо моднее туркменские кошмы и современные фабричные ковры, покупаемые в городах.

Сократилось и шитье одежды и даже приготовление пищи, так как мужчины и мальчики перешли почти целиком на городскую одежду, приобретаемую в магазинах, в пище также появилось много покупных продуктов, таких, как сгущенное молоко, печенье, хлеб, булки, мука. Давно исчезла из быта ручная «мельница».

Разумеется, домашней работы у женщины остается еще много. Содержание в чистоте и порядке дома, уход за детьми, приготовление пищи, шитье одежды себе и дочерям, печение хлеба, изготовление молочных продуктов и множество других домашних дел занимают пока у женщины значительную часть свободного от работы в общественном производстве времени. Некоторые женщины по причине многодетности, а иногда и немолодого возраста в колхозе не работают. В домашнем труде им помогают взрослые, еще незамужние дочери, нередко и невестки, если старшие сыновья уже женаты и по традиции живут в непосредственном соседстве с родителями.

Нет уже в семье того непосильного, изнурительного труда, который в прошлом лишал женщину здоровья, способствуя преждевременному старению и отнимая возможность минимального духовного развития. Нет и прежнего гнета, который создавали неограниченная власть отца над всеми членами семьи и приниженное положение женщин и девушек. Последние, работая в колхозе, чувствуют себя свободнее, независимее и, хотя отдают главе семьи свой заработок, вопрос о том, как истратить деньги, обсуждается родителями совместно с детьми. Нередко дочери тоже принимают участие в этом обсуждении, высказывая свои пожелания. Потребности в убранстве жилья, пище и, особенно, в одежде выросли настолько, что мужчине неудобно, если женщины в его семье одеты хуже других. Мужчины шутя даже говорили нам, что весь заработок уходит у них на женщин, которым постоянно нужно покупать новые наряды.

За время пребывания белуджей в Советском Союзе изменился не только внешний облик белуджской женщины, но и ее внутренний мир, ее представления о всех сторонах жизни, изменилось ее мировоззрение. Особенно за последние годы расцвета колхозной жизни имеются налицо весьма существенные психологические сдвиги не только в сознании белуджской женщины и девушки, но и в отношении к ним окружающих. Если несколько лет тому назад даже мальчиков неохотно посылали в школу, в отдельных случаях даже стараясь скрыть их от местных органов власти, а девочек в школах почти не было, то теперь посещение девочками школы стало массовым явлением. Если девочка почему-либо перестает посещать занятия, директор школы и весь коллектив педагогов заботятся о том, чтобы выяснить причину непосещения и вернуть ее в школу.

В своей домашней и общественной жизни женщина стала совсем иной. Самостоятельная работа в колхозе, общее повышение материального уровня жизни, проникновение в среду молодежи образования, общение с туркменским и русским народом, радиопередачи, работа органов здравоохранения — все это вместе взятое не может не влиять на общее культурное развитие женщин. Особенно заметно это проявляется в отношении к гигиене, к внутреннему убранству жилища, к медицинской помощи. У белуджской женщины появилась и укоренилась уже в сознании совершенно новая привычка к благоустроенному зимнему дому, к его традиционному внутреннему убранству, сочетающемуся с новыми в белуджском быту предметами городской мебели, к чистоте в доме, ежедневной уборке и т. д.

Совсем иным стало отношение к гигиене одежды и уходу за собой. Правда, в баню женщины еще не ходят, в баню ходят только мужчины, а женщины, за исключением единичных случаев, моются дома, но моются они достаточно часто и одежду, гораздо более многочисленную, чем прежде, держат в чистоте. Паразитов, столь обычных прежде в быту белуджей, давно уже нет.

Весьма постепенно совершался перелом в отношении женщин к медицинской помощи, особенно при родах. Однако в настоящее время почти все роды происходят в больнице, о чем речь будет ниже.

Все вышеизложенное не может не влиять на общественное сознание, и часто не только от молодежи, но и от более солидных женщин можно услышать новые мнения обо всех жизненных вопросах, в том числе и о вопросах брака.

БРАК И СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Брак. Заключение брака является чрезвычайно важным актом не только в семейной, но и в общественной жизни белуджей. По представлениям белуджей, как и всех мусульман, брак — это нечто обязательное

в жизни человека, общественный и религиозный долг каждого мужчины и каждой женщины. Как мы уже видели, выбор невесты для юноши — дело не только его семьи, отца, матери, старших братьев, но всей семейно-родственной группы. Представления, связанные с этой стороной семейной жизни, уходят корнями в далекое прошлое.

Подготовка брачных церемоний, свадебного угощения, а также собирание средств на свадебные расходы, если родители молодых не в состоянии взять этого всецело на себя, также являются делом всей группы ближайших родственников, а если жених является сиротой, — то и всего поселка, и всей дальней родни. На свадебный пир приглашают не только близких родственников, но и всех жителей того поселка, где происходит свадьба, т. е. где живет невеста, и поселка, где живет жених, приезжают близкие и дальние родственники и друзья из других бригад колхоза и из других колхозов.

Основной формой брака у белуджей в первое время после их переселения был брак с уплатой выкупа за невесту — *лаб*. В прежние времена существовали и некоторые другие формы брака, например, брак обменом — *чаḍы*. Если в двух семьях имелись в каждой юноша и девушка примерно одного возраста, родители уговаривались между собой об обмене девушками для имеющихся двух женихов. Калыма в этом случае не платили.

В редких случаях существовал и брак «убегом» — *джистан*. Девушка, уже просватанная, полюбив другого юношу, сговаривалась с ним о побеге. Такой побег даже в старину редко карался смертью, разве только в случае, если погоня настигала бежавших и они оказывали сопротивление. Обычно спустя некоторое время собирались авторитетные лица и старики *спериш* и устраивали примирение *сол*. Условия примирения были следующие: родители юноши, убежавшего с девушкой, должны были отдать родителям или семейно-родственной группе юноши, оставшегося без невесты, двух девушек, одну взамен похищенной, вторую — за оскорбление чести *нанг*. Если такой возможности не было, они должны были женить пострадавшего юношу, уплатив калым за невесту для него и приняв на себя все расходы по устройству свадьбы. В настоящее время самостоятельное вступление юноши и девушки в брак происходит в совсем иных условиях.

Предпочтительным считается брак внутри группы ближайших родственников — *ват*, или *паватиен васлат*, т. е. большей частью кузенный брак. Наиболее частый вариант его, когда родители девушки и юноши — родные или двоюродные братья (или брат и сестра). Нередко девушку выдают замуж за сына брата матери — родного или двоюродного. Юношу также часто женят на дочери брата матери. Изредка можно встретить брак дяди с родной или двоюродной племянницей.

Если не находится подходящей пары в числе указанных близких родственников, желательно женить юношу в пределах своего подразделения племени или в пределах своего племени. Все эти правила предпочтительны, но выполняются далеко не всегда. Большое количество браков заключается между юношами и девушками, относящими себя по происхождению к разным племенам, но зачастую, когда семья юноши берет для него невесту из другого племени, при ближайшем рассмотрении оказывается, что какая-то родственная близость между этими племенами имеется. Но так бывает не всегда. Имеют место браки и при отсутствии указанных выше обстоятельств.

Таким образом, в области брака родство или принадлежность по происхождению к определенному племени или семейно-родственной группе играют большую роль. Указанные выше представления о племенах более и менее почетных также учитываются обеими сторонами.

Если мы обратимся к данным упомянутого анкетного обследования двух поселков колхоза им. Калинина, то увидим, что в центральном поселке из 40 зафиксированных нами браков 14 являются кузенными, из них девять — между детьми родных или двоюродных братьев и пять — между детьми родных или двоюродных брата и сестры. В одном случае дядя женат на своей двоюродной племяннице. Браков с более дальними родственниками четыре. Таким образом, родственные браки составляют 47.5%, из них браки с близкими родственниками (кузенные + брак дяди с племянницей) — 37.5% общего количества браков в этом поселке. Браков в пределах своего племени 12, из них в своей семейно-родственной группе 10, т. е. 25%.

В поселке 1—2-й бригад из 140 браков 50 являются кузенными, в том числе 29 — между детьми родных или двоюродных братьев и 21 — между детьми родных или двоюродных брата и сестры (из двоюродных сестер трое — с материнской стороны). В двух случаях агнатный дядя женат на своей двоюродной племяннице; в одном случае девушка отдана замуж за родного брата матери, т. е. за своего родного дядю. По поводу браков с близкими родственниками старик Аиб-ага из племени горгедж (совхоз Захмет) пояснил нам, что если дети сосали молоко из одной груди — *аз йак годан* или имеют одного отца, брак между ними невозможен, если же они сосали молоко из груди разных женщин, брак возможен (*года ке джит ент ба у рава* — «если грудь разная, за того идет»). «Если отдать дочь далеко, ее дети не будут принадлежать семье», — пояснил Аиб-ага.

Браков с более дальними родственниками в поселке 1-й и 2-й бригад 12. В итоге родственные браки составляют 46.4%, из них браки с близкими родственниками (кузенные + браки дядей с племянницами) — около 38% всего количества браков в этом поселке. Браков в пределах своего племени 57, из них внутри своей семейно-родственной группы — 52, т. е. 37.1%.[19]

Довольно широко был распространен в прошлом среди белуджей левират. Брат умершего не только имел право жениться на его вдове, но такой брак одобрялся общественным мнением, так как согласовался с обычаем, и дети в этом случае оставались с матерью. Калым в этом случае не платили, так как брат считался наследником и жена умершего переходила к нему вместе со всем имуществом последнего как наследство *мирас*. Он мог жениться на ней и в том случае, если у него была жена. Если же овдовевшая женщина выходила замуж за другого, дети по обычаю оставались у брата или близкого родственника ее умершего мужа.

Меньшее распространение имел обычай сорората, т. е. женитьбы на сестре умершей жены. Такой брак также одобрялся общественным мнением, так как родная сестра матери «не обидит» детей, тем более, если он заключался внутри семейно-родственной группы. Калым в этом случае платили. Его не нужно было платить лишь при таком редком обстоятельстве, когда невеста умирала до совершения брачного обряда, а калым уже был выплачен. Тогда отец невесты, если у него была вторая дочь, отдавал ее замуж вместо умершей.

---

[19] Сходные с белуджами обычаи в отношении выбора невест существуют у горных таджиков Рушана. По свидетельству И. И. Зарубина, «чаще всего берут в жены сестер — двоюродных, троюродных, четвероюродных..., как со стороны отца, так и со стороны матери. Можно взять еще дочь брата или сестры» (И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Сб. МАЭ, т. V, вып. 1, Пгр., 1918, стр. 133); в Пакистане брак с племянницей считался в прошлом традиционным (Я. Марек и Д. Збавител. Два Пакистана. М., 1966, стр. 108). Однако Н. А. Кисляков в отношении таджиков брак с племянницей, дочерью брата, и, особенно, с дочерью сестры относит к запретным бракам (Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 65).

Наименее желательными считаются браки с представителями других национальностей, хотя они все же имеют место. Наблюдается различное отношение к разновидностям таких браков. Например, женитьба мужчин-белуджей на афганках считается почти равнозначной женитьбе на белуджских девушках, своих дочерей за афганцев белуджи также отдают. Браки эти немногочисленны просто потому, что афганцев в Туркмении очень мало. Менее охотно вступают в брак с персами, но встречаются и такие браки, причем чаще берут замуж персиянок, чем отдают за персов своих дочерей. Еще менее охотно, в виде чрезвычайного исключения, женятся на туркменках, но нам не известно ни одного случая выдачи белуджской девушки замуж за туркмена. Хотя туркмены являются мусульманами — суннитами, как и белуджи, а персы — шиитами, эти религиозные различия мало волнуют обе стороны. Белуджи объясняли мне, что афганцы им как родные братья и персы тоже ближе, чем туркмены, прежде всего близки по языку. Кроме того, большинство белуджей старшего и среднего поколений во время переселения в Туркмению знали, кроме белуджского, еще и персидский язык (в настоящее время прибавился еще третий язык — туркменский). Нужно принять во внимание, что и сами туркмены не отдают своих дочерей за белуджей. Эта очень сильный, глубоко укоренившийся пережиток старого мировоззрения.

Прилагаемая схема (рис. 44) показывает разные виды браков в группе близких родственников, имеющих общего предка Джамальдина. Согласно схеме, в современном нам четвертом поколении мы имеем четыре брака близких родственников, находящихся между собою на разных ступенях родства. Из схемы следует, что при отсутствии подходящих по возрасту близких родственников заключались браки с представителями других племен. Хотя семья эта очень строго придерживается «старых законов», мы находим в схеме (рис. 44) два брака с представителями других национальностей: в одном случае вдова Бузург отдана за афганца Таджаммада, в другом — белуджская девушка Зулейха (случай более редкий) за перса Гулама Мирдостова. Два последних брака объясняются высоким общественным положением лиц, за которых отданы девушки. Таджаммад — в прошлом всеми уважаемый и весьма влиятельный афганец, давно живущий среди белуджей и тесно вошедший в их среду. Гулам Мирдостов в то время, когда он женился, был председателем крупного белуджского колхоза.

Не очень редкими в настоящее время являются браки белуджей с русскими женщинами. Лишь некоторые из последних носят белуджскую одежду, большинство продолжает носить русскую одежду, но платья делает с длинными рукавами и носит на голове платок, чтобы не нарушать белуджских обычаев. Родственники мужа часто встречают такую невестку недоверчиво, недружелюбно, старые женщины даже с возмущением, но потом обычно свыкаются, особенно если новая родственница ведет себя тактично и быстро воспринимает белуджский язык. Однако с потомками от браков с русскими белуджи редко вступают в брак. Обычно дети от такого брака вступают далее в брак с русскими же или с персами. Все же старые традиции становятся постепенно не столь обязательными, как в прежние годы.

При упомянутом анкетном обследовании в центральном поселке из 40 браков оказалось пять браков (т. е. 12%) между лицами разных национальностей (среди них три — вообще небелуджи), в поселке 1—2-й бригад из 140 браков — 17 (12%).

Указанные смешанные браки у белуджей распределяются следующим образом: пять женщин вышли замуж за афганцев и одна — за араба, шесть мужчин женились на афганках, двое — на русских, один — на тад-

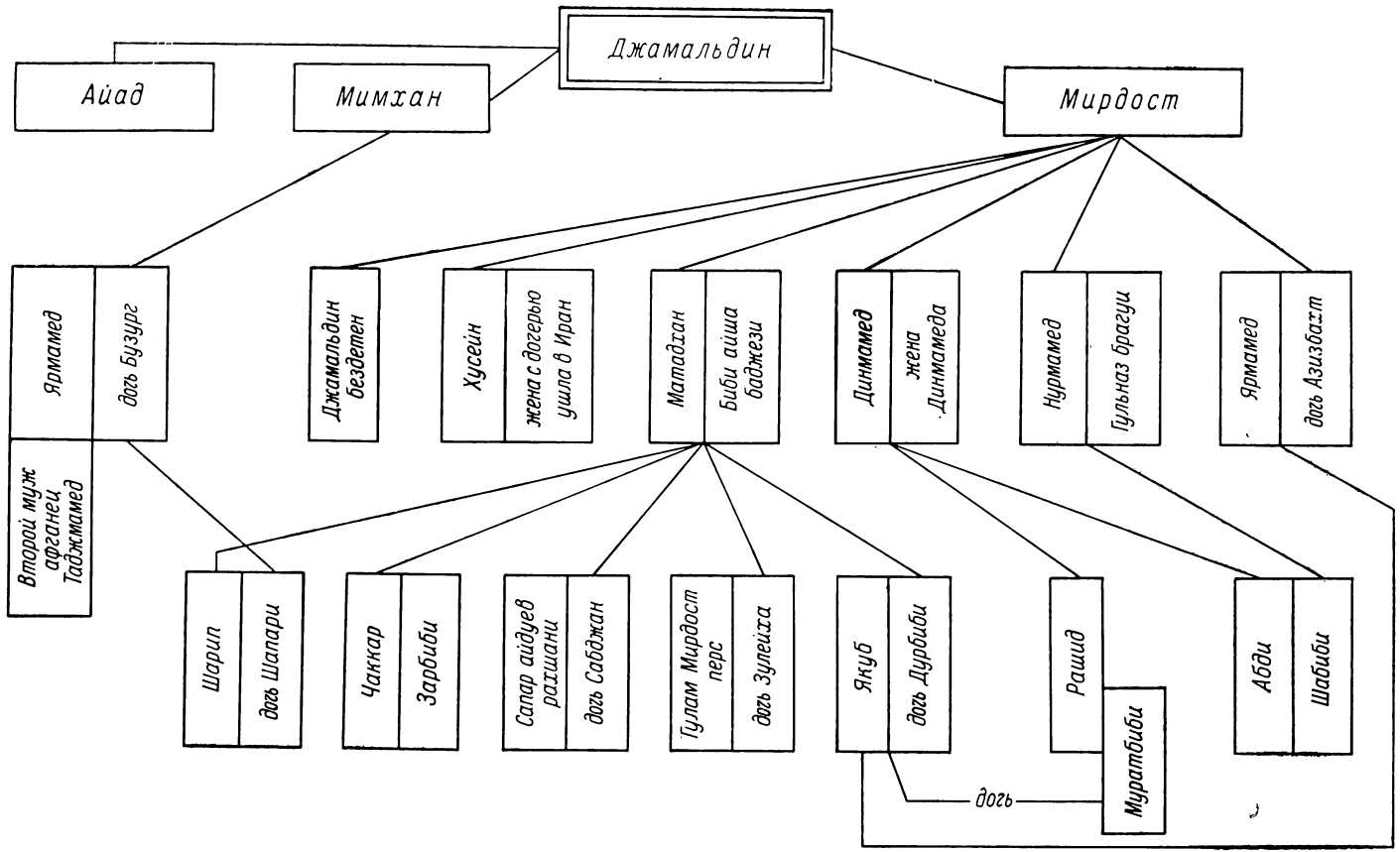


Рис. 44. Семейно-родственная группа потомков Джамальдина (тайфа чакырзи).

Таблица 1

	Возраст мужчины при вступлении в брак																							
	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	33	34	35	36	38	39	40	41	42
Центральный поселок	2	1	2	1	9	1	3	1	4	5	2	2	1	1	2	—	—	—	1						
Поселок 1—2-й бригад	7	5	8	5	17	14	15	7	4	11	10	5	5	1	5	1	3	1	4	2	1	1	1	1	1

Таблица 2

	Возраст женщин при вступлении в брак														
	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	27
Центральный поселок	1	—	6	5	5	8	8	3	5	1					
Поселок 1—2-й бригад	—	2	9	13	20	24	22	17	16	7	2	6	3	3	1

жичке, один — на джемшидке, один — на уйгурке, один — на узбечке и один — на женщине теймури.

Из прочих проживающих в этих поселках граждан один мужчина теймури женат на персиянке, один джемшид — на туркменке и один перс — на татарке.

Кроме того, из числа белуджских женщин, состоящих в браке с белуджами, у одной мать афганка, у другой — туркменка.

Рис. 45. Белудж с женой-осетинкой.

В других колхозах нам приходилось встречать белуджей, женатых на женщинах самых различных национальностей. В колхозе «Победа» в 1-й бригаде один белудж женат на мордовке, один — на немке, в 15-й бригаде этого же колхоза двое белуджей женаты на осетинках. Нам сообщили, что и в колхозе им. Жданова человек пять белуджей также женаты на осетинках, при этом пояснили, что религией эти браки не возбраняются.[20] Поскольку, согласно осетинским обычаям, нужно только матери и сестрам невесты подарить крепдешин на платья, отцу и братьям — по костюму, весь расход — не более одной тысячи рублей.

Брачный возраст как мужчин, так и девушек значительно колебался в прошлом (особенно возраст мужчин) в зависимости от самых различных обстоятельств. Как показывает сведенный нами в таблицу анкетный материал по двум поселкам, в центральном поселке возраст мужчин при вступлении в брак колеблется от 16 до 35 лет, в поселке 1—2-й бригад — от 16 до 42 лет, возраст девушек соответственно от 12 лет до 21 года и от 13 до 27 лет. Средний возраст мужчин при вступлении в брак в центральном поселке 23 года, в поселке 1—2-й бригад — около 24 лет, девушек — 17 и 18 лет, о чем свидетельствуют данные табл. 1 и 2. Как видно из этих данных, относительно большее количество мужчин как в центральном поселке, так и в поселке 1-й и 2-й бригад вступало в брак в возрасте от 20 до 25 лет (чаще в 20 лет), девушек в центральном поселке — от 14 до 18 лет, в поселке 1—2-й бригад — от 16 до 20 лет (чаще всего в обоих поселках — в 17—18 лет). Случаи как раннего, так и наиболее позднего вступления в брак относятся к бракам, заключенным еще в Чехансуре или вскоре после переселения в Туркмению, когда условия жизни были настолько еще неустойчивы, что заключение некоторых браков задерживалось обстоятельствами. У мужчин ранние браки также заключены большей частью в Чехансуре, где закон их разрешал, или в первые годы после переселения, когда советские законы еще не проникли в белуджскую среду. Поздние браки у мужчин, заключенные как в Чехансуре, так и в первые годы пребывания на нашей территории, объясняются, несомненно, крайней бедностью в то время большей части белуджей, которые были не в состоянии внести калым за невесту и оплатить большие свадебные расходы.

[20] Это относится к той части осетин, которая сохранила мусульманскую религию. Как и белуджи, эти осетины — сунниты.

Например, Миралам Санджаров из племени нотани пришел из Чехансура в 1930 г. в возрасте 20 лет, потому что, как сам он говорил, в Афганистане было плохо. Он смог жениться только в 1939 г. Невесте его к тому времени исполнилось уже 27 лет.

Разница в возрасте между мужем и женой дает настолько различные варианты (от 0 до 23 лет по обоим обследованным поселкам), что нет смысла приводить все данные. Безусловно желательными считаются браки между юношами и девушками равного возраста или такие, в которых юноша немного старше девушки. Больше половины браков заключено при разнице в возрасте от 0 до восьми лет. Более значительные отклонения в возрасте вступающего в брак мужчины (до 32 лет), а также девять случаев (из 180) более старшего возраста жены (от 1 года до 7 лет) показывают, что при вступлении в брак возраст не является решающим моментом, принимаются во внимание другие важные с точки зрения белуджей соображения, главным образом, как мы видели, соображения родства.

Свадебный обряд. Заключение брака у белуджей — довольно длительный процесс, сопровождающийся следующими обрядами и церемониями: 1) *касиди* — сватовство; 2) *лаб* — установление суммы выкупа за невесту; 3) *санг* — женский праздник, на который родственники жениха приносят в дом невесты материалы для ее одежды и на котором окончательно устанавливается сумма калыма, причем она устанавливается именно женщинами; 4) *арусе пуча* — также женский праздник, на который родители жениха доставляют еще два полных комплекта материалов для свадебной одежды невесты; 5) *арус* — собственно свадьба. Описываемый предсвадебный и свадебный ритуал совпадает с тем, который существовал у белуджей за рубежом и в первые годы после их переселения в Советский Союз и принятия советского подданства. В настоящее время, как уже указывалось в начале этой главы, пережитки старых традиций постепенно отмирают, их заменяют современные советские формы брака. С отдельными случаями нарушения законов о семье и браке ведется борьба.

Выбор невесты. В случаях, когда невеста не намечена заранее, сватовству предшествует иногда довольно длительный обмен мнениями среди родственников юноши по поводу выбора подходящей девушки, причем мать жениха, а иногда и другие женщины оказывают влияние на решение данного вопроса, если не выступая открыто, то действуя через своих мужей и обсуждая кандидатуру между собою. Лицом, от которого зависит окончательное решение вопроса, является старший мужчина в данной группе родственников.

В прежние времена вопрос о браке решался нередко еще в детские годы мальчика и девочки их родителями, тогда обсуждение его перед сватовством отпадало. Получив согласие отца девочки, отец мальчика должен был обязательно что-нибудь подарить ей и завязать на ней, хотя бы полоску ткани вокруг головы. Обычно девочке повязывали платочек, и тогда она уже считалась просватанной — *нишани*. В наше время такие случаи также имеют место, но значительно реже. По обычаю на брак с той или иной девушкой требуется согласие не только старших родственников, но и самого юноши. Особенно теперь в семьях колхозников, когда отец юноши и родственники остановят свой выбор на той или иной девушке, спрашивают согласия юноши. Если он не знает намеченной девушки, посылают его посмотреть ее. Если речь идет о девушке, живущей в другом колхозе или вообще где-либо далеко, предпринимается даже поездка в гости к семье девушки, чтобы юноша мог увидеть ее.

Как говорят белуджи, в Афганистане также полагалось спрашивать согласие мальчика. Однако нередки были случаи, когда это согласие было лишь формальным и производилось давление на волю юноши, если по тем или иным соображениям его женитьбу на намеченной девушке старшие

родственники считали желательной. В прежние времена, когда сын до женитьбы жил в доме отца и выполнял обязанности в хозяйстве, принадлежавшем отцу, не имея экономической самостоятельности, влияние родителей и стариков было, естественно, гораздо сильнее, играл роль и очень юный возраст мальчика (15—16 лет) в то время, когда решался вопрос о его браке.

В настоящее время юноши, работая в колхозе, имеют самостоятельный заработок и чувствуют себя более независимо. С другой стороны, изживание прежней замкнутости белуджского общества, проникновение в его среду образования, чтение книг и газет, слушание радиопередач, общение с русскими, общее повышение идеологического уровня, восприятие новых идей и взглядов, охватывающих все стороны общественной и семейной жизни, в том числе и вопросы брака, — все это вместе взятое также рождает у белуджской молодежи новые представления о своей самостоятельности, о своих правах. Решение судьбы юноши без его участия бывает вопреки обычаю и сейчас, но вызывает с его стороны неудовольствие, если не до, то после брака, что ведет к семейным раздорам и в отдельных случаях к разводу, следующему довольно быстро после женитьбы. В последнем случае пропадают все деньги, с таким трудом собранные на свадебные расходы, что весьма невыгодно для родителей. Мне приходилось слышать отрицательные суждения о таких браках даже со стороны пожилых женщин, убежденных носительниц старого патриархального уклада, быть может, потому, что строго говоря, они противоречат обычаю.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также более зрелый возраст юношей, вступающих в брак, так как по советским законам молодежь может вступать в брак не моложе 18 лет, можно сказать, что теперь при сватовстве желание юноши почти всегда имеет решающее значение.

Сватовство. Когда вопрос о выборе невесты решен, в дом к ее родителям для получения их согласия и для переговоров о свадьбе направляются сваты («сват» — *касид*), старики или просто пожилые солидные люди — *яшулла*.[21] Таковыми могут быть как родственники юноши, так и соседи или хорошие друзья, если они имеют авторитет и умеют хорошо говорить.[22] Придя в дом невесты, они не говорят сразу о цели своего посещения. Сначала здороваются, спрашивают о здоровье, ведут общий разговор. Им подают чай, иногда, смотря по достатку и по важности посетителей, и мясную пищу.

По окончании трапезы один из пришедших, не обязательно самый старший, но умеющий хорошо, складно говорить, начинает вести беседу: «Вы нас не спрашиваете, зачем мы пришли, какое у нас дело, а нам надо торопиться на базар» (или еще куда-нибудь, тут можно придумать любой вариант). В старину было принято вести этот разговор весело, остроумно, с шутками. Отец девушки отвечает: «Мы не знаем, может быть, вы пришли нас проведать или просто выпить чаю. А если есть причины или дело, пожалуйста, скажите».

Пришедшие говорят: «У нас есть парень, сын (или брат) такого-то», — или просто называют имя юноши и поясняют — «мы просим, чтобы вы приняли его в свою семью, усыновили бы его».

Отец девушки сразу ответа не дает, говорит, что девочка еще молода, не достигла брачного возраста. Если сватовство нежелательно или вопрос

---

[21] *Яшулла* — туркменский термин, соответствует белуджскому *спериш*, означает «старый почтенный человек». Заимствован у окружающего туркменского населения.

[22] Сватовство, при котором в дом родителей невесты направляются почтенные люди, — обычай, широко распространенный как среди иранских, так и среди тюркских народов, см.. например: Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 77—80. Однако следует отметить, что у тех народов, у которых было в обычае затворничество и закрывание женщинами лица (например у персов), последнее обстоятельство породило ряд особенностей процесса сватовства, отсутствующих у кочевников, — смотрины невесты в бане, наличие института свах и т. д.

о браке девушки в семье уже решен, отец ее говорит пришедшим, что у них есть свои парни, не стоило приезжать, но старается отказать возможно мягче. Отказ сватам не считается большой обидой.

Если же сватовство приходится отцу девушки по душе, он говорит, что ему нужно посоветоваться со своей семьей, своими родственниками, предлагает приехать еще через некоторое время. На этом первое посещение сватов кончается.

Недели через две едут снова в дом девушки те же лица или другие, в том числе часто и отец жениха. К их приезду решение обычно уже подготовлено, ибо срок проходит достаточный, чтобы подробно обсудить дело со старшими родственниками. Что касается девушки, то, строго говоря, полагалось и прежде спрашивать ее согласие. Спрашивать должна мать, так как отца она застесняется. Однако на деле имели место случаи, когда родители не спрашивали согласия девушки. Здесь играло роль то обстоятельство, что белуджи в прошлом нередко отдавали девушек замуж до достижения ими установленного законом брачного возраста, 16—17, а то и 14—15 лет, согласно своим прежним обычаям. Большую роль в решении вопроса о браке играет мать девушки.

В самые последние годы при решении вопроса о желательности или нежелательности жениха стал играть роль новый фактор: ценятся женихи, имеющие образование, специальность.

Обычно, когда сваты второй раз идут в дом родителей невесты, стараются разузнать заранее, какой будет ответ. Если узнают, что родители невесты согласны, берут с собою муллу, 10 кг сахара или конфет и хороший шелковый платок для девушки. Войдя в дом, незаметно оставляют принесенное у входа. Если невеста живет близко, все это оставляют дома. Мать невесты может присутствовать при разговоре, но участия в нем не принимает. Как и в первый раз, сватам подают чай, после угощения они возобновляют начатый в прошлый раз разговор и просят сообщить им решение. Бывает, что при втором посещении сваты получают вежливый отказ, особенно если сватовство явилось неожиданным и в первый раз отец девушки просто не знал, как ему поступить, как посоветуют родственники. Если же родители и старшая родня девушки приняли положительное решение, отец девушки говорит: «Хорошо, раз вам угодно с нами породниться, то и мы тоже не против». Это означает согласие. Мулла читает молитву, шелковый платок передают отцу девушки, присутствующим раздают принесенные сладости. На этом сватовство кончается.

Описанные церемонии соблюдаются главным образом в тех случаях, когда речь идет о браке совсем молодых юноши и девушки, когда юноша еще не имеет самостоятельности и распорядителем его судьбы, отвечающим за все свадебные расходы, является его отец или старший брат. В других случаях описанные обычаи значительно упрощаются. Например, шофер Амир Осман 35 лет из колхоза им. Жданова, человек вполне самостоятельный, решил жениться, сам наметил себе девушку, и не имея близких родственников, попросил почтенного соседа пойти к ее отцу и поговорить с ним. Отец девушки сказал: «Пусть Амир сам придет, я посмотрю, что он за человек, и сам с ним поговорю». Амир пошел к нему один и они обо всем договорились между собой.

Л а б.[23] В третий раз представители стороны жениха приезжали для обсуждения и установления размеров выкупа. С этой целью также приезжали авторитетные, почтенные люди, но более близкие, в том числе обязательно отец жениха, а если нет отца, старший брат или дядя, т. е. лицо, на обязанности которого лежала уплата. Разговор на этом собрании очень

[23] Белуджское слово «лаб» имеет два значения: выкуп и специальное собрание родственников для обсуждения его суммы.

серьезный, но сначала тоже идет состязание в остроумии, в витиеватых репликах, в шутках. Отец невесты запрашивает очень высокую цену и лишь постепенно ее снижает. В большинстве случаев приходят к доброму согласию, но бывает, что собираются не один раз, спорят, горячатся и долго не приходят к соглашению. Иногда же при близких и хороших взаимоотношениях обоих семейств вопрос о выкупе решают одновременно с получением согласия на брак.

Как рассказал нам один из информаторов Ханмамед Аллададов, прежде не было принято торговаться о размерах выкупа. Сколько бы ни спросил отец девушки, нужно было согласиться. В связи с этим в давние времена существовал интересный обычай. К родителям невесты, как для сватовства, так и для установления размеров выкупа, приезжало несколько вооруженных всадников на хороших лошадях и с хорошим оружием. После обычного угощения они спрашивали отца девушки, какой выкуп он хочет получить за нее. Отец девушки объявлял о своем решении. Какую бы сумму он ни назвал, приехавшие соглашались. Затем старший из приехавших, обычно отец, дядя, или старший брат юноши, говорил: «Я оставляю вам свою лошадь и свое ружье. Сколько вы дадите за них?» Отец девушки называл цену, гораздо большую, чем стоят эти лошадь и ружье. Другой приехавший говорил также: «Я отдаю тебе свою лошадь и ружье. Сколько ты за них дашь?» И ему также отец девушки называл значительную сумму, но меньшую, чем предыдущую, так все отдавали ему своих лошадей, и он их высоко оценивал. Утром, когда прибывшие гости собирались ехать домой, отец девушки дарил им обратно «купленных» у них накануне лошадей и оружие. Но сумма, которая накануне считалась уплаченной за этих лошадей и оружие, уже считалась сброшенной с общей суммы названного первоначально калыма. Таким образом, последний значительно снижался, но торговаться не полагалось. В наше время торгуются, но в конце концов, когда отец жениха чувствует, что отец невесты настаивает на определенной сумме и больше все равно не уступит, он говорит: «Хорошо, если мы в третий раз пришли, не буду позориться, я согласен».

Выкуп за невесту обычно состоял из определенной суммы денег и некоторого количества мелкого рогатого скота. Размеры его, о которых речь будет ниже, были в среднем довольно стандартны и варьировались в отдельных случаях лишь в силу каких-либо особых обстоятельств. При браках между родственниками выкуп мог быть несколько ниже обычного, но не всегда.

Нам известен весьма сложный случай женитьбы шофера Мамеда Лалмамедова на девушке Зулейхе Исмаиловой, которая приходилась ему родственницей. Мать Мамеда, как и мать девушки, принадлежали к племени родени, и Мамед, самостоятельно выбравший себе невесту, надеялся на успех этого сватовства. Однако дело осложнилось тем, что в свое время родители девушки сватали сестру Мамеда за своего старшего сына и им было отказано, так как последний не имел специального образования, был малограмотен, словом, не представлял собою «хорошей партии». Когда старший брат Мамеда Агаджан стал сватать для него выбранную им девушку, ее родители тоже ответили отказом: «Вы не отдали нам девушку, и мы вам не отдадим». Мамед, однако, заявил, что другой невесты он не хочет, мотивируя свою настойчивость тем, что его брата женили без его согласия, девушка была ему не по душе и через два года он разошелся с ней. Несколько раз ходили сватать девушку почтенные люди, уговаривали. Сватовство длилось больше года. Наконец, согласие было получено, но родственники девушки предупредили, что калым будет большой.

Сваты ответили на это согласием: пусть будет большой калым, лишь бы отдали девушку. Однако на семейном собрании за девушку запросили

такой большой выкуп, что ни к какому решению не пришли, тем более, что глава семейно-родственной группы невесты отсутствовал (находился в больнице). По выходе последнего из больницы переговоры возобновились, но сумма калыма была установлена очень высокая, и лишь на последнем женском празднике санг была снижена.

На семейном собрании, после того как устанавливали размер калыма, определяли, скольким женщинам и мужчинам из родни невесты жених обязан сделать подарки. Родственниц набирается до 10—15 и даже до 20, и каждой из них полагается дать 8 м ситца на покрывало. Отцу невесты, брату и пяти-шести родственникам-мужчинам полагалось по старинному обычаю каждому 10 м белого материала на чалму. Сейчас материал на чалму дают лишь старикам. Для отца и братьев невесты «выговаривают» теперь по костюму. Подарки эти приносят на женский праздник санг. Они обязательны, и стоимость их не входила в сумму калыма, а являлась дополнительным крупным расходом для семьи жениха, так же, как устройство праздника санг и самого свадебного пира.

Надо сказать, что, судя по отдельным случаям, имевшим место в самые последние годы, процесс сватовства по сравнению с прошлым значительно упростился. Иногда при первом же посещении сватов не только давали согласие на брак, но тут же договаривались и о размерах выкупа.

Санг. По окончании всех сложных переговоров и споров о сумме калыма и о количестве подарков назначали день женского праздника санг. Срок мог быть и очень близким, и далеким, смотря по обстоятельствам.

Белуджское слово «санг» Генри Поттинджер переводит как «обязательство», «обещание» (promise). Он пишет, что в случае согласия отца девушки на брак «немедленно между двумя сторонами начинаются предварительные переговоры относительно обмена подарками; этот взаимный договор называется санг, или „обязательство", и хотя иногда среди высших классов заключается раньше, чем помолвленная пара увидит друг друга, рассматривается как столь священный по своему характеру, что не может быть нарушен ни при каких обстоятельствах; в случае смерти помолвленного его брат по правилам чести и приличия обязан жениться на девушке».[24] Хьюз в кратком словаре горного диалекта белуджского языка переводит слово «санг» как «брак» (marriage),[25] однако этот перевод представляется нам ошибочным, так как не соответствует духу указанного выше договора, который, несмотря на свое сакральное значение, еще не является браком. Перевод Поттинджера подтверждается Массоном, который слово «санг» также переводит как «обязанность», «обязательство» (duty), причем совсем в ином случае, не связанном с вопросом брака.[26]

Как упоминалось, этот чисто женский праздник происходит в доме невесты и предшествует свадьбе. По этому случаю родители жениха доставляют все, нужное для одежды невесты, в двух комплектах, провизию для устройства самого праздника: одну-две овцы, чай, сахар и конфеты, а также подарки для всей родни невесты — ситец на покрывала для женской родни, белый материал на чалмы для старшей мужской родни и более ценные подарки для членов семьи невесты. Но главный интерес праздника заключался в том, что женщины, пришедшие со стороны жениха (их обычно собирается много), отказываются войти в дом до тех пор, пока мать невесты не снизит сумму калыма, которая уже гораздо раньше установлена мужчинами. Женщины долго и оживленно торгуются с матерью

---

[24] H. Potttinger. Travels in Beloochistan and Sindh. London, 1816, p. 68.
[25] W. Hughes. The Country of Balochistan. London, 1877, p. 239.
[26] Ch. Masson. Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, and Kalat, v. II. London, 1844, p. 36.

невесты, которую может заменить и другая пожилая родственница невесты, умеющая хорошо говорить. Хотя мать невесты, разумеется, заранее договаривалась с мужем, какую сумму ей следует уступить, формально окончательная сумма калыма устанавливалась женщинами. Этот обычай, записанный нами в несколько иной форме также и у джемшидов,[27] является, несомненно, пережитком очень древних общественных отношений.

В настоящее время празднование санг, хотя и сохранилось, но, как правило, утратило прежнее значение церемонии переговоров о выкупе за невесту.

На устройство этого, как и следующего, женского праздника арусе пуча требуется в настоящее время согласие председателя колхоза, так как, с одной стороны, автомашина может совершать рейсы для перевозки гостей только с его разрешения, с другой стороны, большое собрание женщин не должно нарушать трудового распорядка в колхозе, следовательно, должен быть выбран подходящий, более свободный день.

На праздник собирается большое количество женщин. Состав гостей по сравнению с прошлым несколько изменился. Если прежде приглашали главным образом многочисленных родственниц обеих сторон, то сейчас наравне с родственным принципом играет роль также и принцип производственный. Кроме родственниц, приглашают на праздник всех женщин из бригады жениха, а также и бригады невесты, причем, жена и, особенно, мать бригадира считаются наиболее почетными гостями. Кроме того, принято при приглашении на праздник какой-нибудь родственницы из другого селения приглашать «ради нее» и всех ее соседок.

Чем больше женщин придет на праздник, тем это более лестно для хозяев, но это не значит, что приглашают, кого попало; в приглашениях соблюдается определенный этикет. Жених *замас* на празднике не присутствует.

Во время поездки к белуджам летом 1962 г. нам удалось присутствовать на таком женском празднике в колхозе им. Калинина, в доме колхозника Ханмамеда Хуасти, отдававшего дочь замуж за сына своего родного брата. Мы приехали на праздник около 10 час. утра. Группа женщин пекла тонкие лепешки лаваш. Едва мы пришли, как послышались выстрелы. Это ехала автомашина, полная женщин из бригады жениха. Лишь впереди стояло несколько мужчин с ружьями, сопровождавших женщин. Женщины пели под аккомпанемент бубнов. Сойдя с автомашины, мужчины взяли на плечи два ящика с конфетами, мешок муки, сзади гнали овцу (одна овца была доставлена накануне). Одна из женщин, пекших лаваши, быстро положила лопатой в таз жар из печи, в жар всыпала исфантан (Peganum Harmala) и преградила им дорогу, держа перед собой таз. Мужчина, шедший впереди, дал ей рублевую бумажку в качестве выкупа, и она пропустила шествие. Мужчины торжественно, следуя друг за другом, пронесли в дом невесты ящики и муку, овцу провели за дом. В обязанность нескольких мужчин, присутствующих на санг, входит лишь доставка провизии, приготовление угощения для женщин и прислуживание им.

За мужчинами шла большая группа женщин с двумя бубнами. Они громко пели. Впереди шли Сабджан, мать бригадира 5-й бригады (бригады жениха), и вторая старуха, родственница жениха. Две молодые женщины, замыкавшие шествие, несли на головах два узла *бухча*, один — с материями и одеждой для невесты, другой — с подарками для ее родни. В этой же группе в качестве почетной гостьи шла и мать жениха. Как мы увидим ниже, Сабджан играла на празднике руководящую роль, хотя не

[27] См.: Э. Г. Гаффербер г. Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ. СЭ, 1936, № 1, стр. 91.

состояла ни в каком родстве с семьей жениха и невесты. На праздник были приглашены и все остальные женщины 5-й бригады, независимо от их племенной принадлежности.

Вся группа женщин остановилась у входа в дом, продолжая петь и бить в бубны. Мать девушки стала приглашать их в дом, женщины не входили. Более молодые продолжали петь и бить в бубны, пока женщины не вошли в дом. Началась церемония приветствия — *вашшамад*. Гости разместились вдоль стен комнаты, хозяйка, сидя ближе к порогу, лицом к настилу бармук, обращалась отдельно к каждой женщине, начиная с наиболее почтенных, тихо спрашивая о здоровье, та отвечала, почти беззвучно шевеля губами, и в ответ также спрашивала хозяйку о здоровье. При этой церемонии не улыбаются, не смеются, наоборот, опускают глаза, придавая этим приветствиям скромную торжественность. Затем подали чай.

На дворе тем временем шла подготовка угощения. Мясо двух овец было нарезано крупными кусками. Уже давно на двух очагах в противоположном конце двора стояли два котла. Когда вода в котлах начала закипать, мясо опустили в котлы. Женщины в ожидании угощения сидели в доме.

Когда кушанье было готово, молодые мужчины сначала обнесли всех водой для мытья рук, потом разостлали скатерти. Они разносили лаваш, которые по нескольку вместе бросали на скатерти, затем эмалированные чашки с мясным супом атук. Когда женщины поели, Сабджан первая подняла руки ладонями вверх, и все похлопали в ладоши. Хлопанье в ладоши *сарчак* на свадьбе и на женском празднике — старинный обычай белуджей. Хлопают, чтобы было веселее, так пояснили нам женщины. Мужчины, разносившие еду, попросили женщин побыстрее освободить помещение, чтобы покормить следующую партию женщин-гостей.

Когда все женщины получили угощение, сели за еду мужчины. Интересно подчеркнуть, что только на санге, этом совершенно особом традиционном празднике, мужчины едят после женщин. Мужчины, приехавшие на праздник, играли, как указывалось, лишь вспомогательную роль, прислуживали женщинам очень заботливо, с большим уважением и с полным убеждением в закономерности такого порядка.

После угощения происходила церемония показа содержимого принесенных узлов — *бухча нишане дейн*. Во дворе у стены дома расстелили войлоки. Две женщины с бубнами сели в центр образовавшейся группы. Женщины расселись по краю войлоков, старшие — у стены дома, среди них Сабджан и вторая старуха, родственница жениха. Перед ними положили два узла. Мужчины принесли и поставили рядом ящики с конфетами.

Сабджан, прошептав молитву, раскрыла первый узел. Рядом с ящиками встала одна из родственниц жениха. Под звон бубнов и пение Сабджан называла громко каждую вещь, каждый кусок ткани: «И айна!» («Это зеркало!»), «И джамаг!» («Это рубаха!»), «И чадыр!» («Это покрывало!»), «И чаргат!» («Это головной платок!») и т. д., а затем передавала стоящей возле ящиков женщине. Та высоко поднимала каждую вещь, каждый отрез, чтобы все могли видеть, потом клала себе на левое плечо. Узел содержал, как полагается, зеркало, две пары обуви *каущ*, два отреза на рубахи, два — на покрывала, три — на штаны, два платка чаргат, два маленьких черных платка паṭи. От одного из отрезов на рубахи, покрывала и штаны сидевшая рядом с Сабджан пожилая женщина отрывала по тонкой полоске (то же делается и на следующем празднике), которые мать невесты привязывает на одном из *лангар* (местных святилищ, обычно могил святых). Это подношение называют *назр*,[28] или *даст нишан*.

[28] По устному сообщению Е. М. Пещеревой, у оседлого населения Средней Азии назр всегда связан с каким-либо обетом.

По словам белуджей, полоски тканей привязывают для того, чтобы было благословение данного святого, а через него — и благословение бога на заключаемый брак. Видимо, привязывание этих полосок заменило когда-то существовавшее принесение умилостивительных жертв.

Когда содержимое первого узла было исчерпано, демонстрировавшая вещи родственница сняла их постепенно с плеча и Сабджан аккуратно уложила все в узел, за исключением двух платков, чаргат и пати, и пары обуви, которые одна из женщин — «счастливая», унесла и одела на невесту. В момент одевания этих предметов на невесту девочки, находящиеся снаружи, сильно били в бубны.

Сабджан раскрыла второй узел, в котором были отрезы на 30 покрывал и на чалмы для родных невесты, рубашка, брюки и кепка для ее брата, две детские рубашечки для младших братишек. На дне лежал отрез ситца — 14 м для *дидерри* (дидерри — кусочки ткани, которые раздают присутствующим женщинам, всыпая в каждую горсть конфет). Сабджан взяла этот отрез и начала отмерять кусочки ткани, надкусывала зубами и слегка надрывала материал, сидящая рядом женщина отрывала кусочек ткани, а еще двое, старуха и молодая, завязывали в него пригоршни конфет, которые передавала им родственница жениха, так и оставшаяся стоять возле ящиков. Одновременно эта родственница кинула раз пять пригоршни конфет на средину двора, где мальчишки в суматохе их подбирали.

Работа шла быстро. Когда узелки с конфетами почти все уже были завязаны, упомянутая родственница жениха наложила их себе в подол и начала раздавать сидящим; все были оделены. Когда осталось немного узелков, ее окружили ребята, выпрашивая их, но она давала только девочкам, мальчикам не давала. Последние узелки она насыпала очень полные и раздала главным участницам торжества, тем, кто работал, пел, а также близким. Некоторым просто сыпала конфеты в подол.

После раздачи конфет женщины посидели еще некоторое время, затем приехавшие из бригады жениха стали собираться. Последней поднялась мать жениха. Ее провожала до самой автомашины хозяйка дома. Разошлись и остальные гости.

Таким образом, сумма выкупа, установленная формально женщинами, считалась окончательной, и в этом размере становилась известной окружающим. Лишь в очень редких случаях, когда в силу каких-либо особых обстоятельств эта сумма оказывалась непомерно высокой, родственники жениха привозили на санг себе в поддержку какое-либо очень почетное лицо, из уважения к которому, уже после того, как выкуп снизили ради пришедших женщин, он снижался еще. Так было, например, при упоминавшемся выше длительном сватовстве шофера колхоза им. Куйбышева Мамеда Лалмамедова к Зулейхе Исмаиловой. Как уже было сказано, на лаб была установлена высокая сумма выкупа. Брат жениха, предвидя, что сторона невесты не захочет снижать эту сумму, привел *ишана*, очень авторитетного и уважаемого человека, особенно среди племени родени, к которому сам он принадлежит. Этого было достаточно, и лаб ради такого почетного лица был снижен до 50 баранов и 3 тыс. руб.

Существовал еще обычай, по которому жених через некоторое время после собрания санг приходил в гости к будущему тестю[29] и приносил в подарок сладости: килограмма два печенья, сахар, конфеты. Когда он уходил, тесть говорил, что снижает выкуп еще на три или пять овец или на 200—300 руб. Этот обычай назывался замас.

---

[29] В отличие от большинства народов Средней Азии у белуджей избегание молодым супругом тестя длится лишь три дня после свадьбы.

Если на период между женским собранием санг и свадьбой приходятся мусульманские праздники *мазанин аид* (*курбан*) — большой праздник и *гуандин аид* — малый праздник (окончание поста *руза*), принято, чтобы жених посещал в эти праздники будущего тестя. При этом, если жених приводил родителям невесты овцу, она считалась за две, что учитывалось при окончательной выплате калыма.

Большую роль в выплате калыма играл обычай родственной взаимопомощи *биджар, беджар*. Основную сумму калыма (или даже всю сумму) выплачивал отец или старший брат, если он в состоянии это сделать, или узкая семейно-родственная группа, в которую входят, например, дед, родные и двоюродные братья отца, имеющие самостоятельные семьи. Если же жених является сиротой или отец его не может выплатить все сам, в родственной помощи участвуют и другие близкие и дальние родственники (дядья по матери и другие родственники с материнской и отцовской стороны), а также друзья, товарищи, соседи и даже просто знакомые.

О дне свадьбы сговариваются обычно через год после женского праздника, а если жених и невеста очень молоды, то и через два года; иногда же санг устраивают и незадолго до свадьбы. Для устройства свадьбы, как и санг, выбирают благоприятный день — *саат*. Такими считаются все дни недели, кроме двух плохих, *на саатен роч* («несчастливый день»), — субботы *шамбе* и вторника *сешамбе*.

Тайные посещения. После описанного праздника жених по обычаю может тайно посещать невесту. Эти «тайные» посещения, называемые *дештаргвази*, происходят под покровительством матери невесты, но ни тесть, ни братья невесты не должны о них знать, во всяком случае они делают вид, что ничего не знают. Юноша приходит как будто в гости и остается ночевать. Мать укладывает девушку где-нибудь в отдельном помещении и тихонько говорит ему, где она находится. Когда все заснут, он прокрадывается к невесте и ложится рядом с ней, беседует, целует. Мать незаметно наблюдает, чтобы ласки не заходили слишком далеко. Часов до двух ночи жених лежит возле невесты, потом тихо возвращается на свое место и рано утром уходит домой, вручив будущей теще небольшой подарок — платок, конфеты и т. д.

Арусе пуча. Слово *арус* имеет два значения — «невеста» и «свадьба», *пуча* — «одежда». Праздник арусе пуча устраивается за несколько дней до свадьбы. Цель праздника — осмотр одежды для невесты, а также своеобразное собрание женщин в доме невесты, напоминающее санг, но менее многолюдное. На этот праздник группа женщин со стороны жениха снова приносит два полных комплекта платков, обуви и тканей для одежды невесты к свадьбе. Происходит угощение, показ содержимого узла, раздача узелочков со сладостями дидерри. Отличие от праздника санг состоит в том, что отсутствуют переговоры о калыме и подарки родне невесты.

Содержимое узла на этом празднике, происходившем в нашем присутствии: одно большое настольное зеркало, две пары обуви — городские туфли с небольшим каблуком и полуботинки, красный шелковый платок с бахромой, розовый шелковый платок с бахромой, красный штапель на рубаху (5 м), красный с белыми горошками штапель на рубаху (5 м), синий с фиолетовым отливом шелк на рубаху (5 м), красный с тканым рисунком шелк на рубаху (4 м), черная саржа для платка пати (1.5 м), красный с цветочками сатин на шальвары (10 м), красный с белым рисунком ситец на шальвары (10 м), красная с крупными белыми цветами материя на покрывало (очень популярна среди белуджских женщин и девушек), представляющая собою заготовку неразрезанных головных платков (5 м), белый крепдешин с цветными горошками для покрывала (5 м), четыре флакона одеколона, четыре мотка мулинэ, гребешок, женские желтые носки, ножницы.

Рис. 46. Арусе пуча.

а — показ собравшимся женщинам предметов одежды и подарков, присланных женихом;
б — приготовление дидерри.

Все это было завязано, как полагается по обычаю, в специальный квадратный платок, который в данном случае был из красного атласа с цветными полосами по краям.

Кусочки ткани, обычно ситца, полученные в качестве дидерри на одном из праздников, ни в коем случае не выбрасывают. Они, по словам женщин, считаются «хорошими», так как получены в связи с подготовкой к свадьбе, т. е. связаны со счастливым событием. Их употребляют в дело, например подшивают как подкладку под обшлага или делают небольшой мешочек для чего-нибудь. Если дома есть маленький ребенок, вшивают этот кусочек в середину детского передничка *синебанд*.

Приготовления к свадьбе. Во всем поселке, где живет невеста, а также и в поселке жениха идут приготовления к свадьбе. Женщины и девушки спешно шьют себе наряды, вышивают грудки на платьях, плетут бисерные шейные украшения. Одна из знакомых нам женщин — хорошая портниха — всю неделю перед свадьбой работала с утра до вечера, не покладая рук: кому шила, кому только кроила, все это с изумительной быстротой и ловкостью, отказов не было никому.

Невеста также готовится к свадьбе. С помощью матери, близких родственниц и соседок-мастериц она шьет и вышивает свадебную одежду жениху и себе, вышивает жениху пояс-платок *сренбанд*, пять-шесть конвертиков для сурьмы *сурмадан* жениху и его братьям, вместе с сестрами и подружками вышивает 15—20 носовых платков *дастмале даст* в качестве подарков родственникам и важным гостям на свадьбе. Жениху и его родне прежде плели из ниток несколько ажурных узорчатых поясов для вздержки штанов. В наше время молодые девушки не умеют их плести, это делает для жениха мать невесты. Поскольку в быту молодые люди не носят национального костюма и надевают его только на свадьбу, костюм этот и пояс теперь часто переходят с одной свадьбы на другую. Мать, имеющая двух или трех дочерей, вышивает свадебную рубаху и плетет пояс жениху старшей дочери, но после свадьбы забирает их и хранит для свадьбы второй дочери и т. д. Если жених потребует для себя городской костюм, что случается часто, пóяса не плетут вовсе. Таким образом, искусство плетения поясов аинджаг постепенно исчезает.

Мать невесты с помощью близких родственниц, съезжающихся иногда издалека, готовит также приданое джез. В него входит целый ряд обязательных предметов, без которых обойтись нельзя. Прежде всего — это предметы, связанные с устройством настила бармук со сложенными на нем мягкими вещами, который является неотъемлемой частью внутреннего убранства жилища. Среди этих предметов больших размеров палас *конҷ*, которым покрывают настил. В наше время в связи с сокращением количества овец в личной собственности колхозников, а отсюда — с недостатком шерсти палас стали делать небольшой ширины, его называют *джульдеми*. Это — та полоса паласа, которая находится на виду и доходит до земли, а остальную часть, которую расстилают под сложенные вещи и которой фактически не видно, делают из какого-либо другого материала. Палас часто заменяют широкой пестрой полосой секка, выполненной описанной техникой туккури с нашитыми на нее рядами мелких белых или золотистых пуговиц и металлических бляшек.

В приданое обязательно входят также узорчатые кошмы *намат*, ковровая перекидная сума для верблюжьего вьюка *уштур хурджин* и две ковровые подушки *балишт*, два матраса *налин* (один из них обычно выполнен техникой туккури, хотя сами белуджи говорят, что это не обязательно), два одеяла *лип* и четыре обыкновенные ситцевые подушки для спанья. Прежде их делали в виде продолговатых валиков, теперь — другая мода, пришедшая от туркмен, ситцевые подушки делают квадратной, т. е. обычной городской формы. Ковровые подушки сохраняют старую форму:

как прежде, так и теперь их делают в виде продолговатых четырехугольников.[30]

В богатом приданом может быть несколько больше предметов, например не одна, а две переметные сумы, большее количество ковровых подушек, одеял и т. д. В приданое входит также целый ряд хозяйственных предметов: 1) шерстяная скатерть старинной продолговатой формы, на которую ставили сосуды с пищей и в которую заворачивали раньше хлеб, теперь для этой цели служит, как и у туркмен, квадратный кусок плотной ткани, но, следуя обычаю, для приданого невесты ткут старинную скатерть;[31] 2) шерстяная четырехугольная скатерть довольно грубой работы — шекин, служащая для раскатывания теста; 3) турсук для сбивания масла изек, 4) два или четыре ҕуалаг — шерстяных домотканных мешка для зерна или муки, украшенных геометрическим орнаментом; 5) большой медный котел *луй* для кипячения молока (рис. 36, *б*). Поскольку эти котлы приобретались раньше у медников в Герате и в других городах Афганистана и мало у кого сохранились, их теперь заменяют обычными чугунными котлами фабричной работы, покупаемыми на базаре в Иолотани или Мары. Кроме того, дают несколько ведер, чайников и пиал.

Такие предметы, как ковровая перекидная сума для верблюжьего вьюка, старинная скатерть парзонаг и ковровая подушка, мать невесты обычно ткет задолго до свадьбы, так как производство их требует много времени. Если мать девушки не искусна в тканье, эти вещи заказывают хорошим мастерицам, но чаще она ткет их сама.

Как упоминалось в разделе о жилище, ковровая перекидная сума для верблюжьего вьюка давно утратила свое прямое хозяйственное значение, так как верблюдов в личных хозяйствах не держат. Эта сума хорошего коврового тканья и больших размеров (150×65 см) лежит теперь среди мягких вещей пустая или используется для хранения пряжи, но, несмотря на веселые шутки мужчин по поводу женского консерватизма, женщины упорно продолжают ткать суму для каждой выдаваемой замуж дочери. Не используются по прямому назначению и ковровые подушки, как правило, их даже не набивают. Спят белуджи на ситцевых подушках, для гостей даже в самых зажиточных домах бросают (именно бросают, поднимая пыль) хорошие квадратные бархатные, сатиновые или ситцевые подушки, а ковровые подушки и сума с нашитым по стороне, обращенной внутрь жилища, рядом белых раковин служат лишь традиционным украшением джуль. Старинная скатерть, фактически вышедшая из ежедневного употребления, расстилается для гостей лишь при больших угощениях. Обычно она лежит в сложенном виде рядом с хлебом, завернутым в скатерть нового фасона.

Как было сказано, все эти предметы ткут задолго до свадьбы, но если для этого приглашается особая мастерица, иногда и непосредственно перед ней. Непосредственно перед свадьбой шьют и вышивают также пеструю полосу *секка*. Для ее изготовления требуется много вкуса и умения, поэтому приглашается какая-нибудь родственница, обладающая этими качествами. На ее шитье и вышивание уходит примерно пять-шесть дней.

Одежда невесты на свадьбе состоит из тех же предметов, что и обычная одежда, но новых, сшитых из дорогих материй.

Занята приготовлениями к свадьбе и сторона жениха. Пригоняют из стада овец, предназначенных на убой в день свадьбы, закупают муку, кон-

---

[30] В коллекциях МАЭ имеются несколько белуджских ковровых подушек, размеры их: 95×54 (№ 3258-8), 79×49 см (№ 3993-199) и т. д.

[31] В коллекции МАЭ (№ 3993-132) имеется старинная скатерть размером 190×53 см.

феты, сахар — все, нужное для свадебного торжества. Одной из важных забот является заготовка топлива — дров для очага, т. е. для варки мяса, и сухой колючки для печей. Заготовкой топлива занят сам жених, которому помогают товарищи. Кому бы ни предложили принять участие в этой работе, никто не отказывается; наоборот, это настолько считается делом всей родственной группы и всего поселка в целом, что всегда находятся добровольцы. Колючку собирают в степи возле колхоза, за дровами (саксаулом) ездят в пески.

Свадьбы в белуджских колхозах справляют обычно между 15 августа и 1 сентября, т. е. перед началом сбора хлопка. Август и в прежние времена был весьма популярным временем для свадеб, так как к этому времени уже была убрана и обмолочена пшеница, и стрижку овец еще не начинали.

В одном колхозе свадьбы не справляются одновременно, а следуют одна за другой, так как приглашают гостей почти из всех бригад; кроме того, из числа музыкантов — лури в каждом колхозе имеется один барабанщик *долчи* и один, играющий на зурне, — *сурначи*, а без барабана и зурны свадьба не может состояться, так как белуджские танцы, обязательный элемент свадебного веселья, требуют аккомпанемента зурны и барабана.

На устройство свадьбы испрашивают разрешение председателя колхоза, и он же, ведя соответствующую запись, регулирует последовательность свадеб, что предотвращает возможность ссор из-за музыкантов.

Наиболее желательным днем для свадьбы считается пятница — *джума*; поскольку свадьбы следуют одна за другой, первая свадьба данного свадебного сезона приходится на пятницу, а остальные следуют за ней, пропуская лишь «несчастливые» дни.

Свадьба. Свадьба происходит всегда в доме родителей невесты. В свадьбе *арус*[32] выделяются отдельные моменты: *саршоди* — канун свадьбы, *сартарошак* — бритье и одевание жениха, *алока* — одевание невесты, *ника* — совершение религиозного обряда.

Утром накануне свадьбы приглашают соседей и родственников. На саршоди приглашает сторона невесты, на свадьбу — как сторона невесты, так и сторона жениха. В своем поселке на свадьбу приглашают всех. Женщин приглашает молодая замужняя женщина, родственница жениха, обходя из дома в дом весь поселок, мужчин — мужчина. В поселки других бригад и другие колхозы посылают для этого специальных лиц. Без приглашения никто не приходит.

На саршоди отправляются во второй половине дня, часов в пять-шесть. Соседи идут пешком, дальние гости из других бригад и колхозов приезжают на грузовых автомобилях, украшенных лентами или полосами тканей разных цветов. Первыми приезжают семья и близкие родные жениха, везя с собою музыкантов и запасы продуктов для свадебного угощения (овец, предназначенных на убой, пригоняют из стада прямо к дому невесты). Сойдя с автомашины, мужчины проходят вперед и барабанщик ударами в барабан возвещает о начале саршоди. Женщины приезжают или приходят пешком, группами, которые образуются из женщин одного поселка или одного конца поселка, если поселок большой. Впереди группы идут одна или две женщины, бьют в бубны, все женщины громко поют, как и выходящая им навстречу из дома невесты группа женщин, также идущая с бубном. Встречающие смешиваются с вновь прибывшими, здороваются,

[32] Белуджи называют свадьбу *арус*, персы — *аруси*, см.: С. М. Марр. К изучению персидской свадьбы. Сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 198. С. М. Марр указывает, что в живой речи Исфагана *аруси кэрдэн* значит «стянуть», «украсть». Возможно, термин этот происходит от существовавшего в прошлом у персов брака умыканием.

целуются и медленно идут к дому, продолжая играть на бубнах и петь. Мужчин встречают мужчины и обязательно барабанщик, которому идущий впереди группы мужчин дает деньги. Иногда и женщины дают деньги барабанщику. Барабанщик также выходит навстречу каждой группе прибывающих женщин и сопровождает их до дома невесты. Женщины равного возраста при встрече целуют друг друга в щеки. При встрече с женщиной старшего возраста девушка или молодая женщина берет ее правую руку, целует нижнюю часть поставленной ею вертикально ладони и прикладывает ее к своему лбу, быстро проделывая это три раза. Старшая при этом целует младшую в голову. Мужчины здороваются, беря правую руку друг друга в две прямые ладони, после чего следуют тихие вопросы о здоровье.

Как мужчины, так и женщины рассаживаются на специально постланных на площадке перед домом кошмах и паласах, и начинается описанная церемония приветствия.

Помещениями для гостей служат два или три дома живущих рядом близких родственников; мужчин принимают возле одного дома, женщин — возле другого, но иногда круг женщин и круг мужчин рассаживаются в непосредственной близости один к другому, так как на саршоди приезжают самые близкие родственники и друзья. Вообще саршоди не так многолюден, как свадьба.

Гостям подают чай, лепешки, конфеты, сахар. Как только женщины напьются чаю, барабанщик бьет в барабан, зурнист берется за зурну, и женщины начинают танцевать. Мужчины на этом вечере не танцуют, приходят лишь на угощение, сидят, беседуют; женщины танцуют до самой ночи.[33]

Где-либо в стороне, несколько поодаль от дома и от танцующих, поднимающих пыль, на двух очагах готовят угощение, обычное белуджское мясное блюдо атук. Очень принято на время свадьбы ставить возле дома шатер гедан, если семья невесты располагает таковым. Если шатра нет, стараются раздобыть его у родственников. Пищу готовят или в шатре, или же рядом с ним. В последнем случае в шатре происходит угощение мужчин. Нередко при отсутствии его для мужчин в целях защиты от солнца устраивают навес из циновок, накладываемых горизонтально в виде крыши на деревянный каркас из нескольких вертикальных столбов с перекинутым со столба на столб переплетом из жердей. Каждую прибывающую на вечер группу мужчин или женщин сначала угощают чаем, а затем, через некоторое время, подают атук. Перед гостями расстилают длинные куски плотной бумажной ткани, применяемые в качестве скатертей. Бульон разливают в эмалированные чашки, ставя одну чашку на двоих или на троих, причем соответственно в чашку кладут два или три куска мяса.

Продукты для угощения на саршоди доставляет отец жениха, но пекут хлеб, приготовляют и подают пищу родные невесты. На свадьбе, т. е. на следующее утро, и доставка продуктов, и приготовление пищи осуществляются родителями и родственниками жениха.

Невеста в день саршоди, как и в день свадьбы, находится где-либо в отдельном помещении. В нем устраивают полог *пашахона* из тонкой ткани, чаще всего из марли. Под пологом невеста лежит на матрасе, покрытая теплым ватным одеялом, несмотря на августовскую жару, — считается, что девушка от этого становится белее. Все это прежде требова-

[33] Прежде, как у себя на родине, так и непосредственно после переселения в Туркмению, женщины на саршоди и на свадьбе располагались совершенно отдельно и танцевали на таком расстоянии от мужчин, что последние не могли их видеть. Теперь нравы значительно упростились и женщины танцуют на том же открытом месте в селении, где танцуют и мужчины.

лось, вероятно, для того, чтобы невесту никто не мог «сглазить». Все сооружение — полог, матрас, одеяло, подушка, называется *келла*, или *аруси келла*. Под пологом невеста должна провести три дня, не принимая ни пищи, ни питья, днем не выходя из-под полога.

В день саршоди она моется, ей моют голову кислым молоком или густой массой, остающейся после процеживания пахтанья. Затем невесту причесывают на прямой пробор, заплетая волосы во множество мелких косичек. Эта прическа называется *чибук*. По бокам лица подрезают две длинные пряди волос чатр, которые укладывают в виде волнистой линии (двумя фестонами), прилепляя к щекам. Раньше надо лбом подрезали еще челку *петик*, которую расчесывали в виде двух расходящихся в стороны концов. Петик и чатр замужняя женщина носила уже всегда, тщательно следя, чтобы они были хорошо уложены. Теперь петик не носят уже в течение ряда лет, чатр подрезают в день свадьбы, но и они выходят из моды.

Утром в день свадьбы невесте удаляют с лица все волосы при помощи нитки, а волосы на теле она сама вырывает ногтями. Девушки-подружки заранее красят ей хной кисти рук сверху и с тыльной стороны и все пальцы, а также ступни и пальцы ног.

Под пологом с невестой сидят подружки, развлекают ее, поздно вечером выводят ее во двор. Одна она не выходит. Лежа под пологом, она почти ни с кем не разговаривает, ведет себя очень скромно. На ней будничная, старая одежда и покрывало, с которым она не расстается даже под пологом. Если кто-либо входит в комнату, невеста, хотя и находится под пологом, сейчас же закрывает лицо или покрывается с головой одеялом. Она никому не должна показывать лица. Однако все эти правила на поверку оказываются совсем не так уж строги. Почти на всех свадьбах, на которых мы присутствовали, нам удавалось проникнуть к невесте под полог, а иногда и сфотографировать ее. При этом невеста даже разрешала открыть свое лицо, но из скромности закрывала глаза. Обряжают невесту в день свадьбы к вечеру.

Подготовка невесты к свадьбе напоминает соответствующие обычаи у персов Исфагана (а возможно, и других районов Ирана), описанные в работе С. М. Марр «К изучению персидской свадьбы». С. М. Марр пишет: «За день, за два до свадьбы девушка отправляется в баню... в сопровождении нескольких женщин своей и жениховой родни... В бане все накладывают хну на ногти, а иногда и на кончики пальцев, а также на волосы (то же делают мужчины со своей стороны). У невесты, кроме того, снимают волосы с лица с помощью нитки, — лицо от этого становится белее, — и вырывают волосы со всего тела. После бани идут к невесте обедать».[34]

Описание С. М. Марр относится к населению городов Тегерана и Исфагана. Вряд ли во всех персидских деревнях существуют бани, и невеста, по всей вероятности, так же как и у кочевников-белуджей, моется дома. Накануне (в саршоди) невеста моется и совершает подобающий туалет, а вечером происходит угощение гостей.

С наступлением темноты гости, живущие в поселке невесты, уходят домой. Женщины, приехавшие из других поселков и колхозов, сидят всю ночь под открытым небом на кошмах, разостланных возле дома невесты. Тут же укладывают спать приехавших с ними ребятишек. До половины ночи женщины коротают время в веселых разговорах, а затем укладываются вздремнуть возле ребятишек.

Родные жениха не спят всю ночь. Мужчины с вечера распределяют обязанности: кто будет резать и свежевать овец, готовить угощение, кто

[34] С. М. Марр. К изучению персидской свадьбы, стр. 200.

будет ведать посудой, расстилать скатерти, приносить и раскладывать лаваш, кипятить и подавать чай, разносить чашки с едой и т. д. Всем этим руководит старший распорядитель на свадьбе, называемый *арос вавонд* — «хозяин свадьбы». Им является или отец жениха, или старший из мужчин в данной группе близких родственников. Среди женщин также распоряжается какая-либо опытная старшая родственница, называемая в этом случае *мазанин дженин* — «старшая женщина».

Женщины из родни жениха также не ложатся всю ночь. Как только заканчиваются заботы по угощению гостей, приехавших в канун свадьбы, т. е. заботы, которые лежат на семье невесты, принимаются за дело они. До самого утра месят и раскатывают тесто, еще до рассвета растапливают печь и принимаются за печение лепешек. В течение всего дня возле печей непрерывно растут горы лепешек, которые столь же непрерывно большими партиями уносят молодые мужчины, прислуживающие гостям.

Часов в пять утра встает барабанщик и громкими ударами в барабан возвещает о начале празднества. Со всех концов поселка к дому невесты движутся группы мужчин и женщин, тут же, на виду у гостей, свежуют туши только что убитых животных. Гости рассаживаются, совершают церемонию приветствия, им подают чай. Гремит барабан, поет зурна, молодежь выискивает себе палки, начинается танец с палками (*лат гвази*). Когда мужчины достаточно потанцуют, зурначи заводят другую мелодию, для женских танцев, и женщины составляют пестрый круг, сверкающий яркими красками одежд. В танце *се чаппи*, медленном и плавном, иногда принимают участие и мужчины, особенно пожилые. Возрастные различия, довольно тонко соблюдаемые в одежде, совершенно не распространяются на танцы. Самые почтенные старцы и пожилые женщины с удовольствием принимают в них участие.

Прибывают все новые группы гостей. Из других бригад и колхозов приезжают приглашенные на украшенных полосами пестрых тканей автомобилях. Подъезжая к поселку, мужчины выстрелами из охотничьих ружей возвещают о своем прибытии. Родственники жениха режут еще овец, иногда корову или молодого бычка, на очагах снова кипят большие котлы с мясом. Мужчины чинно проходят в отведенные для них помещения в домах или в шатер, где здороваются с хозяевами и с другими гостями и где им подают чай, а затем мясо.

Женщины выходят из автомашин на значительном расстоянии от поселка, так как слезать вместе с мужчинами на глазах у всех гостей считается неприличным, и движутся к поселку медленно, с громким пением и ударами в бубны. Навстречу идет группа женщин из поселка невесты, также с музыкой и пением. Они встречаются, здороваются, целуются и снова с пением, под аккомпанемент бубнов идут уже большой яркой толпой к дому невесты, где рассаживаются на разостланных под открытым небом кошмах и, совершив тихий, торжественный церемониал приветствия вашшамад, начинают веселый праздничный разговор, обмен новостями и рассказами. Им подают чай и все полагающееся угощение.

С наступлением жары часть мужчин среднего и старшего возраста уходит в тень шатра или навеса или внутрь помещения, где идет интересная беседа, кто-либо играет на струнном инструменте *суроз*, выступает певец или сказитель *шаир*. Женщины прячутся от солнца в тени дома невесты и прилегающих домов, пока остается хоть полоска тени. Часть уходит в дома родственников невесты, отведенные специально для женщин. Лишь парни и молодые мужчины продолжают с увлечением танцевать. При 40-градусной жаре, под палящими лучами августовского солнца, большой круг молодых мужчин все пляшет и пляшет с нарастающим азартом, подымая клубы пыли. Иногда сурначи все же останавливается, меняет мелодию, и на середину площадки, где происходят танцы, выходят женщины и де-

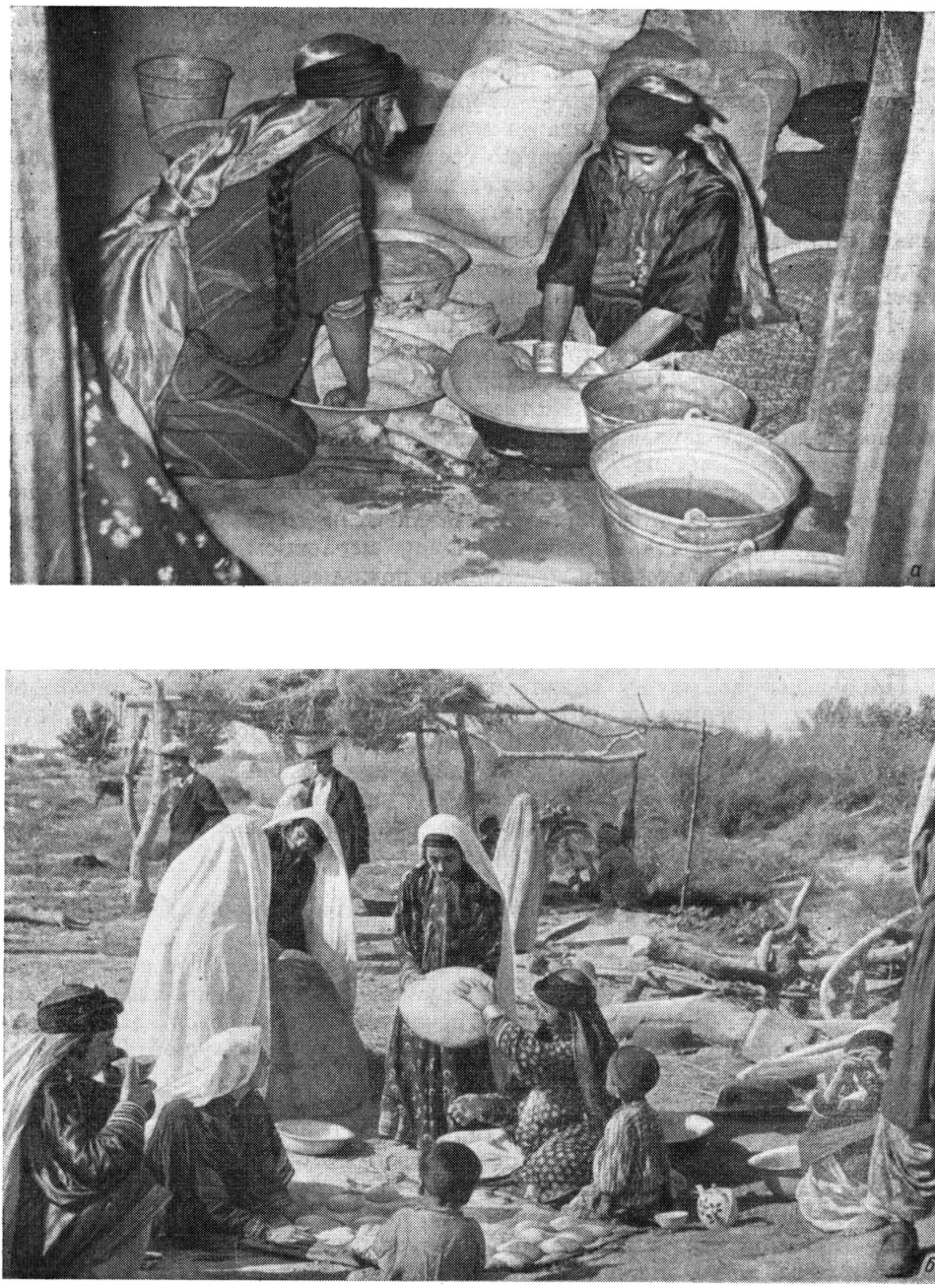


Рис. 47. Приготовление хлеба на свадьбе.

а — приготовление теста; *б* — печение хлеба.

вушки. Начинается женский танец, очень красивый благодаря стройности и плавности движений и общему колориту ярких, преимущественно красных женских платьев, сочетающемуся с волнующейся тонкой тканью белых покрывал.

Рис. 48. Музыканты на свадьбе.

Танцы прерываются угощением музыкантов, их кратковременным отдыхом, а также выступлениями «артиста» *сайльгир*, которым является тот же сурначи. У белуджей Иолотанского района имеются два барабанщика, Сапар Баран и Гульмамед Аллаяр, оба племени лури, и два сурначи, Хуасти Баран (брат Сапара) и лезгин, которого так и называют — «лезги». Последний развлекает публику на свадьбах бесчисленным количеством акробатических и эквилибристических фокусов: удерживает в равновесии на руке или на подбородке поставленный на острие кинжал или две пиалы — на запрокинутом назад лице, и с ними ложится и встает, или же удерживает мышцами глаз два поставленных косо кинжала, как бы вставленных острием в глаза, делает стойку на двух лежащих на земле мальчиках или на соединенных руках двух мужчин, откуда соскакивает, сделав сальто в воздухе, опрокидывается спиной и ложится грудью на острие поставленного вертикально кинжала и т. д. Он же является и актером, изображающим джейрана *ау*. Для этого он надевает на поднятую вверх правую руку «голову джейрана», довольно удачно сшитую из черного коленкора и набитую ватой. Рога сделаны из двух вертикальных палочек, соединенных шнурком с привязанным к нему колокольчиком. Мордочка сделана так, что губы раскрываются и берут протягиваемые деньги. Сам «лезги» с головы до ног заворачивается в ситцевую ткань, так, что наружу высовывается лишь голова джейрана. Все представление заключается в том, что он, подражая движениям джейрана, прыгает по небольшому пространству, окруженному зрителями, иногда кидается рогами вперед на публику, заставляя ребятишек и женщин с визгом разбегаться, но главным образом достает губами передаваемые ему бумажные деньги, которые зрители нарочно держат высоко, чтобы ему трудно было дотянуться. Барабанщик во время его выступления бьет в барабан. Выручку они потом делят пополам.

Это представление, напоминающее представления таджикских и узбекских маскарабозов, по рассказам белуджей, является постоянным зрелищем на белуджских свадьбах. В Афганистане сайльгир из племени лури изображают джейрана ау, козу боз и льва.

У сурначи Хуасти Барана есть также персонажи кукольного театра, парень и девушка (рис. 52), представляющие собою две деревянные куклы *дутук* с двигающимися руками, обтянутые материалом, в одежде. На парне шелковая пестрая рубашка, узкие бумажные черные штаны с красным

Рис. 49. Мужские танцы.

орнаментом, широкий шелковый зеленый пояс, на голове — подобие высокой шапки, расшитой черными бумажными нитками. На широком лице вырезаны глаза, нос и рот. У девушки лицо такое же. На ней белая бумажная рубашка с лиловыми шелковыми рукавами, широкая, в сборках юбка из плотного пестрого бумажного материала с тремя поперечными черными полосами и красное покрывало.

У обеих кукол чуть выше пояса сделано отверстие, в которое Хуасти продевает шерстяную веревку, подергивая последнюю за конец, он заставляет кукол танцевать под удары барабана или бубна прямо на земле или на полу. Противоположный конец веревки держит его жена или кто либо из зрителей, Куклы очень старые, приобретенные Хуасти еще в Афганистане. Есть у Хуасти и деревянный акробат *дарбаз*, кувыркающийся на трапеции под звуки бубна.

В последние годы у белуджей вошло в моду, кроме барабанщика и сурначи, приглашать на свадьбы еще и азербайджанский оркестр, играющий в Иолотани по субботним вечерам в городской столовой. Белуджи охотно слушают музыку и пение азербайджанских музыкантов, часто под азербайджанскую музыку молодые парни и мужчины танцуют лезгинку. При этом гости или хозяева за хорошее исполнение дают танцующим бумажные деньги, которые тоже держат высоко, так, что танцующим приходится прыгать, чтобы их достать. Получив деньги, они продолжают танцевать, держа деньги в зубах, иногда набирая их целый пучок, — обычай, заимствованный у азербайджанцев и персов, проживающих в Иолотанском районе. Когда лезгинка заканчивается, деньги отдают музыкантам.

Приглашение азербайджанских музыкантов составляет дополнительный расход стороны жениха. Лезгинку танцуют и под аккомпанемент зурны и барабана, а деньги также отдают барабанщику.

Жених в течение всего дня не выполняет никаких обязанностей и присутствует, как нам объяснили, «как посторонний». Он одет во все старое,

Рис. 50. Женские танцы.

Рис. 51. Выступление сайльгира, изображающего джейрана.

Рис. 52. Куклы — персонажи кукольного театра.

так как после его одевания в свадебный костюм снятую с него одежду отдают барабанщику. В танцах он имеет право принимать участие и танцует, если хочет.

Около 7 час. вечера мужчины становятся на обычную вечернюю молитву *намазе шам*. В ней участвует едва ли десятая часть присутствующих или даже меньше, главным образом старики.

Непосредственно после молитвы на большой площадке, где происходили танцы и выступления фокусника, начинается *сартарошак*, бритье жениха, — один из важных моментов свадьбы. Жених сидит на корточках в середине собравшихся гостей-мужчин, и кто-либо из присутствующих родственников или соседей бреет ему лицо, в то время как другой близкий родственник или друг держит у него над головой нож (такой, какой носят на поясе) острием вверх. Момент этот очень важен, так как во время бритья враги или недоброжелатели «могут при помощи различных специальных действий или заговоров наслать на жениха какую-либо порчу».

Родные жениха, в том числе и отец, бросают в это время в воздух рядом с бреющимся пригоршни монет и конфет, которые подбираются шумной толпой мальчишек, молодые парни стреляют из ружей, женщины — родственницы жениха, стоя группой возле толпы мужчин, громко поют специальные частушки с припевом «Алоэ, алоэ-э-э!». В настоящее время при бритье нередко жениха сажают на стул или на ящик, сказывается новая привычка бриться в парикмахерских. На свадьбе сына председателя колхоза отец посадил его на стул, поставив по бокам двух молодых мужчин с ножами наголо.

Как только бритье окончено, кто-либо из родственников или друзей, здоровый и сильный человек, подхватывает жениха на руки и сажает на уже стоящую под седлом лошадь. По существовавшему еще до наших дней ритуалу жениха везут на лошади в сопровождении праздничной толпы к ближайшему большому арыку (оросительному каналу) или к реке, чаще всего к Мургабу. К седлу лошади привязывают по углам четыре новых крученых шнура *чильбур* из шерсти разных цветов, достающихся после свадьбы владельцу лошади, который ведет лошадь с сидящим на ней женихом под уздцы. Впереди двигается группа танцующих женщин, остальные женщины идут рядом и громко поют. Кто-либо из близких молодых мужчин несет узел с присланной невестой одеждой для жениха. В связи с этим существовал прежде шуточный обычай: какой-либо юноша или молодой мужчина, достаточно сильный и умеющий быстро бегать, выхватывал узел с одеждой из рук несущего и убегал. Тотчас же молодые парни пускались в погоню, старались догнать похитителя и вырывали узел друг у друга. Если похититель никому не уступал свою добычу, сторона же-

ниха давала ему выкуп — пиджак, или костюм, или овцу; в противном случае давали выкуп тому, кто отнял узел и оказался победителем в этой игре. Когда доезжали до канала или реки, снова тот же здоровый сильный человек снимал с лошади и ставил на землю жениха, который во всей одежде входил в воду и должен был окунуться целиком.

Рис. 53. Одевание жениха.

Начинается одевание жениха. Одевают почетные лица, не обязательно пожилые, чаще даже сравнительно молодые, но имеющие вес в белуджском обществе. При одевании один человек держит узел, второй берет предметы одежды один за другим, поднимает каждый высоко над головой, чтобы все видели, и одевает на жениха, громко выкрикивая: «Одеваем рубаху!» Далее следует: «Одеваем шальвары!», «Одеваем носки!», «Одеваем обувь!» и т. д. Каждое такое сообщение и показ сопровождаются выстрелами из ружей и дождем конфет и мелких денег, которыми осыпают жениха и которые разбрасывают вокруг его родственники. Жених ничего сам не надевает, все одевают на него его помощники. Музыканты в это время играют на зурне и бьют в барабан, женщины стоят группой рядом с толпой мужчин и громко поют, аккомпанируя на бубнах, свои *лико* (род частушек) с припевом, в которых поздравляют и прославляют жениха и желают ему счастья.

Прежде на жениха одевали обязательно *джамаг чильтринза* — широкую белую рубаху с пышными рукавами, вышитой грудкой и отрезной, сильно расклешенной нижней частью, состоящей из большого количества клиньев, а также очень широкие штаны традиционного покроя, черную бархатную безрукавку, тюбетейку и чалму. Уже давно к этому костюму прибавился городской покупной пиджак, безрукавка может отсутствовать. Вместо тюбетейки и чалмы жениху одевают теперь обычную каракулевую шапку-ушанку. Описанный костюм являлся прежде не только свадебным, но вообще праздничным костюмом, и в дальнейшем его надевали на все свадьбы и другие торжества. В настоящее время, хотя считается, что костюм этот нужно обязательно носить три дня, включая день свадьбы, жених снимает его на следующий же день после свадьбы и больше никогда не надевает. Поэтому многие молодые люди не хотят надевать на свадьбу традиционную одежду и требуют от родителей невесты городской покупной костюм.

Когда жених одет, его снова сажают на лошадь, и хозяин лошади ведет ее под уздцы в сопровождении поющей, танцующей и стреляющей из ружей толпы и музыкантов к дому невесты. На седло впереди жениха сажают маленького мальчика, чтобы у молодых было много детей.

Рис. 54. Жених на лошади.

В последние годы описанный ритуал уже не выполняется полностью. Лишь на одной свадьбе из шести, на которых нам удалось присутствовать (1950—1960 гг.), жениха брили во время сартарошак. В остальных случаях оказалось, что жених сам уже побрился утром в день свадьбы. Кроме того, жених перед свадьбой моется сам в бане и ритуального купания не происходит. На одной свадьбе в 1960 г. нам обещали показать полностью весь ритуал, но жених наотрез отказался купаться, мотивируя это тем, что он хорошо вымылся в бане и не желает лезть в грязный арык. Как нам стало известно, на двух свадьбах, состоявшихся в 1959 и в 1960 г., еще происходило по старинному обычаю ритуальное купание жениха, но оно является теперь скорее исключением, чем правилом. Таким образом, церемония сартарошак, хотя слово это означает буквально «бритье головы», сводится сейчас всего лишь к торжественному одеванию жениха, которое производится на большом свободном пространстве, где перед тем танцевали, или же непосредственно около дома невесты, если имеется площадка достаточных размеров. Что касается новой одежды жениха, то в двух случаях из шести это был городской костюм, в четырех — традиционный. В остальном сохраняются черты прежнего церемониала: женщины поют, музыканты играют и бьют в барабан, над головой жениха держат в это время нож острием вверх, показывается каждая одеваемая на жениха вещь и выкрикивается ее название, сыплется град конфет и серебряных и даже бумажных денег, молодые мужчины стреляют из ружей.

Наряженного в праздничную одежду жениха какой-либо сильный, здоровый человек сажает на лошадь, впереди него сажают в седло маленького мальчика, и лошадь ведут под уздцы, но не до арыка или реки, просто делают большой круг, а затем возвращаются к селению. Эта прогулка жениха на лошади как бы символизирует практиковавшиеся раньше поездку к реке и купание. При отсутствии лошади церемония еще более упрощается. Жениха несут на руках в сопровождении музыкантов и празд-

ничной толпы вокруг майдана, т. е. свободного пространства, где происходили танцы, или несколько дальше и возвращаются к дому невесты. Здесь, как только увозят или уносят жениха, спешно подметают площадку у самого дома, расстилают несколько цветных узорчатых кошм, а в центре устраивают *тахт* — «трон» для жениха: на кошму кладут сложенное вчетверо хорошее новое ватное одеяло, по двум сторонам его — две продолговатые белуджские подушки-валики, сделанные техникой туккури,[35] весь этот «трон» покрывают большим шелковым платком (платок может быть не шелковый, но обязательно хороший, новый), иногда сюзане, покупаемым на базаре. Процессия возвращается к дому, жениха ставят на «трон» (на землю его, уже одетого в праздничную одежду, ставить нельзя), и он стоя принимает поздравления от близких и гостей-мужчин. Все поздравляющие произносят обычную поздравительную формулу: «Муборак бит» («Будь благословен»). Пожилые и старики целуют при этом жениха в щеку, а он целует им руку; более молодые мужчины целуют ему руку, так как он считается царем *ша*, а он целует их в щеку, более близким он также целует руку. Каждый поздравляющий хлопает жениха два-три раза по спине. Все стоят, и только когда закончатся поздравления мужчин и жених сядет, садятся все. Тогда приходит черед женщин. Несколько женщин, самых близких жениху, подходят поочередно, поздравляют и целуют его, причем обязательно хлопают раза два-три по спине, и уходят. На колени жениху сажают маленького мальчика. Вокруг рассаживаются молодые мужчины и парни, играет зурна, бьет барабан; рядом, на стульях садятся азербайджанские музыканты. Перед женихом ставят *буй* — душистую смесь из овечьего масла и толченой гвоздики *калампур* (теперь гвоздика чаще заменяется цветочным одеколоном, причем на одной свадьбе остатками одеколона обрызгали всю веселую толпу), кладут новый вышитый сурмадан — конвертик с сурьмой. Жених, если хочет, подкрашивает себе глаза и мажет волосы смесью, после него все присутствующие подкрашивают глаза и, взяв на пальцы немного смеси, мажут себе волосы и лицо. Гремит музыка, поют азербайджанцы, сыплются шутки, жениха всячески развлекают, иногда танцуют перед ним лезгинку (белуджских танцев больше уже не танцуют), но он сидит чинно, стараясь соблюдать солидность. Пожилые мужчины и старики во главе с муллой садятся неподалеку возле дома отдельной группой, тихо беседуют, слушают игру на музыкальном инструменте суроз, пение и т. д. Часто в это время выступает сказитель народного эпоса шаир.

Невеста все это время находится, как и накануне, где-либо поодаль, под марлевым пологом. Ночью ей разрешают спать открытой, под покрывалом, но с утра ее снова заворачивают в ватное одеяло. Невеста не пьет и не ест, мужественно перенося три дня голод и жажду.

Около 7 час. вечера, как только начинается бритье и одевание жениха сартарошак, одновременно начинается и обряжение невесты алока. Обряжает невесту под пологом какая-либо близкая родственница, богатая и счастливая. Под полог в это время никто не допускается. Возле полога сидят на полу женщины — родственницы невесты и громко поют свадебные песни, аккомпанируя себе на бубне. Эти песни называются также алока.

Нами записаны следующие тексты таких песен (от Гульбиби Гульмаммад, 87 лет, 22 декабря 1967 г.).

---

[35] По словам женщин, не обязательно, чтобы подушки были сделаны подобной техникой, они должны быть новые, хорошие, но вообще применение техники туккури считается желательным. Фактически, по нашим наблюдениям, эти подушки всегда бывают именно такими, так как, по понятиям белуджей, их пестрота предохраняет от сглаза.

Восхваление невесты:

Тарипи духтар бекуней.
Сена Зикри Алла.
Мэни зирдам мурад, у алла у билла,
Ва кабули комейт систане пулла,
Джиник вотра джуракент чо гул у пулла.

Тупанг гейбиа гуррант хокми Алла.
Джиник чо ма, истара джалокен.
Комейт парромме авара ганокен.

Тупанг бе паллован дура джанокен,
Сагар бе душмане джана бурроκен.
Джиникка банди вoти паʈʈи у дурра.

Комейт ке лоʈит аз у ша чильбурра.
Аман кан ша тупанге саʈу нарра.
Джиникка гардын у поз паннемаин;
Кумейте берегин думм шаппадаин.
Тупанг па душмане джана балаин,
Сагара ке сообадант ша ин худаин.
Джиник бе келла у лепа талаин,
Бачаке бе дол у сурнае галаин.

Хвалу девушке воздавайте,
Прошу, поминаю бога.
Мое по сердцу желание, во имя бога;
И кабульский конь в сейстанских кистях;
Девушка себя украшает, как цветок и кисть.
Ружье само дает выстрел по приказу бога.
Девушка как луна, как звезда горит.
Конь, чтобы гоняться за врагом, с ума сходит.
Ружье на расстояние далеко бьет,
Меч тело врагов режет.
Девушка завязывает свой «патти» и серьги.
Конь просит от жениха *чильбур*.
Спасайся от удара и выстрела ружья.
У девушки шея и нос красивые;
[У] коня тонкий хвост позади;
Ружье для тела врага опасно;
Меч побеждает с богом.
Девушка пологом и одеялом покрыта,
Мальчик (жених) барабану и зурне радуется.

Восхваление жениха:

Ало ало ало Насырхан кагаде джиди раван ку
Насыр хан калати бастаги сипадаги;

Калати пушт Насирхани кишаре джа,
Калате дем Насирхане немаэджа.
Амоди горе горгеджан балента.

Моди гушта мина шар беназен,
Мена ша Аммал о Тегран бегвазен.

Моди маи ке матапе джеханем.

Мэна ша куддыка сиа у базена,
Мена ша аташа джал гаптагена.
Моди миски го саудалырайнт.
Моди мари биа конде дапаинт,
Моди зуми биа сингай талаин.

Ало, Насырхан письмо срочно пошли;
Насырхана крепость построена из 30 шестов;
Сзади крепости Насырхана место посева,
Перед крепостью Насырхана место намаза.
Амоди диким жеребцом обманул горгеджей.
Моди сказал: «меня хорошо вспоминайте,
Меня из Аммала и Тегерана переведите на ту сторону».
Моди — месяц, который светит на весь мир.
Меня от шалаша, черного и густого,
Меня от костра горящего получили.
Моди связан с торговцами.
Моди — змея около норы входа,
Моди — скорпион, между камнями закрыт.

На невесту одевают такую же одежду, что и в обычное время, но новую, из хорошей ткани, преимущественно в красных тонах (представление об оберегающем значении красного цвета весьма широко распространено). Одевают украшения, но немного. При одевании перед невестой стоит зеркало. Одевающая невесту женщина громко объявляет каждую часть одежды, что вызывает особенно звучные и восторженные песнопения. По окончании обряжания одеяло уносят, и наряженная невеста продолжает сидеть под пологом, закрытая обычным тонким покрывалом. В комнату, где сидит под пологом невеста, всегда собирается много молодых женщин, девушек и девочек, весело болтающих и старающихся развлечь невесту пением и игрой на бубнах, но сама она сидит молча. На колени ей сажают маленького ребенка, чтобы у нее было много детей. Если входит кто-либо посторонний, она закрывает глаза и закрывается покрывалом, хотя сидит под пологом.

[1] С наступлением сумерек большинство гостей уезжает, часть их уезжает сразу же после окончания церемонии сартарошак и поздравления жениха.

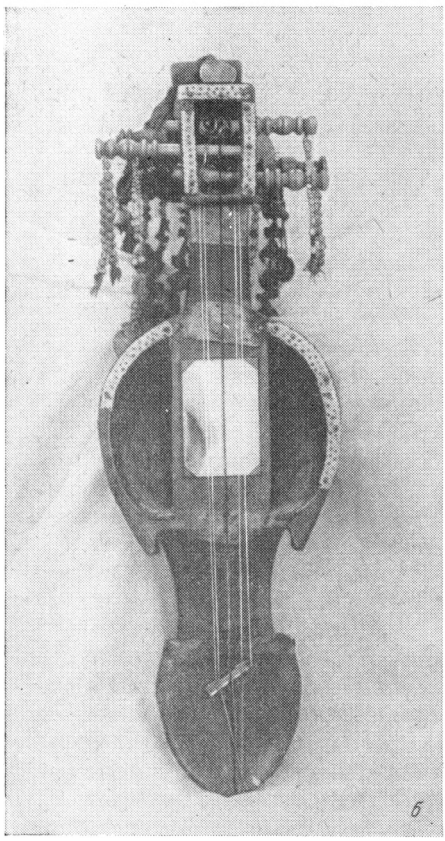
Остаются лишь родные жениха и невесты и близкие друзья. Вокруг жениха садятся пожилые мужчины, старики и с ними мулла. Молодежь сидит тут же. Так они сидят до полуночи, ведя тихую, иногда веселую беседу, слушая в вечерней тишине певца, или сказителя, или игру на музыкальном инструменте суроз (суруз). «Это — время суроз», — сказал мне один из гостей.

Рис. 55. Обряжание невесты.

Ближе к полуночи сторона жениха испрашивает у отца невесты разрешение послать к невесте свидетелей *шаид*; им она должна назвать имя своего представителя *вакиль*, которому она доверяет вести переговоры о ее браке и о *мар* (бедуджск.; перс., арабск. *махр* — сумма, оговариваемая при совершении обряда бракосочетания, которую муж обязан выплатить жене в случае развода). Без разрешения родителей девушки свидетелей послать нельзя. Разрешение это обязательно дается, но сторона девушки ради шутки и для препровождения времени искусственно задерживает, оттягивает этот момент. Пока разрешение не дано, девушка как бы принадлежит еще своей семье.

Соревнование между стороной жениха, старающейся ускорить совершение ника, и стороной невесты, задерживающей этот момент, проходит в веселой, шутливой форме, большую роль здесь играет выдумка и остроумие присутствующих. Лишь очень редко сторона невесты использует старинный обычай *од*, ныне почти забытый. Как нам рассказывали, раньше, как и теперь, когда собираются совершать обряд ника, вокруг жениха садились представители семей жениха и невесты. Со стороны жениха приезжало прежде человек 15—20 вооруженных всадников на лошадях и верблюдах. Со стороны невесты присутствовало примерно столько же, причем так же, как и теперь, сторона невесты задерживала, оттягивала момент совершения ника.

Когда приезжали на свадьбу всадники со стороны жениха, отец или старший брат девушки смотрел, нет ли у них особенно хорошей лошади, или верблюда, или какого-либо ценного предмета в вооружении. Когда наступало время ника, старший со стороны жениха, который являлся распорядителем на свадьбе, спрашивал старшего со стороны невесты (обычно ее отца или воспитавшего ее старшего брата), можно ли начинать ника. Тот отвечал, чтобы ему дали такую-то лошадь, или такого-то верблюда, или такое-то оружие, и тогда он даст разрешение. И приходилось ему отдавать, так как без его разрешения нельзя начинать ника.



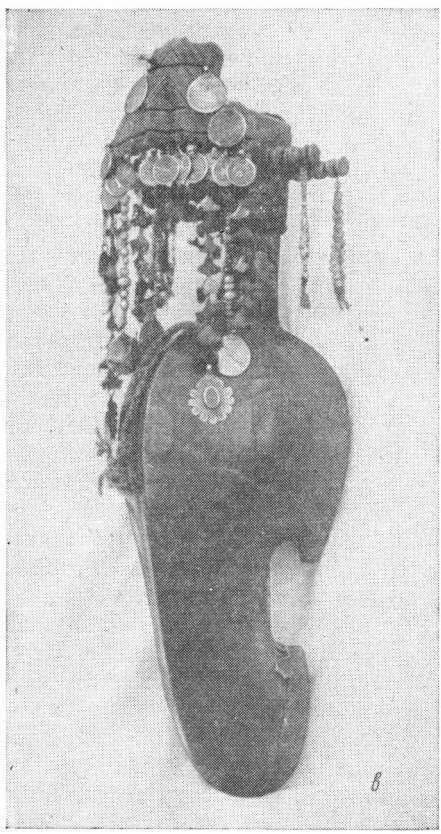


Рис. 56. Музыкальный инструмент суроз.

а — игра на сурозе; *б* — суроз, *в* — суроз (вид сзади).

По словам белуджей, этот обычай использовался крайне редко и отношение к нему было отрицательным, хотя отец невесты и имел право его использовать, но такой поступок с его стороны был неблагороден.

Свидетелем может быть любой человек, уважаемый собранием. Обычно посылают двух человек средних лет (старики не ходят, а молодежь для этой цели не годится). Желательно, чтобы это были лица из того же селения, лучше всего близкие родные, иначе невеста застесняется назвать своего представителя.

Свидетели приходят в помещение, где под пологом сидит невеста. С ней же под пологом сидит ее мать или близкая родственница, которая ее обряжала. Один из свидетелей присаживается на корточки у полога возле того места, где сидит девушка, и, называя ее по имени, просит назвать имя ее представителя, например: «Шабиби ти вакиль кейнт?» — «Шабиби, кто твой вакиль?» Девушка не отвечает, а мать прогоняет свидетелей, говоря: «Что вы за люди такие и зачем пришли, уходите отсюда». Второй свидетель присаживается и безуспешно пытается узнать имя вакиля девушки. Свидетели выходят на двор, стоят несколько минут в темноте и входят снова. Снова мать прогоняет их, говорит иногда: «Нарубите дров» или «Принесите воды, тогда приходите». В третий раз невеста должна уже сказать имя своего представителя. Обычно она называет имя своего дяди по матери или по отцу или старшего брата, отца называть не принято, причем свой ответ она должна повторить каждому из свидетелей три раза. Поэтому каждый из них присаживается уже поближе и настойчиво добивается ответа: «Шабиби, бгуш, бгуш дигар, кейнт ти вакиль?» — «Шабиби, скажи, скажи же, кто твой вакиль?» Получив ответ, произносимый обычно едва слышным голосом, он делает вид, что не расслышал, и просит повторить, говоря: «Амма на ушкетен, падвараг бгуш» — «Мы не слышали, повтори». Только когда каждый из свидетелей получит троекратный ответ, они отправляются к группе родственников-мужчин, собравшихся вокруг жениха, возле которого уже сидит мулла. Шаиды подходят по одному, каждый из них останавливается перед муллой в почтительной позе, сложив руки на груди, и произносит обычное приветствие. Между ним и муллой происходит следующий диалог:

Свидетель: Салам алейкум,
Мулла: Алейкум ассалом. Аз гуджа миаи? (Откуда идешь?)
Свидетель: Аз шаари ваколат (Из города представительства).
Мулла Чи дари? (Что имеешь?) *или* Чи дared? (Что имеете?)
Свидетель: Окми адалат (*окми адолат* — приказ справедливости).
Мулла: Байан кун (Объявите).
Свидетель: Ла алла ил алла, адшад шаидам, шаиди мидам барои иман (иногда «барои худа»), на барои риа ке Биби Маджан аз кемари Азам аз ишками Нурбиби да ин нам у нишан дигар духтар на дарад вакили маре худро Абдулваид кярд (Нет бога кроме аллаха, я свидетель и даю свидетельство ради веры, а не ради лицемерия, что госпожа Маджан, дочь Азама из чрева Нурбиби, под таким именем и с такими признаками другой девушки нет, доверенным лицом своего мар (махр) сделала Абдулваида).

Такой же диалог происходит между муллой и вторым свидетелем. После того, как второй шаид назвал имя вакиля девушки, последний подходит и садится возле жениха и муллы. Мулла обращается к нему и спрашивает, какой махр он требует для невесты («Мара чинкасент?»). Вакиль называет какую-либо большую сумму, например: «Ду хазар туман» — две тысячи туманов.[36] Мулла уговаривает его снизить свои требования, и они торгуются, пока желаемая сумма не сократится до 12 туманов, обычного размера махра.

[36] Туман — иранская денежная единица, 1 р. 19 коп. (в прошлом — 70 коп.).

По представлениям белуджей, махр, кроме того, что он должен быть выплачен мужем жене в случае развода, имеет еще другое значение. Как мы увидим ниже, в диалоге муллы с вакилем девушки оговаривается ее доля (1/8 доля хозяйства и 1/3 той пищи, которая готовится на очаге). Как нам объяснили, если бы у жены не было своей доли в хозяйстве, то в случае, когда она подаст милостыню или поможет кому-либо, с кем-либо поделится, получится, что она это украла у своего мужа. А поскольку у нее есть своя доля в хозяйстве и во всем, что печется и варится в доме (по поводу этой доли мулла также предварительно договаривается с вакилем девушки), во всей милостыне, которая идет из дома, во всех добрых делах она имеет свою часть, и когда она умрет и на том свете предстанет перед Аллахом, добрые дела ей зачтутся.

Номинально махр девушки считается 12 туманов, махр женщин при втором браке — 6 туманов. С религиозной точки зрения для мужа считается плохо, если махр останется у жены. Поэтому муж старается выкупить у жены махр. Если жена просит купить ей какое-либо дорогое украшение, или швейную машину, или другую ценную вещь, она обещает простить ему махр и прощает, если он купит, иногда прощает половину. А иногда, если у мужа с женой очень хорошие отношения, она прощает ему махр без всякого подарка, и тогда, если потом они разведутся, жена по мусульманским законам ничего не получит. А есть женщины с таким твердым характером, что хоть что подари им, а махр не отдают. Считается, что для жены плохо, если она простит мужу махр, а для него хорошо. Разумеется, все эти тонкости в Советском Союзе не имеют практического значения и перешли целиком в область пережиточных представлений, так как по советским законам жена имеет право на половину общего имущества. Таким образом, спор о размере махра во время совершения обряда бракосочетания реального значения не имеет, это видно хотя бы из того, что сумма махра исчисляется в туманах и спор ведется опять-таки только для оттягивания времени.

Когда мулла и вакиль останавливаются на сумме в 12 туманов, мулла просит принести сладкий напиток *шарбат*. Перед ним ставят чашку со сладкой водой, в которую опускают серебряную монету. Мулла читает молитву над этой чашей с водой. Жених подает ему вышитый платок. Мулла берет платок за один конец, а другой дает жениху. Сначала он обращается к вакилю девушки: «Шума ке вакиле биби Маджан аз камари Азам аз ишками Нурбиби да ин нам у нишан дигар духтар на дорад, бе дуазда туман мари муджаллал, ба хаири аштыки хана, саяки дегдан, бе джувани азири ке Абдулла аз кемари Нурмаммад бе никае мусульмани бе зан у шаухери дадид у бахшидид?» — «Вы, доверенное лицо госпожи Маджан, дочери Азама из чрева Нурбиби, под этим именем и признакам другой девушки нет, [с условием] 12 туманов махра, восьмой доли хозяйства, третьей доли очага данному юноше Абдулла, сыну Нурмаммада, в мусульманский брак, в замужество отдали и согласились?» Вакиль отвечает: «Дадум у бахшидум» — «Отдал и пожертвовал».

Мулла три раза повторяет вышеприведенную формулу вопроса и троекратно получает утвердительный ответ.

Тогда с этим же вопросом он обращается к жениху: «Шума ке джуане азири, биби Маджан аз камари Азам, аз ишками Нурбиби, ке ба ин нам у нишан дигар духтар на дарад ба дуазда туман мари муджаллал, ба хайри айштйакки хана, сайакки дегдан бе никаи мусульмани бе зану шаухери габул кярдид?» — «Вы, данный юноша, госпожу Маджан, дочь Азама из чрева Нурбиби, под этим признаком и именем другой девушки нет, [при условии] 12 туманов махра, восьмой доли хозяйства, третьей доли очага в мусульманский брак, на женитьбу дали согласие?» Жених отвечает: «Кабул дарум ва кабул кярдам» — «Согласен и согласие дал».

Рис. 57. Обряд бракосочетания ника.

Мулла три раза повторяет этот вопрос и каждый раз, после утвердительного ответа жениха, читает молитву *хутба*, затем читает нараспев длинную заключительную молитву. После этого жених отпускает платок, который отдается мулле, мулла поздравляет юношу, желает ему счастливой семейной жизни и семейного согласия. Все произносят: «Муборак бит» — «Будь благословен». Мулла дает юноше отпить из чаши, отпивает глоток сам, затем отпивают из чаши присутствующие мужчины, потом чаша передается женщинам (в одном случае мулла дал отпить жениху, а потом сразу отдал чашу женщинам, чтобы они отнесли отпить невесте).

Мать, тетка и сестры невесты спешно приготовляют ритуальное блюдо *чудари*, представляющее собою мелко накрошенный хлеб, перемешанный с маслом, сахаром и перцем. Само угощение, следующее непосредственно после совершения ника, называется малидаг. Его делают за счет родителей невесты. Угощают всех присутствующих, женщины едят, сидя отдельной группой. По окончании угощения все хлопают в ладоши и поздравляют молодого и друг друга. Гости уходят. Оставшиеся ночевать расходятся по разным домам.

В отличие от афганцев и других иранских народов (таджиков, персов, джемшидов) у белуджей после обряда бракосочетания молодую не увозят в дом ее мужа. Наоборот, он по обычаю должен оставаться после свадьбы в доме молодой не менее трех дней, в течение которых он старается не показываться на глаза тестю и избегать встречи с ним. Обычно молодые гостят у родителей невесты дольше.

Когда гости расходятся, с молодыми остаются сидеть лишь самые близкие родственники. Ее мать и сестры готовят для них постель не в том помещении, где была невеста в день свадьбы, а в другом, где молодые останутся гостить, обычно в помещении для гостей, если таковое есть в доме, или в отдельном маленьком домике. Туда переносят полог, у стены складывают на новом настиле все приданое. Полог с постелью для молодых называется *келла*.

Близкие молодого торжественно ведут его под полог. Близкие родственницы приводят также и молодую. Она не выходит из дома отца, пока последний не обещает ей ценного подарка. Она стоит молча, а говорит за нее мать или сестра. Когда ее приводят в помещение, где сидит под

пологом муж, она тоже упирается, не идет. Женщины, пришедшие с ней, говорят молодому, что жена к нему не идет, стыдится. Молодой по обычаю должен ей что-нибудь подарить. Иногда в шутку он говорит, что подарит ей кетмень, чтобы лучше работала. Женщины не соглашаются. Тогда он обещает подарить ей что-нибудь дорогое, серьги или браслет. Женщины подводят молодую к пологу, вкладывают ее руку в его руку и уходят.

На второй день — *домиродж* — утром приходят братья молодого, родные и двоюродные, близкие родственники и друзья. Они здороваются с ним, поздравляют его. Молодая сидит под покрывалом, не открывая лица. Каждый пришедший дарит ей кто овцу, кто деньги, 5 и 10 руб. Эти подарки и деньги носят название *руни маи*. Молодая в свою очередь одаривает их, кому дает вышитый ею платок, кому — конвертик для сурьмы, кому — пояс для вздержки. Потом приходят женщины и смотрят положенную в туфлю тряпочку с кровью молодой — доказательство ее невинности, поздравляют и целуют молодую. Вечером, когда зайдет солнце и следующий день уже считается наступившим, празднуют *сеи родж* — третий день. Отец молодой режет овцу, зовет гостей. К собравшимся вызывают зятя, он три раза целует руку тестя и прикладывает ее ко лбу, потом садится рядом с ним. После этого молодой уже не стыдится и не избегает тестя.

В это же время в другой комнате собираются женщины. На середине, среди собравшихся, ставят туфель с платком, запачканным кровью молодой (доказательство невинности невесты называется *джиники* и сохраняется ею иногда до преклонного возраста). После угощения мать молодой показывает платок собравшимся, все хлопают в ладоши.

Это угощение обязательно. До него новобрачные должны все время проводить под пологом. Молодой муж должен находиться возле жены. Если он уйдет с товарищами, белуджи смотрят на это косо, говорят, что что-то неладно, наверно, она была не девушкой. Тестю он в это время старается не показываться на глаза, стесняется, но такого строгого избегания, как у туркмен, как говорят сами белуджи, у них нет. У туркмен, по их словам, пока не отпразднуют третий день, молодой зять закрывается и убегает со всех ног, если идет тесть. О каком-либо избегании зятем тестя за пределами этого срока (от момента ника до сеи родж) нам в отношении белуджей слышать не приходилось.

После трех суток молодые могут уехать в дом родителей молодого, но обычно гостят дольше, неделю или дней 10. По прошествии этого срока прежде приводили верблюда и отправляли молодую и все приданое на верблюде, молодой ехал рядом верхом на лошади. Теперь для этой цели служат колхозные грузовики. Мать, или старшая замужняя сестра, или тетка обязательно сопровождают молодую в дом мужа. Иногда мать молодого также гостит у родителей молодухи и уезжает вместе с молодыми.

Как только молодые приезжают в дом родителей молодого мужа, тотчас режут овцу, приглашают близких родных и соседей, устраивают угощение, которое называется *демони*.

Молодая некоторое время не печет хлеба, срок этот зависит от того, есть кому печь хлеб или нет. Например, наш информатор, Зулейха Гуламова, 3 мес. не пекла хлеба и не готовила. Это делала ее сноха, жена ее старшего брата. Молодая понемногу училась у нее готовить. В тех семьях, где помочь некому, срок этот сокращается.

Выкуп за невесту — лаб. Уплата за невесту выкупа в прошлом проходила красной нитью через все почти свадебные обряды и определяла их последовательность и содержание. Выдача девушек замуж за выкуп лаб являлась преобладающей формой заключения брака, как это было

у большинства народов Средней Азии до Октябрьской революции и как сохраняется до сих пор у ряда иранских народов за рубежом (у афганцев, курдов и др.).

Размеры выкупа были довольно стандартны и варьировались незначительно в зависимости от обстоятельств, от качеств невесты, от взаимоотношений семейств, дети которых вступали в брак. Выкуп всегда состоял из мелкого рогатого скота и некоторой суммы денег. В одном из известных нам случаев, сообщенном нашим информатором Ханмамедом, выкуп был установлен первоначально в размере 50 голов мелкого рогатого скота и тысячу рублей деньгами. На санг сбросили пять овец, на двух религиозных праздниках — еще четыре овцы и на замас — 200 руб. Таким образом, окончательный размер выкупа — 40 голов мелкого рогатого скота (одну, видимо, сбросили для ровного счета) и 800 деньгами. При этом в число 40 голов мелкого рогатого скота входят, как говорят белуджи, *чар таша*, т. е. четыре сорта: 10 овец, 10 ягнят, 10 коз и 10 козлят (если свадьба происходит весной, что случается редко, стельная овца или коза считается за две).

Выкуп за вдову или разведенную женщину бывал значительно меньше. Избежать выкупа можно было в упоминавшемся случае обмена девушками, в этом случае старались и свадьбу справить одновременно, что значительно уменьшает расходы. Брак путем обмена девушками в прошлом имел место у всех народов, у которых практиковался брак покупкой. У белуджей Туркмении в редких случаях он встречается и сейчас.

Кроме выкупа, который, аналогично практиковавшемуся в прошлом калыму у горных таджиков,[37] поступал в безраздельное распоряжение отца невесты, жених еще должен был уплатить *акки шир* — «плату за молоко» матери невесты, вскормившей и воспитавшей ее. Чаще всего матери невесты давали корову, но в одном известном нам случае были даны два ковра, в другом — 200 руб. новыми деньгами. В 1967 г. нам подтвердили, что еще недавно в качестве «платы за молоко» давали корову, но сообщили, что «плату за молоко» уже не требуют. Этот обычай отошел в прошлое. Зато в качестве подарков на собрании санг для наиболее близких родственниц невесты требуют не ситец, как раньше, а крепдешин.

Если родители девушки развелись и последняя, будучи еще маленьким ребенком, осталась у матери, согласие на ее брак, если мать вышла вторично замуж и новый муж ее воспитал девочку, все равно дает только ее родной отец. Он же и получал целиком выкуп в том случае, если он как полагается по обычаю, давал средства на ее содержание; мать получает только «плату за молоко». Например, пастух фермы мелкого рогатого скота колхоза им. Куйбышева Назар Сораб давно уже развелся с первой женой, оставив у нее девочку, бывшую в то время младенцем. Каждый год он давал матери, вышедшей замуж вторично, средства на содержание своей дочери. Когда девочка подросла и к ее отчиму послали сватов, он сказал последним: «Идите к Назару, он ее отец и имеет на нее право, я никаких прав не имею». Назар Сораб дал согласие на замужество дочери. Мать получила «плату за молоко» — одну корову (1961 г.). Приданое девочке готовилось в доме ее матери, но материально Назар Сораб в этом участвовал.

Расходы на свадебное угощение в состав выкупа не входят, в этом существенное отличие белуджских обычаев при заключении брака от обычаев у некоторых иранских народов — таджиков, персов и др. У таджиков, как сообщает Н. А. Кисляков, часть калыма, идущая на угощение, носит

---

[37] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 152.

даже специальное название *бор*.[38] Однако кое-где и у таджиков, например в кишлаке Сафедорон, расходы на угощение бывают отделены от калыма.[39]

Таким образом, расходы на свадьбу у стороны жениха складывались из следующих частей: 1) выкуп лаб; 2) в некоторых случаях «плата за молоко»; 3) расходы на угощение на женском празднике, на предсвадебном вечере саршоди и в день свадьбы; 4) два раза по два полных комплекта одежды для невесты (на санг и на арусе пуча); 5) подарки ближайшей родне невесты.

Немалые расходы несет и сторона невесты, ее родители должны дать хорошее приданое джез, основная часть которого обусловлена обычаем, и какое-то количество скота, называемого мирос, обычно корову или телку, а также обеспечивают угощение после совершения обряда бракосочетания и дарят полный комплект одежды жениху. Однако, по единодушному мнению самих белуджей, расходы стороны невесты нельзя даже сравнивать с расходами родителей жениха, ибо последние намного их превышают.

В прежнее время расходы стороны жениха были настолько велики, что, несмотря на обычай, согласно которому в уплате выкупа, если отец жениха не мог справиться сам, ему помогала вся близкая и даже дальняя родня, эти расходы ложились тяжелым бременем на семью. Бедняки часто не могли жениться до 30 и даже 40 лет, не имея возможности уплатить высокий калым, это — явление, широко распространенное у всех народов, практиковавших брак покупкой.[40]

Вопрос о причинах живучести института выкупа за невесту у отдельных народов нашей страны неоднократно обсуждался в печати. Его сохранение находит некоторое объяснение в существовании до недавнего времени семейно-родственных групп, главным образом у ряда кочевых в прошлом народов Средней Азии, у которых в большей мере сохранились эти группы. Как нам представляется, именно семейно-родственная группа являлась той социальной ячейкой, существование которой способствовало продолжавшемуся бытованию у белуджей выкупа за невесту. Далее, большую роль играет преклонение перед авторитетом старших, которые диктуют молодежи свои взгляды. Материальные условия большой патриархальной семьи, которые давали возможность уплачивать за невесту значительный выкуп, сохранялись долго у указанных выше народов именно в семейно-родственных группах, консервирующих в своей среде как материальные, хозяйственные условия уплаты калыма, так и старую идеологию, старые, укоренившиеся представления о правильности и закономерности такого порядка. Сохранению этого уродливого института у белуджей после их переселения способствовал описанный выше белуджский обычай родственной взаимопомощи (беджар). Последний часто распространяется не только на всю родственную группу, живущую иногда и в разных местах, но и на соседей, и близких друзей, что, видимо, может найти объяснение в существовании у белуджей до переселения на территорию Туркмении уже не патриархальной, а соседской общины, принявшей на себя ряд функций патриархальной общины, которую она сменила. Однако основными участниками беджар являются члены семейно-родственной группы. Все вышесказанное подтверждает мнение Н. А. Кислякова о том, что брак покупкой и калым являются атрибутами патриархальной семьи,[41] ибо семейно-родственная группа приняла на себя ряд как хозяйственных, материальных, так и идеологических функций большой патриархальной семьи.

---

[38] Там же, стр. 142.
[39] Там же, стр. 140.
[40] См.: там же, стр. 148; М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана, стр. 27.
[41] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 179.

У белуджей, как и у других кочевых в прошлом народов Средней Азии, у которых в условиях колхозной жизни семейно-родственная группа сохраняется главным образом как идеологическая категория, именно она способствовала консервации старых обычаев и традиций, являлась их носительницей и хранительницей.

Здесь следует указать еще и на другую, моральную сторону вопроса о выкупе за невесту. Дело не только в его размере и даже не столько в самом выкупе, сколько в старых традициях, согласно которым судьбу девушки, часто еще не достигшей совершеннолетия, решали до недавнего времени старшие родственники, иногда независимо от ее желания, что несовместимо с моралью советского общества, с советскими законами, с положением девушки и женщины в Советском Союзе.

Разумеется, за время пребывания белуджей в Советском Союзе (примерно 40 лет), и особенно за последние годы расцвета колхозной жизни, в этом вопросе не могло не произойти больших изменений. Имеются весьма заметные и существенные психологические сдвиги как в сознании самой белуджской женщины и девушки, так и в отношении к ним окружающих, о чем уже говорилось выше.

Белуджская женщина уже далеко не та, что была прежде. Поутру она будит своих дочерей и отправляет их на работу или в школу наравне с мальчиками (это явление в настоящее время уже стало массовым). Если женщина заболела или заболел ее ребенок, она сама идет к врачу или вызывает его на дом. Совсем иным стало, как мы видели, отношение к личной гигиене, к одежде, к гигиене и внутреннему убранству жилища. Словом, культурный уровень женщины стоит неизмеримо выше того, что мы могли наблюдать в 1929—1930 гг., т. е. непосредственно после переселения белуджей в Туркмению.

Основным моментом, влияющим на самосознание женщины и отношение к ней окружающих, является вовлечение ее в общественное производство, ее труд в колхозе. Особенно отличаются женщины на сборе хлопка. Отдельные специалистки собирают его в день до 90 кг. В школе и на производстве, в колхозе, вырабатываются здоровые, товарищеские отношения между молодежью обоих полов.

Все вышеизложенное находит отражение в общественном сознании, и часто как среди молодежи, так и среди людей среднего возраста приходится слышать высказываемые новые мнения, идущие вразрез с отношением стариков ко многим вопросам, в том числе и к вопросу о браке. Молодые люди стесняются выполнения старинных белуджских обычаев на свадьбе, чувствуют себя неловко, а иногда в разговорах с нами высказывали возмущение непомерно большими свадебными расходами. В последние годы имел место ряд случаев, когда полюбившие друг друга юноша и девушка вопреки воле родителей уходили тайно из дома и обращались в областной или районный исполком, где находили поддержку их пра́ва на самостоятельное решение своей судьбы.

Туркменским правительством в порядке борьбы с феодально-байским отношением к женщине издано еще в 1956 г. специальное постановление, согласно которому облисполкому (а с 1959 г. — и райисполкомам) было дано право в исключительных случаях, по отдельным ходатайствам понижать для женщин установленный брачный возраст (18 лет), но не более, чем на один год.[42] Постановление это было издано со специальной целью

[42] См.: Условия регистрации брака (извлечения из кодекса законов о браке, семье и опеке союзных республик). Инструкция, утвержденная постановлением Совета министров Туркменской ССР 11 августа 1956 г. за № 289, а также Указ Президиума Верховного Совета Туркменской ССР от 9 XI 1959 за № 9/3 «О внесении изменений в примечание статьи 6 кодекса законов о браке, семье, опеке и об актах гражданского состояния ТуркмССР».

борьбы с калымом, т. е. для того, чтобы девушка могла сама решить свою судьбу раньше, чем родители отдадут ее за калым. Сотрудники Марыйского облисполкома Н. В. Осипова и С. Каштанова в 1960 г. сообщили нам, что еще в 1959 г. были лишь единичные случаи обращения туркменских девушек в подобной ситуации в облисполком, но в 1960 г. обращения о снижении брачного возраста стали чрезвычайно частыми.

Незадолго до этой беседы в Марыйском облисполкоме разбиралось дело девушки-туркменки Огульхан Палтаевой. Она убежала к своему возлюбленному в 16-летнем возрасте и вступила с ним в брак; его привлекли к судебной ответственности, но она заявила в облисполкоме, что любит своего мужа и к матери не вернется, а будет жить у свекрови, пока его не освободят. При большом числе присутствующих — председателе и секретаре облисполкома, заведующих отделами, словом, перед солидными мужчинами-туркменами она говорила смело: «Я не корова, чтобы меня продавали. Мать хочет продать меня и надеть мне на голову горшок,[43] а я не хочу этого». Другая девушка заявила: «Я работаю в колхозе, у меня свой заработок, я могу жить совершенно самостоятельно. Как же можно мной торговать?»

Товарищи Осипова и Каштанова сказали нам, что никогда прежде не слышали, чтобы девушки так свободно и смело говорили перед мужчинами. Пример туркменок, несомненно, не мог не иметь отклика и среди белуджских девушек. В прокуратуре Иолотанского района нам рассказали о таких же случаях среди белуджей. В колхозе «Большевик» в 1960 г. Сугра Аббасова (рождения 1944 г.) убежала из дома с Гедауком Азимовым 1940 г. рождения. Отец хотел выдать ее замуж за своего родственника, она не только отказалась, но даже жаловалась на отца в райком партии. Его вызывали в райком по этому делу еще в 1959 г. В 1960 г. отец хотел настоять на своем. Тогда она убежала ночью к Гедауку, помощнику чабана этого же совхоза, и осталась у него.

Нам привели несколько других аналогичных случаев, когда девушка и юноша из среды белуджей, тайно сговорившись о браке, уходили из дома родителей и, обратившись за помощью в районный исполком, находили в нем поддержку. В некоторых из этих случаев девушка оставалась жить у родителей своего избранника до достижения ею совершеннолетия. Прокурор Иолотанского района специально выезжал к родителям девушки, самостоятельно избравшей себе жениха, разъяснял им, что по советским законам она имеет право выходить замуж за кого захочет, предупреждал, что за какие-либо противозаконные действия с их стороны они будут привлечены к судебной ответственности.

Новое отношение юношей и девушек к своей судьбе часто заставляет и старших членов семьи, т. е. родителей или старшего брата, иначе подходить к вступлению их в брак и считаться в этом вопросе не только с желанием юноши, но и с желанием девушки. Нам известны как случаи отказа девушки выйти замуж за неугодного ей претендента (Дурбиби Мадатова отказалась выйти замуж за пожилого человека даже после празднования санг, и ей нашли более подходящего жениха), так и случай выдачи замуж девушки за избранного ею юношу. Примером может служить брак Гуссейна и Зарджан Исахановых в колхозе им. Калинина (рис. 30). Привязанность молодых людей друг к другу возникла еще в школе, где они вместе кончили 8-й класс. По просьбе Гуссейна его старший брат сосватал за него Зарджан.

В отдельных случаях мы встречали и полное нарушение прежних обычаев при вступлении в брак по взаимной привязанности. Например, девушка Зармали была отдана замуж в 13-летнем возрасте за бесьма пожи-

[43] Речь идет о туркменском женском головном уборе.

лого белуджа. Еще в последние годы жизни мужа она полюбила своего родственника, фельдшера Абдуллу Сапарова. Когда муж умер (1968 г.), у нее уже было пять сыновей. По закону левирата она должна была выйти замуж за кого-нибудь из родни своего мужа (что ей и предложено было сделать отцом и братьями), в противном случае ее дети и все имущество должны были остаться в семье мужа. Однако все произошло иначе. Абдулла Сапаров приехал в 6-ю бригаду, где жила Зармали, среди бела дня на машине и увез к себе и Зармали, и ее детей, погрузив в машину все ее имущество. Отец и братья Зармали не могли этому противодействовать, так как все было сделано согласно советским законам.

Регистрация браков. Регистрация браков в последние годы получила широкое распространение. Из 40 семей, обследованных в центральном поселке колхоза им. Калинина, в 19 случаях брак был зарегистрирован, в 21 случае регистрация не имела места, но в число последних входят браки, заключенные как в Чехансуре, т. е. еще за рубежом, так и непосредственно после переселения в Туркмению, когда подобное новшество еще и не могло войти в жизнь.

В поселке 1—2-й бригад из 140 браков зарегистрировано 79, не зарегистрирован 61 брак. Если исключить из числа последних 20 браков, заключенных в Чехансуре или непосредственно после переселения в Туркмению, когда браки и не могли быть зарегистрированы, и еще пять супружеских пар, только что поженившихся и еще не успевших зарегистрировать свой брак, то число незарегистрированных браков составит 36, т. е. 25.7% всего числа супружеских пар. Почти в 100% зарегистрированных браков был совершен и мусульманский обряд бракосочетания. Мусульманский обряд обязательно предшествует вступлению в брак, регистрация же брака может быть произведена и до, и, чаще, после свадьбы, как это имело место в целом ряде известных нам случаев. Иногда препятствием к регистрации брака является нарушение советского закона о брачном возрасте. Отдельные случаи вступления в брак с девушками, не достигшими 18 лет, еще имеют место среди белуджей. В этих случаях брак регистрируют или значительно позже, иногда лишь с рождением детей, или вовсе не регистрируют. Регистрация браков стала входить в быт лишь в 40-х годах, но бóльшая их часть зарегистрирована уже после 1950 г. Стимулом к расширению практики регистрации браков послужил закон о выплате пособия многодетным матерям. Многие браки зарегистрированы уже при наличии нескольких детей, несомненно, ради возможности получения ежемесячного пособия.

Развод. Развод был и остается довольно легким делом в белуджской среде, но осуждается общественным мнением. Нам известны случаи, когда девушку не отдали замуж за юношу, у которого отец разводился четыре раза и старший брат успел уже один раз развестись. Развод легок, но лишь для мужчин. Женщине в прошлом было трудно добиться развода, хотя у белуджей мужья легче давали женам развод, чем у других мусульманских народов. Все же развод — явление среди них довольно редкое.

В обследованных нами в колхозе им. Калинина поселках выявилась следующая картина: в центральном поселке оказалось на 40 семей всего два мужчины и три женщины, которые вступили в брак вторично по причине развода, в поселке 1—2-й бригад на 140 семей — соответственно шесть мужчин и пять женщин. Из этого числа разводов пять произошли по инициативе молодых женщин, из которых три были выданы замуж без их согласия: одна из них ушла от мужа через месяц после свадьбы, другая — в том же году, когда была свадьба, третья — несколько позднее. Две женщины ушли от своих мужей из-за того, что последние взяли себе вторых жен (в последних двух случаях речь идет о разводах довольно давних).

В двух случаях из остальных разводов несогласие на брак было обоюдным и развод совершился по желанию обеих сторон; в трех — причиной развода была бездетность жены (в одном из них, очень давнем, невеста, по представлениям белуджей, была заколдована — *баста буда*, почему брак и «не мог осуществиться», фактически же девочка была отдана замуж в 12-летнем возрасте); один мужчина был женат на русской женщине и разошелся с ней из-за ее приверженности к спиртным напиткам; у одной женщины-белуджанки муж-афганец, будучи в армии, женился на русской и дал первой жене развод. Причины остальных разводов не были нами установлены.

Во всех описанных случаях речь идет о разводе по мусульманским установлениям (по шариату). Развод официальный, через суд, начал входить в быт лишь в последние годы, ибо и регистрация браков — явление сравнительно недавнее в белуджской среде. Однако мы встречали отдельные случаи не только развода через суд, но и получения алиментов.

* *
*

Как нам представляется, свадебная обрядность у белуджей значительно более архаична, чем у других иранских народов. Об этом говорит прежде всего тот факт, что калым существовал у них отдельно от махра, от «платы за молоко матери» *акки шир*, от свадебного угощения, подарков и т. д.

Особенно интересны у белуджей пережитки материнского права, из которых наиболее ярким является описанный выше женский праздник санг, отражающий не только былую матрилокальность брака, но и былое высокое положение женщины, что выражено в двух весьма важных моментах этого праздника: во-первых, угощение подается сначала женщинам, а потом уже мужчинам, причем мужчины прислуживают женщинам почтительно и с полным сознанием закономерности такого порядка (именно на этом празднике), что не зафиксировано до сих пор у какого-либо другого народа Средней или Передней Азии;[44] во-вторых, женщины формально устанавливают окончательную сумму выкупа за невесту (подобный обычай зафиксирован также у джемшидов и хазара[45] и у туркмен-нохурли[46]).

Последнее обстоятельство является, как нам кажется, подтверждением мнения Н. А. Кислякова, который в своей работе «Семья и брак у таджиков», опираясь на некоторые мысли Ф. Энгельса о выкупе за девушку,[47] высказывает предположение, что тенденции к появлению брака покупкой возникают уже в период упадка парной семьи и материнского рода,[48] хотя эта форма брака «достигает своего полного развития в эпоху расцвета пат-

---

[44] Некоторые черты сходства с празднованием санг у белуджей имеет празднование помолвки (кынголя, ном-зоти) таджиками Панджшира. У последних на кынголя отец жениха также дарит невесте материю для одежды, которая доставляется в дом невесты. Там же происходит и угощение, приготовляемое из мяса животных, присланных для этой цели отцом жениха. Как сообщает М. С. Андреев, «принятие поднесенной одежды и зарезание и пролитие крови животных, присланных женихом, является актом, обязывающим невесту и ее родителей соблюдать обещание выхода замуж за данного человека» (М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 41).

[45] Э. Г. Гафферберг. Формы брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ, стр. 91.

[46] Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 195—196. Поскольку у туркмен этот обычай существует только у племени нохурли, можно предполагать здесь иранское влияние, тем более, что нохурли — одно из южных племен туркмен, живущих в непосредственной близости к Ирану.

[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21. М., 1961, стр. 81.

[48] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 178.

риархальных отношений, в эпоху господства патриархальной семьи».[49]

На архаичность женского праздника санг указывает еще и то обстоятельство, что мулла на нем не присутствует и никакой специальной молитвы не читают — праздник сохранил свою древнюю, домусульманскую форму.

Нами зафиксировано лишь немного обычаев, связанных с особой ролью дяди по матери. Например, весьма часто, как и у таджиков, дядя по матери является представителем — вакилем невесты во время совершения религиозного обряда бракосочетания.

К пережиткам былой матрилокальности брака можно еще отнести, как указывается и у других авторов, тайные добрачные посещения невесты женихом, а также и то, что после совершения религиозного обряда бракосочетания невесту не увозят в дом родителей жениха, как это имеет место у других иранских народов (афганцев, таджиков, джемшидов и др.). Напротив, молодые обязательно должны остаться не менее, чем на трое суток, у родителей молодой, и все обряды, связанные с первой брачной ночью и доказательством целомудрия новобрачной, а также со снятием запрета избегания зятем тестя, совершаются в доме невесты. По нашим непосредственным наблюдениям молодые проводят в доме родителей невесты до 10 дней и более. Увоз молодой в дом мужа никакой пышностью не обставляется и не сопровождается какими-либо обрядами.

Все эти особенности, как и обычай санг, резко отличают более архаичный белуджский свадебный ритуал от свадебного ритуала указанных иранских народов. У таджиков в отличие от белуджей существует иной обычай — обычай посещения новобрачной, вскоре после переезда в дом мужа, дома своих родителей, где она остается гостить некоторое время, иногда довольно продолжительное. Еще более яркие формы имеет аналогичный обычай у туркмен, известный под туркменским названием *кайтарма* или русским «возвращение домой». Последнее длилось у туркмен от одного года до 10—15 лет.

Следует указать, что у таджиков кишлака Исфары О. А. Сухаревой в 1925 г. записан свадебный ритуал, частично совпадающий с белуджским. Все свадебные обряды в Исфаре совершались в доме невесты. Там же начиналось фактическое сожительство молодых, которые оставались в доме отца невесты три дня. Только по прошествии этого срока муж мог увезти жену в свой дом, причем, как и у белуджей, это делалось без особой пышности и особыми обрядами не обставлялось.[50] Согласно более подробным материалам Н. А. Кислякова по исфаринской свадьбе и свадьбе в гор. Канибадаме, по истечении трех суток совершается обряд выхода (показа) новобрачного — *домод бароpон*, напоминающий белуджский обряд снятия запрета избегания тестя с молодого — сеи родж. Интересна и еще одна подробность: у белуджей сама свадьба называется арус (буквально «невеста»), в Исфаре и Канибадаме этим же словом называется церемония привоза новобрачной в дом мужа.[51] Однако дальнейший ритуал не совпадает с белуджским.

Если Н. А. Кисляков признает, что исфаринская и канибадамская свадьба «выпадает из круга свадеб городских и равнинных таджиков и. представляет собой более древний тип»,[52] то в белуджской свадьбе мы

---

[49] Там же, стр. 179.

[50] О. А. Сухарева. Свадебные обряды у таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. В сб.: Советская этнография, вып. III, М.—Л., 1940.

[51] Н. А. Кисляков. 1) Семья и брак у таджиков, стр. 135; 2) Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков. Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. V, 1954, стр. 5.

[52] Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 218.

видим целый ряд еще более архаических черт, указанных нами выше. Этот комплекс особенностей белуджского свадебного ритуала дает нам основание считать его едва ли наиболее архаическим из известных по литературе свадебных ритуалов других иранских народов.

Возможно, одной из причин сохранения архаических черт в свадебной обрядности белуджей является общий низкий в прошлом уровень социально-экономического развития, объясняемый тем, что белуджи еще до недавнего времени вели у себя на родине полукочевой и даже кочевой образ жизни, уходя летом в гористые или пустынные местности Сейстана, что вело к сохранению натурального хозяйства и весьма слабому проникновению в их среду товарно-денежных отношений. Эта своеобразная изолированность способствовала также сохранению у них старинных, архаичных обрядов и обычаев, что мы наблюдаем и у других кочевников, например у курдов, у которых калым также сохранился в чистом виде.

Что касается белуджей Туркмении, то в отношении различных предсвадебных и свадебных обычаев и обрядов, браков с представителями других национальностей и брака вообще, а также в отношении женского образования мы уже наблюдаем значительный перелом в их общественном сознании.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что как материальные условия жизни, так и нравственные устои и идеологические представления меняются у белуджей очень быстро, поэтому уследить за всеми переменами можно лишь, постоянно находясь в их среде. Современные богатые, пышные свадьбы белуджей, на которые прибывают не только толпы разодетых, нарядных белуджских женщин и мужчин, но с удовольствием приезжают и приглашаемые белуджами гости из среды туркмен и русских, представляют собою яркий контраст с теми жалкими условиями существования, которые принесли белуджи когда-то со своей родины и которые описаны в докладной записке врача Красновского, приводимой в гл. I данной работы. Меняются одежда, убранство жилищ, сами жилища, утварь, пища, а также, с проникновением образования, — и идеологические представления, мнения, взгляды, обычаи. Многие обычаи, зафиксированные нами в 1959—1961 гг., в 1966—1967 гг. уже изменились, утратили свое значение или вовсе не соблюдаются. Ушли из жизни фактическое бритье жениха на свадьбе — сартарошак, ритуальное купание его в реке или арыке, «плата за молоко матери», описанный выше обычай од и многое другое.

Как указывалось, авторитет старших в семье, хотя и сохраняется, но утратил прежнее абсолютное значение. Старшие члены семьи часто прислушиваются к мнению более молодых ее членов, получивших образование, пришедших из Советской Армии. Новые производственные отношения, организация колхозных бригад не по родственному, а по деловому, производственному признаку, а главное, участие в общественном труде как молодежи вообще, так и, особенно, женщин и девушек, имеющих теперь свой самостоятельный заработок, меняют весь строй жизни когда-то отсталого кочевого белуджского общества.

Разумеется, изменения в материальной жизни происходят быстрее, чем в области сознания, но и последнее во многом стало совершенно иным. Семейно-родственные группы кое-где еще сохраняются, но жизнь составляющих их отдельных семей идет уже по новому руслу; уплата выкупа за невесту стала редким явлением, ибо девушку уже нельзя продать, нельзя выдать замуж против ее желания. Девушки это знают, знают это и мужчины.

Ярким показателем постепенного изживания феодально-байского отношения к женщине является массовое вовлечение девочек в школы, о чем речь будет ниже.

Изложенный далеко не полный перечень изменений, которые произошли у белуджей в области сознания и идеологических представлений, отражает прогрессивные тенденции и глубокие психологические процессы, которые нельзя не видеть и не констатировать.

Как семейно-родственные группы, создававшие благоприятную почву для бытования выкупа за невесту, так и сам выкуп — это явления обреченные, несовместимые с социалистическим обществом, с коммунистической моралью. Они не могут долго существовать в обществе, где женщина имеет равные права с мужчиной. Молодое поколение, получающее образование, относится к ним резко отрицательно. Поэтому полное их исчезновение мы считаем вопросом самого ближайшего будущего.

РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА

Как и все народы Востока, белуджи чрезвычайно чадолюбивы. Иметь большое количество детей считается счастьем, благополучием.

Выше мы могли убедиться в том, что при нормальных условиях и здоровье белуджская семья увеличивается на одного человека почти каждые один-два года. Как отмечают сами белуджи, в прежнее время в Афганистане и в первое время после переселения в Туркмению такой высокой рождаемости препятствовали как крайняя бедность белуджских семей, так и имевшие в прошлом большое распространение женские болезни, причинами которых были отсутствие теплой одежды, постоянное сидение на холодном земляном полу в геданах и общее недоедание. В настоящее время большое количество детей у белуджей является одним из наиболее ярких показателей повышения их материального уровня, а также отражает постоянную заботу советского государства о матери и ребенке. Советская система прогрессивных пособий на каждого ребенка сверх двух детей как нельзя более соответствует отношению самих белуджей к этому вопросу. В колхозе им. Калинина (как и в других белуджских колхозах) получает пособие на детей большое количество матерей, имеются четыре матери-героини, имеющие по 12 детей.

Как наследие тяжелого, но еще недавнего прошлого среди белуджских женщин и сейчас встречается бездетность — большое несчастье для женщины, ведущее к семейным раздорам, а иногда и к разводу супругов. В связи с этим интересно отметить существующий у белуджей по сей день весьма старинный обычай дарения и усыновления (удочерения) детей — *фарзенди*, или *парзенди* (от общеиранского *фарзанд* — «ребенок»). По этому обычаю родители, имеющие достаточное количество детей, отдают бездетным родственникам одного из них, которого последние усыновляют. Отдают детей лишь очень близким родственникам, в известных нам случаях мать отдала ребенка родной сестре, родному брату, родной сестре мужа и т. д. В одном случае мать отдала четырехмесячного сына (из двух близнецов) сестре своей матери, т. е. родной тетке, имевшей всего одну дочь. Нам известен и еще один случай, когда из двойни (мальчика и девочки) мать отдала девочку своей старшей бездетной дочери.

Обычай этот — довольно распространенный среди белуджей. В двух обследованных нами поселках колхоза им. Калинина на 180 семей оказалось семь усыновленных детей — четыре девочки и три мальчика. Нам известны также аналогичные случаи среди других групп белуджей. Детей отдают в возрасте от 4 мес. до 12—13 лет. В большинстве случаев отдают детей бездетным женщинам; однако в двух из известных нам случаев один мальчик и одна девочка были отданы старым одиноким женщинам, у которых все дети уже вступили в брак.

Обычай усыновления существует у многих других народов. У персов, таджиков, джемшидов (*фарзанди*), у туркмен (*огуллык*), у казахов.[53] У тяньшанских киргизов для усыновленных детей имеется термин *тонду уул* — «сын, родившийся в одежде», в отличие от родного сына *тонсуз уул* — «сын, родившийся без одежды». В работе С. М. Абрамзона, касающегося древнего обычая усыновления у киргизов,[54] в которой приводятся эти термины, говорится только об усыновлении мальчиков, причем лишь один случай был связан с бездетностью.[55] Судя по другим описанным в названной работе случаям, этот весьма старинный обычай был связан у киргизов с принятием в род.

Рождение каждого ребенка — большая радость в семье. Особенно радуются рождению мальчика, это — пережиток тех еще недавних времен, когда мужчина играл главенствующую роль в хозяйственной жизни и в семье.

При рождении мальчика находящиеся в доме люди спешат сообщить отцу о радостном событии. Тот, кто сообщит первым, получает от отца подарок. Этот обычай сохранился до наших дней. Нам рассказывали, как один из работников фермы колхоза им. Куйбышева, сосед отца, поехал на ферму, чтобы сообщить о рождении сына пожилому и пользующемуся известностью пастуху, у которого до этого родилось пять дочерей. За радостную весть отец подарил вестнику лошадь. По-белуджски вознаграждение от отца *кула ғури*. Отцу говорят: «Тыи кула мни, ти гиса бачакке бута!» — «Твою шапку мне, в твоем доме родился мальчик». Если же сообщают какой-нибудь родственнице, то говорят: «Тыи чадыр мни, ти писай гиса!» — «Твой чадыр мне, в твоем доме мальчик» — это *чадыр зури*. При рождении мальчика стреляют из ружья.[56]

С рождением ребенка связывалось в прошлом множество различных суеверий.[57] Роженица за три дня до родов на ночь клала рядом с собой нож или втыкала его возле себя в земляной пол, боясь, чтобы страшное мифическое существо *ал* или злые духи джинны не воспользовались ее состоянием и не напали бы на нее ночью. Перед родами женщина стирала всю свою одежду, мыла себе голову, иногда делая это, когда уже схватки начались. Перед самыми родами женщина снимала штаны и не надевала их, пока не вымоется. Рожала женщина, сидя на корточках, причем ее поддерживали при родовых схватках две женщины: одна — спереди, другая — сзади. Одна из них должна была быть опытной в этих делах женщиной, называвшейся *дое*.

---

[53] Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967, стр. 178.

[54] С. М. Абрамзон. Об обычае усыновления у киргизов. Труды Института языка, литературы и истории Кирг. фил. АН СССР, вып. 2, 1948, стр. 149—151.

[55] Там же, стр. 151.

[56] Обычай этот — весьма древний и характерен для многих народов Востока, как и для зарубежных белуджей. Чарлз Массон в комических тонах рассказывает о выстрелах из двух старых морских пушек, произведенных по поводу рождения сына у правителя форта Ормара (в восточной части Белуджистана, на берегу Аравийского моря), от которых развалились ворота укрепления и едва не развалился сам форт. Ch. Masson. Narrative of various journeys. . ., v. II, p. 14.

[57] Обзор литературы по этому вопросу дан в работе А. Л. Троицкой «Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана» (СЭ, 1935, № 6, стр. 109), к которой мы и отсылаем читателя. Из работ, вышедших позднее и содержащих сведения о рождении и воспитании ребенка см.: Е. М. Пещерева. Домашняя и семейная жизнь (Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева и С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954, раздел «Рождение и воспитание детей», стр. 182—190); см. также соответствующие разделы глав об отдельных народах в томах «Народы Передней Азии» (М., 1957) и «Народы Средней Азии и Казахстана» (чч. I, II, М., 1962—1963) серии «Народы мира».

Существовал старинный обычай кочевников, согласно которому, если роды затягивались, одна из женщин неожиданно входила, и, проводя рукой по спине роженицы сверху вниз, говорила: «Зуд кан, ке алк ладдет!» — «Поторопись, так как селение погрузилось!», «Зуд кан, ке та мантей» — «Поторопись, а то останешься».[58]

Дое, исполнявшей обязанности повивальной бабки, давали прежде за ее труды немного продуктов — муки, соли, иногда чаю и сахару. Кое-что давали и второй женщине. Теперь, если женщина рожает дома, дают хороших конфет и до 10 руб. деньгами, особенно при рождении сына.

После родов женщина лежала в постели в одной рубахе, покрытая одеялом. Головной убор сохраняла обычный. Пуповину *истра* дое перерезала бритвой на подметке женской туфли. В настоящее время, если женщина рожает дома, пуповину перерезают чистыми ножницами. Тряпки, которые были под роженицей во время и после ро́дов, зарывали в поле вместе с последом *капти* в первую же ночь после родов. Это обычно делал муж. Если послед долго не выходил, роженице давали принимать серу *гокурт*.

Мать — *джинин заг дист* (буквально «женщина, увидевшая ребенка») после родов не мылась от трех до шести дней. Мыла непосредственно после родов только руки и лицо. Эти дни она не пекла хлеба, не доила овец, вообще не выполняла никаких хозяйственных работ. По прошествии трех или шести дней она мылась вся горячей водой с мылом, стирала все, что сняла с себя, и надевала новые штаны и рубаху, которые шила за несколько дней до родов. Однако в прежние времена не все имели возможность соблюдать этот обычай. Иногда женщина надевала лишь новые штаны и старую, чисто выстиранную рубаху. Новый платок роженица надевала дня за два-три до родов. После надевания новых штанов и рубахи она уже могла печь хлеб и выполнять остальные хозяйственные работы, если в этом была необходимость. Если же в доме была мать или сестра, родившая женщина не работала в хозяйстве до 10 дней. В этом случае она мылась на 6-й и на 10-й день после родов.

Все последующие дни после родов продолжали принимать меры против злых духов — джиннов, могущих повредить роженице. В головах ее клали ружье, кусок соли и ставили нож острием вверх. Его можно было поставить в любом месте в доме, считали, что джинны испугаются и не войдут. Иногда его клали и под подушку роженицы. Если днем нож брали для домашнего употребления, то на ночь водворяли обратно. Эти предметы находились в головах у роженицы в течение девяти ночей. Кроме того, шесть ночей в доме до утра горел светильник *чирак*.

Самым страшным, злым духом, по представлениям белуджей, являлась *алг*,[59] старая женщина огромного роста с длинными грудями, которые она забрасывает за спину, с губами, отвисающими до пола, большими острыми зубами и толстым задом. Белуджи считали, что алг приходит к роженице два раза: в день рождения ребенка и на шестую ночь. Поэтому рекомендовалось мужу на шестую ночь следить, чтобы всю ночь горел огонь, и самому бодрствовать.

---

[58] Аналогичный обычай зафиксирован нами у джемшидов и хазара.

[59] Ал, или алг, — то же, что таджикское и узбекское *алмасты*, *албасты*. О широком распространении поверья об алмасты у народов Средней Азии и Афганистана см.: М. С. Андреев. По этнологии Афганистана, сноски к стр. 34—35. М. С. Андреев указывает, что Пандшир является крайним южным пределом распространения тюркского названия алмасты (албасты) для этого мифического существа. Южнее его называют ал (модар-и ал). Последнее название встречается уже в Мазари-Шерифском районе. Название «ал» распространено также у южных туркменских племен (Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 192).

Здесь можно лишь добавить, что представления о внешнем виде албасты у разных народов варьируются. Примеров можно было бы привести множество.

Интересно, что эти сведения сообщали нам в 1929 г. мужчины, относившиеся к ним весьма серьезно. Один из них, принадлежавший к племени зури, сказал, что для женщин племени зури алг не страшна. Об этом существует следующая легенда. Еще не очень давно в Герате жил ишан, из племени зури, по имени Измат. Он был огромного роста и силен, как настоящий пахлеван (богатырь, силач). Когда жена Измата родила, алг хотела войти в дом. Измат схватил ее за волосы, бросил лицом об землю и землей же, взятой на палец, помазал ей нос, сделав заговор (*туба кард*), чтобы она не трогала зуринских женщин. С тех пор алг (по-зурински ал) никогда не трогает женщин племени зури.

Поскольку жена рассказчика принадлежала к племени брагуи, он после родов все же следил, чтобы в головах у нее лежали ружье и соль и стоял нож.

Все названные выше меры принимались для охраны как матери, так и новорожденного ребенка. Иногда к спеленутому ребенку в течение первых трех ночей привязывали поверх пеленок большой нож, служащий для отпугивания джиннов, которые могут уничтожить его или съесть в первые три ночи после рождения. Считалось также, что большой силой против злых духов обладает растение *Peganut Harmala*, известное под названием *исфанд* или *испанд* (белуджск. *спантан*, тадж. *хазор испанд*). Родившую женщину и ребенка окуривали дымом зажженного растения или же сыпали его в измельченном виде вокруг них.[60]

Оберегом от сглаза или болезней служили разного рода молитвы и заговоры, написанные муллой на бумаге и зашитые в цветную тряпочку в виде треугольника *таит*, часто украшенного перламутровыми пуговицами и мелкими монетами.[61]

Первые три дня, считая и день родов, роженица пьет зеленый чай с сахаром. Сразу же после родов ей приготовляют халву. По словам белуджей, в день родов муж должен «хоть 100 рублей отдать», лишь бы достать три вещи: набат (виноградный сахар), перец *пель-пель* и топленое масло из овечьего молока, являющиеся необходимыми ингредиентами халвы. Ее приготовляют роженице в день родов и на следующий день. На второй день роженице приготовляют также курицу: жаренные в овечьем масле куриные потроха, затем жаренное в овечьем же масле куриное мясо. Иногда варят суп из курицы. На третий день роженице, если есть возможность, жарят блины. Роженица в Средней Азии вообще придерживается «горячительной» диеты, в которую входят сахар, сало, масло и мясо. У белуджей перечисленные кушанья — халва, различные куриные блюда и блины в течение первых трех дней после родов считаются обязательными. Если роды происходят в больнице, роженице приносят их туда (предохранительные меры против различных злых духов в этом случае, разумеется, отпадают). Шейку курицы роженица съедает отдельно, «чтобы ребенок хорошо держал головку».

В течение 40 дней женщина не должна иметь половых сношений с мужем. На 40-й день, если родился мальчик, делают угощение хейрат. Женщина моется в третий раз. Эти 40 дней называются *чиль родж*, или *чилля*.

---

[60] О широком применении этого растения как оберегающего от злых духов в Средней Азии, в странах Ближнего Востока и в северной Индии см.: М. С. Андреев. По этнологии Афганистана, стр. 35, прим. 1; см. также: А. Л. Троицкая Рождение и первые годы жизни ребенка..., стр. 113.

[61] Перечисленные выше суеверия и связанные с ними обычаи и представления постепенно уходят в прошлое. О проникновении в среду белуджских женщин современных научных медицинских знаний и практических приемов в области ухода за ребенком и личной гигиены матери будет сказано в следующей главе.

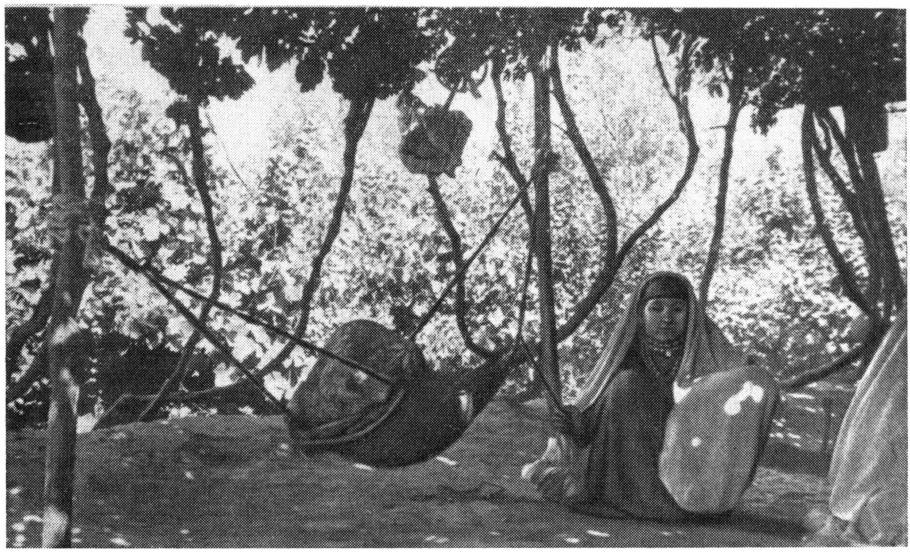


Рис. 58. Старинная колыбель.

Только что родившегося ребенка моют и пеленают, глаза мажут лекарством *джуар* красного цвета (приобретают его на базарах в Иолотани и Мары), имеющим большое распространение в Афганистане и Иране. Как девочке, так и мальчику палочкой для сурьмы проводят над переносицей изогнутую линию, как бы соединяющую брови. Если нет под рукой названного лекарства, то и глаза подкрашивают сурьмой, опасаясь, как бы ресницы и брови не остались светлыми. Это и по сей день считается у белуджей необходимым с точки зрения красоты. Девочке прежде ставили на лбу и на косточке большого пальца руки синие точки *хал*, способствующие, по мнению белуджей, благополучию.

Все входящие в помещение женщины и девочки, а также и мужчины поздравляют мать словами *муборак баши* (перс. «будь благословенна») или *гисай шума муборак бит* (белуджск. «да будет благословен ваш дом» — обычная форма поздравления). Пришедших угощают чаем и сладостями.

В первый день жизни ребенка мать не дает ему грудь. Его кормят в течение трех дней лишь маслом из овечьего молока с толченым сахаром. Эту массу мать или повивальная бабка берет время от времени на указательный палец и вмазывает в рот младенца. Мать кормит также и грудью, если у нее появляется молоко. Женщины говорят теперь, что, поскольку овец не доят и нужное масло достать очень трудно, в халву для роженицы можно в крайнем случае положить и топленое масло из коровьего молока, но для кормления ребенка необходимо овечье масло, что связано, конечно, со старой овцеводческой традицией. Овечье масло у белуджей вообще считается целебным.

Ребенка кормят грудью в течение одного года, если же мать по истечении года не забеременеет снова, то и в течение двух лет.

Имя ребенку дает мулла на третий день после рождения.

Специального праздника укладывания в колыбель у белуджей нет. Ребенка кладут в колыбель и на третий, и на четвертый день жизни, как это удобно матери.

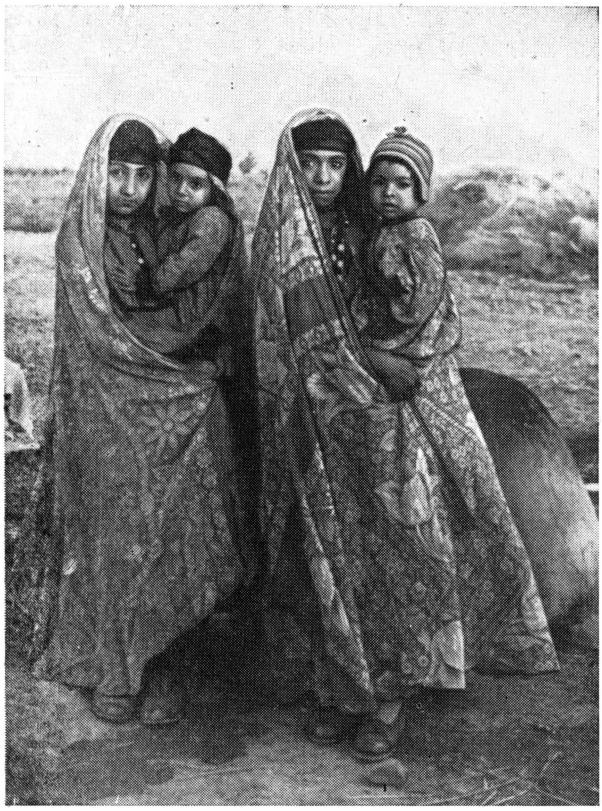


Рис. 59. Головной убор малюток — девочки и мальчика.

Колыбель *джюнт* (рис. 58) представляет собою кусок кошмы, укрепленный в горизонтальном положении на подвешенной в два параллельных ряда, иногда специально вытканной шерстяной узорчатой тесьме *нувар*. Кошму подводят под тесьму, и боковые края ее загибают поверх тесьмы, в головах и в ногах вставляют две деревянные распорки *джюнте лаʈук*, упирающиеся в загнутые края кошмы. На кошму кладут матрасик или подушку, и затем уже — запеленутого ребенка.[62]

Для подвешивания колыбели чаще используют уже имеющуюся в хозяйстве тесьму или шерстяную веревку, желательно двухцветную, так как считается, что двухцветная веревка привлекает внимание своей пестротой и тем самым предохраняет от сглаза. По истечении надобности эти предметы снова используются по прежнему назначению.

В современном глинобитном жилище белуджей колыбель подвешивают в углу жилой комнаты. Старинная подвесная колыбель быстро вытесняется покупаемой на базаре деревянной раскрашенной колыбелью общего среднеазиатского типа, спинки которой заканчиваются внизу закруглением, благодаря чему ее удобно покачивать, и колыбелями другой формы. Встречаются и детские кроватки, покупаемые в магазинах.

В прежние времена новорожденного ребенка мыли непосредственно после рождения, а затем — в зависимости от желания и чистоплотности матери. В настоящее время многие женщины приучились мыть ребенка каждый день.

Пеленают ребенка в основном так же, как и прежде. На девочку, как и на мальчика, надевают рубаху такого же фасона, как и у взрослых мальчика или девочки, но подол не подрубают, считая, что это препятствовало бы росту ребенка.[63] Головной убор новорожденной девочки повторяет головной убор взрослой девушки. Мальчику надевают на голову

---

[62] Подобная колыбель не является специфически белуджской, но характерна для многих кочевых или полукочевых в прошлом народов — туркмен-нохурли (Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 192) и др.; встречается она у таджиков и узбеков. Деревянная колыбель в прошлом у белуджей отсутствовала.

[63] Поверье, широко распространенное также и среди земледельческого населения Средней Азии.

Рис. 60. Девочка за шитьем одежды.

вышитую, иногда стеганую шапочку с небольшими наушничками, украшенную цветными бейками и перламутровыми пуговицами. Во многих семьях в настоящее время вошли в обиход распашонки для грудных детей *чирджамаги*, одеваемые под традиционную рубашку, подол которой при пеленании загибается наверх. Мать сначала пеленает ребенка, а затем специальной шерстяной тесьмой *бандук*, имеющей посредине нашивное украшение в виде прямоугольника из цветной ткани с заостренными концами, с пришитыми желтыми и голубыми бусами и пуговицами, связывает ребенка таким образом, что украшение приходится на середину груди; тесьму она два раза перекрещивает спереди и сзади, а вытянутые ножки стягивает несколько раз концами тесьмы и завязывает их внизу ножек. Бусы и пуговицы имеют охранное значение. Кроме того, пришивают еще черную бусину с белыми крапинами *чамтрак*. Такие бусины приобретают на базаре и считают отводящими дурной глаз, для чего может служить также и любой блестящий предмет, например большая английская булавка, которая, как любой острый предмет, считается еще и отгоняющей злых духов.

Ребенка пеленают до восьми-девяти месяцев. Месяцам к пяти-шести его часто держат развернутым, давая ему посидеть, побарахтаться и поползать. Девочке на день надевают шароварчики, мальчику — вышитую безрукавку.

Пока ребенок не научится хорошо ходить, он находится под наблюдением матери или старшей сестры. Что касается дальнейшего воспитания ребенка, то кажется, что никакого особенного воспитания и нет. Как только дети начинают ходить, они бегают свободно по двору и по поселку. Однако следует отметить, что, хотя белуджи, очень любящие детей, почти никогда их не бьют и не наказывают, дети послушны и необыкновенно тактичны. Быть может, этому способствует общая строгость и благопристойность внутренней жизни семьи и взаимоотношений между ее членами. Уважение к старшим является глубоким внутренним правилом, одобряемым общественным мнением. Например, маленькому мальчику, вошедшему в дом и севшему спиной ко мне, 13-летняя сестра строго сказала: «Пушт макан» — «Не садись спиной», — и он тотчас же подвинулся и сел ко мне боком, из чего было видно, что это правило вежливости ему известно.

Детям прививается также чувство привязанности к своей семье, результатом чего является большая прочность родственных связей, характерная как для белуджей, так и для многих других народов, в особенности сохраняющих еще черты недавних патриархальных отношений.

Дети рано начинают помогать родителям в домашнем труде, что развивает чувство ответственности за свое, а позднее, и за общественное хозяйство. С семи-восьми лет мальчики уже имеют свои обязанности: приносят траву для скота, привозят воду на ослике, выполняют другие мелкие домашние работы, помогают отцу при приеме гостей и т. д. Девочки с этого же возраста во всем помогают своим матерям: учатся убирать помещение, прясть нитки, ткать, шить и т. д.

В прежние времена девочка 14—15 лет уже считалась невестой и иногда сама при помощи матери готовила себе приданое. Этим объяснялось сохранявшееся до недавнего времени отрицательное отношение белуджей к женскому образованию. Белуджи считали, что школа отвлекает девочек от обучения женским работам, от исполнения их прямых обязанностей. Кроме того, духовенство прививало женщинам убеждение в том, что они во всем должны повиноваться отцу, а затем мужу и что в школе девочка может «испортиться», набраться более свободных идей. В настоящее время посещение школы девочками, как и мальчиками, вошло в обычные нормы воспитания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Народное образование и здравоохранение, а также культурно-просветительная работа и культурное строительство играют огромную роль в изменении духовного облика белуджей. Советские и партийные органы, придавая большое значение просветительной, культурной и политической работе среди этих недавних переселенцев, ведут ее непрерывно и с большой настойчивостью.

Народное образование. Самым важным в деле повышения культуры населения является вопрос о народном образовании.

Основная масса белуджей в момент переселения в СССР была почти поголовно неграмотна. Лишь отдельные лица из более зажиточного слоя умели читать по-персидски, хотя практическое знание персидского языка было распространено гораздо шире. Некоторые наиболее влиятельные ханы устраивали в своем селении религиозные школы *мектеб*, в которых муллы обучали мальчиков чтению корана на арабском языке. Фактически и эти дети оставались неграмотными. Мало того, среди белуджей существовало в то время вполне укоренившееся мнение, поддерживаемое служителями культа, что общее образование даже для мальчиков, не говоря уже о девочках, не только не нужно, но и вредно, ибо несет с собою вольномыслие, испорченность, отступничество от религии. В те времена только отдельным лицам удавалось кончить школу и получить специальность, о чем речь будет дальше. Это мнение о вреде образования частично сохранялось еще до недавнего времени среди наиболее отсталых элементов населения.

Борьба за приобщение белуджей к советскому народному образованию началась еще в 1929—1930 гг., когда на специальных заседаниях Совнаркома ТуркмССР и районных Советов были приняты первые постановления о строительстве школ в белуджских поселках.

В постановлении Комиссии по землеустройству белуджского населения при Мервском райисполкоме от 23 VI 1929 года окружной землеустроительной партии поручается «при землеустройстве обязательно предусмотреть отвод площади для постройки школы, больницы, кооператива и т. д., намеченных к строительству в этом и будущих годах, сообразуясь с потребностью».[1]

[1] Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 228, оп. 5, д. 88, лл. 3—4.

О срочном открытии школ для белуджей и об обеспечении учащихся теплой одеждой и обувью говорится также и в постановлениях других райисполкомов.

Поднятие общего культурного уровня белуджей было одной из важнейших задач райисполкомов в 30-е годы. В районы расселения белуджей был направлен специальный инструктор, знающий персидский язык. Были построены и открыты школы для белуджей и других национальных меньшинств.

Задача вовлечения детей в школу была исключительно сложна. Темным, безграмотным людям, подстрекаемым служителями культа к сопротивлению обучению их детей в школах, трудно было объяснить необходимость образования. Не было не только букварей и учебников на белуджском языке, но не существовало и алфавита, ибо белуджский народ был бесписьменным. Туркменского языка белуджские дети в то время еще не знали. Новые школы часто пустовали, ученики или вовсе не приходили, или приходили в очень небольшом количестве; трудно было найти подходящих учителей. Силами ученых Ленинграда (главным образом проф. И. И. Зарубина) и отдельных более просвещенных белуджей был создан белуджский алфавит (латиница) и срочно выпущены букварь и учебники для начальной школы на белуджском языке. Обучение белуджских детей на родном языке проводилось до 1935 г. В городе Мары с 1926 по 1936 г. существовал специальный белуджский интернат, в котором обучалась часть нынешней белуджской интеллигенции. Однако, поскольку обучение грамоте на родном языке не давало молодежи реальных перспектив для получения технической специальности или хотя бы среднего образования, с 1935 г. от обучения школьников на белуджском языке пришлось отказаться.

С 1935 г. белуджские дети получают среднее образование на туркменском языке в туркменских школах, что вполне целесообразно по указанным выше причинам. В первые годы после перехода к обучению на туркменском языке эта перемена создавала дополнительные трудности не только для пропаганды за всеобщее обучение, но и для самого обучения, так как белуджские дети еще слабо знали туркменский язык. Эти трудности иногда сказываются и по сей день. Белуджские дети в тех школах, где они учатся вместе с туркменами, татарами и детьми других национальностей, приходят в школу с недостаточным знанием туркменского языка. В белуджских колхозах, где большинство учащихся — белуджи, дело обстоит несколько лучше, так как, хотя учебный процесс поневоле замедляется из-за слабого знания учащимися туркменского языка, общий уровень учащихся более или менее ровный.

В течение 30 лет борьба за всеобщее обучение была у областных и районных отделов народного образования задачей номер один в белуджских колхозах. Еще несколько лет тому назад иногда даже мальчиков родители не хотели пускать в школу, скрывая их от органов народного образования; в некоторых случаях даже прибегали к обману, говоря, что ребенок их неполноценен или одержим какой-либо тяжелой болезнью.

Девочки ходили в школу в единичных случаях и то только в начальные три класса. Например, в школе № 34 поселка Ленин-Ёлы (8-я бригада) колхоза им. Жданова числилось еще в 1962 г. шесть белуджских девочек: две девочки — в 1-м классе (обе не посещали занятий), две — во 2-м, одна — в 3-м и одна — в 4-м (также занятий не посещала). Часто девочки посещали начальные классы в течение некоторого времени после проведения очередной кампании за всеобщее обучение, а затем снова прекращали посещение. Поскольку они довольно смутно понимали преподаваемый им материал, для них создавали параллельные классы, чтоб они не тормозили учебного процесса. Но дальше 4-го класса девочки не учи-

лись. В 1962 г. в центральном поселке колхоза им. Калинина Иолотанского района, в школе № 24, нам представили двух белуджских девочек — учениц 5-го и 7-го класса. Причиной непосещения девочками школы являлось общее отсталое отношение к женщине вообще и, в частности, к женскому образованию.

В подтверждение изложенного мы можем привести некоторые данные из докладной записки тов. Аманмурадова, начальника Управления школ Министерства просвещения республики Центральному Комитету КП Туркменистана (Отдел вузов, науки и школ) «О состоянии всеобуча в Марыйской области» (копия министру просвещения Туркменской ССР тов. Курбанову.[2] Тов. Аманмурадов пишет, что в результате принятых мер после 1 сентября 1961 г. большая часть детей была охвачена учебой. Однако некоторая часть детей оставалась вне школы; девочки-белуджанки, как правило, отсеивались после окончания 3-го класса. В Иолотанском районе в четвертых классах не было охвачено учебой 72 человека, большинство которых падало на белуджанок из колхоза им. Жданова. Местные Советы депутатов трудящихся этого района не принимали должных мер по охвату обучением всех детей школьного возраста.

Перелом в отношении белуджей к образованию наметился уже в начале 60-х годов. Несмотря на проявление отсталости и факты отрицательного отношения к получению образования, можно было наблюдать, что наиболее упорная и прогрессивная часть мужской молодежи уже тогда оканчивала среднюю школу и шла учиться дальше.

Во многих семьях и старшее поколение уже сознавало необходимость образования и поддерживало молодых людей в их стремлении получить какую-либо специальность. Окончив 8 или 10 классов, юноши поступали на курсы механизаторов, трактористов, бонификаторов, бухгалтерские курсы, в сельхозтехникум, в фельдшерское или педагогическое училище, в медицинский или педагогический техникумы и т. д. В колхозе им. Калинина уже работали три фельдшера-белуджа — два брата Исахановы, Амал и Алам, и Абдулла Сапаров, окончившие Марыйское медицинское училище на русском языке.

За последние пять-семь лет (1969 г.) в результате упорной борьбы за всеобщее обучение и постоянной разъяснительной работы со стороны районных отделов народного образования, райисполкомов и райкомов КП Туркменистана обучение белуджских детей в школе стало массовым явлением.

Белуджские школы представляют собою теперь совсем иную картину, чем в описанные выше годы. В просторных классах новых школ сидят по 25—30 учеников. Девочки учатся в школах наравне с мальчиками. Директор и весь коллектив педагогов строго следят за посещаемостью и успеваемостью.

Перед органами народного образования встали теперь новые и не сразу разрешимые проблемы. Не везде построены новые школы, а старые не вмещают увеличившегося контингента учащихся. В центральных поселках колхозов и в некоторых поселках бригад, где построены уже новые школы — восьмилетки или десятилетки, проблема эта полностью разрешена. Но построить новые школы сразу во всех бригадах невозможно. Мало того, выше уже говорилось, что белуджи в свое время охотно селились в отдаленных от центра местах, так как это давало им возможность жить своим особым, свойственным им бытом, в соответствии с их устаревшими обычаями. Теперь картина изменилась: бригадиры этих отдаленных бригад требуют срочной постройки в них новых школ, что связано с боль-

[2] Записка была составлена в декабре 1961 г. на основании заслушанных на заседании в обкоме КП Туркменистана в г. Мары отчетов заведующих районо о выполнении всеобуча.

шими трудностями, так как требует перевозки стройматериалов и рабочей силы на большие расстояния.

В Межколхозстрое, который ведает постройкой всех зданий в колхозах, не хватает материалов и рабочих-строителей для удовлетворения все возрастающих запросов колхозов в этом направлении, поэтому введена строгая очередность в строительстве. Детям, окончившим начальную школу в поселке своей бригады, приходится ходить в школу в соседние поселки или в школу центрального поселка, или в соседний совхоз. В некоторых центральных поселках (например в колхозе «Победа») есть школы-интернаты, это в значительной мере разрешает вопрос. Но девочек в школу-интернат белуджи опять-таки не отпускают. Таким образом, эта проблема не везде еще разрешена, что является уже трудностью непреодолимого роста культуры.

Удачной в описанной ситуации представляется нам постройка в 1966 г. большой новой школы № 40 при хлопковой базе «Каракум» Байрам-Алийского района, на стыке нескольких колхозов. Школа обслуживает хлопковую базу, колхоз «Большевик», где имеются две белуджские бригады (12-я и 13-я), колхоз им. Ленина, где также имеются две белуджские бригады (11-я и 12-я) и колхоз «Москва», где в 10-й бригаде работают совместно белуджи и туркмены. Школа запроектирована и построена как десятилетка, но сейчас функционируют еще только восемь классов. В этой школе, только что открывшейся, уже учатся восемь белуджских девочек и 26 мальчиков.

В основном в колхозах созданы сейчас условия для получения среднего образования всеми детьми школьного возраста. Сеть школ удовлетворительна. В колхозе им. Жданова имеется пять школ, из них три — восьмилетки и две — начальные. В центральном поселке находится школа-восьмилетка № 32. Дети, окончившие 8-й класс, учатся в школе-десятилетке № 16 на ст. Талхатан-Баба.

Колхоз им. Калинина обслуживают три школы-восьмилетки и одна начальная. Школа-восьмилетка № 27 находится в центральном поселке. Это одна из лучших школ в районе. Здесь учатся дети из центрального поселка и поселка 1-й и 2-й бригад колхоза. В школе 13 классных помещений, имеются физический и химический кабинеты, физкультурный зал, кабинет директора, учительская, комната для пионерской работы, библиотека, учебная мастерская. Здание отапливается голландскими печами, в школе тепло и светло. Занятия в ней начались уже с начала 1962/63 учебного года.

Директор школы — белудж Вели Атамамедов, бывший ученик этой же школы, ведет занятия по биологии. Преподавательский состав — 17 человек, из них директор, три учителя и старший пионервожатый — белуджи.

Учащихся в школе 320, из них белуджей 250, 141 мальчик и 109 девочек. В 1965/66 г. окончили школу три девочки-туркменки и шесть мальчиков-белуджей. Из них пять мальчиков учатся в 9-м классе школы № 1 г. Иолотани, имеющей интернат. Остальные остались работать в колхозе.

Параллельных классов специально для белуджей теперь нет. Учеников распределяют так, чтобы в параллельных классах было одинаковое количество туркмен, белуджей и детей других национальностей. Есть девочки-белуджки, которые хорошо учатся.

В колхозе им. Куйбышева Туркмен-Калинского района две школы: № 23 — десятилетка и школа № 31 — восьмилетка. В школе № 23 в центральном поселке колхоза числилось в 1966/67 учебном году 425 учащихся, из них белуджей 170 — 106 мальчиков (в 1962 г. — 50) и 64 девочки (в 1962 г. — 19), остальные туркмены и персы.

Кроме перечисленных школ, находящихся в колхозах, есть еще школы-десятилетки с интернатом в пос. Куйбышевск (ст. Талхатан-Баба),

бывшем районном центре одноименного района, и в городе Иолотани. В каждой из этих школ учится после окончания восьмилетних школ в колхозах до 10 учеников-белуджей. При школе в Куйбышевске имеется вечерняя школа, где учатся шоферы, бригадиры и конторские работники, среди них много белуджей.

Степень охвата детей всеобщим школьным обучением показывают следующие цифры по обследованным нами двум поселкам колхоза им. Калинина.

В центральном поселке колхоза учатся все 29 мальчиков школьного возраста, из них в 5-м классе школы-интерната в г. Иолотани — один и в 9-м классе этой же школы — двое; один мальчик учится на 2-м курсе медучилища в г. Мары (где преподавание ведется на русском языке), остальные — в школе-восьмилетке этого поселка. В поселке 1—2-й бригад из 124 мальчиков школьного возраста учится в школе 116 (93%). Шесть мальчиков от 14 до 18 лет, имеющих образование три-восемь классов, работают в колхозе.

Девочек школьного возраста в центральном поселке 41. Из них учатся в школе от 1-го до 8-го класса 35 (88%), одна не учится по болезни, две (14 и 16 лет) работают в колхозе. Уклонившихся от учебы трое, 12 и 13 лет. В поселке 1-й и 2-й бригад из 100 девочек школьного возраста ходят в школу 74, 17 работают в колхозе, у двух девочек 13 и 16 лет умерла мать, и им пришлось стать хозяйками в доме, заменить мать младшим детям; уклонились от учебы восемь девочек.

Как мы видим, главная задача, стоящая перед органами народного образования — вовлечение всех детей школьного возраста в учебный процесс, в основном разрешена. Небольшое количество девочек, главным образом ученицы старших классов, часто пропускают занятия, или совсем не приходят в школу по вине матерей, привлекающих их к домашней работе, или, окончив пять, шесть или семь классов, начинают работать в колхозе. С этим явлением ведется борьба, особенно успешно ее проводят в некоторых совхозах. В местностях, где белуджей мало и они живут смешанно с другими народностями, например в Серахсе и Теджене, также часто встречаешь девушек, окончивших 9 или 10 классов, умеющих читать по-русски и по-туркменски, ибо феодально-байские тенденции в отношении девочек там изживаются быстрее под влиянием окружающей среды.

Что же касается мальчиков, то родители не только не препятствуют теперь обучению их в школе, но, напротив, по окончании школы ездят с ними в города, где усиленно хлопочут о поступлении их в специальные учебные заведения. Культурный уровень белуджей настолько повысился, что теперь не школа к родителям, а уже родители к школе предъявляют определенные требования. В 1967 г. нам приходилось слышать со стороны рядовых колхозников критические замечания о том, что школы в колхозах недостаточно хороши, педагоги недостаточно квалифицированы, поэтому ученикам, окончившим школу в колхозе, трудно поступать в высшие учебные заведения Ашхабада и других городов.

Не один раз в нашем присутствии родители отчитывали также и детей за недостаточно хорошие успехи в учебе, мотивируя свои слова предстоящими трудностями посупления в техникумы и вузы при недостаточной подготовке.

Большое количество юношей, окончивших 7-й и 8-й классы, учатся сейчас в городах на различных курсах — шоферов, трактористов, электриков, дорожных мастеров. Большой популярностью пользуется среди белуджей Марыйское медицинское (фельдшерское) училище, где преподавание ведется на русском языке. В нем учится сейчас не менее пяти-шести белуджских юношей.

Как положительное явление следует отметить, что у белуджской молодежи нет стремления, получив специальное образование, уехать куда-нибудь далеко от родных мест. Напротив, большинство остается работать в своем колхозе или во всяком случае в белуджской среде — в одном из белуджских колхозов. Примером могут служить уже упоминавшиеся выше три фельдшера-белуджа, работающие в своем колхозе, а также учителя-белуджи школы № 24 в центральном поселке колхоза им. Калинина Иолотанского района, окончившие эту же школу и затем десятилетку в Иолотани. Оба они учатся сейчас заочно в педагогическом институте.

В центральном поселке колхоза им. Калинина (40 семей) проживают в настоящий момент четыре бухгалтера, три учителя, одна медицинская сестра, пять трактористов, семь шоферов, один электромонтер и трое окончивших курсы председателей колхозов. В поселке 1-й и 2-й бригад (140 семей) — два учителя и один старший пионервожатый школы, четыре бухгалтера, три фельдшера, один дезинструктор, один дезинфектор, две медицинские сестры (персиянки), 30 трактористов, восемь шоферов, один слесарь-монтажник, один дорожный мастер, один плотник (окончивший строительное училище), один электромеханик (окончивший двухгодичные курсы электромехаников и военное училище), два электромонтера. Таким образом, мы можем констатировать наличие в белуджской среде значительной прослойки интеллигенции.

Важно отметить еще и тот факт, что белуджская молодежь теперь разбирается самостоятельно в профилях различных специальностей, что дает соответствующий стимул для усиленных занятий в школе и целеустремленной подготовки к экзаменам в техникумы и, особенно, в вузы, тогда как еще лет 15—20 тому назад белуджи не имели представления обо всем многообразии специальностей, которое дает обучение в учебных заведениях.

Несмотря на трудности подготовки к экзаменам не на своем родном языке, значительному количеству юношей удается поступить по окончании десятилетки в высшие учебные заведения, что свидетельствует о хорошем усвоении ими туркменского языка. Первым из переселившихся в Туркменистан белуджей получил высшее образование Ханмамед Шахмурадович Джанмамедов. Х. Ш. Джанмамедов начал учиться еще в первые годы становления Советской власти в Средней Азии. Рано потеряв родителей, он еще мальчиком ушел от своих родственников, не сочувствовавших его стремлению к образованию, жил и работал среди туркмен и учился сначала в обычной средней школе. В дальнейшем он учился на различных курсах, работая по разным специальностям, пока не поступил на подготовительное отделение медицинского техникума, где проучился два года. В это время большое влияние оказала на него русская воспитательница и учительница Евдокия Филипповна Бердиева. Ее Х. Ш. Джанмамедов вспоминает с особенной теплотой и благодарностью. В 1937 г. он окончил медицинский техникум, а в 1941 г. — Ашхабадский медицинский институт. Биография Х. Ш. Джанмамедова интересна не только потому, что он является первым белуджем, получившим высшее медицинское образование. В его биографии поражает необыкновенное мужество подростка, вышедшего из чрезвычайно отсталой среды и пробившегося к вершинам знания через множество трудностей и лишений, не имея поддержки от родственников, терпя нередко голод и одиночество.

Едва получив назначение на работу (он работал всего три дня), Х. Ш. Джанмамедов был призван в армию. Началась Великая Отечественная война. В качестве младшего врача он прошел всю войну с бригадой, которой еще под Холмом было присвоено звание гвардейской; участвовал в обороне Москвы, Сталинграда, в освобождении Варшавы, Лодзи, во взятии Познани и, наконец, Берлина. Он дважды был ранен, но из

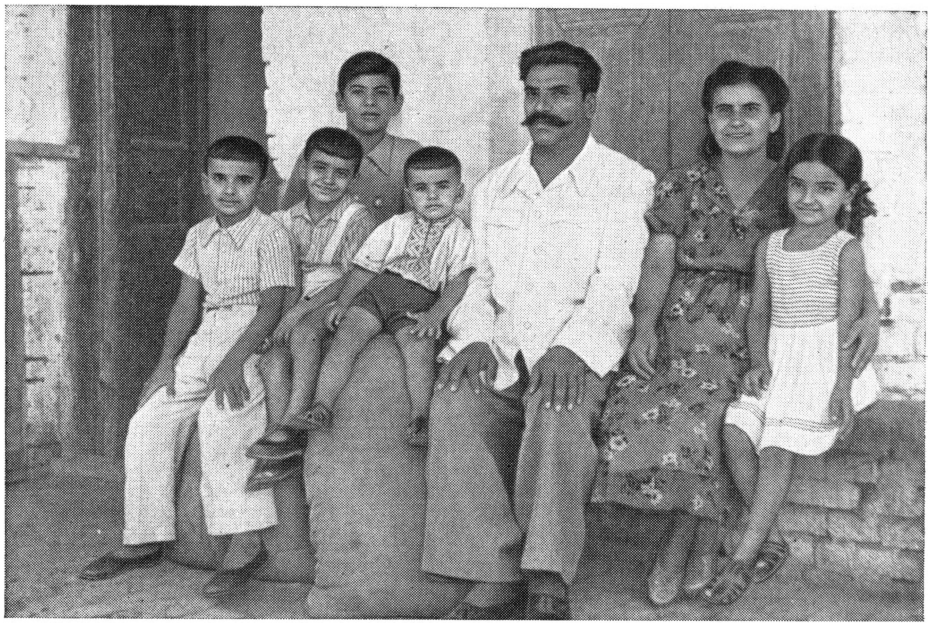


Рис. 61. Х. Ш. Джанмамедов в кругу семьи.

части не уходил. В 1934 г. он вступил в члены Коммунистической партии, имеет много правительственных наград. В 1947 г. тов. Джанмамедов демобилизовался. Свое желание перейти на гражданскую работу он мотивировал так: «Я — белудж, я учился, чтобы работать среди своего народа». После демобилизации и до 1953 г. тов. Джанмамедов заведовал Марыйским горздравотделом, потом был назначен начальником госпиталя инвалидов Отечественной войны в г. Мары. В настоящее время он — главный врач этого госпиталя, пользуется всеобщим уважением и считается одним из лучших врачей города. Его дети (четыре сына и дочь) дома с отцом и между собою говорят по-русски. На наш вопрос, какой же язык является его родным языком, на каком языке он думает, он ответил: «На русском, так как вся медицинская литература, которой пользуешься изо дня в день — на русском языке. Я привык и думать по-русски, и прессу читаю на русском языке, и с детьми говорю по-русски». Однако тов. Джанмамедов не теряет связи со своим народом, постоянно общается с родственниками и друзьями-белуджами, бывает на белуджских свадьбах, учит своих детей белуджскому языку.

В случае тяжелых заболеваний белуджи госпитализируются в Марыйской больнице, где находят теплый прием и квалифицированное лечение, чему в немалой степени способствует их сородич.

Тов. Джанмамедов не только является видным специалистом в области медицины, но и высоко несет звание гражданина Советского Союза. В течение 18 лет он является депутатом Марыйского городского Совета депутатов трудящихся, выполняет в настоящий момент почетную общественную обязанность председателя постоянно действующей комиссии по здравоохранению. Тов. Джанмамедову присвоено звание заслуженного врача Туркменской ССР.

Прекрасное впечатление производит семья Ханмамеда Шахмурадовича. Жена его Ризвания (азербайджанка) работает в одном из медицинских учреждений города, два старших сына окончили один десятилетку,

другой — нефтяной техникум и продолжают образование в специальных учебных заведениях (учатся заочно, Камал — в Туркменском политехническом институте, Шахмурад — в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина), два младших сына учатся в русской школе, Шарип — в 10-м и Азад в 6-м классах. Шарип за отличные успехи по географии был награжден туристической путевкой и, еще учась в 6-м классе, побывал в Ленинграде. Дочь Маджан в 1968 г. окончила десятилетку и поступила в Туркменский государственный медицинский институт в Ашхабаде. Таким образом, Маджан — первая белуджская девушка-студентка.

В настоящее время уже немало белуджей учится в высших учебных заведениях Туркмении. В 1965 г. Анвар Джелалов из колхоза им. Жданова окончил отделение английского языка Государственного педагогического института им. Ленина в Чарджоу и был оставлен на преподавательской работе в том же институте. На заочном отделении этого же института учатся трое учителей-белуджей без отрыва от педагогической работы в школе.

В Ашхабадском государственном университете, на литературном отделении учится Сулейман Мамеднуров. Он хорошо читает и пишет по-арабски, так как учился у своего отца Мамеднура, изучавшего арабский язык в Афганистане, а затем у упоминавшегося выше Абдуллы Динмамедова. Окончив с отличием десятилетку и Педагогическое училище в Иолотани, Сулейман был принят в университет без экзамена. В 1966/67 г. он учился на 3-м курсе.

В Ашхабадском медицинском институте, кроме Маджан Джанмамедовой, учатся на 6-м курсе — Ахмед Джелалов (брат упомянутого выше Анвара Джелалова) из колхоза им. Жданова, на 3-м курсе — Шамир Мусаев из колхоза «Совет Туркменистаны» Байрам-Алийского района, на 2-м курсе — Гарибов Вали из колхоза им. Куйбышева Туркмен-Калинского района.

В Сельскохозяйственном институте в Ашхабаде, по нашим неполным сведениям, училось в январе 1967 г. не менее пяти белуджей — на гидротехническом и ветеринарном отделениях, Кундиль Гульмамедов из колхоза им. Жданова закончил весной 1968 г. финансовое отделение института.

Из всего изложенного мы видим, какой огромный сдвиг в отношении к образованию произошел за последние пять-семь лет в белуджской среде. Важно не только количество учащихся в техникумах и вузах, радует само желание молодежи получить образование, сознание необходимости образования как у самих учащихся, так и у их родителей.

Преодоление старого, косного отношения к образованию — огромный сдвиг в мировоззрении белуджей.

Здравоохранение. Огромные перемены среди белуджского населения произошли в отношении медицинской помощи и различных профилактических мер по предупреждению заболеваний и борьбе с распространенными хроническими заболеваниями.

При переселении и некоторое время после него белуджи фактически не пользовались медицинской помощью. Хотя в районных центрах тех районов, где расселялись белуджи, и на станциях железных дорог, поблизости от которых они жили, и были медицинские пункты, но белуджи в них не обращались, так как у себя на родине для лечения больных привыкли обращаться к своим местным врачам *табиб*, прибегавшим большей частью к антинаучным, антисанитарным, знахарским методам лечения. Обращались также и к муллам, широко раздававшим амулеты *тауҳ*, якобы защищавшие и излечивавшие больного.

Яркую картину санитарного состояния белуджских селений того времени дает цитированная в гл. I докладная записка врача Красновского от 6 II 1929 инспектору здравоохранения г. Мерва.

В докладе секретаря ЦИК Туркменской ССР «Об устройстве белуджей и других национальных меньшинств в районах Иолотанском, Байрам-Алийском, Мервском и Тедженском», представленном совещанию при Совнаркоме Туркменской ССР по вопросу о белуджах 12 I 1929,[3] говорится следующее: «Иолотанские белуджи пользуются медпомощью в поселке Иолотань. Размещенные при станции Талхатан-Баба никем не обслуживаются. На Пермет-Ябе белуджам лечебная помощь не оказывается».

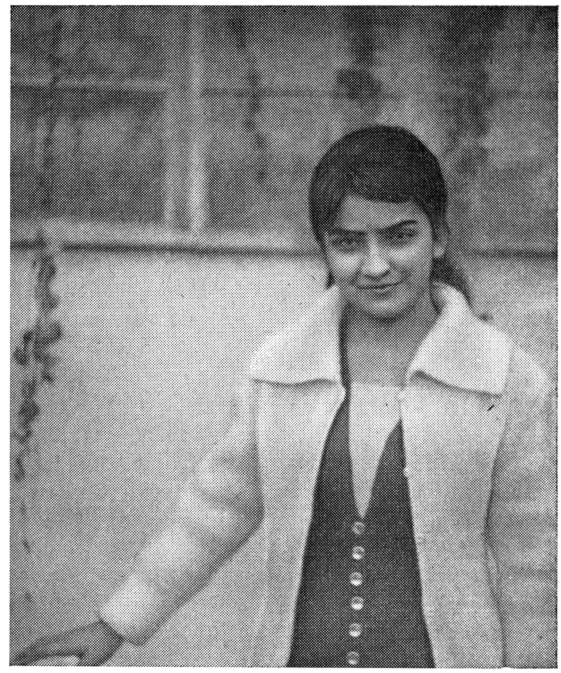


Рис. 62. Маджан Джанмамедова — первая белуджская девушка-студентка.

Туркменским правительством, а также Наркомздравом и районными органами здравоохранения в течение ряда лет принимались меры по поднятию культурного и санитарного уровня белуджей, по охране их здоровья. Уже в постановлении указанного совещания Наркомздраву Туркменской ССР было поручено обеспечить места, населенные белуджами и другими нацменьшинствами, разъездной медицинской помощью, а также рассмотреть вопрос об организации постоянных фельдшерских пунктов.[4]

Приучить белуджей, и особенно белуджских женщин, обращаться регулярно к помощи русских врачей было непросто. Даже привлечение к медицинскому образованию отдельных лиц из белуджей не сразу дало желаемые результаты. По сообщению фельдшера-белуджа Амала Исаханова еще в 1956 г. при его появлении женщины и дети в страхе разбегались.

Очень долго белуджские женщины отказывались от медицинской помощи при родах, пользуясь услугами пожилых опытных белуджских женщин дое. Еще в 1958 г., во время нашей работы в колхозе им. Калинина, у жены бухгалтера колхоза были очень тяжелые роды, продолжавшиеся двое суток. Лишь когда положение стало настолько критическим, что родные начали опасаться за ее жизнь, она согласилась прибегнуть к помощи русской акушерки. Последняя заставила ее принять лежачее положение (до этого она рожала по старинке, сидя на корточках), и роды прошли столь быстро и благополучно, что все были поражены и весьма обрадованы благополучным исходом и избавлением от страданий. Муж родившей женщины заявил нам, что впредь будет звать при родах только русскую акушерку.

---

[3] Выдержки из этого доклада имеются в материалах Среднеазиатской экспедиции 1929 г., по которым мы и цитируем.

[4] Марыйский филиал ЦГА ТуркмССР, ф. 228, оп. 5, д. 88, лл. 3—4.

Совершенно иную картину по сравнению с прошлым видим мы сейчас. Белуджские колхозы обслуживает широкая сеть медицинских учреждений — больниц и медицинских пунктов. В колхозе им. Жданова, наиболее крупном из белуджских колхозов, имеется участковая колхозная больница на 10 коек (фактически в ней лежит иногда до 20 больных), с электрическим освещением и рентгеновским кабинетом. В ней работают два врача, две медсестры, акушерка, два фельдшера (белуджи), четыре санитарки. Больница функционирует с декабря 1961 г. В старом здании больницы, находящемся рядом, помещается амбулатория, где прием ведут врачи, работающие в больнице. Оба врача больницы — туркмены, окончившие Ашхабадский медицинский институт. При больнице есть аптечный пункт.

Больница ведет большую лечебную и лечебно-профилактическую работу. В ней имеется родильное отделение.

В амбулаторию ежедневно обращается до 20 больных, выполняется до пяти вызовов врачей на дом. Большую работу ведут медицинские сестры. За каждой из них закреплен обширный участок, который она обследует и обслуживает, проводит беседы. Расстояния очень большие, поэтому в необходимых случаях колхоз предоставляет машину.

Кроме больницы, имеются два фельдшерско-акушерских пункта в поселках бригад, где работают два фельдшера-белуджа. Больница совместно с фельдшерскими пунктами проводит массовые прививки детям и взрослым, систематические обследования здоровья школьников, принимает успешные меры борьбы с наиболее распространенными в недалеком прошлом массовыми заболеваниями — туберкулезом и трахомой. Туберкулезом были в прошлом больны главным образом молодые девушки и женщины вследствии отсутствия в традиционной женской одежде теплых зимних вещей и поэтому частых простуд. В целях борьбы с туберкулезом проводятся массовые прививки, а также беседы медперсонала на тему о правильном питании, особенно детском, и о необходимости теплой одежды. Проводится сплошное рентгеновское обследование. В связи с общим подъемом материального и культурного уровня и широкими лечебно-профилактическими мероприятиями туберкулез постепенно сводится к единичным заболеваниям.

Проводилась и проводится постоянная лечебно-профилактическая работа и по борьбе с наиболее массовым заболеванием — трахомой, являющейся наследием безотрадного прошлого, дымных очагов, антисанитарных условий жизни. Во время сплошного обследования и кампании по излечению населения от трахомы (1961) в больнице на стационарном лечении, проводившемся в течение месяца, находилось 33 человека, остальные лечились амбулаторным порядком. Наблюдение за больными трахомой и вылечившимися проводилось в течение двух лет. В результате количество больных трахомой в колхозе им. Жданова было сведено почти на нет. Если в 1960 г. был 231 больной трахомой в 3-й стадии, то в 1962 их было уже только пять, главным образом стариков с запущенной формой заболевания, трудно поддающейся излечению.

Огромный сдвиг произошел в сознании людей, в самом их отношении к медицинской помощи, в желании и умении ею пользоваться. Особенно это относится к женщинам. В 1959 г. в родильном отделении за год было всего две роженицы, а в 1962 г. — 80. Обращение к медицинской помощи при родах стало уже нормой.

Такая же лечебная и лечебно-профилактическая работа проводится и в колхозе им. Калинина, также имеющем свою больницу, которая введена в эксплуатацию в июне 1966 г. 10 коек больницы обычно заняты, бывает иногда и больше больных. При больнице имеется родильное отделение на две койки. За первые полгода после открытия больницы было принято

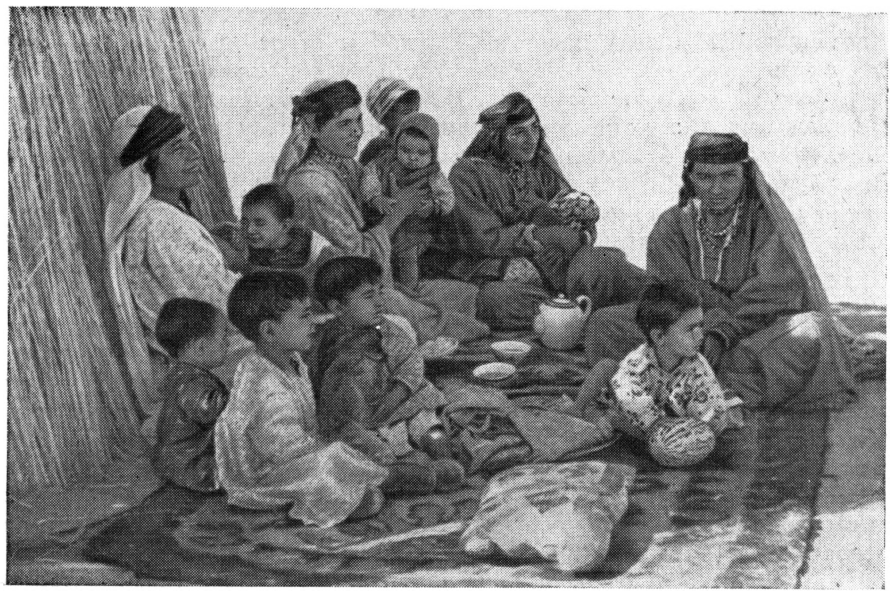


Рис. 63. Детские ясли в поле во время уборки хлопка.

более 40 родов, из них у белуджских женщин — 15. Белуджские женщины охотнее рожают дома, но акушерку вызывают теперь обязательно.

Главный врач больницы — туркмен С. Д. Дурдыев окончил медицинский институт в Ашхабаде. В больнице работают четыре фельдшера-белуджа, акушерка и медицинская сестра — обе персиянки, и три санитарки — белуджка, русская и туркменка. Трахома среди белуджей этого колхоза ликвидирована.

Из медицинских работников колхоза им. Калинина хотелось бы отметить Амала Исаханова, работающего в этом колхозе уже 30 лет, сначала дезинфектором, а с 1956 г. — фельдшером. Прежде, когда было мало медперсонала, А. Исаханов один обслуживал 1250 человек на территории радиусом в 6 км; способом передвижения был велосипед. В 1961 г., торопясь оказать помощь обожженному ребенку, он сломал себе ногу, но все же добрался вовремя и лежа давал указания по спасению ребенка. Ребенок был спасен, но сам Амал остался хромым. Амал Исаханов — медицинский работник высокой культуры, пользующийся большой популярностью и уважением. Всю специальную литературу он читает на русском языке, выписывает русские специальные журналы. В 1962 г. медицинский пункт, которым заведовал тогда тов. Исаханов, содержался в абсолютной чистоте и был хорошо оборудован. Бросались в глаза сердечность, спокойная манера работы Амала, умеющего приспособиться к маленьким пациентам.

В небольшом колхозе им. Куйбышева Туркмен-Калинского района имеется один фельдшерско-акушерский пункт, фельдшер — белудж. Члены этого колхоза и их семьи пользуются также медицинской помощью в русско-туркменском поселке Гиндукуш возле Гиндукушской плотины, где уже много лет работает русский фельдшер Федор Борисович Костин. Он знает местные языки, хорошо известен среди туркмен и белуджей и пользуется всеобщим доверием и уважением. Он — свой человек в белуджских домах, женщины без стеснения обращаются к нему со своими бедами и вызывают его при родах.

Ф. Б. Костин рассказал нам, что впервые белуджи обратились к нему за помощью по поводу родов в 1953 г. (работает он с 1952 г.). Сначала обращались редко, при особо тяжелых случаях, потом все чаще и чаще, теперь уже обращаются почти все. Он всегда заставляет рожать в лежачем положении, и женщины его слушаются.

Кроме того, и Иолотанская городская больница предоставляет свои койки больным белуджам, в том числе и роженицам. Разумеется, при родах в современной больнице прежние магические средства для охраны роженицы и новорожденного ребенка от злых духов и представления об ал и других мифических существах постепенно уходят в прошлое.

Из всего вышеизложенного мы видим, как делека картина современного медицинского обслуживания белуджей от еще недавнего темного прошлого. Обращение к врачу или фельдшеру с любым заболеванием, квалифицированная медицинская помощь при родах, профилактические прививки, главным образом детям, стали обычной культурной нормой. Если раньше приходилось прибегать к штрафам и административным мерам, чтобы заставить матерей делать детям прививки, то сейчас молодые женщины сами приносят детей для прививок. Значительно снизилось количество больных туберкулезом, почти ликвидирована трахома. Этому способствует в большой мере общее повышение материального и культурного уровня белуджей, резкое изменение бытовых условий их существования.

Как на одну из слабых сторон медицинского обслуживания белуджей можно указать на наблюдающийся еще в наше время недостаток квалифицированных кадров. Не хватает медицинских сестер, некоторые фельдшерско-акушерские пункты не укомплектованы. Следует подумать о вовлечении в учебу по этим специальностям белуджских девушек. Медицинские училища и курсы медсестер ждут появления на своих скамьях девушек-белуджек, знания и труд которых найдут широкое применение в среде белуджского народа.

Общественная и культурная жизнь. Белуджи — еще в недавнем прошлом не приспособленные к земледельческому труду скотоводы или же бесправные арендаторы-издольщики и батраки в туркменских байских хозяйствах — сейчас являются равноправными членами коллективов крупных комплексных хозяйств. Где бы и по какому поводу не собирались большие группы мужчин, общий разговор обычно вертится вокруг основных вопросов, связанных с производственной жизнью колхоза. Белуджи научились управлять сложным коллективным хозяйством через общее собрание и избираемое им правление колхоза. Общие собрания колхозников бывают не реже четырех раз в год. На них в отличие от прошлых лет присутствуют теперь и женщины, и они, хотя сидят отдельно от мужчин, активно выступают. В промежутках между общими собраниями колхоза проводятся собрания в бригадах, на которых обсуждаются вопросы текущей производственной жизни, решения партийных органов, вопросы социалистического соревнования и т. д. Через правление, через своих бригадиров, которые каждый вечер собираются у председателя, рядовые колхозники участвуют в обсуждении всех животрепещущих вопросов, связанных с работой бригад.

Активную руководящую роль в общественной жизни колхозов играют колхозные партийные организации. Они выделяют агитаторов в каждую бригаду по вопросам текущих политических событий, шелководства, санитарного состояния колхозных поселков, посещаемости в школах и т. д.

Живую, многообразную работу проводят комсомольские организации. Комсомольцы являются застрельщиками выполнения различных заданий в бригадах, ведут агитацию среди девушек за учебу в школе, за то, чтобы девушки выходили замуж по своему желанию, и т. д. В колхозе им. Кали-

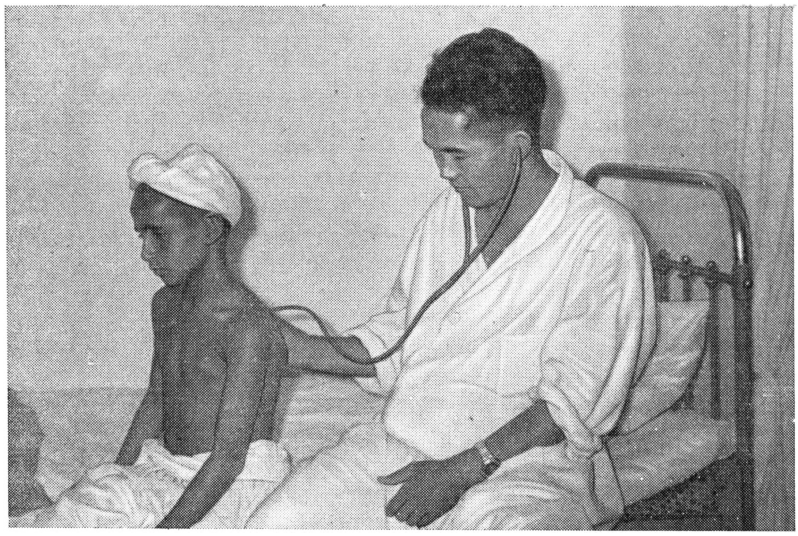


Рис. 64. Больница в колхозе им. Жданова. Осмотр больного ребенка.

нина 50 комсомольцев, из них белуджей 20, в том числе 14 девушек (одна белуджка — Лалмамедова Бибджан). В колхозе им. Куйбышева 13 комсомольцев, из них 10 белуджей.

Агитаторы-комсомольцы есть в каждой бригаде. Комсомольская организация выбирает их сроком на один год. Как и коммунисты, комсомольцы ведут постоянную работу по активизации всей производственной жизни своих бригад, борются за повышение культуры в колхозах, за нормальную работу школы.

В колхозе им. Калинина выпускается боевой листок «Комсомольский прожектор», выступающий в качестве органа комсомольского контроля с критикой, с сатирой, направленной против недостатков в колхозе. В состав редколлегии входят комсомольцы — передовики производства. Активистками по работе среди женщин являлись в 1967 г. Алекберова Биби — персиянка, работающая медицинской сестрой в больнице, и Лалмамедова Бибджан — белуджка, домохозяйка.

В колхозе им. Куйбышева стенгазета «Боевой листок» на туркменском языке выходит ежемесячно. В редколлегии работают две женщины, туркменка — заместитель председателя колхоза по культуре, и татарка, а также пятеро мужчин-белуджей, имеющих среднее образование.

Социалистическое соревнование проводится как между колхозами (постоянно соревнуются между собою белуджские колхозы им. Жданова, им. Калинина и им. Куйбышева), так и между областями. Комиссии по взаимной проверке хлопковых посевов выезжают на поля в середине августа, т. е. незадолго до начала сбора хлопка. Знатные хлопкоробы ездят по хлопковым полям и подробно изучают состояние хлопка и проведенную над ним работу, делятся богатым производственным опытом. Комиссия по руководству социалистическим соревнованием имеется обычно при сельсовете, как и производственная комиссия, ведающая всеми сторонами производственной деятельности колхозов. Работа этой комиссии тесно связана с работой правления колхоза.

Работа постоянных комиссий сельсовета затрагивает также вопросы культуры, здравоохранения, благоустройства поселков, наблюдения за посещаемостью в школах, борьбы совместно с женсоветом с пережитками

феодально-байского отношения к женщине и т. д. В комиссию по вопросам просвещения и здравоохранения входят как женщины, так и мужчины. Она наблюдает за строительством в поселке, вместе с правлением колхоза следит за проведением в жизнь совместных постановлений. Этим заняты в комиссии мужчины. Работающие в комиссии женщины систематически помогают работникам медицинской сети в проведении лечебно-профилактической работы среди колхозников.

Сессии сельсовета проводятся шесть раз в год.

В каждом колхозе с начала 60-х годов учреждена должность заместителя председателя колхоза по культуре. На эту должность обычно избирается женщина. Однако очень трудно подобрать нужные кадры, и заместители часто меняются.

К сожалению, еще слабо работают женские советы, которые имеются в каждом белуджском колхозе и в число которых входят и белуджские женщины.

Между тем на деятельность женсоветов обращено в настоящее время особое внимание. Их общественным долгом является не только работа по повышению культурного уровня женщин и девушек, но и борьба за повышение ответственности наиболее прогрессивной части колхозников и колхозниц, правления колхоза, партийных и комсомольских организаций в колхозе и вышестоящих советских и партийных организаций за имеющие еще место в жизни колхозов пережитки феодально-байского отношения к женщине, выражающиеся в отсеве девочек от учебы в школах, в отдельных случаях выдачи замуж несовершеннолетних девушек, а также получения и уплаты калыма.

По словам заместителя председателя Совета министров Туркменской ССР Х. Н. Назаровой, «подобных явлений могло бы и не быть, если бы партийные и советские, комсомольские организации, женсоветы, правления колхозов более принципиально подходили к их оценке, создавали общественное мнение вокруг тех, кто нарушает нормы семейной жизни, нашей коммунистической морали».[5]

В колхозе им. Куйбышева женсовет сильнее, чем в других колхозах, в него входят 25 женщин, главным образом белуджек, — по восемь от каждой из трех бригад и председатель. Женсовет разбирает все жалобы и семейные конфликты, помогает женщинам в их нуждах, но главным образом мобилизует женщин на поддержание на соответствующем уровне санитарного состояния в домах и на улицах поселков, агитирует за посещение старшими девочками школ, поддерживает все массовые медицинские и санитарные мероприятия, исходящие от медицинских работников, по возможности старается привлечь женщин к культурной работе.

В колхозе им. Куйбышева заместителем председателя по культуре работает туркменка Гульнабат Хаджимурзаева. Ее деятельность протекает главным образом во время полевых работ. В обеденные перерывы она рассматривает различные жалобы, разрешает конфликты. Жалобы чаще бывают со стороны женщин. В обеденные перерывы не реже трех-четырех раз в месяц она проводит в бригадах политические беседы, на которые, кроме женщин, собираются и мужчины.

В обязанности каждого заместителя председателя колхоза по культуре входит также систематическое наблюдение за санитарным состоянием поселков, улиц, дворов, а также за чистотой в домах.

Гульнабат, кроме того, работает заведующей яслями и детским садом, ведет всю финансовую отчетность этого объединенного детского учрежде-

---

[5] См. доклад заместителя председателя Совета Министров ТуркмССР тов. Х. Н. Назаровой на V республиканском съезде женщин Туркменистана в Ашхабаде (газета «Туркменская Искра», № 282, от 4 декабря 1968 г., стр. 2).

ния. Она окончила Марыйское педагогическое училище, член партии. Прежде работала учительницей в школе № 3 в колхозе «Москва».

Руководство культурно-просветительной работой в целом осуществляют райком КП Туркменистана и отдел культуры райисполкома.

В колхозе им. Куйбышева была проведена длительная, последовательная борьба за обучение белуджских девочек в школе. Описанные выше большие сдвиги и достижения в вопросе о всеобуче достигнуты в значительной мере благодаря совместным усилиям райкомов партии, райисполкомов и правлений колхозов.

Как на недостаток в культурной работе в белуджских колхозах следует указать на слабое еще развитие библиотечного дела.

Рис. 65. Молодая женщина-белуджка, голосующая на выборах в сельсовет

Самая лучшая библиотека — в центральном поселке колхоза им. Куйбышева, она существует с 1958 г. В фонде библиотеки 2700 книг на туркменском и русском языках. Имеются сельскохозяйственная и медицинская литература, книги по искусству, спорту, технике, понемногу книг по всем областям науки, основной состав книжного фонда — художественная литература. Новые книги поступают каждый год. В библиотеке всегда вывешен список новых книг. Читателей к концу каждого года набирается до 200 человек. Есть читатели с большим стажем, колхозник Ясин Кундилов, например, состоит читателем с 1962 г. (имеет образование в объеме пяти классов), в течение января 1967 г. он успел прочесть три книжки. Женщин-читательниц немного, это главным образом школьницы старших классов. Читают больше всего художественную литературу на туркменском языке, иногда и на русском. Наибольшим спросом пользуются переведенные на туркменский язык книги М. Шолохова, книга «Страшный Тегеран» (перевод с персидского) и некоторые книги туркменских и русских авторов. Охотно читают также сельскохозяйственную и медицинскую литературу. Часто просят библиотекаря почитать вслух газеты или журналы — о выборах, о праздниках, новости, а также брошюры по шелководству, по хлопководству и другим специальным вопросам.

Многие представители колхозной интеллигенции имеют собственные небольшие библиотечки по своей специальности, а иногда и художественную литературу. Таким образом, книга понемногу входит в быт белуджей.

Газеты главным образом на туркменском языке, но часто и на русском, выписывают все колхозники. Многие представители белуджской интеллигенции выписывают по нескольку газет.

Летом на полевых станах работают красные чайханы, выезжающие на специальных машинах с газетами, журналами, книгами, шашками и шахматами.

Из районного центра периодически приезжают в колхозы лекторы, читающие лекции преимущественно на политические и медицинские темы.

Стационарных кинотеатров в белуджских колхозах еще нет. Показ кинофильмов, как художественных, так и научно-популярных, производится районными автоклубами. Обычно на большой машине автоклуба вместе с кинопередвижкой выезжает агитбригада. Если автоклуб выезжает в пески, на фермы мелкого рогатого скота, то на машину при помощи специальных приспособлений вешают экран. В поселках экраном служит стена наиболее крупного побеленного здания, перед которой имеется достаточно большая свободная площадка для размещения зрителей. Машина автоклуба является одновременно библиотекой-читальней, в ней имеются книги и свежие газеты и журналы.

Показ фильмов планируется районными организациями и финансируется правлением колхоза. В каждой паре смежных бригад киносеансы бывают примерно два-три раза в месяц. Прежде женщины не посещали киносеансов, в настоящее время посещают, но еще довольно редко. Женщины охотнее приходят на концерты специальных концертных бригад, приезжающих во время хлопкоуборочной кампании.

В бригадах выступают также группы художественной самодеятельности, организуемые комсомольцами совместно со школой. В программы концертов художественной самодеятельности, как нам приходилось наблюдать, входят выступления хора, танцевальные номера и небольшие одноактные, большей частью сатирические постановки, высмеивающие нерадивых колхозников и бригадиров и различные недостатки в производственной жизни колхозов. Исполнителями являются главным образом школьники. Белуджские дети участвуют в хоре и исполняют отдельные танцевальные номера, например белуджский мужской танец с палками. Группы художественной самодеятельности выступают и во время подготовки к выборам, и в дни выборов в Советы депутатов трудящихся. Осенью, по окончании хлопкоуборочной кампании, в г. Иолотани устраивается Праздник урожая, на который съезжается большое количество колхозников. На этом празднике, на специально построенной сцене, также выступают самодеятельные группы из разных колхозов, в том числе и белуджских.

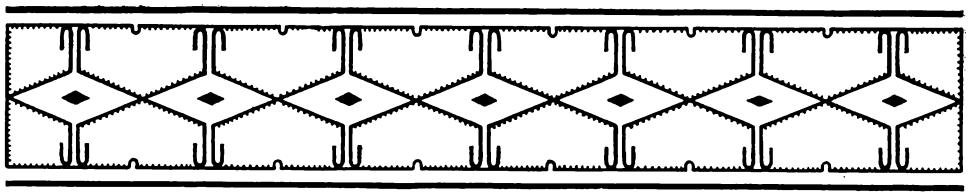
Огромную роль в повседневном быту белуджей, в развитии их культуры, политического кругозора, в ломке старых представлений и формировании новых взглядов, распространении знаний играет радио. Радио слушают все — взрослые мужчины, молодежь, женщины, дети. 10-, 12-летние мальчики и девочки знают, как найти волну, на которой ведут передачи Москва, Ашхабад, Душанбе. У каждого есть любимые радиопередачи, каждый слушает из радиопередач те, которые ему нравятся или нужны. Радио вошло в ритуал приема гостей. Как только в дом входит гость, хозяин или, если его нет дома, кто-либо из детей включает приемник.

Радио играло и играет до сих пор большую роль в более широком проникновении в белуджскую среду туркменского и русского языков.

Последние известия охотно слушают на туркменском или на русском языках. Пожилые белуджи предпочитают музыкальные и художественные передачи, а также и передачи последних известий на таджикском и на персидском языках. Один из учителей-белуджей сказал нам, что любит художественные передачи на азербайджанском языке, а также на персидском, но последние известия и различные передачи по Советскому Союзу охотно слушает на туркменском языке, так как в школе весь день прихо-

дится говорить на туркменском языке и даже дома с теми детьми, которые ходят в школу, он говорит по-туркменски. Молодежь охотно слушает радиопередачи на туркменском и на русском языках, но литературные и музыкальные передачи предпочитает таджикские. Таджикские литература, фольклор, музыка более соответствуют белуджским художественным вкусам.

В заключение следует сказать, что общее влияние советской культуры настолько велико, что культурный облик современного колхозника-белуджа неузнаваемо изменился по сравнению с прошлым. Сказанное, однако, отнюдь не уменьшает больших задач, стоящих перед всеми работниками культурного фронта.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели хозяйственную жизнь, быт и культуру сравнительно небольшой национальной группы белуджей, переселившейся в Туркмению в 20-х годах нашего века преимущественно из Афганистана, и те преобразования, которые произошли во всех областях их жизни и быта за истекший период.

Белуджи — в далеком прошлом кочевники-скотоводы, совершавшие передвижения по обширным пространствам с севера на юг Ирана, дальше в Пакистанский Мекран, в современный Белуджистан и Афганский Сейстан, снова на север, в северо-восточный Хорасан и северный Афганистан — оказались к началу нашего века раздробленными, на положении национального меньшинства в трех различных государствах.

Небольшая часть их, переселившаяся в пределы Туркменской ССР, принесла с собой со своей родины, Афганского и Иранского Сейстана, те черты, которые были присущи им за рубежом: отсталые формы хозяйства и быта, беспрекословное подчинение ханам, бедность на грани нищеты, жизнь в шатрах, низкий культурный уровень, почти поголовную неграмотность.

В условиях социалистической системы хозяйства, осуществления ленинской национальной политики в хозяйстве, быту и в сознании этой группы белуджей произошли огромные сдвиги.

За время пребывания в Советском Союзе белуджи совершили скачок не только от нищеты к зажиточности, но и от темноты и невежества к современной советской культуре. Сохраняя отчетливое национальное самосознание, белуджи Туркмении давно считают себя частью многонационального советского народа, строящего коммунистическое общество.

Коллективное хозяйство белуджей, развивающееся на основе всего многоотраслевого хозяйства Туркменской республики, делает с каждым годом все большие успехи, как по линии технического совершенствования, так и по линии повышения доходности, создавая материальную базу для зажиточной, культурной жизни. На колхозных полях активно трудятся как мужчины, так и молодые белуджские женщины. Совершенно забыто и ушло в прошлое пренебрежительное отношение коренных скотоводов к земледелию как к занятию бедняков. Овладевая в лице передовой молодежи новейшими достижениями сельскохозяйственной науки и техники, белуджи стали не только опытными земледельцами-хлопкоробами, но и механизаторами.

Эти факты опровергают практически еще существующую у ряда ученых за рубежом точку зрения о непреодолимой косности кочевников-ско-

товодов, о неспособности номадов к оседлому образу жизни и другим отраслям хозяйства, о психологических барьерах, которыми являются кочевые традиции, и т. д.[1]

Рост материального благосостояния нашел отражение и в новых, просторных и хорошо обставленных жилищах, и в более добротной одежде. Мужчины почти целиком перешли на городскую одежду, женщины сохраняют традиционные формы одежды, но значительно пополнили ее, главным образом теплыми вещами (жакеты, как трикотажные, так и из шерстяных тканей, шерстяные и шелковые с бахромой платки, носки и т. д.) и хорошей городской обувью. Постепенно теряет значение былое отражение возрастных различий в одежде и прическе.

Как на важный культурный сдвиг следует указать на совсем иные, возросшие требования и к одежде, и к внутреннему убранству жилища, и к самому жилищу.

Образцом хорошей одежды, как мужской, городской, так и женской, традиционной, является теперь одежда из красивых, дорогих тканей. Изменились как качество, так и количество одежды, которую имеет каждая белуджская семья. Как уже говорилось в разделе «Одежда» (гл. III), гардероб современной белуджской женщины нельзя даже сравнить с той обычно единственной рубахой, которую она носила прежде до тех пор, пока эта рубаха не придет в полную негодность. Переход к земледелию и к оседлому образу жизни породил совершенно новое отношение к жилищу, выражающееся в тех требованиях, которые предъявляются не только к его внешнему виду и внутреннему устройству, но и к интерьеру, о чем подробно говорилось в разделе «Жилище» (гл. III).

Повышение материального и культурного уровня нашло отражение и в более обильной и калорийной пище, пополнившейся новым, разнообразным ассортиментом продуктов. В пищевой рацион белуджей вошли как обязательная часть различные овощи и фрукты, естественно, отсутствовавшие в прошлом в пище кочевников.

В белуджских поселках построены новые, просторные школы, в которых часть учителей — белуджи, в колхозах им. Калинина и им. Жданова имеются хорошие колхозные больницы, в бригадах — фельдшерско-акушерские пункты, где фельдшеры — также большей частью белуджи.

Одним из наиболее важных показателей больших изменений в мировоззрении белуджей является совершенно новое, противоположное прежнему отношение к образованию. Как указывалось, во многих семьях родители не только положительно относятся к школьному обучению, но и стремятся, чтобы юноши после окончания школы получали специальное образование. Более десяти юношей-белуджей и одна белуджская девушка учатся сейчас в высших учебных заведениях Ашхабада.

Под непосредственным руководством соответствующих отделов районных комитетов КП Туркменистана, исполкомов районных Советов депутатов трудящихся в белуджских поселках проводится большая культурно-просветительная работа, читаются лекции, проводятся беседы, концерты, киносеансы.

В недалеком прошлом у белуджей, даже вступивших в колхозы, были чрезвычайно развиты частнособственнические тенденции. Сейчас большинство белуджей являются членами крупных многоотраслевых коллективных хозяйств, живущими интересами общественного производства и научившимися управлять им через своих бригадиров, через общие собрания и избираемое ими правление колхоза. Это — также крупный психологический сдвиг.

[1] См.: Т. А. Жданко. Некоторые аспекты исследования номадизма на современном этапе. Доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1968, стр. 9, 12.

Лишенные на своей прежней родине элементарных гражданских и политических прав, белуджи в Советском Союзе активно участвуют не только в общественной жизни своего селения и колхоза, но и в управлении государством, отдавая свои голоса на выборах за избранников народа, а иногда и сами бывают избраны как в местные, так и в высшие органы власти.

В 1961 г. один из лучших бригадиров колхоза им. Куйбышева Абдулваид Дельмурадов был избран депутатом сельского Совета; с 1958 по 1962 г. депутатом Верховного Совета Туркменской ССР был Гулам Мирдостов, бывший в то время председателем колхоза им. Жданова.[2] Председатель колхоза им. Калинина Шарип Мадатов уже второй созыв является депутатом Иолотанского районного Совета, бригадир 1-й бригады этого же колхоза Рахман Санджаров являлся депутатом районного Совета прошлого созыва.

В местном сельском Совете «Коммунист» в настоящее время 11 депутатов-белуджей, в том числе три женщины — Заргуль Пакирова, Назбиби Нурмамедова и Нагуль Гуссейнова. Некоторые белуджи удостоились высокой чести получения правительственных наград. В Иолотанском районе орденом «Знак Почета» награжден Нуралла Ярмамедов, бригадир II бригады колхоза им. Калинина, медалью «За трудовую доблесть» — Шарип Мадатов, председатель колхоза им. Калинина.

В заключение можно сказать, что мировоззрение не только молодежи, но и лиц, относящихся к среднему и старшему возрасту, претерпело глубокие изменения. Проникающее в среду молодежи образование, открывающее перед нею мир знаний и широкое поле не только познавательных возможностей, но и выбора специальности для дальнейшего общественно полезного труда, беседы и лекции, чтение книг, радиопередачи создают совершенно новое отношение к окружающему миру, способствуют появлению новых норм поведения.

Следует подчеркнуть также рост идей социалистического интернационализма, находящих выражение прежде всего в дружном совместном труде в колхозах лиц разных национальностей, что имеет большое воспитательное значение. Выше уже говорилось о национальном самосознании белуджей. Условия проживания в Туркменской ССР, по-видимому, до некоторой степени даже усилили сплоченность этой национальной группы, способствовали ее осознанию себя как единого целого. С другой стороны, национальная политика Коммунистической партии Советского Союза, приносящая в среду белуджей идеи интернационализма, а главное, повседневное общение в процессе труда в многонациональных колхозах Туркмении, как в белуджских, так и в туркменских, способствуют изживанию пережитков национализма и имевшей место в прошлом национальной розни. Нет уже столь строгого противопоставления себя другим народам, нет прежней замкнутости и изолированности, что выражается как в браках с представителями других национальностей, так и в здоровых, товарищеских отношениях с лицами других национальностей.

Повсеместное распространение новой, современной техники также способствует ломке старого мировоззрения, формированию нового мышления, стремлению овладеть научными, техническими знаниями в возможно большем масштабе. Расширение технических знаний рождает веру в творческие силы человека, отрицательное, скептическое отношение ко всему старому, отжившему.

Меняются взгляды и у лиц среднего и старшего возраста, для которых становятся очевидными многие отрицательные черты старого быта.

---

[2] Биография Гулама Мирдостова приведена в работе Я. Р. Винникова «Белуджи Туркменской ССР» (СЭ, 1952, № 1, стр. 88—89).

Поездки в города Туркмении, на кавказские курорты, а также в Москву и Ленинград дают им возможность сравнить жизнь белуджей с жизнью других народов Советского Союза. И не раз нам приходилось слышать новые, передовые суждения из уст людей весьма солидного возраста.

Наконец, и женщины, казалось бы, более консервативная часть белуджского общества, в которую медленнее проникает влияние образования, быстро меняют свой культурный облик. Совсем иным стало отношение женщин к личной гигиене и к гигиене ребенка, к гигиене жилища, одежды, пищи. Постоянно обращаясь к современной медицинской помощи, получая советы от врачей и медицинских сестер, женщины видят непосредственную пользу научных знаний. Постепенно отходит на задний план и уходит в прошлое вера в злых духов, а также в силу амулетов и оберегов, рожденная бессилием человека перед явлениями, которые он не мог себе раньше объяснить.

Ярким показателем роста материального благосостояния и в связи с этим здоровья белуджей под влиянием новых культурных условий существования является также резкое повышение рождаемости, о котором говорилось в разделе «Семья» (гл. IV) и которое отмечали в беседах с нами сами белуджи.

Если в результате проделанного нами на протяжении 1959—1967 гг. сбора полевых этнографических материалов и их дальнейшего исследования нам удалось дать читателю представление о специфических чертах культуры белуджей Туркмении в сравнении с культурой других иранских народов (особая форма шатра, ряд особенностей в одежде, в свадебном ритуале и т. д.) и показать, как примерно за 40 лет, истекших с момента их переселения в Советский Союз, в корне изменился хозяйственный, общественный и культурный облик исследуемой нами национальной группы, — мы считаем нашу задачу в известной мере выполненной.

Разумеется, любой жизненный процесс неудержимо развивается, прогрессивные изменения в жизни всех народов Советского Союза происходят настолько быстро, что публикуемый материал в этой области становится к моменту выхода в свет несколько устаревшим и приобретает до некоторой степени исторический характер.

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов по поводу происходящих внутри изучаемой группы и в ее окружении этнических процессов в свете одной из проблем советской этнографической науки — истории формирования и консолидации социалистических наций.

В небольшой национальной группе, отделенной в силу исторически сложившихся причин от основной территории расселения белуджской народности, не может не происходить закономерных этнических процессов — сближения, а частично и слияния с окружающим населением и взаимовлияния культур.

Во введении к данной работе мы уже останавливались на вопросе о проникновении в среду изучаемой нами группы белуджей различных инонациональных, преимущественно ираноязычных элементов, происходившем до их переселения в Туркмению. В настоящее время процесс непосредственного смешения с окружающим населением путем браков с лицами других национальностей происходит наиболее интенсивно на периферии расселения этой группы — в совхозах, в многонациональных, а иногда и в туркменских колхозах, в которых белуджи составляют лишь отдельные бригады, особенно в Серахсе и Теджене, где население вообще чрезвычайно смешанное и белуджей мало. Например, в Серахсе мы встретили небольшую семейно-родственную группу белуджей, относящую себя по происхождению к племени мусази, состоящую из трех братьев и их детей. Матерью этих братьев была женщина брагуи. Старший сын Гульмамед женат на афганке из племени нурзи, второй — на белуджке из племени

шаози, третий — на персиянке. В Теджене живет шофер Алик Назаров. Отец его был белудж, мать — мордовка. Сам он женат на русской женщине.

Надо сказать, что для Серахса и Теджена, где население, как было сказано, вообще смешанное, процесс смешения путем браков лиц разных национальностей (опять-таки преимущественно ираноязычных) чрезвычайно характерен и напоминает аналогичный процесс на территории соседнего северо-восточного Хорасана. Для примера приведем семью серахского зубного врача Г. Аббасова. Сам он перс сейстани.[3] У его жены отец был афганец племени паползаи, мать — хазара дейзанги (афганцев в районе немного, а хазара довольно много в совхозе № 9 на Кара-кумском канале).

В Байрам-Алийском районе, в колхозах им. XXII съезда КПСС и им. Ленина, проживает семейно-родственная группа белуджей из племени шеерзи. Эта группа смешалась с выходцами из племени хаугани (обелудженные афганцы) и сикхами (упоминавшееся выше, во введении, племя ходжа). В колхозе им. XXII съезда КПСС белуджи из племени шеерзи работают в одной бригаде с персами сейстани и вступают с ними в браки. Таких примеров можно было бы привести множество.

Таким образом, процесс сближения изучаемой национальной группы с окружающим населением происходит не по линии слияния ее с туркменским народом, а по линии смешивания с другими ираноязычными группами — персами, афганцами, бербери, иногда курдами и таджиками. Впрочем, имеют место браки и с представителями тюркских народов, но чаще с татарами, чем с туркменами. Причинами последнего обстоятельства являются, как нам кажется, во-первых, психологические последствия некоторых конфликтов, которые наблюдались в первые годы после переселения между кочевниками-белуджами и оседлыми туркменами и которые в настоящее время уже изжиты и могут быть рассматриваемы лишь в историческом аспекте, во-вторых, высокий калым, существовавший ранее у туркмен. В этом отношении труднее было жениться на туркменской девушке, чем на белуджской.

Одним из существенных препятствий к более быстрому сближению белуджей с туркменами служит, конечно, и отсутствие общности языка и различие традиций. Для подтверждения этого положения можно привести в пример группу белуджей, проживающих в Таджикской ССР. Последние, полностью восприняв таджикский язык и культуру, сохраняют от прошлого лишь некоторые особенности материальной культуры (в частности, безворсовое ткачество).[4]

В отношении взаимовлияния культур мы наблюдаем как вполне закономерное явление заметное влияние на культуру белуджей окружающей туркменской среды, проявляющееся главным образом в области лексики языка, в хозяйстве и материальном быте белуджей. Как было показано выше, наиболее сильному туркменскому влиянию подверглось оседлое жилище, что признают и сами белуджи: и форма жилищ, и техника их постройки, и распределение помещений восприняты ими от туркмен, так же как и устройство увитых виноградом навесов возле домов.

В одежде туркменское влияние также сказывается очень заметно: в предпочтительном отношении к тем или иным тканям, к их цвету (например к зеленым тканям для женских рубах), в некоторых элементах отделки женской одежды, главным образом в вышивке (при сохранении

---

[3] В. Серахсе, по сообщению врача Г. Аббасова, проживают три группы персов – сейстани, саргузари и джур.

[4] А. К. Писарчик и Б. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР, вып. 3, 1953, стр. 73.

белуджского покроя самой одежды), в фасоне головного убора (как женского, так и мужского), в женской прическе.

Общим как для туркмен, так и для белуджей является быстрое проникновение в их материальную культуру городских элементов. Это относится, как мы видели, главным образом к мужской, но также и к женской одежде и обуви, и к интерьеру жилища.

Как общее явление нам хотелось бы еще раз подчеркнуть большое накопление материальных средств как в колхозах вообще в виде неделимого фонда, так и в семьях колхозников, особенно в последние годы, в связи с введением в колхозах гарантированной оплаты труда. Колхозники и рабочие совхозов имеют возможность и стремятся приобретать не только хорошую одежду, обувь и дорогие ткани для женской одежды, но и хорошую мебель, ковры, посуду, а также и такие предметы быта, как холодильники, велосипеды, мотоциклы, легковые автомобили. Мы можем даже отметить, что торговая сеть часто бывает не в состоянии удовлетворить растущие запросы колхозников, как белуджей, так и туркмен. Все эти новые черты современного быта белуджей Туркмении выступают особенно ярко на фоне весьма ограниченного прогресса белуджей за рубежом.

В отношении языка изучаемой группы белуджей следует остановиться на значительном влиянии туркменского языка на его лексику. Это относится главным образом к производственной терминологии, о чем уже говорилось в соответствующих главах, но также и к лексике вообще. Велико также влияние русского языка, в частности в терминологии, относящейся к жилищу.

Влияние туркменского языка усиливается еще и благодаря тому обстоятельству, что белуджи Туркмении получают образование на туркменском языке. Туркменские язык и письменность являются одновременно и языком письменности белуджей. При отъезде на учебу, на службу в Советской Армии, на курорты белуджи переписываются на туркменском языке. Деловые документы, записки на производстве также пишут по-туркменски, не говоря уже о делопроизводстве вообще. Чтение художественной и специальной литературы, за исключением медицинской, также происходит на туркменском языке.

Таким образом, по линии взаимовлияния культур, т. е. главным образом влияния туркменской культуры на белуджскую, мы имеем налицо очевидный процесс сближения с туркменами. Однако, как явствует из отдельных глав и разделов данной работы, белуджи сохраняют и по сей день яркие, оригинальные особенности как в материальной, так и, особенно, в духовной культуре и отчетливое национальное самосознание.

Огромные успехи в преобразовании хозяйства, быта и культуры белуджей были бы невозможны без политической, экономической и культурной помощи со стороны русского и туркменского народов, со стороны всего советского народа. С первого момента вступления белуджей на советскую землю они везде и всегда встречали теплое сочувствие и братскую помощь со стороны советских людей. Последняя выражалась и в тех буханках хлеба и мешках риса, которые приносили переселенцам русские пограничники, и в серьезных и эффективных мерах, проникнутых духом интернационализма, ленинской национальной политики, которые осуществляли в отношении благоустройства переселившихся белуджей туркменское правительство и местные советские и партийные организации.

Все это вместе взятое помогло белуджам не только преодолеть за короткий исторический срок многовековую отсталость, но и шагнуть от патриархально-феодального уклада к социалистическим общественным отношениям, к советской культуре, войти в дружную семью народов СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. Краткий очерк истории, этнического состава и расселения белуджей Туркменской ССР 7

Глава вторая. Основные занятия 33

Земледелие 33

Животноводство 56

Глава третья. Материальная культура 86

Селение и жилище 86

Одежда 112

Пища 125

Глава четвертая. Семья и семейная жизнь 149

Семья 149

Брак и свадебный обряд 163

Рождение и воспитание ребенка 209

Глава пятая. Народное образование. Здравоохранение. Общественная и культурная жизнь 217

Заключение 234

Эдит Густавовна Гафферберг

БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

Редактор издательства *И. Б. Марморштейн*
Художник *С. Н. Тарасов.* Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Н. А. Абрамова, З. В. Гришина* и *О. И. Иващенкова*

Сдано в набор 28/IV 1969 г. Подписано к печати 2/XII 1969 г. РИСО АН СССР № 171—127В. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7⅝. Печ. л. 15 + 1 вкл. (¼ печ. л.) = 21.35 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.19. Изд. № 3928. Тип. зак. № 222. М-61021. Тираж 1200. Бумага № 2. *Цена 1 р. 47 к.*

Ленинградское отделение издательства „Наука". Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я типография издательства „Наука". Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
9	30 сверху	известному	известного
30	7 снизу	харо	хароţ
56	14	районах Ташаузской	районах бывшей Ташаузской
66		*Вместо 7 строки снизу читать 6.*	

Э. Г. Гаффербергˊ

Э.Г.ГАФФЕРБЕРГ • БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР